

*ПЕСНИ
РУССКИХ ПОЭТОВ*

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПЕСНИ
РУССКИХ ПОЭТОВ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1988

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов, Е. А. Исаев, М. К. Каноат,
Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайгис, А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян,
Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник, А. И. Павловский, С. А. Рустам,
Н. Н. Скатов, М. Танк.

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста, биографические справки
и примечания*
В. Е. ГУСЕВА

Редактор Д. М. Климова

П $\frac{47020101002-294}{083(02)-88}$ 426-88

ISBN 5-265-00225-1 (т. 1) © Издательство «Советский писатель»,
ISBN 5-265-00236-7 1988 г.

ПЕСНИ, РОМАНСЫ, БАЛЛАДЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

«Песнь», «песня», «песенка», «мелодия», «романс», «баллада», «серенада» — эти и подобные названия часто встречаются в заглавиях и подзаголовках стихотворений русских поэтов. Тем самым авторы указывали на связь своих произведений с песенной традицией, а читатели воспринимали их как стихи, предназначенные для пения. Одни поэты предпочитали называть свои стихотворения песнями (Сумароков, Мерзляков, Цыганов, Кольцов), многие же озаглавливали стихи то песнями, то романсами (среди них — Дельвиг и Пушкин), некоторые чередовали названия «песня» и «баллада» (Жуковский), иные предпочитали романсную форму (Н. Павлов, Фет). Лермонтов равное число своих произведений озаглавил песнями, романсами и балладами.

В литературном обиходе бытовало выражение «слова для музыки», — так Ростопчина назвала цикл своих стихотворений, а забытый ныне поэт Н. Белов озаглавил сборник (Ялта, 1885). И действительно, положенные на музыку, стихотворения становились песнями или романсами. Сразу же заметим, что эти жанровые обозначения и в поэзии, и в музыке не имели строгих и постоянных разграничений. Иногда сами поэты одно и то же произведение в разновременных публикациях обозначали то как песню, то как романс. Но более существенное значение имеет то, что эволюция песенных, или «песнеподобных», жанров поэзии сопровождалась изменением смысла названных терминов (это будет ясно из последующего изложения истории песнетворчества, в широком смысле слова, русских поэтов). Более того, стихотворения, положенные на музыку, у композиторов получали названия песен, романсов или баллад, не всегда совпадающие с такими же жанровыми определениями текстов. Кроме того, композиторы многие свои сочинения на стихи русских поэтов обозначали как «дуэт», «трио», «ария», «каватина», «куплеты», «хор», «кантата», «оратория». Наконец, песенную жизнь обретали многие стихотворения поэтов независимо от того, называли ли их авторы песнями, романсами или балладами. В процессе песенного бытования границы между этими жанрами становились даже более зыбкими, подчас неуловимыми.

Поэтому понятиям «песня» и «романс» придается часто расширительное или обобщающее значение. Характерно, что и в современном литературоведении отсутствует общепринятое терминологическое определение этих поэтических жанров. Даже в «Краткой литературной энциклопедии» и в терминологических словарях романс как литературный жанр не получает определения, существенно отличного от песни, например: «Романс — стихотворение, положенное на музыку или рассчитанное на такое переложение».¹ Часто романс и песня сопоставляются по форме исполнения: «Романс — небольшое стихотворное и музыкальное произведение для сольного пения с инструментальным аккомпанементом»,² в отличие от песни, которая исполняется преимущественно хором и а capella (без инструментального сопровождения). Иногда, правда, отмечаются и различия в тематике и поэтике песен и романсов, но при этом признаются условность и необязательность таких различий. Неразработанность литературоведческой терминологии в области поэтических песенных жанров и относительно большая определенность этих терминов в музыковедении отмечаются современными авторами.³

Касаясь общего и особенного в песнях и романсах, В. А. Васина-Гроссман пишет: «Принцип обобщения является основным для строфической формы» как в песне, так и в романсе, но «в песне содержание текста отражено (в музыке.— В. Г.) обобщенно, в романсе — детализировано <...> В строфике романа обобщенность <...> сочетается с гораздо более точным и детальным отражением ритмического, интонационного, а иногда и синтаксического строения текста».⁴

Еще более сложной проблемой является разграничение романсов и баллад. Стихотворения, получившие у поэтов последнее название, тоже часто становились песенными произведениями (например, баллады Жуковского, Лермонтова, Тургенева). Но то, что в современном литературоведении обозначается термином «баллада» (т. е. лирико-эпическое произведение с драматическим сюжетом и, как правило, трагическим финалом), у поэтов XVIII—XIX веков не всегда получало такое жанровое определение: так, «Под вечер осенью ненастной...» названо Пушкиным «Романс», а «Хас-Булат

¹ Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 367.

² Словарь литературоведческих терминов / Редакторы-составители Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974. С. 331.

³ Киреева Е. В. Песня и романс (К обозначению жанров) // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1985. С. 61—65. Из работ советских музыковедов см.: Васина-Гроссман В. Романс и песня // Очерки советского музыкального творчества. М.; Л., 1947. Т. 1.

⁴ Васина-Гроссман В. А. Музыка и поэтическое слово. М., 1978. Ч. 3. С. 192.

удалой...» озаглавлено автором А. Аммосовым «Элегия». Раннее же произведение Пушкина «Баллада» и одна из баллад Лермонтова — шуточные стихотворения (впрочем, эти опыты имели и прецедент — комические баллады Бюргера). Сближение, а подчас и отождествление баллад и романсов особенно характерно для работ фольклористов, что вызывает справедливые возражения.¹ Баллада, как и романс, претерпела в истории поэзии определенную эволюцию, вследствие чего изменилось и соотношение этих жанров в песенном творчестве. Заметим также, что и термин «элегия» в творчестве русских поэтов приобретал иногда песенно-романсный смысл («Элегия», И. Дмитриева, «Сельская элегия» Мерзлякова, «Элегия» Рылеева, «Элегии» Д. Давыдова), а многие элегии Батюшкова, Баратынского, Пушкина, Лермонтова обрели песенную жизнь. Не случайно Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды» формулировал: «Элегия собственно есть песнь грустного содержания».² Там же Белинский выделял в русской поэзии жанр «дума», определяя ее как «песню исторического содержания», близкую к «эпической элегии».³ Думами называли свои произведения и некоторые русские поэты, но фактически эти произведения могут быть определены как «историческая баллада», типа «Песни о вешем Олеге» Пушкина и других произведений этого рода («дума» Лермонтова «Могила бойца», «Думы» Рылеева и др.).

Было бы гелертерским педантизмом стремиться определить твердые и незыблемые границы между названными жанрами, раз навсегда установившуюся их иерархию, классифицировать их по какому-либо единственному признаку. Наивно и бесплодно было бы искать также некий абсолютный эталон поэтической песенности и на этом основании признавать лишь за каким-нибудь одним жанром качество ее образца. Реальный процесс песнетворчества представляет собой исторически изменчивую, подвижную систему различных жанров. Разумеется, в каждом жанре могут быть и шедевры, и посредственные произведения, оригинальные опыты и стилизации. Один и тот же жанр в целом может переживать периоды своего расцвета и упадка, перерождаться под пером эпигонов. На разных этапах истории поэзии менялось соотношение песенных жанров и какой-либо из них мог занимать «господствующее» положение.

¹ Померанцева Э. В. Баллада и жестокий романс // Русский фольклор. Л., 1974. Т. 14. С. 202—210; Копанева Н. П. Новая баллада (Жанровые границы. Сюжеты) // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский сборник. Уфа, 1983. С. 89—96.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 50.

³ Там же. С. 51. Ср.: Рылеев К. Ф. Предисловие к «Думам» // Полн. собр. соч. Л., 1934. С. 115.

К изучению песнетворчества поэтов и композиторов возможны различные подходы: литературоведческий, музыковедческий, фольклористический, культурологический. Литературоведы интересуют стихотворения, получившие в истории поэзии определения «песня», «романс», «баллада» и т. п. (независимо от того, стали ли они явлением музыкальной культуры), историческое развитие этих жанров, их жанровые особенности и поэтика, а также разыскание неизвестных авторов текстов известных песен. Музыковед изучает песни, романсы, баллады как музыкальные жанры, их место в творчестве того или иного композитора, устанавливает авторство популярных мелодий, с которыми стихотворения поэтов вошли в музыкальный быт. Фольклорист исследует фольклорные источники произведений поэта или композитора и процесс фольклоризации их произведений (варьирования, переработки в процессе устного их исполнения, бытования). Культурологический подход к песнетворчеству по сути своей является комплексным, предполагает совмещение литературоведческого, музыковедческого, фольклористического и социологического методов исследования. Это означает, что изучение песнетворчества осуществляется как изучение *процесса сотворчества* поэта, композитора, исполнителей и воспринимающей среды — разных слоев общества, в том числе и народных масс. Исследователь стремится рассмотреть произведение как результат этого сотворчества, как реальную сложную целостность, изучить функционирование произведения, особенности восприятия его в той или иной социальной среде, установить его место в историко-культурном процессе, оценить его как явление общенациональной культуры.

Изучение литературных источников русских песен ведет свою историю с конца XIX — начала XX века. Пионерами в этой области были известные филологи и фольклористы В. Н. Перетц и В. И. Чернышев.¹ С иной стороны к изучению истории русской песни подошли музыковеды — их интересовали сведения об авторах музыки на слова русских поэтов.² Незадолго до Октябрьской революции исследо-

¹ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. Из истории русской песни. Ч. 1 и 2 // «Записки историко-филологического факультета Спб. университета». Спб., 1900. Т. 54, вып. 2 и 3 (в дальнейшем — Перетц); Чернышев В. И. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов // «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Спб., 1904. Т. 75.

² Финдейзен Н. В. Русская художественная песня (романс). Исторический очерк ее развития. М.; Спб., [1905]; Финдейзен Н. В. Сборники российских песен XVIII века // «Известия

ватели занялись изучением перехода стихотворений в литературно-музыкальный быт, в песенники и лубочные издания.¹ Эта работа была успешно продолжена советскими учеными в 20-е годы.² Наиболее полным обобщением для своего времени предшествующих литературоведческих исследований и оригинальным опытом в этой области были работы И. Н. Розанова.³ Хотя в ряде положений, высказанных им, отразилась господствовавшая в те годы вульгарно-социологическая методология, но его исследования — благодаря богатству фактических сведений и точным, свежим наблюдениям над художественной природой песен — сохраняют свою ценность.

Изучением песен и романсов литературного происхождения занимались и другие советские фольклористы и литературоведы — И. П. Андреев, Ю. М. Соколов, В. И. Чичеров, А. В. Позднеев. Появились новые исследования и очерки Я. И. Гудошниковой, А. М. Новиковой, Н. П. Копаневой, Л. Х. Гофмана и других.⁴ Специальные разыскания вели и музыковеды — Б. Вольман, В. Васина-Гроссман, Е. Гиппиус, А. Глумов, М. Друскин, Д. Житомирский, Т. Ливанова, А. Сохор, Б. Добровольский и другие, чьи работы недостаточно учитываются историками русской поэзии.⁵

Отделения русского языка и словесности Академии наук». 1926. Т. 31; Финдейзен Н. В. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. М.; Л., 1926—1929. Т. 1—2 (в дальнейшем — Финдейзен Н. Очерки); Глебов Игорь. Русская поэзия в русской музыке. Пг., 1922 (в дальнейшем — Глебов И. — псевдоним Б. В. Асафьева).

¹ Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. Спб., 1912; Якуб А. С. Современные народные песенники // «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук». 1914. Т. 19, кн. 1.

² Соболев П. М. Песенники 90-х годов XVIII в. // «Литература и марксизм». 1928, № 6. С. 85—114; Симяков В. И. Народные песни, их составители и их варианты. М., 1929.

³ Розанов И. Н. От книги — в фольклор (Какие стихи становятся популярными песнями) // «Лит. критик». 1935, № 4. С. 192—207; «Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века)» / Редакция, статьи и комментарии Ив. Н. Розанова. Л., 1936 (Б-ка поэта, БС) (в дальнейшем — И. Н. Розанов).

⁴ Гудошников Я. И. Очерки истории русской литературной песни XVIII—XIX вв. Воронеж, 1972; Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX в. и народная песня. М., 1982; Копанева Н. П. О литературном происхождении русской новой народной баллады // «Вестник Ленинградского университета». 1982. Вып. 3, № 14. С. 58—63; Две шведские баллады в русском фольклоре // «Рус. литература». 1984, № 3. С. 169—175; Гофман Л. Одиссея Александра Рославлева. М., 1984.

⁵ Ссылки на работы названных и других исследователей читатель найдет в комментариях к публикуемым текстам.

Новые исследования и публикации расширяют и уточняют наши знания о русской вокальной лирике, о месте произведений русских поэтов и композиторов в устном репертуаре масс. При этом сами исследователи осознают, что «мы зачастую нуждаемся в восстановлении *полной* картины музыкального быта, со всем тем, что имело реальное распространение, что было на устах, что действовало в обыденности, повседневно».¹ Возникла необходимость в охвате процесса песнетворчества во всех его видах, на всем протяжении истории русской народной культуры XVIII — начала XX веков. Этим и определяются критерии отбора текстов для данного издания, характер вступительных заметок и комментариев.

2

Истоки литературной песни XVIII века следует искать в духовных и светских виршах конца XVI—XVII века, в песнях П. Самарина-Квашнина, в псалмах Д. Ростовского и монаха Германа, в переложениях «Песни песней» Ф. Скорины и М. Хонькова, особенно же в стихотворной «Псалтыри» Симеона Полоцкого (1680), положенной на музыку В. Титовым («Псалтырь рифмованная»), и в многочисленных анонимных светских виршах-псалмах конца XVII — начала XVIII века.²

Между светскими псалмами XVII века и романсами середины XVIII века лежит безбрежное, еще мало исследованное море так называемых кантов (от латинского *cantus* — пение, песня), то есть бытовых песен светского содержания, сначала, как и псалмы, трехголосных, а затем двух- и одноголосных, отличавшихся от псалм четким членением на куплеты, ясностью и отчетливостью ритма, но исполнявшихся также без музыкального сопровождения.³

¹ Л и в а н о в а Т. Н. Русские поэты и вокальная лирика // Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года): Справочник / Составитель Г. К. Иванов. М., 1966. Вып. 1. С. 27.

² См. подробнее: Г у с е в В. Е. Песни и романсы русских поэтов // Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС), там же библиография. См. также: Ф и л и п п о в а И. С. Песни П. А. Самарина-Квашнина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1972. Том 3, вып. 1. С. 62—66; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Д е м к о в а Н. С. «Свет моя, милая-дорогая...» П. А. Самарина-Квашнина // Анализ одного стихотворения. Межвузовский сборник. Л., 1985. С. 58—67.

³ Иногда термин «кант» употребляется и в более широком значении, обнимая собою и псалмы, которые в таком случае рассматриваются как первоначальная разновидность канта.

Интенсивное «обмирщение» поэзии и соответственно с этим вытеснение псалм кантами началось в Петровскую эпоху. Сам Петр I увлекался музыкой и поощрял пение, особенно хоровое на разных торжествах, во время церемоний и праздников, где в первую очередь исполнялись канты — «виваты», то есть панегирические патриотические песни военно-исторической тематики. Так, специально сочиненные неизвестными авторами «виваты» исполнялись во время торжеств по случаю взятия Азова, первых успехов в войне со шведами, взятия Нарвы и Дерпта, Полтавской битвы, Ништадского мира.¹ Известно около шестидесяти текстов на взятие Азова, Шлиссельбурга, Нарвы, в честь Петра и Меншикова. Один из них — «Свете Российский, славою венчанный...» — принадлежит, очевидно, Дмитрию Ростовскому. Около двадцати песен посвящено Полтавской битве («Днесь льва гордыни конец приближися...», «Орел ко солнцу ныне возлетает...» и др.), лишь для одной из них удалось установить авторство: «Изми мя, боже, вопиет Россия...» принадлежит Стефану Яворскому. Некоторые из этих песен сохранялись в песенниках до 70-х годов XVIII века. Сражению с турками 1711 года посвящен один из ранних кантов на слова Феофана Прокоповича — «За Могилою Рябою...». Канты 1720-х годов приобретают особенно панегирический, даже помпезный и вычурный тон, они очень растянуты (некоторые достигают 60 и даже 90 строк); неудивительно, что их сохранилось в рукописных песенниках значительно меньше, чем кантов конца XVII — начала XVIII века. Жанр торжественного панегирического канта к 1730-м годам явно изжил себя, приобрел характер официального гимна.

Зато по нарастающей линии идет развитие кантов застольных и любовных, авторов которых в большинстве случаев установить невозможно. Известно, что в 1726—1728 годах, находясь на службе в Преображенском полку, любовные песни писал Кантемир. Сам поэт признавался во второй редакции своей IV сатиры (1737):

Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки...

В примечании к этой сатире в издании 1743 года Кантемир вновь подтвердил: «Сатирик сочинил песни, которые и поныне

¹ См.: Финдейзен Н. Петровские канты // «Известия АН СССР». 1927, серия 6. Т. 21; Финдейзен Н. Очерки. Т. 1. С. 337—338, Приложения. С. L — LVII; Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII веков: Из истории песенной силлабической поэзии // «Ученые записки Московского гос. заочного педагогического института». Т. 1. М., 1958. С. 39, 53.

поются».¹ Правда, поэт «горько кается», что «дни золотые» «непрочно стратил», «пища песни тые», поэтому он и не проявил никакой заботы о своих песнях. Нам до сих пор так и неизвестно, какие же именно песни из распевавшихся «девицами чистыми и отроками» в 20—40-е годы XVIII века принадлежат Кантемиру.

Более «предусмотрительным» оказался Третьяковский: любовные песни, сочиненные им между 1725 и 1730 годами, поэт опубликовал в приложении к своему переводу французского романа «Езда в Остров любви» (1730). Впрочем, независимо от этого песни Третьяковского вошли в многочисленные рукописные песенники, и, как установил историк русской музыки, «именно рукописные сборники кантов <...> утверждают великую роль Третьяковского в русской бытовой поэзии и музыке середины XVIII века».² Действительно, канты Третьяковского занимают центральное место в рукописных песенниках 1730—1750-х годов, а его опыт оказал сильнейшее воздействие на других безымянных авторов, усвоивших в песенном творчестве реформу русского поэта. Именно в области песнетворчества Третьяковский, этот неудачник, не понятый многими современниками, ставший предметом насмешек последующих поэтов и критиков, приобрел завидную популярность.

Расцвет русского канта приходится на середину XVIII века, к этому времени сложились все его разновидности — псалмические, панегирические, приветственные, задравные, застольные, любовные, пасторальные, шуточные, пародийные; он широко распевался и записывался грамотными людьми в многочисленные рукописные нотные песенники.³ Первые печатные канты с музыкой определенного композитора появились в 1750-е годы (сборник «Между делом безделье» Г. Н. Теплова, содержащий семнадцать песен на

¹ Кантемир Антиох. Собр. стихотворений. Л., 1956 (Б-ка поэта, БС). С. 117.

² Ливанова Т. А. Русская музыкальная культура XVIII века в связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы. М., 1952. Т. 1. С. 483. Ср.: Финдейзен Н. Очерки. Т. 2. С. 200. См. также обстоятельную статью А. В. Позднеева «Произведения В. Третьяковского в рукописных песенниках» // «Проблемы истории литературы». М., 1964. С. 87—100.

³ Показателен рукописный сборник кантов, составленный не ранее 1748 г., хранящийся в Государственном историческом музее (№ 2473). Он содержит 109 кантов (тексты и ноты), первый раздел состоит из 16 панегирических кантов, 12 псалм, 12 переложений псалмов (8 — Симеона Полоцкого, 2 — Ломоносова, 1 — Третьяковского, 1 — неизвестного автора) и кантов различного содержания; второй раздел (53 канта) целиком заполнен любовными песнями светского содержания.

слова современных поэтов). Сфера распространения канта оказалась весьма широкой — от придворных кругов до купеческой и демократической городской среды (семинаристы, канцеляристы, «нижние чины», «бобыли монастырские»); они исполнялись порою в деревнях и селах.¹ Даже тогда, когда на смену канту пришли романсы, он еще сохранялся в среде приверженцев «славных дней Петра» и культурных традиций середины века. Некоторые канты держались в русской провинции до начала XIX века, а в бурсе их исполняли и позже, о чем можно прочитать в повести «Вий» Гоголя и в «Очерках бурсы» Помяловского. Основная масса кантов была безымянной, среди них затерялись песни Кантемира и, возможно, неопубликованные стихи Симеона Полоцкого, встречаются отдельные стихотворения Дмитрия Ростовского, Симона Тверского («Почто мрячи, глухи ночи...»), Григория Сковороды («Ох счастье, счастье бедное, злое...»), но особенно были популярны песни на слова Феофана Прокоповича и Тредиаковского. В качестве кантов бытовали также и произведения Ломоносова, и ранние стихи Сумарокова. Таким образом, ознакомление с рукописными сборниками первой половины XVIII века доказывает, что русская лирическая поэзия той эпохи прочно вошла в музыкальный быт и приобрела популярность в кругах более широких, нежели тот, который составляли тогдашние читатели. Не случайно позже Державин назовет это время «веком песен».

Со второй половины XVIII столетия в обиход входит так называемая «российская песня» — бытовой романс, то есть песня для сольного одногласного исполнения в сопровождении игры на каком-нибудь музыкальном инструменте — клавесине, фортепиано, гусях или гитаре (последняя становится известной в России именно в это время). Впервые термин «российская песня» появился в журнале «Музыкальное увеселение» за 1774 год, хотя самый жанр романса зародился в России несколько раньше, но в пору господства кантов он обозначался словом «ария».² Упоминания и даже образцы таких «арий» содержатся в рукописях первой половины XVIII века. Важным для понимания эволюции русской песенной культуры фактом является уже называвшийся сборник Г. Теплова «Между делом безделье». Содержащиеся в нем песни по своим ос-

¹ Ливанова Т. А. Указ. соч. Т. 1. С. 463; Перетц В. Н. Ч. 1. С. 298—305.

² См.: Финдейзен Н. Очерки. Т. 2. С. 297—298. Слово «романс» до конца XVIII века не употреблялось; даже в музыкальном словаре, опубликованном в «Карманной книге для любителей музыки на 1795 год», этот термин еще отсутствует. Едва ли не впервые такое определение своим стихам дают Г. Хованский («Аониды», М., 1796. Кн. 1. С. 185, 203) и Державин («Муза». 1796. Ч. 3. С. 152).

новным признакам — канты, то есть песни, предназначенные для трехголосного пения. Но третий голос в них, в сущности, представляет собою уже аккомпанемент, который мог быть исполнен на скрипке или флейте. Перед нами — своеобразная переходная форма от канта к романсу или, точнее, к дуэту. Поэтому некоторые исследователи историю русского романса начинают иногда с Теплова.¹ Однако подлинными родоначальниками «российской песни» — бытового романса на слова русских поэтов — являются Ф. Дубянский и О. Козловский, композиторы, определившие характер этого жанра в 90-е годы XVIII века.

Термин «российская песня» обнимал довольно разнообразные виды вокальной лирики. Н. В. Финдейзен выделял два вида — романс и переложение народной песни.² Эти два вида включали разнообразные типы: и собственно народные песни, и входившие в моду подражания последним, и городскую мещанскую лирику («новейшие простонародные песни», как называли их в XVIII веке), и пасторальные стихи поэтов-классицистов, и сентиментальные любовные песенки поэтов конца XVIII века. Но эта кажущаяся на первый взгляд неопределенность термина в действительности отражала разнообразие источников и видов русского бытового романса. Традиции канта соединялись с традициями народно-песенными, осложнились воздействием процессов, протекавших в русском городском фольклоре, и все это послужило материалом для переработки в духе господствующей в литературе и музыке XVIII века эстетической системы — сначала классицистической, а затем сентименталистической, предромантической.

Вторая половина XVIII века была эпохой весьма бурного развития русской музыкально-поэтической культуры. Один за другим публикуются песенники, часто с нотами. Вслед за «Письмовником» Н. Курганова (1769), где в качестве специального «Присовокупления» был помещен «Сбор разных стиходейств» (а в сущности — популярных песен), появляется знаменитое «Собрание разных песен» в четырех частях, составленное М. Чулковым (1770—1774) и затем переизданное и дополненное Н. Новиковым («Новое и полное собрание российских песен» в шести частях, 1780—1781). В эти издания наряду с народными песнями было включено огромное количество стихов русских поэтов, ставших в то время уже песнями

¹ О сборнике и его авторе см. не утратившую интереса статью А. Н. Римского-Корсакова «Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» (первый русский песенник XVIII века)» // «Музыка и музыкальный быт старой России». Т. 1. Л., 1927. С. 30—57.

² Финдейзен Н. Очерки. Т. 2. С. 294.

(без обозначения авторства). Заполнены «российскими песнями» и нотные сборники XVIII века. «Собрание русских песен» Трутовского (в четырех частях, 1776—1795) было рассчитано на исполнение любителями пения в домашнем быту. В предисловии к первой части составитель писал: «Я напоследок вознамерился, в удовольствие многих любителей, издать в печать сии собранные мною русские песни с тем, чтоб их петь в один голос так, как они обычно поются». Но наряду с основным голосом Трутовский дал и второй, аккомпанирующий голос для тех, «кто захочет петь или играть на инструментах, не откидывая бас»; в последнем же выпуске Трутовский дал фортепианное сопровождение. Таким образом, все песни, включенные в «Собрание...», являются, по существу, романсами или приближаются к ним. Трутовский опубликовал свои записи, которые он производил в городской среде, и отразил манеру, характерную для городской демократической массы (в том числе и при исполнении крестьянских песен). В сборнике Трутовского оказалось много песен литературного происхождения, и ценность сборника состоит в том, что он отразил бытование этих песен уже во второй половине XVIII века. Не меньший интерес представляет «Собрание народных песен с их голосами» Н. Львова — И. Прача, содержащее 100 песен в первом издании (1790) и 150 песен во втором издании (1806). Его тоже следовало бы рассматривать не как публикацию фольклорных записей, а как талантливый опыт гармонизации русских песен по законам романсовой музыки. Поэтому особенную ценность и достоверность сборник Львова — Прача, как и сборник Трутовского, приобретает постольку, поскольку он включает городскую песню и «российскую песню» литературного происхождения. Таким образом, «недостатки» первых нотных сборников русских песен, в смысле неточности воссоздания многоголосного распева их в крестьянской среде, оказываются их достоинствами, так как эти сборники передают трансформацию фольклорных традиций в демократической городской среде и в этом смысле представляют собою неповторимую историко-культурную ценность. У Трутовского и Львова — Прача находим популярные ранние романсы анонимных авторов («Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...», «Помнишь ли меня, мой свет...», «Как на дубчике два голубчика...», «Ах ты, матушка, голова болит...»), а также многие «российские песни» известных русских поэтов XVIII века (Сумарокова, М. Попова и др.). Заслуживает внимания и почти никогда не упоминающийся в научной литературе сборник «Собрание наилучших российских песен» в пяти частях, изданный Ф. Мейером (1781), где есть романсы на слова русских поэтов, отсутствующие в других сборниках.

Особенно много сборников, песенников и музыкальных публикаций в 1790-е годы. Характерно, что некоторые поэты (М. Попов,

И. Дмитриев и др.) сами были составителями таких песенников. Тогда же И. Герстенберг издает «Карманную книгу на 1795 год», а совместно с Ф. Дитмаром — «Песенник» в трех частях (1797—1798). Полным отражением песенного репертуара того времени является «Карманный песенник» И. Дмитриева (1796). Нотные приложения печатаются в журналах, появляются и специальные издания, например «Российские песни» в четырех тетрадах (1795—1799) О. Козловского, где помещено 28 романсов на тексты русских поэтов.¹

К 90-м годам XVIII века сложились основные типы русской романсной лирики: идиллическая «пастушеская», веселая застольная, элегическая, дидактическая, философская. Все эти виды «русской песни» богато представлены в названных изданиях. Тогда же наряду с названием «русская песня» входит в обиход название «романс» для обозначения того же жанра. Существенно меняется состав самих песенников, в том числе и рукописных. Если до середины XVIII века в них преобладали стихи Прокоповича, Тредиаковского и Ломоносова, а в середине XVIII века (в 60—70-х годах) господствующее место занимают песни Сумарокова и его школы,² то в 80—90-е годы, в пору наибольшего развития сентиментального романа,— стихи Попова, Николева, Нелединского-Мелецкого, И. Дмитриева, Хованского, Карамзина. Возникают творческие союзы между поэтами и композиторами. Если попытка Теплова воспользоваться текстами Сумарокова и близких ему поэтов встретила неудовольствие со стороны мэтра русского классицизма (о чем он публично заявил на страницах «Трудолюбивой пчелы»), то иначе складываются взаимоотношения между поэтами и композиторами в 90-е годы. Ф. Дубянский, друг И. Дмитриева и Державина, прославился как автор музыки на «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева и на стихотворение Нелединского-Мелецкого «Ты велишь мне равнодушным быть...», а сами поэты посвящают ему свои стихотворения. На текст Нелединского-Мелецкого «Милая вечер сидела...» пишет популярный романс И. Козловский. Удачными оказались элегическая песня Дубянского на слова Капниста «Уже со тьмою ночи...» и более поздняя песня А. Жилина на слова И. Дмитриева «Тише, ласточка болтлива...». Но еще немало случаев, когда популярные романсы известных композиторов XVIII века написаны на слова анонимных поэтов и, наоборот, остае-

¹ См.: Вольман Б. Русские печатные ноты XVIII века. Л., 1957. См. также статьи Б. В. Асафьева и В. А. Прокофьева в сб. «Музыка и музыкальный быт старой России». Л., 1927. Т. 1.

² О школе Сумарокова см.: K o ł a k o w s k a Т. Szkoła literacka Sumarokowa // „Sławia Orientalis”. Warszawa, 1967, № 4.

ей неясной принадлежность музыки на слова известного поэта. Так, например, автор чрезвычайно популярного романса на слова Нелединского-Мелецкого «Выду я на реченьку...» пока окончательно не установлен — предположительно называют Себастьяна Жоржа или Д. Кашина.

Очень характерной тенденцией для поэзии второй половины XVIII века является создание стихотворений «на голос», то есть на мелодию известных «простонародных» песен или полюбоившихся романсов. Сами поэты, не дожидаясь, когда их стихи будут положены на музыку, предлагали читателю петь их, указывая образец. Особенно характерен в этом отношении опыт Николева: в предисловии-посвящении к своему «Собранию разных песен» он выразил надежду, что читатели «не поскучат» «и пропеть и повторить» его песни, и, чтобы облегчить им эту задачу, он сплошь и рядом указывает «голос» к текстам.¹ Впервые такие указания появились в журналах конца 60-х — начала 70-х годов — например, в «Смеси» (1769), «Трутне» (1770), «Трудолюбивом муравье» (1771), но особенно много ссылок «на голос» в изданиях 90-х годов. Кстати, само по себе это служит доказательством популярности песни-образца, так как указывать «голос» имело смысл лишь в том случае, если мелодия действительно была известна публике и без нот. Любопытно, что образцами оказывались не только дошедшие до нас мелодии, но и песни, которые известны нам только по поэтическому тексту и нотные записи которых отсутствуют. В таком случае указание «на голос» служит едва ли не единственным объективным свидетельством популярности такого стихотворения в качестве песни. Особенно много печаталось стихов «на голос» модных песен: «Голубочка» И. Дмитриева, «Реченьки» Нелединского-Мелецкого. Встречаются ссылки на напевы песен Сумарокова, Попова («Достигнувши тобою...»), Капниста («Уже со тьмою ночи...»), даже на напевы псалмов Ломоносова («Хвалу всевышнему владыке...»), на песни, приписываемые тем или иным авторам («Я в пустыню удаляюсь...» Зубовой), «на голоса» анонимных песен («Волга, реченька глубока...»), на музыку многих романсов Дубянского и Козловского.

Обращение к музыкальным изданиям, песенникам, свидетельствам современников (в частности, к запискам Т. Болотова, к мемуарам М. Дмитриева и другим документам) помогает воссоздать картину музыкально-поэтического быта эпохи. Нет ни одного выдающегося русского поэта XVIII века, чьи стихи в большей или меньшей мере не звучали бы как песни. С другой стороны, показательно, что стихи В. Петрова (этого «карманного стихотворца» Екатери-

¹ «Творения Николая Петровича Николева...». М., 1798. Ч. 5. С. 171.

ны II) или Е. Кострова так и не перекечевали на страницы песенников. По другим причинам, естественно, не стали песнями сатирические стихи Кантемира или Фонвизина, басни Хемницера, Измайлова и даже Крылова. Тем более знаменательно, что песней зазвучали лирические стихи великого баснописца («Мой отъезд»). Из всего созданного Херасковым выжило не то, что составляло громкую славу его при жизни,— не его эпопеи, поэмы, трагедии, романы, а скромные песенки, которые сам маститый писатель не удостоил вниманием и не включил даже в собрание своих творений (песенка «Вид прелестный, милы взоры...» дожила до конца XIX века, а ее переделки перешли в XX век).

Песня сохранила память не только о некогда славных, но потом забытых читателями именах, но и о тех, о ком знает теперь лишь весьма узкий круг специалистов-эрудитов. О С. Митрофанове вообще не известно ничего достоверного (и имя его не раскрыто), но песни его, опубликованные в сборнике «Песни русские известного охотника М...», прочно удержались в народной памяти и долгое время считались фольклорными («Солнце на закате...», «За горами, за долами...» и др.), пока И. Н. Розанов не указал его авторство.¹ О Василии Кугушеве, незначительном поэте конца XVIII — начала XIX века, отце тоже позабытого комедиографа Г. В. Кугушева, никто бы не вспомнил, если бы не связываемая с его именем песня «Ах, не будите меня, молоду...», которая поется в качестве народной и в наши дни. Едва ли что-нибудь говорят современному, даже литературно образованному человеку такие имена, как П. С. Гагарин, П. Л. Вельяминов, Д. И. Вельяшев-Волинцев, Н. М. Шатров, а тем не менее их песни «В поднебесье раздается...», «Ох, вы славные русски кислы щи...», «Здесь под тенью древ ветвистых...», «Катя в рощице гуляла...» пережили своих авторов.

Некоторые из песен XVIII века пользовались исключительной популярностью. М. Дмитриев вспоминает: «И все эти песни пелись и в обществе светском, и в народе: «Пятнадцать мне минуло лет...» Богдановича; «Выду я на реченьку...» Нелединского; «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева; «Кто мог любить так страстно...» Карамзина. Кто не знал этих песен?.. И чувства их, и слова, и голоса — были просты и всем доступны. Таким образом чувства поэта переходили в народ».²

Конечно, большая часть песен, созданных в XVIII веке, осталась памятником русской культуры той эпохи, лишь немногие перешли в XIX век, и уж совсем единичны случаи, когда романс XVIII

¹ Розанов И. Н. С. 88—95.

² Дмитриев М. А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 172.

века исполняется в XX веке. Теперь нас уже не волнует «прежестокость», выраженная на языке, вызывающем у современного читателя улыбку. Но эти песни встречались современниками с восторгом, как откровение, и вполне отвечали духовным запросам и эстетическим вкусам дворянской интеллигенции, городского мещанства, определенной части крестьянства. Только исторический подход к этим песням поможет нам понять, чем они были интересны и близки современникам, какую роль они сыграли в поступательном движении русской культуры. Обращение к гражданским мотивам и к темам частной жизни после многовекового засилия церковной идеологии, своеобразное утверждение права человека на личное счастье, интерес к внутренней его жизни, галантное отношение к женщине, рассуждения о муках и «услладах» любви, о верности и изменах — все это было новым, волновало. И хотя тематика романсов была однообразной, а содержание неглубоким, современников это не смущало, они, очевидно, находили в этих песнях какие-то нюансы, теперь уже не улавливаемые, дававшие право на существование многим схожим между собою, лишенным еще, как правило, индивидуализированного выражения мыслей и чувств, произведениям русских поэтов и композиторов. Успеху песен немало способствовал заметный прогресс русской версификации — реформа Тредиаковского и Ломоносова, ритмическая изобретательность Сумарокова, напевность стиха карамзинистов, пластичная образность поэзии Державина. Новую жизнь в стихи русских поэтов вдохнули и русские композиторы — безымянные и названные выше, сумевшие найти дорогу к сердцам многочисленных слушателей. Так или иначе, XVIII век принес подлинные открытия в области песнетворчества и подготовил тот расцвет литературной песни и романса, которым отмечено развитие русской культуры первой половины XIX века.

3

Хотя в начале XIX века еще очень устойчиво держатся традиции музыкально-поэтической культуры XVIII века и господствующей формой остается сентиментальный романс, в самой лирике 1800—1810-х годов явственно проступают черты зарождающихся романтических настроений, что отражается и на песенном творчестве той поры. Постепенно стилистически пестрая «российская песня» трансформируется в разные виды романса, среди них выделяется жанр, за которым закрепляется название «русская песня».

Первые опыты в таком роде датируются концом XVIII века («Русская песня» Мерзлякова и «Русская песня» Николева), но оформление этого характерного типа бытового романса приходится уже на первые десятилетия XIX века. Если авторы «российских пе-

сен» не ставили перед собою непрременную задачу овладеть подлинно фольклорной традицией (что, разумеется, не исключало возможности появления среди литературных «русских песен» и фольклорных стилизаций),¹ то «русская песня» — результат сознательного и намеренного обращения к национальной народной поэзии, знаменовавшего собой демократизацию песнетворчества поэтов. Жанровое определение «русская песня» в поэзии конца XVIII—XIX века иногда заменялось ее сословным эквивалентом: «Деревенская песня» Хованского, «Сельская песня» Федорова, «Сельская песня» Слепушкина, «Сельская элегия» Мерзлякова, «Казачья колыбельная» Лермонтова.

Войны с наполеоновской Францией, особенно Отечественная война 1812 года, значительно способствовали развитию в русском обществе интереса к народным истокам национальной культуры. Нельзя считать случайностью, что именно в это время появляются первые серьезные попытки осмыслить своеобразие русской народной поэзии. Это обнаруживается прежде всего в теоретических работах членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»: в «Кратком руководстве к российской словесности» И. Борна (1808) и в «Опыте о русском стихосложении» А. Востокова (1812). Авторами высказывается убеждение, что «цена» народной поэзии — в ее «простоте» и «первобытности», в ее национальном своеобразии, выражающемся в «русском духе» ее произведений и в особенностях «русского размера» «народного стиха». Любопытно проводимое Востоковым сравнение между старинными и «новейшими простонародными песнями», в которых он отмечает появление под влиянием книжной поэзии «стопосложения», рифм и прочих элементов поэтики, отличающих «новейшие простонародные песни» от старинных.² Это указание на стилистические различия между традиционной и современной народной лирикой имело принципиальное значение, поскольку позволяло поэтам, ориентирующимся на фольклор, избежать архаизации и побуждало их искать путей к народности в обращении не только к старым, но и к «новейшим простонародным песням». Это-то и отличало понимание народности теоретиками «Вольного общества...» и их последователями от концепции народности консервативно настроенных деятелей «Беседы любителей русского слова». Если первая тенденция вела к прогрессивному развитию народности и к творческому, свободному отношению

¹ Об истоках «русской песни» в поэзии XVIII века см.: Н о в и к о в а А. М. Указ. соч. С. 59—65.

² Б о р н а И. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 140—141; В о с т о к о в А. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817. С. 41—47, 135—136.

поэтов к народной поэзии, то другая, напротив, заключала в себе опасность архаизации.

На важное значение народной поэзии как источника русского национального искусства обратили внимание в те же годы крупнейшие русские поэты Державин и Капнист: первый — в «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» (1811—1815), второй — в «Критком изыскании о гипербореанах» (1815). Несколько позже серию аналогичных статей печатает А. Глаголев: «О характере русских народных песен» (1818), «О характере русских застольных и хороводных песен» (1821) и другие. В 1820-е — в начале 1830-х годов народная песня оказывается в центре литературных споров в связи с проблемами народности и русского романтизма. Свои задушевные мысли о народной поэзии высказывают А. Бестужев, Кюхельбекер, Пушкин, Гоголь, Надеждин, Белинский. При некоторых различиях во взглядах они сходятся в признании того, что только обращение к фольклору, и прежде всего к русским песням, сказкам, преданиям, сделает возможным образование подлинно национальной русской поэзии.

В начале 30-х годов XIX века выходят в свет сборники русских народных песен, как бы подытоживающие предромантический и романтический периоды фольклористических исканий в России: «Народные русские песни» И. Рупина (Спб., 1831—1836) и «Русские песни» Д. Кашина (М., 1833—1834). Оба сборника принадлежали выдающимся русским музыкантам первой трети XIX века и отразили состояние народно-песенной культуры той поры. Народные песни в этих сборниках были опубликованы в своеобразной романсной обработке, то есть отражали манеру их исполнения в городской среде. Появление таких обработок, в свою очередь, способствовало бурному расцвету литературно-композиторской «русской песни» — характерного типа русского романса пушкинско-глинкинского периода. Этими произведениями теперь заполнены «Музыкальные альбомы» вплоть до 1840-х годов.

Родоначальниками жанра «русской песни» следует считать Мерзлякова и Кашина, которые создавали свои произведения в процессе тесного и непосредственного творческого сотрудничества. Оба они совершенно сознательно шли от современной им народно-песенной культуры и дали образцы, на долгое время определившие одну из линий развития русского романса. Хотя в области литературной теории Мерзляков занимал весьма умеренные позиции, в своем песенном творчестве он объективно способствовал превращению сентиментального романса в бытовую песню, отмеченную чертами подлинной народности. Об этом писал М. Максимович еще в 1831 году: «Как поэт он замечателен своими лирическими стихами, особенно русскими песнями, в коих — он первый умел быть

народным, как Крылов в своих баснях...»¹ Характерно, что Белинский, столь критически настроенный ко всему «карамзинскому периоду» в истории русской литературы, восторженно отзывался в «Литературных мечтаниях» о Мерзлякове как авторе «нескольких бессмертных песен»: «Это был талант мощный, энергический: какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях! (...) это не подделки под народный такт — нет: это живое, естественное излияние чувства, где все безыскусственно и естественно!»² Слова Белинского прекрасно передают восприятие песен Мерзлякова современниками и поколением 30-х годов.

Необычайную популярность песен Мерзлякова, обусловленную их близостью к фольклору, отмечал Н. Полевой: «Песни А. Ф. Мерзлякова потому еще более вошли в народный быт, что они извлечены из простонародных песен».³ Действительно, многие песни Мерзлякова, не без прямого воздействия Кашина, своим непосредственным образцом имели фольклорный текст: первые строки его песен зачастую совпадают с началом народных («Я не думала ни о чем в свете тужить...», «Вылетала бедна пташка на долину...», «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...», «Чернобровый, черноглазый...» и др.). Близость песен Мерзлякова к фольклору способствовала тому, что они быстро и легко усваивались демократической средой и некоторые из них фольклоризовались. Впрочем, и те его романсы, которые не восходят к фольклорному источнику, тоже приобрели большую популярность, например «Среди долины ровныя...», «Малютка, шлем нося, просил...». На последний текст музыку написал А. Жилин — композитор, который, наряду с Кашиным, в своих более чем двадцати романсах на слова Мерзлякова, Дмитриева, Державина, Хераскова, Жуковского, Нелединского-Мелецкого и других поэтов также создавал образцы предромантической вокальной лирики (сборник его романсов «Эрато» семью отдельными выпусками выходил в свет с апреля по декабрь 1814 г.).⁴

¹ «Денница на 1831 год». С. 11—12.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 11-ти т. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 63. Ср.: Там же. Т. 5. С. 47, примеч. И позже, более критически оценивая песенное наследие Мерзлякова, Белинский выделял некоторые его песни «как прекрасные и выдержанные» (т. 5. С. 564) и окончательно формулировал свой взгляд в следующих словах: «Вообще они не без достоинств и выше песен Дельвига, хотя и далеко ниже песен Кольцова» (т. 7. С. 261; ср.: т. 9. С. 531—532).

³ «Московский телеграф». 1825, № 16. С. 340, примеч.

⁴ На титульном листе стоит «октябрь», но ц. р. — 15 декабря. О Жилине см.: Алексеев М. П. К вопросу об А. Д. Жилине — русском музыканте нач. 19 в. // История русской музыки в исследованиях и материалах. Т. 1. М., 1924. С. 106—113.

Жанр «русской песни» был закреплен в поэзии благодаря уси-
лием Дельвига, на тексты которого писали музыку Алябьев, Рупин,
М. Яковлев, молодой Глинка и Даргомыжский. Песни Дельвига
составили определенный этап в истории русской музыкально-поэти-
ческой культуры. Как подчеркивает современный исследователь,
«историческое значение песен Дельвига можно оценить вполне,
только учитывая их музыкальное звучание».¹ В критике и историко-
литературных трудах высказывается весьма скептическое отноше-
ние к песням Дельвига, они определяются как псевдонародные.
И. Н. Розанов считал, что Дельвиг, «боясь прямоты и откровенно-
сти фольклорной песни, создал дворянскую „русскую песню“».²
Н. П. Андреев хотя и не подвергал сомнению фольклорность песен
Дельвига, но ставил ему в вину «украшение действительности в
интересах дворянского класса».³ Критерием народности в данном
случае берется лишь близость к крестьянской песне и не принимается
во внимание та конкретная историко-литературная задача, ко-
торая решалась Дельвигом. Конечно, если судить о песнях Дельвига
с точки зрения их близости к крестьянским песням, то они заслу-
живали бы ту суровую оценку, которую им обычно дают. Но исто-
рическое значение песен Дельвига может быть по-настоящему,
объективно понято, если учесть, что он создавал свои песни, опи-
раясь на традиции русской *городской песенной культуры*, заклады-
вавшиеся еще в XVIII веке. И композиторы, сочинявшие музыку
на стихи Дельвига в полном соответствии с их литературным сти-
лем, также ориентировались на городскую песню-романс. Благо-
даря этому и был создан своеобразный тип «русской песни», отли-
чающийся от типа, созданного Мерзляковым, но тоже достаточно
популярный не только в среде литературных друзей и единомышлен-
ников Дельвига, но и в более широких демократических кругах.
Стихотворение Дельвига «Не осенний частый дождичек...», написан-
ное для Глинки, прочно вошло в музыкально-поэтический быт и
стало одной из любимых песен разночинной интеллигенции и сту-
денчества, а «Соловей» с музыкой Алябьева не утратил популяр-
ности до сих пор.

Дальнейшее развитие и расцвет «русской песни» связаны с
именами Цыганова и Кольцова, а также многочисленных поэтов —

¹ Васина-Гроссман В. А. Русский классический романс XIX века. М.; Л., 1956. С. 25 (в дальнейшем — Васина-Гроссман В. А.).

² Розанов И. Н. С. 263.

³ Андреев Н. Фольклор и литература // «Литературная уче-
ба». 1936, № 2. С. 76—81 (в дальнейшем — Андреев Н. Фольклор
и литература).

их современников, с творчеством композиторов Алябьева, Варламова, Гурилева, Н. А. и Н. С. Титовых и других менее известных композиторов.

Судьба литературного наследия двух крупнейших создателей «русской песни» — актера Цыганова и прасола Кольцова — предоставляет богатый материал для всевозможных сопоставлений. Интересный этюд такого рода содержится в упоминавшейся книге И. Розанова. Кольцов был гораздо плодовитее и разнообразнее в своем творчестве, нежели Цыганов, и его роль в истории русской поэзии несомненно более значительна, а слава, созданная еще при жизни поэта Белинским и поддержанная последующим поколением революционных демократов, вполне заслужена. Он совершенно заслонил более скромное имя Цыганова, между тем в области «русской песни» как *песенного жанра* последний имеет едва ли не большую заслугу. Произведения Цыганова еще при жизни стали действительно петься, очень скоро оторвались от имени своего создателя, вошли в быт, а вскоре приобрели и подлинно всенародную известность, стали народными песнями. Такие песни, как «Что ты, соловьюшко...», «Я посею, молоденька...», «Течет речка по песочку...», собиратели фольклора продолжают записывать и в наши дни, не всегда зная, что эти тексты имеют своего автора. Песня же «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...» благодаря и выразительной мелодии Варламова приобрела всемирную известность.¹ Быть может, именно в силу ранней и прочной фольклоризации песен Цыганова имя их автора почти забыто в истории русской поэзии. Песни же Кольцова, при всех их поэтических достоинствах и при том, что они привлекали внимание многих композиторов, все же в устный репертуар масс входили медленнее и получали не столь широкое распространение. Долгое время вообще создавалось впечатление, будто песни Кольцова совсем не поются в крестьянской и рабочей среде. Это мнение прочно держалось в советской науке — к такому выводу пришел один из первых исследователей наследия выдающегося русского поэта — П. М. Соболев, его разделял и И. Н. Розанов.² Позднее, благодаря материалам, собранным советскими фольклористами, удалось внести коррективы в обычное представление о судьбе песенного наследия Кольцова.³ И все же, даже если учесть, что сведения, которыми мы располагаем, еще неполны, приходится считаться с тем, что песни Кольцова, «не-

¹ Асафьев Б. В. Избранные труды. М., 1954. Т. 2. С. 83.

² Соболев П. М. А. В. Кольцов и устная лирика. Смоленск, 1934. С. 71, 75—76; Розанов И. Н. С. 374.

³ Новикова А. М. Песни А. В. Кольцова в устном народном творчестве // «Русский фольклор». М.; Л., 1958. Вып. 3.

смотря на широчайшую бытовую известность» его поэзии в профессиональной музыке¹, действительно менее популярны и менее органически усвоены народом, чем песни Цыганова. Стихотворения Кольцова в целом оказались замечательным и своеобразным явлением русской поэзии — в большей мере песнями для чтения, чем стихами для пения.²

Мерзляков, Дельвиг, Цыганов и Кольцов — лишь наиболее типичные и плодотворные создатели жанра «русской песни». Но образцы ее, подчас не уступающие по художественной выразительности и популярности среди масс, находятся и в творчестве других, причем очень разных по своему мировоззрению и месту в русской поэзии авторов. Здесь можно назвать Ф. Глинку и Н. Грамматина, А. Полежаева и Ф. Вельтмана, отца и сына Ибрагимовых, Д. Глебова, Н. Грекова, В. Красова, Е. Гребенку, А. Тимофеева... Наряду с тем что жанру «русской песни» отдали обильную дань многие второстепенные и третьестепенные авторы, обращает на себя внимание другой факт: среди классиков русской поэзии первой половины XIX века, пожалуй, лишь Лермонтов создал несколько подлинных произведений в этом жанре, у остальных же мы в лучшем случае встретим одно-два произведения в этом роде («Кольцо души-девицы...» Жуковского, «Девушки-красавицы...» Пушкина, «Страшно воеет, завывает...» Баратынского); совсем нет подобных произведений у Тютчева. Зато эти поэты создали шедевры иного типа русского романса.

Какие же особенности составляют характерные признаки «русской песни» как жанра? Она представляла собой художественную имитацию народной песни, причем некоторые формальные особенности фольклора здесь подчинялись законам версификации и композиции, выработанным профессиональными поэтами и музыкантами XVIII — начала XIX века. «Русские песни» писались, как правило, хореем или трехстопными размерами — дактилем, анапестом, амфибрахием. Их поэтике были свойственны многие стилевые признаки народной поэзии — параллелизм, отрицательные сравнения, повторы, риторические обращения и вопросы к природе (реке, лесу, птицам и т. п.); характерная символика (герой — сокол, героиня — голубка или кукушечка, речка — разлука, мост — свидание и т. п.); постоянные эпитеты (мать сыра земля, сыр-бор, чистое поле, буйные ветры, белый свет, красное солнце, шелковая трава,

¹ Ливанова Т. Н. Русская поэзия и вокальная лирика // Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Вып. 1. С. 15—16.

² См. также: Асафьев Б. В. Кольцов и Никитин в музыке // Избранные труды. М. 1955. Т. 4.

добрые или злые люди, добрый молодец, красна девица, ясные очи и т. п.); парные синонимические словосочетания (буря-непогода, чужая-дальняя сторонуха и т. п.); обилие уменьшительных, ласкательных суффиксов, дактилические окончания стихов; невыдержанность и простота рифмы, а подчас и замена ее ассонансами и консонансами; сквозной, текучий ритм, народно-песенные мелодические интонации «вздоха», свободно, плавно льющийся напев, преобладание минорного лада. В музыкальном отношении, по наблюдениям исследователя, «русские песни» «близки «романсным», «гитарным» обработкам русских народных песен в сборниках Кашина и Рупина».¹ Указанный комплекс народно-поэтических средств можно найти в «русских песнях» любого из названных выше поэтов — одни из них пользовались им более искусно и самостоятельно, другие следовали некоему весьма условному шаблону. Лучшим «русским песням» свойственна задушевность, искренность чувства, но много среди них и идиллических, сентиментальных или мелодраматических произведений. Далеко не все «русские песни», сочиненные поэтами первой половины XIX века, действительно стали песнями, а тем более усваивались народом, многие из них остались литературным опытом фольклорной стилизации. В сущности, лишь сравнительно небольшое количество «русских песен» приобрело подлинную народность и выдержало испытание временем. Но лучшие из них дожили до наших дней. Ориентация на русский песенный фольклор и его свободная творческая интерпретация были существенным качеством всей русской поэзии и по-разному проявлялись в различных песенных жанрах. Поэтому «русскую песню» следует воспринимать лишь как своеобразную форму русского поэтического фольклоризма. Жанровая специфика «русской песни» заключалась в сознательном подражании конкретным образцам национальной народной песенной лирики и в стилизации, а подчас — и в имитации ее поэтики.

Наряду с романсом-песней, непосредственно ориентировавшейся на народную поэзию и рассчитанной на несложный, доступный любителям музыки аккомпанемент (а иногда допускавшей и исполнение без музыкального сопровождения), с первых десятилетий XIX века развиваются и другие формы вокальной лирики, выражавшие другие тенденции в развитии русского романтизма, а затем и реализма, в которых как в произведениях музыкально-поэтических большая роль отводилась и музыкальному сопровождению, подчас существенно дополнявшему текст или вскрывавшему глубинные пласты его философского и психологического содержания.

¹ В а с и н а - Г р о с с м а н В. А. С. 26.

Формирование русского романтизма, отразившего прежде всего рост национального самосознания, происходило под плодотворным воздействием лучших образцов западноевропейского романтизма как в области поэзии, так и в области музыки. С 1810-х годов пристальное внимание поэтов и композиторов привлекает баллада, образцы которой создали английские и немецкие поэты-романтики (Бернс, Колридж, Бюргер, Шиллер, Уланд и др.). Сборник Мицкевича «Баллады и романсы» (1822) с живым интересом был встречен русскими друзьями польского поэта. Пример европейских собратьев по перу, их опыт обращения к национальным народным балладам побудили русских поэтов обратиться к жанру, доселе мало известному русской интеллигенции, — к русской народной балладе, представленной в фольклоре большим количеством оригинальных сюжетов. Этот синтез западноевропейских литературных образцов и русского материала дал плодотворные результаты. Известна важная роль Жуковского, познакомившего русского читателя с творчеством поэтов других народов. Превосходные переводы Жуковского сами по себе стали одним из самых важных фактов русской национальной культуры. Поэзия Жуковского произвела сильнейшее впечатление на современников, вдохновила русских композиторов, и многие из них успешно справились с задачей переложения его стихов на музыку. Характерный эпизод в истории русской музыкально-поэтической культуры начала XIX века — тесное сотрудничество Жуковского с талантливым композитором-любителем А. А. Плещеевым, другом поэта, состоявшим в «Арзамасе» под шуточным прозвищем Черного ворона. Плещеев первым из русских композиторов обратился к текстам Жуковского, переложил на музыку многие произведения поэта, создал первые образцы нового вида русской вокальной музыки — баллады. В домашнем быту близких поэту людей и в литературных салонах романсы и баллады на слова Жуковского звучали с середины 1810-х годов, но особенную популярность они приобрели во второй половине 1820-х годов, когда к текстам поэта обратились молодой Глинка, Верстовский и Алябьев, а вслед за ними Варламов и Даргомыжский. При этом ранние баллады Плещеева оказались забытыми и вытесненными более удачными переложениями названных композиторов. Весьма типичными образцами баллады на слова Жуковского стали «Светлана» Варламова и «Ночной смотр» Глинки. Но наиболее прославленным автором русских романтических баллад оказался Верстовский. На его долю выпала шумная слава, а некоторые его романсы стали очень популярными — достаточно вспомнить «Черную шаль» на слова Пушкина, прочно вошедшую в народный быт. Образец маленькой песни-баллады создал Алябьев в музыке на текст стихотворения Пушкина «Два ворона». Выделяются русские баллады Варла-

мова — «Песня разбойников» на слова Вельтмана и «Тоска» на слова Тимофеева. Замечательным образцом русской баллады является «фантазия» Тимофеева — Даргомыжского «Свадьба».

Названными произведениями далеко не исчерпывается балладный пласт в музыкально-поэтической культуре. При этом следует иметь в виду, что по объективным жанрово-стилистическим признакам балладами являются не только произведения, названные так авторами. Среди произведений Лермонтова на музыку были положены не только две его «Баллады» («Над морем красавица-дева сидит...» и «Из ворот выезжают три витязя в ряд...»), но и другие стихотворения балладного характера: «Тамара», «Тростник», «Русалка». Песенную жизнь приобрели баллады С. Аксакова («Уральский казак»), Дуропа («Казак на родине»), Рылеева («Смерть Ермака»), Кольцова («Хуторок»), Ознобишина («Чудная бандура») и других поэтов.¹

Для жанра баллады характерны драматическая напряженность стремительно развивающегося действия, сочетание повествовательности с монологической или диалогической формой, подчас наличие мрачно-фантастических элементов в сюжете или кровавая развязка, а также экспрессивные поэтические и музыкально-образительные средства (декламационно-речитативная вокальная партия и весьма выразительный «бурный» аккомпанемент, как бы воссоздающий обстановку, «фон» драматического действия — картины бури, сражения, скачки, завывания ветра, колокольный звон и т. п.).²

Лучшие произведения в жанре баллады соперничали по своей популярности с «русской песней», причем в ряде случаев сами приобретали черты, сближающие их с так называемой «молодецкой», «удалой», или «разбойничьей» русской народной песней (особенно в творчестве Алябьева и Варламова). В этом смысле баллада не противостояла «русской песне», а представляла собою лишь другой, подчеркнуто романтический вариант русского бытового романа. Русская литературная баллада насыщалась элементами народно-песенной поэтики³ и сама, в свою очередь, в процессе песенного бытования фольклоризовалась, порождала большое количество вариантов и переработок.

¹ См.: Suchanek L. Rosyjska ballada romantyczna, Warszawa, 1974; Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Сборник статей. Л., 1978.

² Ср.: Васина-Гроссман В. А. С. 31—36.

³ Копылова Н. И. Фольклоризм в композиции русской литературной баллады первой трети XIX века // Вопросы поэтики, литературы и фольклора. Сборник статей. Воронеж, 1976.

Большую известность в первой половине XIX века приобрел романс-элегия, возникший в лирике Жуковского («Бедный певец» с музыкой Глинки) и Батюшкова («Память сердца» с музыкой Глинки). К элегическому романсу приближались также и некоторые стихотворения Дельвига. Но расцвет этого жанра связан уже с именами Пушкина, Баратынского, Лермонтова и Тютчева. Крупнейшие поэты и композиторы первой половины XIX века создали произведения, ставшие классическими образцами русского романса вообще: «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина — Глинки, «Не искушай меня без нужды...» Баратынского — Глинки, «Мне грустно потому, что я тебя люблю...» Лермонтова — Даргомыжского... На слова крупнейших русских поэтов первой половины XIX века создали свои замечательные романсы-элегии композиторы второй половины XIX — начала XX века: Бородин («Для берегов отчизны дальней...» на слова Пушкина), Римский-Корсаков («Редет облаков летучая гряда...» на слова Пушкина), Рубинштейн («Желанье» Лермонтова), Чайковский («Скажи, о чем в тени ветвей...» В. Соллогуба), Рахманинов («Фонтан» Тютчева) и другие.

Прекрасные образцы русского романса-элегии первой половины XIX века мы находим не только там, где встречаются в своем творчестве гениальный поэт и гениальный композитор, но и в тех случаях, когда на классический текст создавалась мелодия малопримечательным музыкантом (например, всем знакомый напев элегического романса «Выхожу один я на дорогу...» принадлежит едва ли знакомой многим Елизавете Шашиной) или, напротив, когда выдающиеся композиторы обращались к текстам второстепенных поэтов («Сомнение» Кукольника — Глинки) или совсем незначительных авторов («Однозвучно гремит колокольчик...» И. Макарова — Гурилева, «Иртыш» И. Веттера — Алябьева).

Романс-элегия лишен тех определенных формально-стилевых признаков, по которым всегда можно отличить «русскую песню» или балладу. В этом жанре вокальной лирики особенно свободно и разнообразно проявлялась творческая индивидуальность поэта и композитора. Именно поэтому элегия создавала и наиболее благоприятные возможности для развития реализма. В целом для элегического романса характерно стремление к психологической и философской углубленности, сосредоточенность мысли и чувства, интимность в выражении лирического, большей частью грустного содержания, серьезность и интенсивность музыкального языка, ритмическая размеренность, напряженная плавность в развитии мелодии, эмоциональная содержательность аккомпанемента, часто приобретающего значение подтекста. Разумеется, по самому своему характеру романс-элегия не мог получить столь же широкого распространения в массах, как «русская песня» и баллада, но это не

значит, что он оставался достоянием лишь профессиональных исполнителей. Многие романсы-элегии были неизменным элементом домашнего музицирования, а иные из них приобретали и популярность песни, как некоторые из названных выше. Так или иначе, романс-элегия занял важное место в русской музыкально-поэтической культуре первой половины XIX века, и значение этого вида вокальной лирики вырастает по мере приближения к нашему времени. Если «русская песня» с середины XIX века идет на убыль, то романс-элегия, напротив, живет полной и весьма продуктивной жизнью в творчестве поэтов и композиторов второй половины XIX — начала XX века.

Тремя охарактеризованными видами не исчерпывается, разумеется, все разнообразие русской вокальной лирики первой половины XIX века. Наряду с ними — или в пределах названных жанров, или как их разновидности — существовали и некоторые другие более или менее самостоятельные типы песенного творчества поэтов и композиторов.

Благоприятные возможности для выражения вольнолюбивых настроений и чувств угнетенности, одиночества предоставляла «узническая» и «изгнанническая» лирика русских поэтов, положившая начало особому виду русского романса и так называемым «тюремным» песням, с характерным для них сочетанием элегических мотивов и призывов к свободе («Узник» Пушкина, «Узник» и «Желанье» Лермонтова, «Узник» Полежаева, «Иртыш» И. Веттера, «Романс» Д. Раевского). К этому виду, в сущности, относятся и песни, разрабатывавшие символический мотив борьбы (или ее предчувствия) отважного человека с бурей («Парус» Лермонтова, «Пловец» Языкова, «Песнь погибающего пловца» Полежаева). Особенно удачно выразили эти настроения в музыке Алябьев и Варламов, одной из самых популярных песен оказался «Пловец» Языкова с музыкой Вильбоа.

Особую группу составляют агитационные песни, написанные А. Бестужевым-Марлинским и К. Рылевым; они исполнялись не только в среде революционно настроенной дворянской интеллигенции, но и проникали в солдатскую среду, а затем и в более широкие круги русского общества, а некоторые из них стали известны народным массам. А. Бестужев-Марлинский, стремясь на следствии отвести от себя удар, показывал, что агитационные песни декабристы «певали только между собою», но сделал оговорку: «Впрочем, переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал».¹ Эти песни Рылеева и Бестужева-Марлинского распространялись в списках, таким образом, уже в вариан-

¹ «Восстание декабристов. Материалы». М.; Л., 1925. Т. 1. С. 458.

тля, а затем подвергались дальнейшей переработке в устной передаче. Проникновению некоторых из них в устный репертуар масс способствовало то обстоятельство, что они были созданы в стиле народных песен и выражали близкие народу мысли и чувства в близкой ему форме. Брат А. Бестужева-Марлинского — Н. Бестужев писал: «Хотя правительство всеми мерами старалось истребить эти песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его (народа.— В. Г.) состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем».¹ Известно, что агитационные песни декабристов исполнялись на «голоса» русских народных песен, а также на мелодии украинских и некоторых других популярных песен в народном стиле. Так, песня «Ах, тошно мне...» пелась на мелодию украинской «Ой, гай, гай, гай зелененький...», песня М. А. Бестужева «Что не ветер шумит во сыром бору...» — на мелодию песни Львова «Уж как пал туман...» в позднейшей обработке Гурилева.² Агитационные песни декабристов положили начало одной из самых замечательных традиций в истории русской вокальной лирики — «вольным» песням, звучавшим в революционных кружках, в тюрьмах и на каторге среди политических заключенных и ссыльных, в среде русской политической эмиграции, в революционном подполье, а позже — на митингах, демонстрациях, баррикадах. В пропаганде этих песен сыграли большую роль Герцен и Огарев, сами арестованные за пение «возмутительных песен». Находясь в эмиграции, они опубликовали агитационные песни декабристов и другие «вольные» песни первой половины XIX века в «Колоколе» и «Полярной звезде», включили их в специальные сборники — «Русская потаенная литература XIX века» (1851), «Солдатские песни» (1862), «Свободные русские песни» (1863). Так была передана песенная эстафета от первого поколения русских революционеров «штурманам будущей бури».

Среди «русских песен» первой половины XIX века можно выделить еще застольные с характерной для них жизнерадостной гедонистической тематикой (см., напр., сб. «Застольные русские песни». М., 1839); им была свойственна и определенная форма — куплетное строение, включающее сольную партию запевалы и хоровой

¹ «Воспоминания Бестужевых». М.; Л., 1951. С. 27.

² См.: Андреев Н. Фольклор и литература. С. 84—89; Глумов А. Революционные песни декабристов // «Советская музыка». 1950, № 12. С. 63—66; Гирченко В. Музыка в казематах декабристов в годы Сибирской каторги // «Советская музыка». 1950, № 3. С. 62—68.

припев. Такого рода песни находим у Пушкина, Языкова, Соллогуба и других поэтов. Содержание и быстрый, четкий ритм этих песен сближали их с так называемыми гусарскими песнями, которые прославляли жизнь, полную опасностей, и выражали пылкие чувства, находившие выход во время дружеских пирушек (песни Дениса Давыдова). Более серьезный и глубокий характер носит зарождающаяся в это же время студенческая песня, образцом которой могут служить песни Языкова, особенно его «Из страны, страны далекой...» с музыкой Алябьева. Некоторые студенческие песни сближаются с застольными, но в большей части их развиваются мотивы патриотические, гражданские, сатирические, они отражают настроение демократической части русского студенчества.¹

С развитием романтизма в поэзии возникает интерес к нравам, обычаям, искусству других народов, в связи с этим появляется и особая разновидность песенного жанра с национально-этнографической тематикой, где зачастую использовались элементы фольклорные, воссоздавался национальный колорит или характер народа, привлекавшего внимание поэта. Композиторы охотно обращались к этим произведениям, увлеченные возможностью передать национальную специфику музыкального языка разных народов. В этом проявлялась не только романтическая склонность к экзотике, но и стремление выразить свободололюбивые настроения, подчеркнуть сочувствие порабощаемым или борющимся за свою независимость народам. В этой связи могут быть названы «Хищники на Чегеме» Грибоедова, «Кабардинская песня» А. Бестужева-Марлинского. К тому же виду относятся «Черкесская песня» Пушкина, «Песнь Селима» Лермонтова, «Пленный грек в темнице» И. Козлова, «Песнь грека» Веневитинова, «Военный гимн греков» Гнедича, «Песнь пленного ирокезца» Полежаева. Эти мотивы нашли отклик в творчестве Алябьева, Верстовского, Глинки, Есаулова, позже — Балакирева и других композиторов.

Песнетворчеству русских поэтов, как и всей русской поэзии в ее лучших проявлениях, не была свойственна национальная ограниченность. Разумеется, русская действительность, нравы и обычаи русского народа, особенности русского национального характера — все это составляло основное содержание творчества русских поэтов, питало и их песенную лирику. Однако, будучи связанным прежде

¹ См.: «Студентские песни. 1825—1855» / Собранные А. Б. Спб., ц. р. 1880; «Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 1840 году...» / Собрал и издал... Вл. Александров. Харьков, 1891; «Песни Казанских студентов. 1840—1868» / Собрал А. П. Андреев. Спб. 1904.

всего с русскими песенными традициями (как народными, так и литературными), песнетворчество русских поэтов вбирало широким потоком вливавшиеся мотивы фольклора и поэзии других народов. Для русских поэтов, особенно в эпоху романтизма, был характерен своеобразный этнографизм, интерес к песням других народов России, а также народов Европы и отчасти Востока. Показательны приведенные выше названия и подзаголовки стихотворений, а также следующие: «Украинская мелодия» (подзаголовок к стихотворению «Казак на чужбине») Гребенки, «Грузинская песня» Лермонтова, «Татарская песня» Пушкина, его же «Молдавская песня» («Черная шаль»), «Татарская песня» Полонского, «Цыганская песня» Шевырева, «Цыганская венгерка» Григорьева, «Ирландская мелодия» и «Португальская песнь» И. Козлова, «Шотландская песня» Пушкина (подзаголовок к стихотворению «Ворон к ворону летит»), «Индийская песня» Подолинского, «Еврейская мелодия» Лермонтова, «Еврейская песнь» Кукольника (и некоторые другие его стихи из цикла «Прощание с Петербургом»). Подзаголовки ряда стихотворений указывали на источник: «Подражание польской» — «Русская песнь» Ибрагимова, «С богемского» (т. е. с чешского) — «Подоконье» Ф. Глинки и т. п. Но и независимо от этих и подобных названий и подзаголовков многие стихотворения русских поэтов, ставшие популярными, а в ряде случаев и народными песнями, являются переводами или переложениями стихотворений зарубежных поэтов. Не говоря уже о балладах и элегиях Жуковского, о «Песнях разных народов» Берга, о переводах И. Козлова, М. Михайлова (среди последних — знаменитая песня «Во Францию два гренадера...»), достаточно назвать некоторые наиболее популярные и фольклоризовавшиеся песни и их источники: «Вечерний звон, вечерний звон...» — перевод И. Козлова стихотворения ирландского поэта Т. Мура, «По синим волнам океана...» — переработка Лермонтова стихов австрийского поэта И.-Х. Цедлица, «Когда я на почте служил ямщиком...» — перевод А. Трефолева стихов польского поэта Сырокомли (Л. Кондратовича), «Отечество наше страдает...» — перевод Катенина стихов французского поэта А.-С. Буа. Русскими песнями и романсами стали стихотворения немецких поэтов — Гёте, Шиллера, Гейне, Фрейлиграта, английских — Байрона, Б. Корнуэлла, шотландского — Мозервелля, ирландского — Ч. Вольфа, французских поэтов — Беранже, Мильвуа, шведского — И.-Л. Рунеберга, польских — Мицкевича, Ю. Массальского, М. Конопницкой...

Все эти песни стали неотъемлемой частью русской национальной поэтической культуры, органически усвоены ею и отнюдь не воспринимаются как заимствования. Нахождение их первоисточника стало возможным в результате специальных исследований, ко-

торые иногда и поныне приводят к новым открытиям.¹ Вместе с тем объективно все эти произведения вокальной лирики были тем каналом, по которому быстрее и действеннее, чем в печати, осуществлялось приобщение широких кругов русской интеллигенции и народных масс к западноевропейской поэзии.

Таким образом, первая половина XIX века по разнообразию видов вокальной лирики, по обилию произведений и богатству идейно-художественного их содержания может считаться порой расцвета русского бытового романса и песни. Именно в это время был создан тот основной песенный фонд, который в значительной мере определил характер русской национальной музыкально-поэтической культуры и наложил отпечаток на музыкально-поэтический быт русского общества вплоть до Октябрьской социалистической революции.

4

Во второй половине XIX века в русской вокальной лирике происходят существенные изменения — они затрагивают и ее идейное содержание, и соотношение жанров, и стилевые изобразительные музыкально-поэтические средства.

Процесс демократизации русской культуры, расцвет реализма и углубление народности в разных видах искусства благотворно воздействовали и на развитие песенного творчества. Вдумчивое изучение фольклорной традиции поэтами и композиторами и более самостоятельное, свободное обращение с ней привело к тому, что «русская песня», отличавшаяся нарочитой фольклорной стилизацией, перестала удовлетворять как самих художников, так и критику и публику.

Народно-поэтические традиции, как бы заново открытые и органически усвоенные всей передовой русской художественной культурой, придали ей ярко выраженный национальный характер, каких бы тем она ни касалась, какой бы материал ни брала, какими бы средствами отражения действительности ни пользовалась. Необходимость в особом жанре «русской песни» в этих условиях отпала. Сыграв свою положительную роль в становлении национального искусства, она уступила место другим видам песенной лирики, характеризующимся не меньшим национальным своеобразием. Лишенная признаков внешней формальной фольклорности, вокальная лирика не только не утрачивает, но, напротив, развивает лучшие традиции народной песенности, обогащая их опытом, приобретает

¹ См., напр.: Копанева Н. П. Две шведские баллады в русском фольклоре // «Рус. литература». 1984, № 3. С. 169—175.

нам русской книжной поэзией. Характерно, что даже поэты, наиболее близкие по своей манере к народной поэзии, преодолевают условности жанра «русской песни» и отказываются от самого термина, предпочитая ему название «песня» или вовсе обходясь без последнего. Стилистические особенности народной поэзии творчески ассимилируются, перерабатываются, получают ярко выраженное индивидуализированное преломление в художественном методе каждого более или менее крупного поэта. Этим следует объяснить тот факт, что и Некрасов, и даже Никитин и Суриков не столько следуют традициям «русской песни», сколько сочетают интерес к народной жизни и подлинному фольклору с изучением опыта русской классической поэзии. Не случайно также песнями, в точном смысле этого слова, теперь еще чаще, чем в первой половине XIX века, становятся не те стихи, которые в какой-то мере все же ориентируются на традиции «русской песни», а те, которым сами поэты не прочили песенного будущего. Еще И. Розанов заметил, что из стихотворений Некрасова популярность в быту приобрела его агитационно-гражданская лирика, сюжетные стихотворения, отрывки из поэм, а не собственно «песни». То же самое произошло и с произведениями Никитина — в устный репертуар прочно вошли главным образом не его «песни» (из них только «Песня бобыля» действительно стала песней), а такие стихотворения, как «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», «Медленно движется время...». Не составляет исключения и Суриков — написанная в традиционном стиле «Песня» («В зеленом саду соловушка...») оказалась гораздо менее популярной, нежели стихотворения «В степи», «Сиротою я росла...», «Рябина», «Казнь Стеньки Разина»; в этих стихотворениях связь с фольклором несомненна, но она приобретает характер свободной интерпретации народно-поэтического сюжета или образа.

Если отмечаемое явление столь характерно для поэтов, непосредственно связанных с фольклорной традицией, то не удивительно, что оно прослеживается и в творчестве других поэтов второй половины XIX века. Большинство из них вовсе уже не пишет стихов в стиле «русской песни»; в тех же случаях, когда некоторые поэты отдавали дань этому жанру, песенную жизнь обретают, как правило, не их «русские песни», а другие стихотворения — как, например, у А. К. Толстого или у Мея. Наиболее популярные песни второй половины XIX века уже нисколько не напоминают по своему типу жанр «русской песни».

Правда, в конце XIX века жанр «русской песни» как бы возрождается в творчестве С. Дрожжина, М. Ожегова, Н. Панова, И. Кондратьева, И. Ивина и других поэтов, группировавшихся главным образом в «Московском товарищеском кружке писателей из народа», «Литературно-музыкальном кружке им. Сурикова» и

в разных аналогичных провинциальных объединениях. Но из многочисленных произведений, написанных в манере кольцовской и суриковской лирики и заполнявших сборники и песенники, издаваемые этими кружками и особенно предприимчивым Ожеговым, лишь очень немногие приобрели действительно песенную жизнь. Как ни пропагандировал Ожегов в своих песенниках стихи И. Ивина, А. Егорова, И. Вдовина, С. Лютова, Н. Прокофьева, Н. Либиной и других, в устный репертуар они не проникли.

Поэты-суриковцы не только не продвинулись вперед по сравнению со своим учителем, творчески воспринявшим фольклорные традиции, а в сущности сделали шаг назад — к «русской песне» первой половины XIX века. Они не смогли вдохнуть жизнь в этот жанр, возможности которого уже были исчерпаны их предшественниками.¹

Наиболее характерным типом вокальной лирики второй половины XIX — начала XX века становится «вольная» и революционная песни в разных жанровых ее разновидностях: агитационная, гимническая, сатирическая, траурный марш. Созданные поэтическими представителями разных поколений и течений освободительной борьбы русского народа — революционной демократии, революционного народничества и пролетариата — эти песни из подполья, из нелегальных кружков и организаций распространялись по тюрьмам и ссылкам, проникали в массы, звучали на демонстрациях и на митингах, во время забастовок, стачек и баррикадных боев.²

Как правило, эти песни создавали сами участники революционного движения, не являвшиеся поэтами-профессионалами, или люди, совмещавшие литературную деятельность с участием в освободительной борьбе: А. Плещеев («Вперед! без страха и сомненья...»), П. Лавров («Отречемся от старого мира...»), М. Михайлов («Смело, друзья! Не теряйте...»), Л. Пальмин («Не плачьте над трупами павших бойцов...»), Г. Мачтет («Замучен тяжелой неволей...»), В. Тан-Богораз («Мы сами копали могилу себе...»), Л. Радин («Смело, товарищи, в ногу...»), Г. Кржижановский («Беснуйтесь, тираны...»), Н. Ривкин («Море в ярости стонало...»), А. Коц («Песня пролетариев») и другие. Авторами мелодий этих песен тоже, как

¹ О судьбе жанра и об отношении к нему передовой художественной критики подробнее см.: Гусев В. Е. Песни и романсы русских поэтов... С. 34—38.

² См.: Друскин М. Русская революционная песня. М., 1954; Чичеров В. И. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего движения (1890—1907 гг.) // Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959; Полщук Н. С. Песни первой русской революции // «Сов. этнография». 1985, № 6. С. 3—16.

правило, оказывались непрофессиональные композиторы (А. Рашевская, Н. или П. Песков), иногда — сами же поэты (Л. Радин, Н. Ривкин), весьма редко — известные музыкальные деятели (П. Сокильский), чаще же всего авторы музыки оставались неизвестными. Русскую революционную песню невозможно представить без произведений международного рабочего движения — «Интернационала» Э. Потье (в переводе А. Коца), «Марсельезы» (в переводе П. Лаврова), «Варшавянки», без песни «Красное знамя» Б. Червеньского (в переводе В. Тана-Богораза) и других.

В репертуар борцов за свободу входили, приобретая в устном исполнении черты революционного песенного творчества, и стихотворения поэтов, далеких от освободительной борьбы, но объективно отразивших в некоторых своих произведениях устремления ее участников или уловивших общественное настроение своей эпохи. Поэтому созвучными революционной поэзии и вообще популярными в демократической, оппозиционно настроенной среде оказались и стихотворения А. К. Толстого («Колодники»), Я. Полонского («Что мне она...»), И. Никитина («Медленно движется время...»), А. Шеллера-Михайлова («Песня рабочих»), вплоть до «Каменщика» В. Брюсова, и даже некоторые произведения консервативных авторов: «Есть на Волге утес...» А. Навроцкого, «Полоса ль ты моя, полоса...» В. Крестовского, «Отворите окно, отворите...» Вас. Немировича-Данченко. В репертуаре демократических слоев русского общества оставались многие «вольные» песни предшествующих периодов.

Замечательной особенностью «вольных» и революционных песен второй половины XIX — начала XX века является то, что они имели подлинно массовое распространение, зачастую распевались в вариантах, отличных от авторской редакции, сами становились образцом для подобных же анонимных песен, включались в процесс коллективного песнетворчества, — одним словом, фольклоризовались.¹ Другим характерным их признаком является хоровое, чаще всего многоголосное исполнение без аккомпанемента («русская песня», как правило, по самому своему содержанию предполагала сольное исполнение; в первой половине XIX века лишь застольные, студенческие и некоторые «вольные» песни исполнялись хором).

Важные свидетельства широкого распространения революционных песен и характеристика песенного репертуара демократической среды в годы первой русской революции содержатся в воспоминаниях академика В. Жирмунского, цитируемых ниже.

¹ См.: Полищук Н. А. Указ. соч. С. 3—16.

«(...) В годы моей ранней юности, в возрасте 14—15 лет (1905—1906 гг.) (...) я был очень дружен с семьей моего товарища, по фамилии Валенкова, происходившей из очень демократической (среды): по отцу — из Рязанской губернии, где дети провели свое детство, по матери — из Ярославской. Я бывал у них очень часто, особенно в каникулярное время, и мы все много пели (...) и хором, и поодиночке, и под аккомпанемент балалайки или гитары, и без всякого аккомпанемента. Хотя я человек немзыкальный, я настолько часто и с таким воодушевлением пел вместе со своими друзьями, что до сих пор помню не только слова, но и мелодию тех песен, которые мы распевали (...) Имена авторов этих песен (за двумя исключениями: «Тамара» Лермонтова и «Коробейники» Некрасова) были мне тогда совершенно неизвестны, а тексты, которые мы распевали, сильно изменялись. Следовательно, это был типичный случай фольклоризации. Так как время было революционное, то в число песен, которые мы исполняли, входили в большом количестве и революционные песни (...) Перечисляю по Вашему сборнику подряд те песни, которые мы пели как «народные»: К. Ф. Рылеев, «Смерть Ермака»; Н. М. Языков, «Из страны, страны далекой»; М. Ю. Лермонтов, «Тамара»; С. И. Стромиллов, «То не ветер ветку клонит»; М. Л. Михайлов, «Смело, друзья, не теряйте...»; Я. П. Полонский, «Мой костер в тумане светит»; Н. А. Некрасов, «Ой, полна, полна коробушка...»; А. К. Толстой, «Колодники» (с припевом); Н. С. Никитин, «Ехал на ярмарку ухарь-купец...»; Д. П. Давыдов, «Славное море — священный Байкал...»; Н. А. Навроцкий, «Есть на Волге утес...»; В. И. Богданов, «Дубинушка» и «Владимирка» («По дороге большой...»); П. Л. Лавров, «Отречемся от старого мира...»; Д. Н. Садовников, «Из-за острова на стрежень...»; Л. П. Радин, «Смело, товарищи, в ногу...»; Г. М. Кржижановский, «Вихри враждебные...»; Е. М. Студенская, «Наверх, о товарищи, все по местам...»; «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»; «Солнце всходит и заходит...»; «Вот мчится тройка удалая...»; «Ревела буря, дождь шумел...»; «Не осенний мелкий дождичек»; «Быстры, как волны, дни нашей жизни...»; «Ты моряк, красивый сам собою...», «Шумел, горел пожар московский» (...) Крепко жму Вашу руку и буду рад, если своими воспоминаниями дам Вам некоторый материал для суждения о «городском фольклоре» времен первой революции. Дружески Ваш. В. Жирмунский».¹

¹ Письмо В. М. Жирмунского составителю (не датировано, штемпель на конверте: 20.02.1966) по поводу издания антологии «Песни и романсы русских поэтов». М.; Л., 1965 (Б-ка поэта. БС). — Личный архив составителя.

Знаменательна эволюция жанра баллады. В отличие от романтической баллады начала XIX века с присущими ей элементами флинтастики, а подчас и мистики, мотивами предопределенности судьбы персонажей, баллада второй половины XIX — начала XX века в большей степени связана с социально-исторической жизнью и бытом народа, приобретает черты реализма. Появившаяся на рубеже 1840-х годов «Баллада» Тургенева, положенная позже на музыку А. Рубинштейном, — заметная веха на этом пути. Образцами новой баллады, отразившей социальные конфликты, могут служить «Огородник» Некрасова, «Казнь Стеньки Разина» Сурикова, «Ванька-ключник» Крестовского, «Ямщик» Трефолева. На рубеже XIX—XX веков создаются историко-героические баллады: «Варяг» Репнинского, «Цусима» Тана-Богораза, «На родине» Щепкиной-Куперник и др. Социальные мотивы звучат и в балладах безымянных авторов: «По диким степям Забайкалья...», «Глухой, неведомой тайгою...», «Далеко в стране Иркутской...», «Кочегар» (предполагаемый автор С. Предтеча) и др. Этот процесс наблюдается и в народной балладе, хотя в последней он усложняется появлением и большого количества мелодраматических сюжетов любовной тематики.¹

Для второй половины XIX — начала XX века характерно проникновение песен литературного происхождения в широкие круги русского общества. Эти песни популяризовались многочисленными лубочными изданиями, песенниками, включались на равных основаниях с народными песнями во многие, в том числе и классические фольклорные сборники, публиковались в сборниках казачьих, солдатских и матросских песен, среди песен каторжан и «тюремных» песен. Собиратели и исследователи прослеживают их судьбу среди «городских» или «мещанских» песен. Своеобразной формой бытования песен литературного происхождения было их исполнение в представлениях народных драм в фольклорном театре.²

Многие песни и романсы приобрели большую популярность благодаря тому, что входили в состав драматургических произведений русских писателей или опер русских композиторов, исполнялись в спектаклях столичных и провинциальных театров. Этот процесс, начавшийся еще в XVIII веке, особенно усилился в середине

¹ Копанева Н. П. Новая баллада. (Жанровые границы. Сюжет.) // «Фольклор народов РСФСР»: Межвузовский сборник. Уфа. 1983.

² См.: Гусев В. Е. Песни в народной драме // «Русский фольклор». Л., 1971. Вып. 12. С. 67—79.

XIX века. Так, эти произведения широко были представлены в комедиях и драмах Шаховского, в операх Верстовского на тексты Загоскина («Пан Твардовский» и «Аскольдова могила»), в оперной тетралогии С. Давыдова «Днепровская русалка», в опере А. Титова «Посиделки» («Пой, скачи, кружись, Параша...» И. Дмитриева), в драме П. Ободовского «Велизарий» («Малютка, шлем нося, просил...» Мерзлякова), в трагедии Хомякова «Ермак», в драме Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский», в драматической повести Ершова «Фома-кузнец», в водевилях Кони... Особенно обильно насыщал песнями и романсами свои драмы и комедии Островский. Звучали они в драматических сценах М. Стаховича «Ночное» (их популярность тем более примечательна, что стихотворения того же автора, написанные в жанре песен, в устный репертуар не вошли). Новую жизнь обрело стихотворение А. Серебрянского «Быстры, как волны, все дни нашей жизни...», после того как Л. Андреев включил его в свою драму «Дни нашей жизни...». А некоторые известные песни и романсы создавались специально для театральных представлений, и их исполнение на сцене определило дальнейшую счастливую судьбу этих произведений («Не брани меня, родная...» Разоренова, «Нет, не любил он...» — русский перевод итальянского текста, сделанный для Комиссаржевской в роли Ларисы из «Бесприданницы», — у Островского романса нет). Все эти и другие песни прочно вошли в музыкально-поэтический быт на долгое время.

Нельзя обойти молчанием такое характерное явление русской музыкально-поэтической культуры, как «цыганская» песня и «цыганский романс». Речь идет не о подлинно фольклорных «таборных» песнях цыган (или точнее — различных этнических групп народности «рома»),¹ а о русских песнях, входивших в репертуар цыганских хоров, известных в России с конца XVIII — начала XIX века, но особенно культивируемых в 1820—1830-е годы и широко распространившихся с середины XIX века. Они были своеобразным синтезом русских и собственно цыганских элементов музыкального стиля. Причем эти песни в идейно-художественном и в жанровом отношении отнюдь не однородны. В лучших своих образцах русские песни, распеты в характерной для цыганского исполнительства манере,

¹ Штейнпресс Б. К. К истории «цыганского пения» в России. М., 1934; Бугачевский С. М. Цыганские народные песни и пляски. М., 1971; Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей / Издание подготовили Р. С. Деметер и П. С. Деметер. М., 1981; Щербакова Т. Цыганское музыкальное исполнительство в России. М., 1984 (раздел «Песни табора»).

представляли большую художественную ценность, восторженно воспринимались не только простыми слушателями, но и выдающимися деятелями искусства (в их числе — Л. Толстым, Тургеневым, Лесковым, Шаляпиным) и русскими поэтами (Пушкиным, Баратынским, Языковым, Ап. Григорьевым, Фетом, Ростопчиной, Апухтиным, А. К. Толстым). Русские композиторы часто усваивали цыганские образы и мелодии в своих вокальных произведениях (Варламов, С. Давыдов, Гурилев, Верстовский, Булаховы, Дюбюк, Чайковский, Рахманинов, А. Рубинштейн),¹ а некоторые их произведения, в свою очередь, проникали в цыганскую среду.

Русские народные песни и романсы русских композиторов прочно вошли в репертуар цыганских хоров Ивана и Ильи Соколовых, Ивана Васильева, Григория и Петра Соколовых, Федора Соколова, А. и Н. Шишкиных, В. Паниной, Д. Марголенко, Мальчугина, Массальских, Сорокиных, Федоровых. Их исполняли выдающиеся цыганские певицы и певцы: «русская Каталани» Стеша — Степанида Сидоровна (1787—1822), ее дочь Оля — Ольга Андреевна (которую часто слушал Пушкин), Таня — Татьяна Дмитриевна (?) Дементьева (1808?—1870-е годы), любимица Пушкина и Языкова (она была признана знатоком и ценителем русского фольклора П. Киреевским), Груша — Аграфена Васильева, Любаша — Любовь Васильева, Пиша — О. Федорова, Нюра — Анна Массальская, Е. Панин, М. Соколов, Н. Шишкин, знаменитая Варя — В. В. Панина (1872—1911).

«Цыганскими» песнями и романсами становились не только стихотворения русских поэтов, получившие такое название (у Пушкина, Шевырева, Полонского и др.), но и произведения, никак не связанные с цыганской тематикой и цыганской песенной традицией: «Горные вершины» Лермонтова, «Вот мчится тройка удалая...» Ф. Глинки, «Я очи знал...» Тютчева, «Если измена тебя поразила...» и «Ночи безумные, ночи бессонные...» Апухтина, «На заре ты ее не буди...» Фета, «Густолиственных кленов аллея...» И. Панаева и многие другие. Все эти романсы включаются в нотированные сборники, в «Собрание песен московских цыган» (Спб., 1850), «Песни московских цыган» (М., 1856), в «Знаменитый русский и цыганский песенник» (Спб., 1859), в «Полнейший песенник московских цыган» (Спб., 1863) и другие сборники. Авторами музыки «цыганских» романсов, наряду с композиторами-цыганами (прежде всего — И. Васильевым и М. Шишкиным), становятся и русские (кроме назван-

¹ См.: Щербак ова Т. Указ. соч. (разделы «Трансформация» и «Цыганские мотивы в русской музыке»).

ных выше, А. Абаза, С. Донауров, Т. Толстая, А. Шилковский и др.). Их исполняют не только цыганские певцы, но и А. Вяльцева, А. Давыдов, З. Давыдова, Петр А. Булахов, В. Зорина, М. Лебедева, Н. Плевицкая, А. Полякова, Р. Раисова, Н. Северский...¹ В исполнении популярных эстрадных певцов «цыганские» песни и романсы тиражируются в многочисленных грамофонных пластинках.

В конце XIX века, в особенности в начале XX века происходит опoшление и деградация «цыганских» песен и романсов, превращение их в сентиментальный, мелодраматический жанр или в лихие плясовые припевки. Этот процесс совершается не без участия третьестепенных поэтов — русских и цыганских — и таких композиторов, как В. Бакалейников, А. Денисьев, Н. Пашков, В. Соколов, Р. Калябин, С. Штуцман и прочие, форсируется руководителями расплодившихся цыганских хоров в ресторанах, кофейнях и трактирах Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и некоторых других городов России. Соответственно падает уровень исполнительства в любительской среде. «Цыганская» песня перерождается в «жестокий» романс, и это явление получает наименование «цыганщины», отрицательно сказавшейся и на вкусах публики.²

В вокальной лирике второй половины XIX века можно провести более четкую грань между песней в собственном смысле этого слова и романсом, ориентирующимся на сольное исполнение и музыкальное сопровождение на каком-нибудь инструменте.

Но и в самом романсовом творчестве с середины XIX века происходит заметная эволюция. Как отмечает исследователь, «резко разграничиваются области романса «профессионального» и «бытового», значительно меняется их соотношение».³ Действительно, в XVIII веке и в первой половине XIX века все романсовое творчество, в сущности, было доступно любому любителю музыки и легко входило в домашний быт, особенно в дворянской интеллигентной среде. Лишь некоторые романсы Глинки могут считаться первыми образцами профессионального романса, требующего от

¹ См.: Нестьев И. В. Звезды русской эстрады. М., 1974.

² См.: Штейнпресс Б. Происхождение «цыганщины» // «За пролетарскую музыку». 1930, № 10; Друскин М. К вопросу об изучении «цыганщины» // «Советская музыка». 1934, № 12; Вольман Б. Гитара в России. Очерки истории гитарного искусства. Л., 1961; Щербакова Т. Указ. соч. С. 78—81; см. также статью «Цыганский романс» Т. В. Чередниченко // Музыкальная энциклопедия. М., 1982. Т. 6. С. 158—161.

³ В а с и н а - Г р о с с м а н В. А. С. 140.

певца большого технического мастерства и специальной подготовки. Совершенно иначе обстоит дело во второй половине XIX — начале XX века. Бытовой романс становится теперь главным образом уделом второстепенных композиторов. Среди авторов бытового романса на слова русских поэтов-современников можно назвать Н. Афанасьева, Павла и Петра Булаховых, К. Вильбоа, К. Давыдова, С. Донаурова, О. Дютша, Г. Лишина, В. Пасхалова, В. Соколова. Историк русской музыки Н. Финдейзен пишет: «Некоторые произведения этих романсистов (...) пользовались иногда завидной, хотя и дешевой популярностью...»¹ Бытовой романс в собственном смысле этого слова мелькает в идейно-психологическом содержании и часто отмечен печатью формального эпигонства по отношению к мастерам бытового романса первой половины XIX века. Это, разумеется, не означает, что в массе посредственных произведений названного жанра не было таких, которые по своей художественности приближались бы к бытовому романсу первой половины XIX века.² Очень популярными бытовыми романсами второй половины XIX — начала XX века оказались «Пара гнедых» Апухтина, «Под душистою ветвью сирени...» В. Крестовского, «Забыли вы» П. Козлова, «Это было давно... я не помню, когда это было...» С. Сафонова, «Письмо» А. Мазуркевича, «Гори, гори, моя звезда...» В. Чуевского, «Под впечатлением «Чайки» Чехова» Е. Буланиной, «Ноктюрн» З. Бухаровой. Они надолго вошли в исполнительский обиход.

Лучшими бытовыми романсами рассматриваемого периода становятся и некоторые наиболее доступные любителям музыки романсы крупных композиторов. Примечательно, что с музыкой композиторов второй половины XIX века входят в быт стихи поэтов и первой половины века. Таковы, в частности, многие романсы Балакирева на тексты Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Любопытно, например, что разночинцам 60-х годов полюбился романс Балакирева на слова Лермонтова «Песнь Селима» — не случайно его поет «дама в трауре» из романа Чернышевского «Что делать?». Песенную популярность приобрели и некоторые романсы Даргомыжского на слова поэтов середины XIX века — Н. Павлова («Она безгрешных сновидений...»), Ю. Жадовской («Ты скоро меня позабудешь...»), Ф. Миллера («Мне все равно...»). Широкоизвестными стали «Каллистрат» Некрасова — Мусоргского и «Я пришел к тебе с приветом...» Фета — Балакирева. Особенно прославились многие романсы

¹ Финдейзен Ник. Русская художественная песня (романс). Спб., 1905. С. 12.

² См.: «Русский бытовой романс второй половины XIX в.». Составитель и редактор проф. А. Б. Меерович. М.; Л., 1948.

Чайковского на слова поэтов второй половины XIX века: «О, спой же ту песню, родная...» (Плещеев), «Хотел бы в единое слово...» (Мей), «Ночи безумные, ночи бессонные...» и «Забыть так скоро...» (Апухтин), «На заре ты ее не буди...» (Фет), «Средь шумного бала...» (А. К. Толстой), «Растворил я окно...» (К. Р.), «Мы сидели с тобой у заснувшей реки...» (Д. Ратгауз).

Многие из стихотворений поэтов второй половины XIX — начала XX века стали замечательными явлениями русской вокальной лирики, где достигнуто полное слияние текста и музыки. Это относится к творчеству таких поэтов, как А. К. Толстой, Плещеев, Майков, Фет, Полонский, Апухтин, Мей. Стихотворения же некоторых поэтов вообще живут до сих пор лишь как романсы (Голенищев-Кутузов, Ростопчина, Минский, Ратгауз, К. Р.). Вместе с музыкой крупнейших композиторов стихотворения названных поэтов прочно вошли в сознание русской интеллигенции, а по мере повышения культурного уровня масс становятся достоянием все более широкого круга трудящихся. Поэтому, оценивая вклад русской поэзии в национальную культуру, невозможно ограничиться только наследием классиков, но необходимо принять во внимание и лучшие образцы бытового романса — в первую очередь те произведения, которые входят в репертуар популярных исполнителей-вокалистов и постоянно звучат с эстрады концертных залов и по радио, а также проникают в современную массовую художественную самодельность.

Если обратиться к поэтам, чьи стихотворения особенно часто и охотно использовались крупнейшими русскими композиторами и на тексты которых созданы классические романсы, то нетрудно убедиться, что, за немногими исключениями, выбор имен оказывается не случайным. При всем том, что у каждого композитора большую роль могли играть и личные пристрастия и вкусы (например, увлечение Мусоргского поэзией Голенищева-Кутузова), все же круг поэтов, на чьи тексты написано особенно большое количество романсов, представлен совершенно определенными именами. В творчестве любого из таких поэтов можно найти немало стихотворений, которые неоднократно положены на музыку самыми различными по своему творческому методу композиторами. И даже тот факт, что на такие стихи написана превосходная музыка Глинкой или Чайковским, чьи романсы уже приобрели известность, не останавливал ни их современников, ни композиторов последующей эпохи, вплоть до нашего времени. Есть стихотворения, на которые написаны буквально десятки романсов. Из поэтов первой половины XIX века особенно счастливыми в этом отношении были Жуковский, Пушкин, Лермонтов и Кольцов. На тексты первого русского романтика романсы создавались на протяжении целого столетия — от

первых опытов его друга композитора Плещеева до произведений Ипполитова-Иванова. Только в XIX веке положено на музыку более двухсот шестидесяти произведений Пушкина (а всего — более трехсот пятидесяти). К стихотворению «Не пой, красавица, при мне...», несмотря на то, что оно до сих пор живет прежде всего с музыкой Глинки, созданной в 1828 году, обращались многие другие композиторы (свыше двадцати, среди них встречаются такие имена, как Балакирев, Римский-Корсаков, Рахманинов, Н. Рубинштейн, Ипполитов-Иванов). Стихотворение «Певец», широко известное с музыкой Чайковского, переложено на музыку более чем двадцатью композиторами XIX века. В XIX — начале XX века создано огромное количество романсов на более чем сто пятьдесят стихотворений Лермонтова. Его «Молитва» («В минуту жизни трудную...») была положена на музыку более чем восьмьюдесятью композиторами. Свыше пятидесяти романсов существует на слова «Казачьей колыбельной», свыше сорока — на стихотворения «Слышу ли голос твой...», «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и т. д. Быть может, первое место в ряду русских поэтов в этом отношении принадлежит Кольцову — на его тексты создано около семисот романсов и песен более чем тремястами композиторами! Как видим, удельный вес поэтов первой половины XIX века в русской вокальной музыке приблизительно совпадает с их значением в истории поэзии — романсы первостепенных поэтов явно преобладают (исключение составляет лишь Баратынский, на слова которого написано сравнительно мало романсов).

Когда же мы обратимся ко второй половине XIX века и началу XX века, то здесь картина, на первый взгляд, неожиданно меняется: поэты, роль которых в истории поэзии представляется скромной, зачастую предпочитают композиторами более крупным поэтам, и в романсном репертуаре они занимают едва ли не большее место, чем корифеи русской поэзии. Любопытно, что, в то время как из стихотворного наследия Некрасова внимание композиторов привлекло семьдесят текстов, из Тютчева — восемьдесят текстов, романсами стало более ста семидесяти стихотворений Фета, сто шестнадцать стихотворений Плещеева, свыше ста стихотворений Надсона, Ратгауза. Может быть, особенно парадоксальна картина для поэзии начала XX века: своеобразный «рекорд» принадлежит Бальмонту — на музыку положено двести восемьдесят его стихотворений (за каких-нибудь двадцать лет больше, чем за столетие у Пушкина, Кольцова, Лермонтова, Тютчева, Некрасова). Причем среди композиторов, создавших романсы на его слова, мы встречаем Рахманинова, Танеева, Прокофьева, Гречанинова, Глиэра, Ипполитова-Иванова, Стравинского, Мясковского... Поразительно, что из напевной лирики Блока на музыку было положено при жизни поэта

лишь двадцать восемь стихотворений, на тексты которых было создано около пятидесяти романсов (среди авторов лишь немногие крупные композиторы: Гречанинов, Глиэр, Василенко, Гнесин, Рахманинов, Щербачев). Бальмонту мог позавидовать в этом отношении и Брюсов: на музыку было положено до 1917 года пятьдесят девять его стихотворений. Более пятидесяти произведений Бунина стали романсами (среди их авторов — Гречанинов, Глиэр, Рахманинов, Ребиков, Шапорин).¹ Другие поэты начала XX века заметно уступают названным — даже Ахматова, Андрей Белый, Вяч. Иванов, Игорь Северянин. А стихотворения Цветаевой, которые положены неоднократно на музыку в советское время, до 1917 года вообще не привлекали внимания композиторов. Впрочем, многие известные поэты начала XX века могли бы гордиться тем, что хотя бы одно-два их стихотворения были положены на музыку крупнейшими композиторами этой поры.

Что же привлекало музыкантов в поэзии второй половины XIX — начала XX века? Разумеется, вряд ли возможен категорический и односложный ответ на этот вопрос, одинаково приложимый к творчеству всех поэтов. Но, принимая во внимание особенности и возможности вокальной музыки, а также те творческие задачи, которые ставили перед собой композиторы, создавая романсы, следует отметить, что они предпочитали те стихи, где с наибольшей непосредственностью выражено внутреннее психологическое состояние лирического героя, особенно таким, где переживание поэта оказывается как бы неполным, не высказанным до конца, что давало возможность выявить его музыкальными средствами. Поэзия намеков, недомолвок, содержащая глубокий лирический подтекст, предоставляла наибольший творческий простор для воображения композитора. Не последнюю роль играли и некоторые стилистические особенности творческой манеры таких поэтов, как Фет, А. К. Толстой, Мей, Полонский, — развитие темы и композиционное строение стихотворения, напоминающие структуру музыкального произведения, насыщенность текста повторами, восклицаниями, смысловыми паузами, мелодичность языка, плавность ритма, гибкая речевая интонация. Некоторые из названных поэтов сознательно следовали в своем творчестве музыкальным законам. Так, Фет исходил из сформулированного им самим теоретического принципа: «Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны (...) Все вековечные

¹ Подсчет всюду произведен в основном по кн.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). М., 1966. Вып. 1; М., 1969. Вып. 2.

поэтические произведения (...) в сущности (...) песни».¹ Не случайно один из циклов Фет назвал «Мелодиями». Поэт признавался: «Меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил насколько хватало сил моих».²

Многое для понимания судеб русской поэзии в музыке дают и высказывания самих композиторов. Чайковский в одном из своих писем четко сформулировал, что «главное в вокальной музыке — правдивость воспроизведения чувств и настроений (...)».³ Великий композитор много размышлял об особенностях русской версификации и интонационного строя русских стихов, искал в поэзии разнообразия ритмов, строфики и рифм, создающих наиболее благоприятные возможности для музыкального выражения лирического содержания поэзии. Чайковского привлекал тип напевного интонационно-выразительного стиха, и сам он называл в качестве образца в этом отношении поэзию Фета. О нем композитор писал: «Скорее можно сказать, что Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область (...) Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словами».⁴ Так же высоко оценивал Чайковский и поэзию А. К. Толстого: «Толстой — неисчерпаемый источник для текстов под музыку; это один из самых симпатичных мне поэтов».⁵

Именно присущая поэзии Фета и А. К. Толстого, а также Плещеева, Мея, Полонского, Апухтина и близких им поэтов манера выражения чувств, настроений и мыслей и характер интонирования стиха предоставляли наилучшие возможности для переложения их стихов на музыку. Поэтому не только у Чайковского, но и в романсном творчестве других крупных композиторов второй половины XIX века, наряду с классическими мастерами русской поэзии, стихи названных поэтов занимают центральное место. Характерен, например, выбор авторов Римским-Корсаковым: Пушкин, А. К. Толстой, Майков, Лермонтов, Фет. Поэтами, к которым чаще всего обра-

¹ Фет А. Два письма о значении древних языков в нашем воспитании // «Литературная библиотека». 1867. Кн. 1. С. 56.

² Цит. по статье Б. Я. Бухштаба к изд.: Фет А. А. Полное собрание стихотворений. 1937. С. 21 (Б-ка поэта, БС).

³ Чайковский М од е с т. Жизнь Петра Ильича Чайковского. М., [1902]. Т. 3. С. 383.

⁴ Там же. С. 266—267.

⁵ «Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк» М.: Л., 1935. Т. 2. С. 360.

щался Рубинштейн, были Пушкин, Лермонтов и — А. К. Толстой, Рахманинов — А. К. Толстой, Плещеев, Пушкин, Лермонтов, Фет.

Большой интерес представляют высказывания о романсе композитора и критика Ц. Кюи. В соответствии с эстетическими заветами революционно-демократической критики он отдает предпочтение программной музыке, особенно вокальной, как самому доступному и демократическому жанру. Истоки ее Кюи не случайно устанавливает в фольклоре, в коллективном песенном творчестве. Свое внимание к романсу он мотивирует как раз тем, что «романс — один из видов вокальной музыки, а последняя есть крайнее выражение программной музыки».¹ Наиболее последовательно и определенно выраженная «программность» романса объясняется тем, что именно здесь «поэзия и звук — равноправные державы, они помогают друг другу: слово сообщает определенность выражаемому чувству, музыка усиливает его выразительность, придает звуковую поэзию, дополняет недосказанное; оба сливаются воедино и с удвоенной силой действуют на слушателя».² В полном соответствии текста и мелодии Кюи видел «художественную задачу вокальной музыки» и, изучая историю русской лирики, искал «идеал романса». Сосредоточив основное внимание на характеристике музыкального элемента, Кюи отнюдь не безразлично относился к проблеме поэтического текста. Так, в заслугу Даргомыжскому и Балакиреву он ставит «уравновешенное соответствие между формами музыкальными и поэтическими», явившееся в результате тщательного изучения композиторами формы стихотворения.³ С одобрением Кюи пишет, что Направник тексты для своих романсов выбирал большей частью содержательные и у значительных поэтов, но тут же замечает, что талантливому композитору иногда изменяет вкус и он «слишком (...) доверяет авторитетному имени поэтов (...)».⁴ Весьма критически Кюи относился даже к некоторым романсам Чайковского, где проявлялось, по его мнению, «пренебрежительное отношение» к стихотворному тексту, и Римского-Корсакова, который «превращает некоторые стихи в прозу», как, например, в романсах на слова Плещеева, а это тем более досадно, что «стихи Плещеева красивы и сами по себе музыкальны».⁵

Разумеется, не только Направнику изменял вкус. Иногда и более

¹ Кюи Ц. А. Русский романс. Очерк его развития. Спб., 1896. С. 5.

² Там же. С. 61.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же. С. 117, 137.

значительные и даже великие композиторы писали музыку на посредственные стихи второстепенных и третьестепенных поэтов. Но как правило, такие романсы и не выдерживали испытания временем. Те же романсы, которые живут до наших дней, должны быть объектом изучения не только музыковедов, но и историков поэзии,— это может внести некоторые коррективы в привычные представления о культурной ценности стихотворений тех русских поэтов, которые все еще остаются изгоями в исследованиях литературоведов.

Если многие романсы второй половины XIX века оказались действительно популярными и сохраняются до сих пор в репертуаре певцов, то сложнее обстоит дело с романсами поэтов и композиторов начала XX века. Хотя, как утверждает исследователь-музыковед, «никогда у нас не писалось и не печаталось столько романсов, как в начале XX века»,¹ и, как уже было отмечено, некоторые поэты этой поры могут соперничать с классиками по количеству произведений, положенных на музыку, вместе с тем можно буквально пересчитать по пальцам те романсы, которые стали фактом музыкально-поэтического быта или хотя бы удержались в эстрадном исполнении. Конечно, и в первые два десятилетия XX века Рахманинов, Танеев, Глазунов, Ипполитов-Иванов, Глиэр, Мясковский и другие композиторы создавали прекрасные произведения как на слова русских поэтов XIX века, так и на тексты современников, но влияние модернизма пагубно сказалось на судьбах вокальной лирики в целом, придало ей черты, противоречащие демократическим традициям русского искусства,— идейную ущербность, камерность, нарочитую усложненность музыкально-поэтического языка.

Беспорно, достойными классических образцов оказались такие произведения, как «Что мне она...» и «В годину утраты» Полонского — Танеева, «Весенние воды» Тютчева — Рахманинова, «В дымке-невидимке» Фета — Танеева, «В молчаньи ночи тайной...» Фета — Рахманинова, «Бессонница» Тютчева — Метнера. Но это, как видим, все романсы на слова поэтов XIX века. Гораздо менее известными являются даже лучшие романсы тех же композиторов на тексты поэтов XX века: цикл Эллиса — Танеева «Десять стихотворений» (хотя среди них есть и подлинно выдающиеся произведения — «Менуэт», «И дрогнули враги...»), цикл романсов Рахманинова на слова символистов (в последнем выделяется перевод Блока из Исаакяна: «Ночью в саду у меня...»). Особо должны быть упомя-

¹ Л и в а н о в а Т. Н. Русские поэты и вокальная лирика... С. 8.

нуты романсы Рахманинова на слова Г. Галиной: «У моего окна...», «Как мне больно...», «Здесь хорошо...». Галина — незаслуженно забытая поэтесса, в свое время очень популярная, чьи стихи («Лес рубят») часто звучали с эстрады и на студенческих сходках и вечеринках, а стихотворение «Бур и его сыновья» стало подлинно народной песней («Трансвааль, Трансвааль...»), так как отвечало свободолюбивым и патриотическим настроениям молодежи начала века. Обращение Рахманинова к поэзии Галиной — знаменательный факт в истории русской песенной культуры начала XX века.

Реалистическая, тонкая лирика Бунина не нашла достойного ее музыкального выражения в силу господства модернистских направлений в музыке, хотя несколько романсов на его тексты могут быть названы в числе лучших достижений вокальной лирики: «Как светла, как нарядна весна...», «Ночь печальна...» (на тот и другой тексты музыку написали и Рахманинов и Глиэр). А его стихотворение «Я простая девка на баштане» с музыкой Василенко стало популярной эстрадной песней.

Огромное количество романсов на слова символистов осталось в нотах и едва ли когда-нибудь пелось. Поразительная, почти небывалая мода на Бальмонта все-таки не способствовала увековечению его поэзии в музыке. Конечно, увлечение композиторов его стихами объяснялось не только известностью и плодовитостью поэта, но и особенностями его поэзии. Б. Асафьев в свое время писал: «Яркая внешность звучания и легковейность поэтических образов прельщают современных музыкантов у Бальмонта, но, конечно, в большинстве случаев в произведениях, написанных на его тексты, не найти присущих поэту качеств: гибкости, скользящей легкости стиха и мастерства в построении формальных схем».¹ Впрочем, основной причиной неудачных опытов музыкальных переложений стихов Бальмонта является не столько неспособность современных поэту композиторов сравняться с ним в формальном мастерстве, сколько неглубокость содержания его лирики. Наиболее значительными произведениями на слова Бальмонта оказались не романсы, а хоры Танеева и «Колокола» Рахманинова (для солиста, хора и оркестра). Любопытно, что подлинную популярность приобрело в революционных прокламациях и песенниках только одно стихотворение Бальмонта — «То было в Турции, где совесть вещь пустая...».²

¹ Глебов И. С. 11.

² См.: Дун А. О стихотворениях, предназначенных для «Искры» // «Рус. литература». 1963, № 3. С. 161.

Поэзия Брюсова не вдохновила ни одного крупного композитора, за исключением Рахманинова, создавшего прекрасный романс «Крысолов» («Я на дудочке играю...»). Единственной популярной песней стал «Каменщик» с музыкой Энгеля. Та же судьба постигла и поэзию Блока — на его тексты писали, как правило, весьма посредственные композиторы (исключение составляют романсы и Вторая симфония В. Щербачева). Асафьев выделяет в качестве лучших романсов музыкальные переложения А. Лурье «Четок» Ахматовой. Можно было бы отметить романсы Глиэра, Гнесина и Шапорина. Очень высокую оценку под пером известного историка русской музыки получили романсы Мясковского на слова З. Гиппиус: «Мышление и образы З. Гиппиус нашли в Мясковском яркого воплотителя, и такие пьесы, как «Петухи», «Луна и туман», «Противоречия», «Круги», «Кровь», — совершенно исключительные по своему замыслу явления в обширной литературе русского романса».¹ Заслуживают внимания и романсы Прокофьева на стихи Ахматовой. Но эти и подобные им удачные опыты музыкального воплощения стихов поэтов-символистов, декадентов, акмеистов и футуристов (например, романс Игоря Северянина — Рахманинова «Маргаритки») могут считаться счастливым исключением.

Поэзия начала XX века оказалась в целом не песенной, но в союзе с музыкой живут стихи поэтов, постигших секрет песенности.

Не как литературное наследие, но как живая часть современной музыкально-поэтической культуры воспринимаются новыми поколениями и произведения великих и известных поэтов, ставшие популярными песнями и романсами, и те стихотворения авторов, чьи имена занимают в истории поэзии скромное место, которые стали народными песнями: «Есть на Волге утес...» (Навроцкого), «Из-за острова на стрежень...» (Садовникова), «Славное море, священный Байкал...» (Д. П. Давыдова), «То не ветер ветку клонит...» (Строилова), «Гремит звонок, и тройка мчится...» (Анордиста — Н. Радостина) и многие другие.

Процесс фольклоризации стихотворений русских поэтов — одно из самых примечательных проявлений творческого восприятия поэзии народными массами. Характерен в этом случае сам отбор литературных произведений, позволяющий судить о их доступности народу, о их соответствии мировоззрению и эстетическим вкусам народа.

Однако усвоение поэзии народными певцами не было пассивным, напротив, в процессе устной передачи от исполнителя к испол-

¹ Г л е б о в И. С. 13. Ср.: Л и в а н о в а Т. Н. Указ. соч. С. 26.

нителю, от поколения к поколению тексты стихотворений, как правило, переосмыслились, изменялись в соответствии с фольклорными традициями или актуализировались в связи с новыми и историческими и социальными условиями жизни народа, более или менее удачно варьировались в зависимости от творческой одаренности певцов. Разумеется, характер и степень этих изменений были различными: одни песни сохраняли в основном авторский текст, лишь варьируя отдельные стихи, в других же песнях авторский текст претерпевал радикальную переработку (причем это относится к разным стихотворениям одного и того же поэта: так, «Романс» Пушкина вошел в народный песенный репертуар почти без изменений, а «Узник» распространился в многочисленных, существенно различающихся между собой вариантах; то же можно проследить и на судьбе стихотворений Кольцова).

Песенные варианты одного и того же стихотворения далеко не равнозначны: среди них встречаются тексты, заметно уступающие в художественном отношении поэтическому источнику, но лучшие из них соперничают с авторскими текстами и по праву могут считаться оригинальными интерпретациями стихотворного образца, а иногда и превосходить его. Быть может, наиболее замечательным примером удачной народной редакции стихотворного текста может служить песня «Вижу чудное приволье...», которая считается народной и часто звучит поныне в концертах и радиопередачах, исполняется в массовой художественной самодеятельности. Некоторые фольклористы (А. Новикова) считали ее даже советской народной песней. При этом и слушателям, и исполнителям, и многим специалистам остается неизвестным, что у песни есть литературный источник — стихотворение Ф. Савинова «На родной почве». Опубликованное в 1885 году, оно отразило «почвеннические» настроения автора, а в окончательной редакции «Родное» (в сборнике стихотворений поэта) — его религиозно-шовинистические убеждения, особенно отчетливо выраженные в заключительной строфе. Распетое в народе, стихотворение утратило большую часть стихов подлинника (остались лишь 1-я, 2-я и 5-я строфы), лишилось особенностей авторского идейного содержания (см. № 635). То же самое произошло и со стихотворением Н. Веревкина «Под зеленою раkitой», написанным по случаю польского восстания 1831 года: великодержавно-шовинистическое настроение подлинника устранено в многочисленных вариантах народной песни «Под раkitю зеленую...», основным содержанием которой стала поэтическая разработка традиционного в русском фольклоре мотива смерти — женитьбы раненого солдата на земле (вплоть до патриотических вариантов, созданных в годы Великой Отечественной войны!) (см., например, № 760).

Сокращение текста, сведение нескольких стрóf в одну, устранение длиннот, описательности, излишних подробностей в развитии сюжета — наиболее характерный способ преобразования стихотворения в народную песню. Такую усовершенствованную форму обрели в народе, например, некоторые стихотворения Сурикова, особенно его «Рябина» и «В степи» (ср. № 553 и 782, 783, № 554 и 787), «Элегия» А. Аммосова (ср. № 539 и 779), «Уральский казак» С. Аксакова (ср. № 211 и 751) и многие другие.

В некоторых случаях народная песня, воспользовавшись наиболее выразительными образами или строфами стихотворения, развивает их в новых стихах или изменяет развитие сюжета либо концовку стихотворения. Например, широкоизвестная песня «Вдоль по улице метелица метет...» восходит к двум двустихиям стихотворения Д. Глебова «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...» (ср. № 198 и 748); песня «Тройка мчится, тройка скачет...» воспользовалась лишь первой строфой стихотворения Вяземского «Еще тройка» и заменила образ одинокого путника и мотив его неизвестной судьбы мотивом счастливой встречи ямщика с его возлюбленной (см. № 765); народная песня «Как на дубе на зеленом...» — оригинальная разработка сюжета и образов стихотворения Ершова «Молодой орел» (ср. № 389 и 768). Популярнейшая до сих пор песня «Раскинулось море широко...» (№ 772) — через песню-посредник «Кочегар» (№ 771) — восходит к двустихию из стихотворения Щербины «Моряк»:

Раскинулось небо широко.
Теряются волны вдали...

Особенно популярная в годы гражданской войны любимая песня Чапаева «Ты, моряк, красивый сам собою...» воспользовалась отрывком песни из драмы В. Межевича «Артур, или Шестнадцать лет спустя» и переосмыслила при этом ее содержание, отказавшись от мотива женской неверности (ср. № 769 и 404). Такие примеры можно было бы умножить. Разыскание источника народной песни литературного происхождения в таких случаях требует особенно тщательных поисков, так как связь текстов песни и стихотворения оказывается весьма отдаленной.

Некоторые стихотворения породили новые, актуализированные переработки, которые, в свою очередь, распространились в многочисленных вариантах. Так, «Песнь грека» Веневитинова, созданная в 1825 году под впечатлением освободительной борьбы греческого народа против Османской империи, впоследствии, на протяжении всей истории русского народа, служила образцом для песен, сопровождавших войны XIX—XX веков («Под небом Сербии гонимой...», «Отец мой был природный пахарь...», «Между Китаем и Маньчжу-

рой...», вплоть до известной песни Великой Отечественной войны «Между Москвой и Ленинградом...» — см. № 244, 756). Широкое распространение в XIX — начале XX века получили многочисленные и различные «Дубинушки», восходящие к тексту стихотворения Ольхина «Дубинушка». Сюжет «Песни» Гребенки («Молода еще девица я была...»), популярной в нескольких песенных вариантах, оказался очень продуктивным в годы гражданской и Великой Отечественной войн, когда были созданы новые песни о встрече спустя много лет женщины с Буденным или с командиром Красной Армии либо партизанского отряда (ср. № 399 и 746).

Таким образом, русская поэзия оказалась могучим стимулом песнетворчества в самом широком смысле этого слова, не только композиторского, но и народного, обогатила золотой фонд русского фольклора, стала неотъемлемой частью художественной культуры народных масс.

В. Гусев

XVIII ВЕК

КАНТЫ

«РОССИЙСКИЕ ПЕСНИ»

Феофан Прокопович родился в 1681 году в Киеве, умер в 1736 году в Петербурге. Выдающийся политический и церковно-общественный деятель, один из ближайших соратников Петра I, Прокопович был также незаурядным ученым и писателем. Он отличался разносторонностью интересов и оставил труды в области философии, богословия, истории, права, теории поэзии, ораторского искусства, педагогики. Перу Прокоповича принадлежат трагедо-комедия «Владимир», трактат «De arte poetica» («О поэтическом искусстве», опубликован в 1768 г.) и свыше двадцати стихотворений на русском языке, а также стихотворения на латинском и польском языках. На тексты Прокоповича уже при его жизни анонимными музыкантами сочинялись песни (канты). В XVIII веке он был известен как автор пяти песен: «Кто крепок на бога уповая...», «О суетный человец...», «Плачет пастушок в долгом ненастье», «Прочь уступай, прочь...», «Что мне делать...». Их в качестве песен указывает С. Ф. Наковальнин в составленном им оглавлении «сочинений стихотворческих» Прокоповича.¹ Эти канты встречаются и без имени автора в многочисленных рукописных песенниках XVIII века, а первые три опубликованы в знаменитом «Письмовнике» Н. Курганова, также без подписи. В песенный обиход вошли и другие стихотворения Прокоповича: «За Могилою Рябою» и «Всяк себе в помощь вышнего предавай...». Канты на слова Прокоповича исполнялись первоначально его воспитанниками, воспринимались средой, близкой к Петру I, а затем распространялись и в демократических кругах русского общества.

1. ЗА МОГИЛОЮ РЯБОУ

За Могилою Рябою
над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день недельный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.

¹ Феофана Прокоповича (...) Слова и речи (...) Спб., 1760. Ч. 1. Оглавление... № 71—75.

Пошли навстреч козацкие,
пошли полки волоские,
пошли загоны донские.
Легкий воин, делав много,
да что был числа малого,
не отнял места лихого.
Поял то был город близкий,
врагом добрый, бо был низкий,
дал бы на вас пострел резкий.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иншого места искати,
а не всуе пропадати.
Скоро померк день неделный,
ажно российские силы
на отворот загремели.
Страшно гремят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
гремел на весь пляц широкий.
Зоря с моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумела.
Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
большая злость наступила,
вся армата загремела.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
«На мир, на мир!» — закричано.
Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал сбить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чих рук поляже.

Вторая половина 1711

2. ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТЬЕ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно —
всё ненастье.
Нет и надежды. О, многобедно
Мое счастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нечто поглотить стаду,
да обманет.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

Конец января или начало февраля 1730

3. КТО КРЕПОК, НА БОГА УПОВАЯ

Кто крепок, на бога упояя,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народе мятеж бедный,
ни страшен мучитель зверовидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже ветр, от южных стран шумящий,
Когда он, смертного страха полный,
финно-балтицкие движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже тогда содрогнется;

В прах тело разбьет падеж лютей,
а духа не может и двигнути.
О боже, крепкая наша сило,
твое единого сие дело,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебе и самый страх нестрашный.

Василий Кириллович Тредиаковский родился в 1703 году в Астрахани. Отданный отцом-священником в школу католических монахов, Тредиаковский сбежал в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию, но вскоре уехал за границу и стал студентом Сорбоннского университета (Париж). Возвратившись в Петербург в 1730 году, он долгое время был профессором Академии наук (1733—1759). Первые литературные опыты Тредиаковского относятся к середине 1720-х годов. Первое печатное его произведение — «Песнь, сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации... Анны Иоанновны...» — появилось отдельным изданием с нотами в 1730 году. Автор многочисленных произведений в стихах и прозе, трагедий, теоретических статей, переводчик многотомных исторических трудов, Тредиаковский не был оценен по достоинству современниками и умер, забытый всеми, в 1768 году, в Петербурге. Но стихотворения, написанные им между 1725 и 1730 годами, как оригинальные, так и переводные, оказались популярными песнями (кантами) и исполнялись в быту и после смерти их автора (наибольшее распространение они получили в песенниках 1730—1750-х годов). Особенно часто в рукописных песенниках XVIII века (тексты и ноты) встречаются: «Весна катит...», «Песенка любовна», «Плач одного любовника...», «Стихи похвальные России», «Мое сердце все было в страсти...», «Что то за злость? и что за ярость?..», «Крепкий, чудный, бесконечный...». Последняя, с музыкой М. Ц. (Цветихина?) была опубликована в сборнике «Невинное упражнение» (Спб., 1780). Среда, где были популярны песни Тредиаковского, состояла из горожан, купцов, низшего духовенства, нижних военных чинов; иногда его стихотворения встречаются в песенниках, принадлежавших грамотным крестьянам. Наряду с Кантемиром,¹ Тредиаковский по праву может считаться родоначальником русской вокальной любовной лирики, но среди его песен есть и такие, которые продолжали традицию духовных и патристических кантов. «Реабилитация» Тредиаковского как поэта, начатая Радищевым и Пушкиным, особенно оправдана той ролью, какую он сыграл в истории музыкально-поэтической культуры XVIII века.

¹ См. о нем вступительную статью, с. 11.

4. СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты солнце ясно!

Красят иных всех златые скиптры
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила
И лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоём высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
В тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны:
Чада достойны таковыя мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты единая,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И Россияне коль громко плещут:
Виват, Россия! виват, драгая!
Виват, надежда! виват, благая!

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило!

1728, 1752

5. ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твоему стыдно.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахарных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая.

<1730>

**6. ПЛАЧ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА, РАЗЛУЧИВШЕГОСЯ
С СВОЕЙ МИЛОЙ, КОТОРУЮ ОН ВИДЕЛ ВО СНЕ**

Ах! невозможно сердцу пробыть без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыть,
Без которого всегда принужден я быть.

Но, принужден судьбою или непременно,
И от всея вечности тако положенной,
Или насильно волей во всем нерассудной,
И в порыве склониться на иное трудной.

Ну! что ж мне ныне делать? коли так уж стало?
Расстался я с сердечным другом не на мало.
Увы! с ним разделили страны мя далеки,
Моря, леса дремучи, горы, быстры реки.

Ах, всякая вещь из глаз мне его уносит,
И кажется, что всяка за него поносит
Меня, сим разлученьем страшно обвиняя
И надежду, чтоб видеть, сладку отнимая.

Однак вижу, что с ними один сон глубоки,
Не согласился; мнить ли, что то ему роки
Представлять мила друга велели пред очи,
И то в темноту саму половины ночи!

Свет любимое лице! чья и стень приятна!
И речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!
Уже поне мне чаще по ночам кажися
И к спящему без чувства ходить не стыдися.

⟨1730⟩

Александр Петрович Сумароков родился в 1717 году в Петербурге, умер в 1777 году в Москве. В историю литературы он вошел как крупнейший представитель и теоретик русского классицизма. Песни стал сочинять в конце 1730-х годов. Уже первая его песня «То ль награда за мою верность...» «была принята с восхищением знатнейшими дамами, которые пели ее (...), танцевали под голос ее менуэты».¹ Две другие песни, сочиненные юным поэтом во время пребывания его в Сухопутном шляхетском корпусе (окончил в 1740 г.), — «О места, места драгие...» и «Места, тобою украшенны...» — также стали известными (последняя — с музыкой О. Козловского). Многие стихи Сумарокова пелись на мотивы модных «минаветов» (менуэтов), другие были положены на музыку А. Нарышкиным и Белиградским; к стихам «Прости, мой свет, в последний раз...» (из комедии «Чудовища») музыку написал Козловский. К семи текстам Сумарокова (принадлежность которых поэту иногда оспаривается в пользу его дочери, Г. Княжниной) музыку сочинил композитор Г. Теплов и напечатал их в своем сборнике «Между делом безделье...» (1759) без имени автора (№ 10—13, 15—17). После выхода в свет этого сборника Сумароков резко возразил против незначительных изменений в стихах и, перепечатав шесть песен (кроме «К тому ли я...»), восстановил первоначальный текст в журнале «Трудолюбивая пчела» (ноябрьская книжка за 1759 г.).² Всего Сумароков написал свыше 160 песен и хоров, многие из них пользовались большой популярностью, преимущественно в дворянской среде, некоторые проникли в демократические круги русского общества и фольклоризовались. Сумарокову принадлежат также тексты либретто опер Ф. Арайи, Г. Раупаха и Й. Старцера. Об увлечении песнями Сумарокова свидетельствуют мемуаристы.³ С 1760-х годов тексты песен и хоров Сумарокова в большом количестве встречаются в различных песенниках и сборниках кантов без имени автора, многие

¹ «Словарь достопамятных людей русской земли», составленный Дмитр. Бантыш-Каменским. М., 1836. Ч. 5. С. 113—114.

² В первом, не сохранившемся издании сборника Г. Теплова, появившемся не ранее 1751 г. (см.: Вольман Б. Русские печатные ноты XVIII в. Л., 1957. С. 42, 209), песен этих, вероятно, не было, иначе бы Сумароков восстановил свое авторство прежде.

³ См., например: Жизнь и приключения А. Болотова... Спб., 1871. Т. 1. С. 179.

вошли в «Собрание разных песен» Чулкова. Сам поэт в начале 1770-х годов подготовил сборник «Песни и хоры» и предполагал издать его в числе других сборников,¹ однако это намерение не удалось осуществить. При жизни Сумарокова было опубликовано за его именем лишь 16 песен, и только спустя пять лет после смерти поэта все его песенное наследие увидело свет. В согласии с нормами классицистической поэтики Сумароков придерживался принципа деления поэзии на жанры. В своей «Эпистоле о стихотворстве» он сформулировал требования к авторам песен:

Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно — он сам собой прекрасен.

Поэт был верен этой установке. Хотя его песни разрабатывали лишь любовную тематику, но ему удалось внести в нее разнообразие и элемент индивидуализации чувства.² Кроме публикуемых песен, в песенниках особенно часто встречаются «Сердце ты мое пленивши...» и «Чувствую скорби люты...». Знаменательно, что Сумарокову принадлежит едва ли ни первый в истории русской поэзии опыт обращения к жанру баллады.

7

О места, места драгие!
Вы уже не милы мне.
Я любезного не вижу
В сей прекрасной стороне.
Он от глаз моих сокрылся,
Я осталася страдать,
И, стенья, не о любезном,
О неверном воздыхать.

Он игръ мои и смехи
Превратил мне в злу напасть
И, отнявши все утехи,
Лишь одну оставил страсть.

¹ Письмо Сумарокова Г. В. Козицкому от 20 июля 1773 г. // «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихонравовым. Спб., 1861. Т. 3. С. 79.

² О песнях Сумарокова см. в кн.: Г у д о ш н и к о в Я. И. Очерки истории русской лит. песни XVIII—XIX вв. Воронеж, 1972. С. 12—26.

Из очей моих лиется
Завсегда слез горьких ток,
Что лишил меня свободы
И забав любовных рок.

По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен;
И зефир летал в тот час.
Быстры воды пробежали,
Легкий ветер пролетел.
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я.
Удержися, дух мой слабый,
И крепись, душа моя!

Мне забыть его не можно,
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он, однако, всё мне мил.

Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Вображается всегда.

Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть;
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!
А минув, на что остались
Вы на памяти моей?

О свидетели в любви
Тайных радостей моих!

Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Испускайте глас плачевный,
Пойте днесь мою печаль,
Что, лишась его, я стражду,
А ему меня не жаль!

Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны
И тронí его тем слух.

Конец 1730-х годов

8

Знать, судьба мне так судила,
Чтоб в страданьях век изжить,
И драгую отлучила,
Чтоб принудить слезы лить.
Век, знать, будет воздыхати
И мучение терпеть,
Привыкай, мой дух, страдати,
Коли рок не дал ту зреть.

Смутны мысли, только жалость
Представляйте в память мне;
Дайте, дайте в скуке радость,
Чтобы зреть ее во сне.

Когда будет та забава,
То и буду сладко спать,
Но то пушная отрава,
Ежель ту мне не видать.

Что ж грущу я и страдаю,
Если я один люблю?
Любит ли она — не знаю;
Не напрасно ль я терплю?
Одним видом я доволен;
Видом любит; пусть терплю,
И один лишь сердцем болен,
Хоть не любит, я люблю.

<1755>

Где ни гуляю, ни хожу,
 Грусть превеликую терплю;
 Скучно мне, где я ни сижу;
 Лягу — спокойно я не сплю;
 Нет мне веселья никогда,
 Горько мне, горько навсегда,
 Сердце мое тоска щемит,
 С грусти без памяти бегу;
 Грудь по тебе моя болит,
 Вся по тебе я немогу;
 Ты всегда в моих глазах,
 Я по тебе всегда в слезах, —
 То ли не лютая беда!
 То ль не увечье мне молодой!
 Плачу я, мучуся всегда,
 Вижу тебя я и во сне:
 Ты, мою молодость круша,
 Сделался мил мне как душа;
 Ты приволок меня к себе,
 Ты и любить меня взманил,
 Так ли мила я и тебе,
 Так ли ты тужишь обо мне;
 Весел ли ты, когда со мной,
 Рад ли, что виделся с молодой?
 Сем-ка сплету себе венок
 Я из лазуревых цветов,
 Брошу на чистый я поток,
 Сведать, мой миленькой каков,
 Тужит ли в той он стороне,
 Часто ли мыслит обо мне?
 Тонет ли, тонет ли венок,
 Или он поверху плывет;
 Любит ли, любит ли дружок
 Иль не в любви со мной живет;
 Любит ли он, как я его,
 Меньше иль вовсе ничего;
 Вижу, венок пошел на дно,
 Вижу, венок мой потонул:
 Знать, на уме у нас одно,
 Знать, о мне миленький вздохнул;
 Стала теперь я весела:
 Знать, что и я ему мила.

⟨1755⟩

Лишив меня свободы,
 Смеешься, что терплю,
 Но я днесь открываюсь,
 Что больше не люблю:
 Гордись своим свирепством,
 Как хочешь навсегда.
 Не буду больше пленен
 Тобою никогда.

И так уж я довольно
 Без пользы воздышал,
 Что все свои утехи
 И сердце потерял;
 А ныне не увидишь
 Докук моих к себе,
 Забудь, забудь то вечно,
 Что верен был тебе.

В последни принуждает
 Любовь меня вздохнуть,
 В последни имя мне
 Твое вспомянуть:
 Оставшие то искры,
 Чем сердце ты мне жгла,
 Прости, прости и помни,
 Как мучить ты могла.

Мечи свои заразы
 Теперь в сердца иным,
 Не будешь насыщаться
 Вдыханием моим.
 Я, право, не заплачу
 От строгостей твоих;
 Когда ты мне не склонна —
 Есть тысяча других.

<1755>

Негде, в маленьком леску,
 При потоках речки,
 Что бежала по песку,
 Стереглись овечки.
 Там пастушка с пастухом
 На берегу была крутом,
 И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
 Я не знаю точно,
 Как упала в мураву,
 Вправду иль нарочно.
 Пастух ее подымал,
 Да и сам туда ж упал,
 И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец,—
 Девка говорила,—
 Дай мне встать пасти овец,—
 Много раз твердила:
 — Не шути так, молодец,
 Дай мне встать пасти овец;
 Не шути, не шути, дай мне пасти стадо».

«Закричу»,— страшает вслух;
 Дерзкой не внимает
 Никаких речей пастух —
 Только обнимает.
 А пастушка не кричит,
 Хоть страшает, да молчит;
 Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
 И того не знаю.
 Я не много при таком
 Деле примечаю;
 Только эхо по реке
 Отвечало вдалеке:
 «Ай, ай, ай!» — знать, они дрались.

<1755>

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
 Струи в потоках плещут в крутые берега.
 Любезная пастушка овец уж погнала
 И на́ вечер сегодня в лесок меня звала.

О темные дубравы, убежище сует!
 В приятной вашей тени мирской печали нет;
 В вас красные лужайки природа извела
 Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
 А я в вас буду видеть любезную мою;
 Под вашими листьями я счастлив уж бывал
 И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди скоряе, ненадобный мне день,
 Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень;
 Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
 А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

<1755>

Знаю, что стыдишься и крепишься молвить,
 Что любовь пленила и тебя,
 Знаю, что ты хочешь быть осторожна
 И боишься вверить мне себя:
 Вверься, вверься, полно мысли непристойны
 О любви моей к себе иметь,
 И открой то слово, что твои мне взгляды
 Дали уж довольно разуметь.

Можешь ли довольна ты быть красотою,
 Коль плодов с нее не собирать,
 Если ж не склоняться, так на что приятством
 Мысли непристрастны полонять?
 Дай отраду в сердце, утоли мой пламень,
 Окончай исканья и труды,
 Опустись в страсть нежну, перестань крепиться
 И сними с красы своей плоды.

О плоды драгие! сладкая утеха,
Есть ли что на свете лучше вас?
Чем возможно ясно мне изобразить,
Мне тебя, о ты! приятной час:
Час, в которой сладость оная забавы
Чувствуют влюбленные сердца,
Получая славу чувствам восхищенным
И любви касаяся венца.

⟨1755⟩

14

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ее сердце, смягчите гордый взгляд
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть:
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую лъзя сыскать.

⟨1755⟩

15

Клав искать себе стал места,
Где б посвататься ему;
Полюбилася невеста
Клаву, другу моему.

Что мне медлить, мнит он, доле,
Ты румяна и бела,
Зубы красят то и боле,
Ты мне, девушка, мила,

Полюбился он прекрасной,
Как она ему равно.
День прошел в сей жизни страстной,
Мыслят, брака ждут давно.

Рад, окончил он страданье
Нежна сердца своего:
Получил свое желанье,
Девка вышла за него.

Утром видеть дорогую
Прибегает к красоте,
Но пред зеркалом другую
Обретает в простоте.

Белизны не видно тела,
На щеках стал бледной цвет;
Вся краса с лица слетела,
А во рту ни зуба нет.

Клав женился не в издевку;
Но кричал: «Беги к себе;
Я прекрасную взял девку
И женат не на тебе!»

<1755>

16

К тому ли я тобой, к тому ли я пленилась,
Чтоб, пламенно любя, всечасно воздыхать;
На то ль моя душа любовью заразилась,
Чтоб мне потоки слез горчайших проливать;
Губить молодые лета,
Бесплодну страсть питать
И все утехи света
В тебе лишь почитать;

В тебе, а ты меня без жалости терзаешь,
И сердце ты и дух в отчаянье привел!
Иль ты еще моей горячности не знаешь,
Приметь, мучитель, как ты мною овладел.
Что в сердце ощущаю,
Пойми из глаз моих,—
Как я тобой страдаю,
Написано на них.

Твой образ навсегда в мысль страстну погрузился.
Я жертвую тебе и волю и себя;
Иль ты другою, ах! любовью заразился
И тщетно мя вспалил, другую полюбя.
На что ж ты лестны взгляды
Являл мне иногда?
На что, коль без отрады
Мне мучиться всегда?

Сим к мукам завсегда я стала обольщенна,
Глаза произвели огонь в моей крови;
Они виновны в том, что я тобой плененна;
Я прелести почла признаками любви.

А если, свет мой, мною
Твоя пронзенна грудь —
Владей моей душою,
Лишь только верен будь.

1750-е гг.

17

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тчусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей:
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременял в неволю,
Ты утехи в горесть обратил;
И к лютейшей муке ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил.
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд;
В сей жестокой брани мой рассудок тмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю;
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;

Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Вображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

1750-е гг.

18

Позабудь дни жизни сей,
Как о мне вздыхала;
Выдь из памяти моей,
Коль неверна стала!
Гасни, пламень мой, в крови!
Ах, чего желаю!
Истребляя жар любви,
Больше лишь пылаю.

Правдой принимаю лесть
Я в твоём ответе.
Мне, и лъстя, всего что есть
Ты миляй на свете.
В том, что ныне ясно зрю,
Сам себе не верю.
День и ночь тобой горю —
Сердцу лицемерю.

За неверность вне себя
Я, сердясь, бываю,
Но, увижу лишь тебя,
Всё позабываю.
Я не помню в оный час
Твоя досады,
А во взорах милых глаз
Я ищу отрады.

Только то одно манит,
Сердце подкрепляет:
Мню, пустой меня лишь вид,
Ревность ослепляет.
Нет, не тем теперь моя
Грудь отягощенна;
Зрю неверность ныне я:
Тем душа смущенна.

1750-е гг.

Сокрылись те часы, как ты меня искала,
 И вся моя тобой утеха отнята:
 Я вижу, что ты мне неверна ныне стала,
 Против меня совсем ты стала уж не та.

Мой стон и грусти люты
 Вообрази себе
 И вспомни те минуты,
 Как был я мил тебе.

Взгляни на те места, где ты со мной видалась,
 Все нежности они на память приведут.
 Где радости мои! где страсть твоя девалась!
 Прошли и ввек ко мне обратно не придут.

Настала жизнь другая;
 Но ждал ли я такой!
 Пропала жизнь драгая,
 Надежда и покой.

Несчастен стал я тем, что я с тобой спознался;
 Началом было то, что муки я терплю,
 Несчастнее еще, что я тобой прельщался,
 Несчастнее всего, что я тебя люблю.

Сама воспламенила
 Мою ты хладну кровь;
 За что ж ты пременила
 В недружество любовь?

Но в пенях пользы нет, что я, лишась свободы,
 И радостей лишен, едину страсть храня.
 На что избличать — бессильны все доводы,
 Коль более уже не любишь ты меня.

Уж ты и то забыла,
 Мои в плен мысли взяв,
 Как ты меня любила
 И время тех забав.

1750-е гг.

20. ПЕСНЯ

Ты сердце полонила,
Надежду подала
И то переменяла,
Надежду отняла.
Лишаяся приязни,
Я всё тобой гублю;
Достоин ли я казни,
Что я тебя люблю?

Я рвусь, изнемогая;
Взгляни на скорбь мою,
Взгляни, моя драгая,
На слезы, кои лью!
Дня светла ненавижу,
С тоскою спать ложусь,
Во сне тебя увижу —
Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
Любовь мою храня;
Сладчайшие минуты
Сокрылись от меня.
Не буду больше числить
Я радостей себе,
Хотя и буду мыслить
Я вечно о тебе.

<1760>

21. ХОР САТИР

В сырны дни мы примечали,
Три дни и три ночи на рынке:
Никого мы не встречали,
Кто б не коснулся хмеля крынке.
В сырны дни мы примечали:
Шум блистает,
Шаль мотаает,
Дурь летает,
Разум тает,
Зло хватает,
Наглы враки,

Сплетни, драки
И грызутся как собаки.
Примиритесь!
Рыла жалеите и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Пьяные люди,
Не деритесь!

Конец 1762 или январь 1763

22

Не грусти, мой свет, мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой.
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернись лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах! несчастье, ах! несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не жить,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

(1770)

23

Чем тебя я оскорбила,
Ты скажи мне, дорогой!
Тем ли, что я не таила
Нежных мыслей пред тобой
И считала то пороком,
Чтоб в мучении жестоком
Твой любезный дух томить,
Не хотя лишить покою,
Не хотя терзать тоскою,
Я могла ли погрешить?

Для того ли я склонилась
И любви далась во власть,
Чтоб отныне я крушилась,
Бесполезну видя страсть?

Чтоб ты не был в том уверен,
Сколь мой жар к тебе безмерен;
То ты можешь ли сказать?
Но уверясь в том не ложно,
Как тебе, ах! как возможно
Верно сердце презирать?

Я во всем позабываюсь,
На тебя когда гляжу;
Без тебя я сокрушаюсь
И задумавшись сию.

Все часы считаю точно
И завидую заочно,
Кто против тебя сидит.
На тебя всегда взираю
И с утехою внимаю,
Что язык твой говорит.

Я тебе открылась ясно:
Жду того же напротив;
И пускай я жду напрасно,
Мой пребудет пламень жив.

Я готова, хоть как прежде,
Пребывать в одной надежде
И себя отрадой льстить;
Не склоню тебя тоскою —
Может время долгою
Твердо сердце умягчить.

<1770>

24

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход идти;
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
И ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертной рок меня унес,
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.

80

Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я неробок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него,
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам;
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

<1770>

25

«Не терзай ты себя,
Не люблю я тебя;
Полно время губить,—
Я не буду любить;
Не взята тобой я,
И не буду твоя».

— «Не терзаю себя:
Не люблю я тебя;
Дни на что мне губить,—
Я не буду любить;
Не пленюсь тобой я,
Тщетна гордость твоя».

— «А когда пременюсь
И к тебе я склонюсь,
Так полюбишь ли ты
И сорвешь ли цветы?
Я хранить их могла:
Для тебя берегла».

— «Так и я пременюсь,
И всем сердцем склонюсь;

Мне мила будешь ты,
И сорву я цветы;
Ты хранить их могла:
Для меня берегла».

— «Я покорна судьбе
И вручаюсь тебе;
Ты напрасно дни тьмил,
Как душа стал ты мил.
Перестань ты тужить!
Будем дружно мы жить».

— «Я покорен судьбе
И вручаюсь тебе;
Я напрасно дни тьмил,
Коль и я столько ж мил.
Перестань ты тужить!
Будем дружно мы жить».

Из стихотворений Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765) особую известность в качестве песен (кантов) приобрели: переложение псалма 14 («Господи, кто обитает...»), псалма 145 («Хвалу всевышнему владыке...») и перевод анакреонтического стихотворения «Ночную темнотою...». Кроме того, в рукописных песенниках XVIII века встречаются: «Утреннее размышление...», «Вечернее размышление...» и другие стихотворения. Так, в рукописный сборник, датированный 1769 годом (хранится в Государственном Историческом музее в Москве), включен целый цикл произведений с указанием имени Ломоносова (псалмы, «Ода, выбранная из Иова», «Утреннее» и «Вечернее» «размышления»). «Утреннее размышление...» без имени автора вошло также в «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769). Ряд его произведений с музыкой М. Ц. (Цветихина?) включен в сборник «Невинное упражнение» (Спб., 1780).¹ Несколько строф из од 1742—1761 годов прозвучали в 1790 году в спектакле «Начальное управление Олега» (либретто Екатерины II, музыка В. Пашкевича, Дж. Сарти и К. Каннобио; тексты Ломоносова — с музыкой Сарти).² Названные стихотворения Ломоносова, положенные на музыку неизвестными композиторами, проникли в демократическую среду XVIII века. Его переложения псалмов исполнялись народными бродячими певцами даже в первой половине XIX века. Из приписываемых Ломоносову стихотворений особенной популярностью в музыкально-поэтическом быту пользовалось «Молчите, струйки чисты...», процитированное впервые поэтом в «Риторике» (см. № 101).

26. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 145

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, воссылать;
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дышать.

¹ См.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.): Справочник / Составитель Г. К. Иванов. М., 1969. Вып. 2. С. 514—515.

² Клавир издан Горным ведомством (Спб., 1790).

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

Когда с душою разлучатся
И тленна плоть их в прах падет,
Высоки мысли разрушатся
И гордость их и власть минет.

Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему во всех делах
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах,

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту,

Творящего на сильных нищу
По истине в обидах суд,
Даящего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.

Господь оковы разрешает,
И умудряет он слепцов,
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.

Господь пришельцев сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он дерзкий грешных путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

Между 1743 и 1747

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,

Приятной перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело,—
Сквозь дверь он отвечал.—
Чего ты утрашился?
Я — мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то,— молвил,— лук,
В дожде, чать, повредился».
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал.—
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

Михаил Матвеевич Херасков родился в 1733 году в Переяславле Полтавской губернии, умер в 1807 году в Москве. Первые литературные опыты Хераскова относятся ко второй половине 1740-х годов, когда он учился в Сухопутном шляхетском корпусе. В печати Херасков выступил с одами (1751, 1753), находясь на военной службе. Но литературной деятельности он смог отдалиться, выйдя в отставку (1755) и работая в Московском университете, где он основал несколько журналов — «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение». Состоял членом Российской Академии. Перу Хераскова принадлежат эпopeи «Россиада», «Владимир» и «Бахариана», поэмы, трагедии, романы, либретто нескольких опер. Популярность приобрела песня на текст Хераскова из комической оперы «Добрые солдаты» (музыка Г. Раупаха, 1779) — «Мы тебя любим сердечно...» (в песенниках она встречается с 1792 по 1917 год). В периодических изданиях опубликовано несколько его песен, которые в собрание сочинений поэта не вошли. Херасков написал также текст масонской песни «Коль славен наш господь в Сионе...» (музыка Д. Бортнянского). На текст «нравоучительной оды» «Спокойствие» музыку написал И. Керцелли («Музыкальное увеселение». 1774). Стихотворение «Если то тебе приятно...» на музыку уже после смерти поэта положил А. Жилин («Эрато». Спб., 1814). Хотя творчество Хераскова в целом развивалось в традициях классицизма, но в своих песнях поэт был близок сентименталистам.

28. ПЕСЕНКА

Что я прельщен тобой,
Чему тому дивиться,—
Тебе красой родиться
Назначено судьбой.
Прекрасное любить —
Нам сей закон природен,
И так я не свободен
К тебе несклонным быть.

Ты сделана прельщать,
А я рожден прельщаться,
На что же нам стараться
Природу превращать?
Я жертвую красе,
Ты жертвуй жаркой страсти,
Естественная власти
Свершим уставы все.

〈1763〉

29

Вид прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь от глаз;
Реки, и леса, и горы
Разлучат надолго нас.

Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой;
Горько, горько расставаться,
Горько... будто бы с душой!

Сердце ноет, дух томится;
Кровь то стынет, то кипит;
За слезой слеза катится,
Стон за стоном вслед летит.

О, несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли, разлученье...
Медли душу отнимать!

Нет отрады! Всё теряю —
Час разлуки настает!
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю —
Ах, прости... прости, мой свет!

Во слезах, в тоске и скуке
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты в разлуке —
Пусть один терзаюсь я!

〈1796〉

30. ПТИЧКА

Когда б я птичкой был,
Я к той бы полетел,
Котору полюбил,
И близко к ней бы сел;
Коль мог бы, я запел:
«Ты, Лина, хороша,
Ты птичкина душа!»
Мой малый бы носок
Устам ее касался;
Мне б каждой волосок
Силком у ней казался;
Я б ножку увязить
Хотел в силке по воле,
Чтоб с Линой вместе быть
И Лину бы любить
Во сладком плене боле.

(1796)

Даты рождения и смерти Михаила Ивановича Попова не установлены (предположительно: 1742—1790). Биографические сведения о нем скудны. Известно, что он был студентом Московского университета, актером Придворного театра в Петербурге, служил в Комиссии для сочинения Нового уложения и губернским секретарем (с 1776 г.). Начало его литературной деятельности относится к середине 1760-х годов. Попов сотрудничал в журналах Н. Новикова, М. Чулкова и И. Рубана. Перу писателя принадлежат либретто комической оперы «Анюта» (музыка В. Пашкевича?), арии из которой стали популярными (представлена 26 августа 1772 г.), комедия «Отгадай и не скажу», исторический роман «Славенские древности, или Приключения славенских князей», «Краткое описание древнего славенского языческого баснословия» (мифологии), большое количество стихотворений и песен, ряд переводов (с французского — повести, поэмы, комедии, сказки и др.). В 1765 и 1768 годах Попов издал книжечки своих песен. Это был первый в истории русской литературы случай издания поэтом песенных сборников. Всего известна 21 «любовная песня» Попова, из которых две являются подражаниями народным («Ты несчастной доброй молодец...» и «Не голубушка в чистом поле воркует...»). Все эти песни вошли в наиболее полное прижизненное издание произведений поэта «Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михаила Попова» (Спб., 1772, в 2-х частях). В 1792 году после смерти Попова, вышел в свет составленный им сборник «Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен, поныне сочиненных» (с предисловием составителя). Эта книга содержит свыше 500 песен — народных и литературного происхождения, в том числе и все тексты самого Попова. Большая часть его песен сразу же вошла в музыкальный быт, о чем свидетельствует включение некоторых текстов без имени автора в первое издание «Письмовника» Н. Курганова (1769) и в «Собрание разных песен» М. Чулкова (1770). Особую популярность песни Попова приобрели в 1790-е годы и стали одним из характерных явлений русского сентиментализма.¹ Известен хор на слова поэта с музыкой Т. Траэтты. На текст стихотворения «К тебе любовью млею» музыку написал О. Козловский. Песню «Ты детинушка-сиротинушка» на музыку положили несколько композиторов (Н. Брянский, А. Варламов и др.).

¹ См.: Гусев В. Е. Михайло Попов — поэт-песенник // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской литературы. Л.: Наука. 1966. С. 132—138.

Как сердце ни скрывает
 Мою жестоку страсть,
 Взор смутный объявляет
 Твою над сердцем власть:
 Глаза мои плененны
 Всегда к тебе хотят,
 И мысли обольщенны
 Всегда к тебе летят.

Тебя не отдаляет
 И сон от мыслей прочь:
 Твой образ обладает
 Равно мной в день и в ночь;
 Всеночно, дорогая,
 Являясь во сне,
 Вседневно обольщая,
 Ты множишь страсть во мне.

Твой каждый взор вонзает
 Стрелу мне в сердце вновь,
 Весь ум мой наполняет
 Одна к тебе любовь!
 А ты то всё хоть знаешь,
 И как я рвусь, стена,
 Но всё то презираешь:
 Не любишь ты меня!

(1765)

32

Достигнувши тобою
 Желанья моего,
 Не рву уже тоскою
 Я сердца своего:
 Душа твоя мной страстна,
 Моя тебе подвластна;
 Коль счастлива ты мной,
 Стократно я тобой!

Тебя, мой свет, считаю
 Я жизнью своей:

П Ъ С Н И,
ВНОВЬ исправленные и умноженные.

сочиненіе
МИХАЙЛА ПОПОВА.

Второе изданіе

~~~~~
Въ Санктпетербургѣ 1768 года.

Прекраснее не знаю
Тебя я и милей.
В любви не зря препятства,
В тебе зрю все приятства;
В твою отдавшись власть,
Не знаю, что напасть.

Твой взор не выпускаю
Из мыслей никогда
И в мыслях лобызаю
Твой образ завсегда:
Тобою утешаюсь,
Тобою восхищаюсь,
Тебя душой зову,
Тобою и живу.

(1765)

33

Что сердце устрало,
Всё сталося со мной:
Что сердце утешало,
Всё льстит уж то иной!
Жар страстный! жар безмерный!
Ты тщетно мне манил.
За что ты, льстец неверный,
Несчастной изменил?

Очам моим свободным
Ты первый сам предстал,
И сделался угодным
Ты мне, как сам желал:
Ты сам меня, бесстрастну,
Любити научил;
За что ж меня, несчастну,
Ты плакать осудил?

За что возненавидел
Прельщенную тобой?
Иль более увидел
Приязни ты в другой?

Ах! верь мне, как другая
Тебе ни станет льстить,
Не будет так, пылая,
Тебя, как я, любить.

⟨1765⟩

34

Полюбя тебя, смущаюсь
И не знаю, как сказать,
Что тобою я прельщаюсь
И боюсь винным стать.
Пред тобой когда бываю,
Весь в смятении сижу,
Что сказать тогда, не знаю:
Только на тебя гляжу.

Глядя на тебя, внимаю
Все слова твоих речей;
Прелести твои считаю,
Красоту твоих очей;
И боюсь тогда прервати
Твой приятный разговор,
Чтоб твою не потерять
Тем приязнь и милый взор.

В сем смущенье пребывая,
Оставляю нужную речь
И, часы позабывая,
Времени даю претечь.
Вдруг, увидя день минувший,
Принужден сказать: «Прости!»
И иду потом, вздохнувши,
Неспокойную ночь вести.

⟨1765⟩

35

Ты желал, чтоб я любила,
Сам зачав меня любить;
Я горячность истощила,
Чтоб тебя достойной быть.

Чем же днесь я проступилась,
Что любви твоей лишилась
И заставлена тужить?
Иль победа надо мною
Сталась дерзкою виною
Нашу дружбу помутить?

Как я с волей расставалась
И в твою давалась власть,
Я подобную ж ласкалась
И в тебе сыскати страсть:
Отдалася, и сыскала
Я в тебе, чего желала,
Но лишь на единый час!
После, сколь тебя ни зрела,
Новой страстию горела —
Ты ж хладел по всякий раз.

Я ласкалась — ты чуждался;
Утешала — ты скучал;
Я стенала — ты смеялся;
Я лобзала — ты терзал;
Я сердилась и рвалась,
Что в обман тебе далася,
И хотела цепь прервать,
Но лишь только что смягчалась —
Пуще я в тебя влюблялась
И гналась тебя искать.

Где ты был, туда бежала —
Ты оттуда убегал;
Я с тобою быть желала —
Ты то мукою считал.
А чтоб больше я страдала,
Иногда тебя видала,
Как с другою ты сидел:
Говорил, прельщал, ласкался,
Лобызал, и сам прельщался,
И в огне любовном тлел.

Я рвалась, дрожала, млела
И лишалась чувств и слов:
И не иной сидела,
Как сходящей в смертный ров.

Свет мой! видя, как я стражду,
Как любви твоей я жажду,
Обратись ко мне опять:
Хоть польсти, как льстил ты прежде,
Хоть польсти моей надежде,
Дай хоть рваться мне престать.

<1765>

36

Окончай бесплодны мысли
Мною овладеть опять
И меня своим не числи,
Дав из плена убежать;
Не на время, невозвратно
Страсть мою ты прогоня,
Не возможешь уж обратно
Вырвать сердца у меня.

Лесть твоя теперь напрасна
И лукавства полный взор;
Мысль моя уже бесстрашна:
Вижу весь я твой притвор.
Тщетны прежние успехи
Для меня твоих зараз,
Льстивные сии утехи
Уж моих не тронут глаз.

Кровь когда во мне пылала,
Обольщая ум тобой,
Мной тогда ты презирала
И ругалася тоской.
Я же, тщетной страсть увидев,
Тщетну трату всем словам,
Тщетну грусть возненавидев,
Позабыл тебя и сам.

<1765>

Под тению древесной,
 Меж роз, растущих вокруг,
 С пастушкой прелестной
 Сидел младый пастух:
 Не солнца укрываясь,
 Он с ней туда зашел —
 Любовью утомляясь,
 Открыть ей то хотел.

Меж тем где ни взялись
 Две бабочки, сцепясь,
 Вкруг роз и их вились,
 Друг за другом гонясь;
 Потом одна взлетела
 К пастушке на висок;
 Ища подругу, села
 Другая на кусток.

Пастух, на них взирая,
 К их счастью ревновал
 И, оным подражая,
 Пастушку щекотал,
 Всё ставя то в игрушки,
 За шею и бока,
 Как будто бы с пастушки
 Сгонял он мотылька.

«Ах! станем подражати,—
 Сказал он,— свет мой, им.
 И резвость съединяти
 С гулянием своим;
 И, бегая лесочком,
 Чете подобясь сей,
 Я буду мотыльчком,
 Ты — бабочкой моей».

Пастушка улыбалась,
 Пастух ее лобзал;
 Он млея, она смущалась,
 В обоих жар пылал;

Потом, вскоча, помчались,
Как легки ветерки:
Сцеплялися, свивались
И стали мотыльки.

〈1765〉

38

Всё, что сердце ни терзало,
Чем мой рушился покой,
Всё уже то миновало:
Я любим моей драгой!
Всё, что прежде было в тягость,
Всё то ныне с ней мне радость:
Шутка, малость, пустота
С ней мне прелесть, красота.

Взор очей ее прелестных,
Сладость уст и тихий нрав
Мне виной утех всеместных,
Образ истинных забав!
С ней минутами мне годы,
Красным летом непогоды;
И один ее лишь сон,
Дух томя, влечет мой стон.

Я, на вид ее взирая,
Новым пламенем горю;
Ум к утехам простирая,
Тьмы бесчисленные их зрю;
Свет в утехам забываю,
Вместе с ней когда бываю;
И, что в оном ни гублю,
Нахожу в том, что люблю.

〈1768〉

39

Чем грозил мне рок всечасно,
То свершается со мной:
Я, любя тебя толь страстно,
Разлучаюся с тобой!

Я лишаюсь милых взоров,
Я лишаюсь разговоров,
Я лишаюсь всего...
Есть ли что лютей сего!

Осуждаюсь жить, не видя
Вечно дорогой моей,
Осуждаюсь, ненавидя,
Жизни дни влачить своей.
О судьба! Судьба жестока!
Ты виной мне слез потока,
Лютых мук мне став творец,
Будешь смерти наконец.

Ах! а ты, мой стон внимая,
Век мне был для коей мил,
Не подумай, дорогая,
Чтоб тебя я позабыл;
Я всегда твоим считался,
Хоть страдал, хоть утешался;
И, разлукою гоним,
Я умру, мой свет, твоим.

Пусть меня судьбина строга
Как захочет, так крушит,
Вечна пусть меня дорога
Милых глаз твоих лишит;
Пусть другой тобой владеет,
Дух ко мне твой охладает,—
Мне нельзя, мой свет, престать
Всяких благ тебе желать.

<1768>

Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году в местечке Переволочно, на Украине, умер в 1803 году в Курске. Учился Богданович в Москве, в математическом училище при сенатской коллегии и в университете, служил в юстиц-коллегии и в военной коллегии, а затем в Петербурге (с 1764 г.) — в иностранной коллегии и в государственном архиве. Он был членом Российской Академии, деятельно участвовал в литературной жизни, издавал журналы «Невинное упражнение», «Собрание новостей», редактировал «Санкт-Петербургские ведомости». Он был учеником и последователем Хераскова. Перу Богдановича принадлежат: поэма «Сугубое блаженство», лирическая комедия «Радость Душеньки», драма «Славяне», две театральные пьесы на темы русских пословиц, ряд переводов. Литературную славу принесла поэту «Душенька» (первая книга — 1778, полностью — 1783). При жизни Богдановича вышел в свет единственный сборник его стихотворений — «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого Муз любителя» (Спб., 1773). Как лирик Богданович оставался в пределах классицистической поэзии. Интерес Богдановича к музыке и пению определился рано. Первые литературно-музыкальные опыты Богдановича относятся ко второй половине 1750-х годов. В автобиографии он писал: «По четырнадцатому году сочинил несколько духовных концертов, кои петы были с похвалою». ¹ В печати произведения поэта появились впервые в «Полезном увеселении» (1760—1762). Хотя к жанру песни Богданович обращался редко, но некоторые из его стихотворений стали популярными песнями.

40. ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет.
 Пора теперь мне видеть свет:
 В деревне все мои подружки
 Разумны стали друг от дружки;
 Пора теперь мне видеть свет. (2)

---

¹ «Русская поэзия» / Под ред. С. Венгерова. [Спб., 1893]. Т. I, вып. 3. С. 553.

Пригожей все меня зовут.
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. (2)

Он скажет: «Я тебя люблю»,
Любовь и я ему явлю;
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакого;
Любовь и я ему явлю. (2)

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток, —
Что дать? — не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. (2)

Дала б ему я посох свой —
Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. (2)

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. (2)

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду
За прежнюю ему досаду
Пастушка поцелуй дала? (2)

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. (2)

Любовь, владычица сердец,
Как быть — научит наконец;

Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть — научит наконец. (2)

Пастушка говорит тогда:
«Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придет сюда!» (2)

<1773>

41

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.

А утки-то кра, кра, кра, кра;

А гуси-то га, га, га, га.

Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

За кустиком таяся,
Иванушка сидел
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто тут он был.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Почасту ветерочек
Дул платице на мне;
Почасту там кусточек
Колол меня во сне.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Мне снилося в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унести хотел.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.

А утки-то кра, кра, кра, кра;

А гуси-то га, га, га, га.

Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

(1779)

42. ПЕСНЯ

Много роз красивых в лете,
Много беленьких лилей,
Много есть красавиц в свете,
Только нет мне, нет милей,
Только нет милей в примете
Милой, дорогой моей.

Если б сам Амур был с нею,
Он ее бы полюбил;
Позабыл бы он Психею
И себя бы позабыл,—
Счастлив участью своею,
Век остался бы без крыл.

В ней приятны разговоры,
В ней любезна поступь, вид;
Хоть привлечь не тщится взоры,
Взоры всех она пленит;
Хоть нейдет с другими в споры,
Но везде любовь живет.

(1786)

Из ранних произведений Гаврилы Романовича Державина (1743—1816) песней стало лишь его стихотворение «Кружка». Позднее его творчество привлекло внимание крупнейших композиторов — современников поэта. При жизни Державина на тексты его произведений музыку писали: О. Козловский (полонез «Гром победы раздавайся...», «Возвращение из походов», «Сколь твоими чудесами...», «От крыл орлов парящих...», — четыре хора для потемкинского праздника, посвященного взятию Измаила в 1791 г.); Д. Бортнянский (хоровые концерты, оратории и кантаты); В. Пашкевич и Дж. Сартти. Д. Кашин положил на музыку стихотворение «Гремит ужасный гром», И. Фукс — оду «Бог» (оратория). Г. Давидов написал хоры для трагедии Державина «Ирод и Мариамна». Державиным были созданы семь оперных либретто, которые, однако, не увидели сценического воплощения. Популярность в качестве песен приобрели лирические (анакреонтические) стихотворения поэта и «Гром победы раздавайся» (входило в сборники казачьих и солдатских песен). Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются: «Философы пьяный и трезвый», «Романс на потопление NN», «Русские девушки» (на последний текст романс написал М. Яковлев). К произведениям Державина обращались и композиторы второй половины XIX века: А. Дерфельдт (хор «Так поцелуй меня, душа»), П. Чайковский («Шуточное желание» — песенка Томского в опере «Пиковая дама» и хор «Радостно, весело...»), С. Танеев («Скромность» — fuga для четырех голосов). Державину приписывается «Песенка» («Цари, вы светом обладайте...»), отсутствующая в собрании сочинений поэта (см. № 108).

43. КРУЖКА

Краса пирующих друзей,
 Забав и радостей подружка,
 Предстань пред нас, предстань скорей,
 Большая серебряная кружка!
 Давно уж нам в тебя пора
 Пивца налить
 И пить:
 Ура! ура! ура!

Ты дочь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Весельем их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дрались храбро на войне:
Ведь пьяным по колени море!
Забуть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здоров и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.
Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,
А ныне клоб да маскерад
И жен уж с нами разлучают.
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало — друга своего,
Теперь — карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра,
Мы станем жить
И пить:
Ура! ура! ура!

1777

44. МЕЧТА

Вошел в шалаш мой торопливо,
Я вижу: мальчик в нем сидит
И в уголку кремнем в огниво,
Мне чудилось, звучит.

Рекою искры упали
Из рук его, во тьме горя.
И розы по лицу блистали,
Как утрення заря.

Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь,
Мне в сердце, в душу заронилась:
Не смела ядохнуть.

Стояла бездыханна, млела
И с места не могла ступить;
Уйти хотела, не умела,—
Не то ль зовут *любить*?

Люблю! — кого? — сама не знаю.
Исчез меня прельстивший сон;

Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мне муку:
Любезен, мил мне ты.

1794

45. ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

По северу, по югу
С Москвы Орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На Льва и на Луну,
Стокгольмы и Босфоры —
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов!
За столько славных боев
Мы в память вашу пьем.

Орел глядит очами
На солнце в высоты,
Герои под шлемами —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
За здравье ваше пьем!

1795, 1801

46. ПЧЕЛКА

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

1796

47. ХМЕЛЬ

Хмель как в голову залезет,
Все бегут заботы прочь;
Крез с богатствами исчезнет,
Пью! — и всем вам добра ночь.
Плющем лежа увенчанный,
Ни во что весь ставлю свет;
В бой идет пускай муж бранный,
У меня охоты нет.
Мальчик! чашу соком алым
Поспеши мне наливать;
Мне гораздо лучше пьяным,
Чем покойником, лежать.

1802

Василий Васильевич Капнист родился в 1758 году в селе Обуховка Миргородского уезда Полтавской губернии, умер в 1823 году в селе Кибинцы Полтавской губернии. Его первое литературное произведение — «Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardî le 10 juillet année 1774» («Ода по случаю мира, заключенного между Россией и Турцией...») — написано в 1774 и напечатано отдельным изданием в 1775 году. Литературную славу Капнисту принесли его «Сатира первая» (1780) и особенно — комедия «Ябеда» (первая постановка — 22 августа 1798 г.). Он — автор либретто оперы Б. Фомина «Клорида и Милон» (1800). Состоял членом Российской Академии. Как поэт Капнист был близок к Г. Державину и Н. Львову и входил в группировавшийся вокруг них кружок, для которого был характерен интерес к музыке, пению и народной поэзии. Некоторые его стихотворения приобрели популярность в качестве песен, о чем свидетельствует то, что на их «голос» в периодических изданиях печатались песни других авторов. Кроме публикуемых текстов, в песенниках изредка встречается «Ручей».

48. НЕВЕРНОСТЬ

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел?
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал;
Но взор молодой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И самы нежны взоры —
Всё в ней притворно льстит;
Но всё в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое!
Напомни мне драгую, —
Я всё люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю, —
А всё ее люблю.

Конец 1770-х годов или 1780

49. НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина,
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У хладной сей могилы,
Под тенью дров густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезной
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела;
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне всё была.

Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной,
Немее лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильный теснится дух;
Приди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

Между 1788 и 1792

50. ЧИЖИК

Милый чижик желтобокой!
Кверху, друг мой! не взлетай,
Не клади гнезда высоко,
Но в густой траве свивай.
Ты взгляни, как ястреб гладный
Над тобой уже парит,
Как, твоей он крови жадный,
Когти на тебя острит.

Вырос илем над горою;
Но там зной ли дышит — жжет,
Буря ль налетит с грозой —
Ломит ветви, листья рвет.
А в долине ива мшиста,
Бури не боясь, стоит.
Там струя, катясь, чиста
В жарки дни ее поит.

Так зачем и мне крушиться,
Что вельможей не рожден?
Тот пусть ищет век томиться,
Кто тщеславием вскрыжен.
Я же низменной стезею
От мирских сует уйду;
Труд деля с драгой семьею,
Счастье в бедности найду.

<1796>

51. СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ

Хвалят старое вино,—
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга,—
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

Может быть, за правду эту
Свет и насмеется мне,
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине;
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой;
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

Хвалят старое вино,—
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга,—
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

〈1796〉

52. ПОТЕРЯ ДНЯ

Солнце за горою село,
Лес зеленый потемнел.
С Лизой день не видясь целой,
В горести Милон сидел.
Стадо, вокруг его стесненно,
На густой траве легло;
Он, печалью отягченный,
Гнать его забыл в село.

Шорох каждого листочка
Радостно тревожил слух,

И дыханье ветерочка
В трепет приводило дух.
Но уж тень кругом сгустилась,
Ветр листка не шевельнет;
В мраке и надежда скрылась:
«Нет, уж Лиза не придет!»

«Солнце! ты зачем светило? —
Воздохнув, Милон сказал. —
Я не видел Лизы милой;
Этот в жизни день пропал.
Рощица! моя отрада,
Как в тени гулял я с ней;
Без нее твоя прохлада
Хлад несет душе моей.

Рощица! пора проститься;
Стадо милое! пойдем;
Поспешай ты насладиться
От меня бегущим сном.
Окропился уж росой
Луг, где с Лизой я гулял,
А горячею слезою —
Место, где напрасно ждал».

<1797>

Петр Матвеевич Карабанов родился в 1764 году в Смоленске, умер в 1829 году в Петербурге. По окончании Московского университета Карабанов занялся литературной деятельностью. Первое печатное произведение его — ода «Злато» («Растущий виноград». 1785, август). Карабанов служил при дворе, был членом Российской Академии и «Беседы любителей русского слова». Сотрудничал в журналах «Зеркало света» (1786—1787), «Лекарство от скуки и забот» (1786), «Зритель» (1792), «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), «Новые ежемесечные сочинения», «Новости». Он публиковал официозные произведения — оды, торжественные хоры и песни на победы русской армии, на рождение, крещение, бракосочетание и кончину высокопоставленных лиц. Карабанов перевел трагедию Вольтера «Альзира, или Американцы» и ряд научных и богословских сочинений. При жизни поэта сборник его произведений «Стихотворения Петра Карабанова» издавался дважды (М., 1801, и М., 1812). Перу Карабанова принадлежат семнадцать лирических песен; некоторые из них он написал на «голоса» известных песен, пять положено на музыку О. Козловским. Кроме публикуемых текстов, в XVIII веке популярностью пользовались романсы Козловского на слова Карабанова: «Стремлюсь к тебе всечасно...» и «Лети к моей любезной...». Позже приобрела известность, благодаря музыке Чайковского (1890), пастораль Карабанова «Мой миленький дружок, любезный пастушок...», 1801 (дуэт Прилепы и Миловзора из оперы «Пиковая дама»).

53

Ох! Как-то мне жить!
 Ох! Как не тужить!
 Отъезжаешь,
 Покидаешь,
 Мил-сердечной, меня? (2)

Голубчик ты мой,
 Разлучаюсь я с тобой!
 Здесь не будешь,
 Позабудешь,
 Что была я твоя. (2)

А я, молода,
Буду помнить всегда,
    Как со мною,
    С молодой,
Миловался дружок. (2)

Дорожкой пойду
Во зеленом саду,
    И листочки,
    И цветочки
Все поблекнут, мой свет. (2)

А где ты с другой
Свыкнешься, дорогой,
    В дни осенни
    Дни весенни
Там проглянут для вас. (2)

Вздохни обо мне
На чужой стороне;
    Вздохнувши,
    Вспомянувши,
Прослезися хоть раз. (2)

А я для тебя
Иссушу всю себя;
    По разлуке
    Буду в скуке
Лишь тебя вспоминать. (2)

1780-е годы

54

Гренадеры, молодцы,
Други, братья, удалцы!

Ой, калина, ой, малина!

Станем, братцы, вкруговую,
Грянем песню удалую,

Грянем песню, в добрый час,
Благо хлеб-соль есть у нас,

Запоем мы трыцко, хватско
Про житье-бытье солдатско:

Что под дождичком трава,
То солдатска голова —

Весело цветет, не вянет,
Службу царску бойко тянет.

Жизнь мужицкая, прости!
Ради службу мы нести.

По позыву и по воле
Умереть готовы в поле.

В ком хоть мало есть ума,
Не страшна тому сума:

Он ружье, патронник, лямку —
Как ребенок любит мамку,

А бывало, братцы, встарь,
Хоть дубиной приударь —

Ни из чести, ни из платы
Не пойдет мужик в солдаты.

Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет;

А когда служить сберется,
То как с жизнью расстается,

Тут жена, и брат, и сват,
Гришка, Сидор и Кондрат

Как по мертвым зарыдают,
До кружала провожают.

Всей деревней заревут:
«Ваньку в рекруты сдают!»

«Ах! прости навеки, Ваня,
Вот ужо те будет баня!»

А теперь — чего тужить,
Как с охотой не служить?

Слава богу! есть отставка,
По два рублика прибавка.

Ай, спасибо, наша Мать,
Ради в поле умирать!

Жизнь солдатска нам забава,
Польза, счастье всем и слава!

<1795>

Павел Сергеевич Гагарин (1747—1789) — генерал, участник первой русско-турецкой войны, обер-комендант Москвы. Стихотворения Гагарина отдельной книгой не издавались, они были напечатаны после смерти автора в 1792—1799 годах в журналах «Чтение для вкуса, разума и чувствований» и «Приятное и полезное препровождение времени», а также в альманахе «Аонида». Кроме публикуемых текстов, Гагариным написаны песни: «Я страсти не тая...», «Стыдно ль сердцем...», «Лизу к сердцу прижимая...», «Сидя вместе на кусточке...», «В лазурном своде неба...», «При лесочке эхо мило...», «Моя песня без Лизеты». Все эти песни пришлись по вкусу русской публике в эпоху сентиментализма.

55. ПЕСНЯ

В поднебесье раздается
Звонкий, нежный голосок;
Птичка резво в небе вьется
И порхает, где прудок.
    Вдоль летает,
    То виляет
Вдоль, и вверх, и поперек, (2)
    И туда,
    И сюда.

Мила ласточка, здорово!
К нам с тобой утеха нова!

К нам весна спешит с тобою,
Чтоб забавы породить;
Ты порхай всегда над мною,
Вей гнездо, где буду жить
    Я весною
    С дорогою.

Ты весну ведешь с собою; (2)
    Ах! она
    Мне мила!

Мила ласточка... и т. д.

Сизокрылой голубочек
И с голубкою своей
Сядет, сядет на кусточек
Перед Лизанькой моей.
    Он подружку,
    Я пастушку,
Станет нежно целовать. (2)
    Он в носок,
    Я в роток!
Мила ласточка... и т. д.

Над душистыми цветами
Пестры бабочки летят
И узорными крылами
Игры, смехи к нам манят.
    Тут лилеи;
    Им милее
Розы Лизаньки моей. (2)
    Игры с ней,
    Смехи к ней!
Мила ласточка... и т. д.

И кусточки распушатся,
Зелень уберет поля;
Спешу с Лизой прогуляться
Я в цветущие луга,
    И в лесочек
    Под кусточек
Отдохнуть мы с ней зайдем. (2)
    Буду с ней,
    Счастлив ей!
Мила ласточка, здорово!
К нам с тобой утеха нова!

1780-е годы

56. НЕМАН

(На голос: «Волга, реченька глубока...»)

Неман, реченька любезна
Для чувствительной души!
Дай раздаться песне слезной;
Шумом волн ты не глуши!

Дай, чтоб эхо повторяло
Песнь унылую со мной!..
Хоть бы эхо сострадало
Отягченному бедой.

На берегах уединенных,
Дикой милых красотой,
Белой пеною смоченных,
Дай найти себе покой!

Дай дрожащею рукою
Имя камню мне предать,
Окропить его слезою...
Не дерзай его смывать!

И тебе б слезу поверил —
Ты далек от дорогой,
Не туда течешь; назначен
Путь иной тебе судьбой.

Если ж здесь моя драгая
Будет снова обитать,
На берегах твоих гуляя,
Сядет в травке отдыхать—

Волну шли ты за волною!
Можешь с шумом их катить,
Чтоб, заняв ее собою,
След любви моей явить.

Видел со́сну наклоненну
Над твоею я водой;
Узришь со́сну украшенну
Горлиц страстною четой —

И не в дикой уж пустыне
Разольешь струи свои;
Будет образ тут отныне
Постоянства и любви.

1780-е годы

Николай Петрович Николев родился в 1758 году; воспитывался в доме известной писательницы XVIII века, президента Российской Академии — Е. Р. Дашковой и с детства оказался в атмосфере литературно-музыкальных интересов, характерных для наиболее культурного слоя русского дворянского общества. Этим объясняются и его собственные ранние стихотворные опыты: уже в тринадцатилетнем возрасте он написал «Сатиру на развращенные нравы нынешнего века»; дебютировал в печати он в 1774 году («Ода Екатерине...»). Юный поэт увлекался театром и музыкой. Рано ослепнув и выйдя в середине 1780-х годов в отставку из гвардии, Николев целиком отдается литературной деятельности. В 1792 году он избирается действительным членом Российской Академии, в 1811-м — почетным членом «Общества любителей словесности» при Московском университете. Перу Николева принадлежат многочисленные оды (среди них две — на взятие Очакова в 1788 г.) и сатиры, басни и пьесы, либретто комических опер («Розана и Любим», «Приказчик», «Любовник-колдун», «Феникс», «Точильщик», «Опекун-профессор»), трагедии («Сорена и Замир», «Пальмира», «Святослав»), комедии («Самолюбивый стихотворец», «Попытка не шутка», «Испытанное постоянство», «Победа невинности» и др.), классицистические трактаты («Рассуждение о российском стихотворстве», «Лирическое послание к Дашковой»). Некоторые арии из его комических опер (с музыкой М. Керцелли) стали популярными. Николев был близок к кружку П. И. Панина, и его произведения проникнуты настроениями дворянского либерализма. Песни он писал непродолжительное время (1780—1790-е годы). Умер в Москве в 1815 году. Как поэт-песенник Николев принадлежал к сентименталистскому направлению в русской поэзии. Свое «Собрание разных песен» он посвятил «российскому Шолье» — Нелединскому-Мелецкому. В «Творениях», вышедших в свет в пяти частях (М., 1791—1798) при жизни поэта, опубликовано 60 песен. Несколько текстов написано на мелодии модных французских песен или популярных песен других поэтов, большая же часть — «на голоса» народных песен, которым поэт старался подражать. Сам поэт противопоставлял свою поэзию классицистической:

Строй, кто хочет, громку лиру,
Чтоб казаться в высоке;

Я налажу песню миру
По-солдатски, на гудке.

Песня Николева «Девушка по сеним похаживала...» уже своей первой строкой указывала на источник — песню «Вдовушка по сеним похаживала...». На напев народной песни «Дорогая моя матушка...» поэтом сочинены даже две песни: «Кто меня несчастней может быть...» и «Ах, когда б я то предвидела...». Но народность этих песен — чисто внешняя. Вообще надо сказать, что, несмотря на все старания Николева приохотить современников к своим песням,¹ лишь немногие из них вошли в быт. Николеву приписывается популярная песня «Взвейся выше, понесися...», но для этого нет достаточных оснований (см. № 110 и примеч.).

57

(На голос: «O! ma tendre musette! etc.»²)

«Престань источник слезный,
Престань, Лизета, лить!
В глазах твоих любезный,
И должно всё забыть».

— «Внимай меня, вселенна,
Внимай, любезный мой,
Что я на то рожденна,
Чтоб в плен отдаться твой.

Чтоб чувствовать и мыслить
Всегда одно с тобой;
Одни утехи числить,
Одною жить душой.

Тебе вручила душу,
Тебя клялась любить;
И клятвы не нарушу,
Доколе буду жить.

---

¹ Сам Николев писал: «...читатель, конечно, песенок <...> не поскучает и пропеть, и повторить» («Творения». М., 1798. Т. 5. С. 172).

² «O! моя нежная волынка! и т. д.» (фр.).— *Ред.*

Не льстят мне честь и слава,
Не в них ищу отрад,
Мой трон, моя держава —
Один твой милый взгляд!

Сули престол мне света,
Чтоб отдала тебя;
Ах, нет! твоя Лизета
Умрет, тебя любя!»

⟨1790⟩

58. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вечерком румяну зóрю
Шла я с грусти посмотреть,
А пришла всё к прежню горю,
Что велит мне умереть.

Горе к речке заманило;
Села я на бережок —
Сердце пуще приуныло,
Мутен чистый стал поток.

Я, вздохнувши, тут сказала:
Лейся, речка, как слеза!
И, сказавши, показала
Полны слез мои глаза.

Струйки чисты зашумели,
Будто сжалюсь надо мной;
Но утешить не умели,
И осталась я с тоской.

О души моей веселье,
Для кого мне жизнь мила!
Я последне ожерелье
За тебя бы отдала.

А когда б была богатой
И большою госпожой,
Все алмазы были б платой
За свидание с тобой.

Как сокровища я света,
Берегу к тебе любовь;
Ею лишь во мне нагрета,
Будто пламенем, вся кровь.

Горячее солнца знойна
Сердце к милому горит,
И душа лишь тем покойна,
Что в себе его хранит.

Вас, струйки мои любезны,
Вас прошу в тоске моей!
Донесите капли слезны
Вы до милого скорей!

Донесите... Пусть узнает,
Сколько рвуся я по нем,
Сколько сердце унывает
О сокровище своем!

Так скажите: «Но с тоскою
Хоть и много видишь слез,
А не всё, не всё с собою
До тебя поток донес.

Их еще осталось море
Без тебя ей проливать;
А в отраду, в лютом горе,
Дорогого призывать».

Но напрасно в вас, потоки,
Погружаю голос мой;
Вам пути хотя широки,
Стон останется со мной.

Сколько чистых струй ни вьете
Быстрым бегом в берегах,
Слез моих не унесете —
Всё они в моих очах!

Очи что ни повстречают,
Всё постыло, всё беда!
Рощи и луга скупают;
Тёмно в полдень мне всегда.

Ветерок ли рощу тронет,
Где в печали я хожу,—
Тотчас в думу... милый стонет...
И от страха я дрожу!

Выйду ль на лужок от скуки —
Грусть за мною по пятам;
Всем веселье — мне лишь муки:
Где ступила — горе там!

Люди с солнцем — людям ясно,
А со мною всё туман!
Без тебя оно напрасно,
Без тебя мне жизнь обман.

Нет, уж нет души со мною —
Неужель, ах! ту забыл,
Звал котору дорогою
И клялся, что ты любил?

Нет, не верю!.. нет, не львицей
Вскормлен ты, любезный мой!
Той ли будешь ты убийцей,
Отдан чей тебе покой?

Нет, не верю... ах! заставишь
Сердце верить и тому,
Если сроку не убавишь,
Возвратишься ты к нему!

Я поверю!.. Жизнь разрушу,
А тебе лишь тем отмщу,
Что, любя тебя как душу,
Смерть мою тебе прощу.

⟨1792⟩, ⟨1798⟩

Полно, сизенький, кружиться,
Голубочек, надо мной!
Лучше вдаль тебе пуститься,
Вдаль... туда, где милый мой.

Полети к нему скорее,
Долети к душе моей;
Проворкуй ему жалчею,
Что не вижу ясных дней.

Как листок от ветра бьется,
Бьется сердце так мое,
К другу движется... несется
Горе с ним забыть свое...

Ах! не туча развилася,
Льет не сильный дождь, гроза —
То по друге пролилася
Горькая моя слеза!

Всё я голосом унылым,
Всё, что встречу, то прошу:
Дай увидеться мне с милым!
Для него я лишь дышу.

Для него не умираю,
Горем мучаясь моим;
Не на муки я взираю,
На мое свиданье с ним.

Не тяжелы вздохи числю,
Их не можно перечесть.
Я о том... о том лишь мыслю,
Чтоб к нему себя донесть.

Он всё то, что в свете мило...
Мило сердцу моему!
Нет его... и всё постыло,
И не рада ничему!

Без того, по ком рыдаю
И кого прошу у всех,
Не найду и не желаю
Ни сокровищ, ни утех.

Чтобы с милым повидаться,
Бурно море преплыву;
Чтобы с милым мне расстаться,
Смерть я жизнью назову.

Ах, лети и всё до слова,
Голубок, ему скажи;
Возврати мне дорогого,
Душу в теле удержи!

Умереть его дождуся,
Силы все на то сберу;
На него я нагляжуся
И от радости умру.

(1793)

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий родился в 1752 году в Москве, умер в 1829 году в Калуге. Сын гвардейского офицера, рано оставшийся без матери, будущий поэт получил домашнее образование в приютивших его аристократических семьях. В 1769—1770 годах он учился в Страсбургском университете, а с 1770 по 1785 год находился на военной службе и участвовал в первой русско-турецкой войне. Выйдя в отставку в чине полковника, Нелединский-Мелецкий служил директором Главного народного училища в Москве, с 1807 года заведовал учебной частью в Московских училищах Ордена св. Екатерины и мещанских девиц. В 1813—1826 годы он жил в Петербурге, находясь на службе в Сенате и Опекунском совете. Состоял членом Российской Академии. Последние два года своей жизни провел в Калуге. Литературная деятельность Нелединского-Мелецкого началась во второй половине 1770-х годов (первое стихотворение — «Молитва», датированное 1778 г., вызвало протест духовной цензуры), но известность он приобрел в 1790-е годы (его песни впервые публикуются в «Московском журнале» в 1792 г.). Сотрудничал в «Аонидах», «Собеседнике любителей российского слова», «Вестнике Европы». Писал басни, оды, послания, шуточные стихи, переводил зарубежных поэтов. Находясь в дружеских отношениях с семьей Головиных, в домашнем быту которых музыка и литература занимали большое место, поэт многие свои песни и романсы сочинял экспромтом на музыкально-литературных вечерах и посвящал их старшей из сестер Головиных — Дарье Ивановне (в замужестве Уваровой) и ее подруге М. А. Кошелевой. Современники ценили в Нелединском-Мелецком прежде всего его дарование поэта-песенника. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии» ставил его первым в ряду «лучших песней сочинителей». К. Н. Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» утверждал, что «вдохновенные страстью песни Нелединского» «менее или более приближались к желанному совершенству». М. Н. Макаров в статье-некрологе писал: «„Выду я на реченьку“, „У кого душевные силы“, „Ты велишь мне равнодушным“ и другие песни Ю. А. поставили его на первую ступень между нашими сочинителями песен». ¹ С середины 1850-х годов оценка песен Нелединского-Мелецкого резко меняется, критика пишет об их «устарелости», «приторной сентименталь-

---

¹ «Дамский журнал». 1829, № 11. С. 170—171.

ности» и т. п. Между тем в быту некоторые песни и романсы его продолжали оставаться популярными. Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются: «Прости мне дерзкое роптанье» (музыка А. Жилина), «Если б ты была на свете» (музыка О. Козловского).

60

Ох! тошно мне
На чужой стороне,
    Всё постыло,
    Всё уныло:
Друга милого нет.

Милого нет,
Не глядела б на свет.
    Что, бывало,
    Утешало,
О том плачу теперь.

В ближнем леску
Лишь питаю тоску:
    Все кусточки,
    Все листочки
Там о милом твердят.

Будто со мной
Там сидит милый мой,
    Забываюсь,
    Откликаюсь
Часто на голос свой.

Милого нет!
Ах, пойду за ним вслед:
    Где б ни крылся,
    Ни таился,
Сердце скажет мне путь.

Ох! тошно мне
На чужой стороне!
    Слезы льются,
    Не уймутся;
В них отрада моя.

<1791>

Ты велишь мне равнодушным
 Быть, прекрасная, к себе;
 Если хочешь зреть послушным,
 Дай другое сердце мне.
 Дай мне сердце, чтоб умело,
 Знав тебя, свободным быть;
 Дай такое, чтоб хотело
 Не одной тобою жить.

То, в котором обитает
 Несравненный образ твой,—
 Сердце, что тобой страдает,
 То и движется тобой.
 В нем уж чувства нет иного,
 Ни другой в нем жизни нет.
 Ты во тьме мученья злого —
 Жизнь, отрада мне и свет.

Верность я ль к тебе нарушу?
 Вздох мой первый ты взяла!
 И, что я имею душу,
 Ты мне чувствовать дала;
 Ты мне душу, ты вложила,
 Твой же дар несу тебе;
 Но ты жертвы запретила:
 Не дозволю их себе.

Лишь не мучь, повелевая,
 Чтоб твоим престал я быть:
 Чем, в безмолвии страдая,
 Чем тебя мне оскорбить?
 Разве чтишь за преступленье
 Взор небесный твой узреть;
 Им повергнуться в смущенье
 И без помощи терпеть!

<1792>

У кого душевны силы
 Истошились тоской,
 В грусти дни влача постылы,
 Кто лишь в гробе зрит покой —
 На лице того проглянет
 Луч веселья в тот лишь час,
 Как терять он чувства станет,
 Как вздохнет в последний раз.

Ты, кем жизнь во мне хранится!
 Казнь... и благо дней моих!
 Дух хоть с телом разлучится,
 Буду жив без связи их.
 Душу что во мне питало,
 Смерть не в силах то сразить;
 Сердцу, что тебя вмещало,
 Лъзя ли не бессмертну быть?

Нет, нельзя тому быть мертву,
 Что дышало божеством.
 От меня ты примешь жертву
 И в сем мире, и в другом.
 Тень моя всегда с тобою
 Неотступно будет жить,
 Окружать тебя собою,
 Вздох твой, взоры, мысль ловить...

Насладится, вникнув тайно
 В прелести души твоей;
 Если ж будешь хоть случайно
 Близ гробницы ты моей,
 Самый прах мой содрогнется,
 Твой приход в нем жизнь родит,
 И тот камень потрясется,
 Под которым буду скрыт.

<1792>

Милая вечер сидела
 Под кустом у ручейка.
 Песенку она запела;
 Я внимал издалика.
 Будто с ней перекликался
 Ближней роши соловей.
 Голос милой раздавался,
 Отдался в душе моей.

Мне зефиры приносили
 Иногда ее слова.
 Иногда слова глушили
 Вкруг шумящи дерева.
 Смолкни всё! Престань мешаться
 Ты, завистный соловей!
 Пусть один в душе раздастся
 Голос милой лишь моей.

<1795>

Выду я на реченьку,
 Погляжу на быстрюю —
 Унеси мое ты горе,
 Быстра реченька, с собой!

Нет, унести с собой не можешь
 Лютой горести моей;
 Разве грусть мою умножишь,
 Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
 По склоненью твоему:
 Мысль за мыслью так стремится
 Всё к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
 Страсть мучительну тая.
 Кем страдаю, тот не знает,
 Терпит что́ душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает:
Взгляд его — весь мой закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах, коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мышлю, кем дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж ты найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь:
Словом ласковым — хоть ложным —
Ад души моей умерь.

<1796>

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) начал свою литературную деятельность переводами с немецкого, первое его печатное произведение — «Деревянная нога, швейцарская идиллия господина Геснера» (Спб., 1783). Первый сборник стихотворений Карамзина «Мои безделки» вышел в свет в 1794 году, и с этих пор к его славе прозаика и журналиста — зачинателя нового направления в русской литературе (сентиментализма) — прибавилась известность поэта, возглавившего то же направление в отечественной поэзии. Как автор песен Карамзин не приобрел большой известности, и в этом отношении он менее значительная фигура для своего времени, чем для предшествующей эпохи Тредиаковский и Сумароков. По степени популярности он уступал даже другим песенникам-сентименталистам, особенно Дмитриеву. Но несколько его стихотворений все же стали характерными образцами сентименталистской вокальной лирики. При жизни Карамзина никто из известных композиторов не обращался к его произведениям. «Песню о добром царе» на музыку положил А. Алябьев. Популярность приобрел романс «Законы осуждают» (из повести «Остров Борнгольм»), который встречается в рукописных песенниках.

65. ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал —
В бедном рубище, в порфире —
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость, —
Говорит святой Мудрец, —
Старец в нем находит младость,
Бедный — горестям конец.

Кто всё плачет, всё вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем —
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Всё печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

1791

66. ПРОСТИ

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен:
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен:
За что меня любить?

Простое сердце, чувство —
Для света ничего.
Там надобно искусство —
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)

Не знал — и ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал — ты смеялась,
Шутила надо мной,
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей...
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..

Будь счастлива, покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горючих,
Желать конца — прости!

1792

67. К СОЛОВЬЮ

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травюю.
Я остался сиротою,
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..

С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному:
Свет — пустыня, мрак ему.

Скоро ль песнию своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

1793

68

Мы желали — и свершилось!..
Лиза! Небо любит нас.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный час!

Быть счастливейшим супругом,
Быть любимым и любить,
Быть любовником и другом...
Ах! я рад на свете жить!

Рад терпеть, чего не можно
В здешней жизни избежать;
Рад и плакать, если должно
Смертным слезы проливать.

Нежность горе улаживает;
Дружба милою рукой
Слез потоки оттирает
И вселяет в грудь покой.

Будь единственным предметом
Страсти сердца моего!
Я навек простился с светом,
Мне наскучил шум его.

Пусть Прелесты там сияют
Блеском хитростей своих;
Пусть они других прельщают;
Пусть другие любят их!

Было время заблуждений;
Я как бабочка летал
Вкруг блестящих привидений —
Сердца в мраморе искал!

Сон исчез — и я увидел,
Что игрушкой хитрых был;
Всех Прелест возненавидел
И невинность полюбил.

Ты одна любви достойна;
Я нашел, чего искал,
И душа моя спокойна.
Всё сбылось, чего желал!

Свет забудет нас с тобою —
Что нам нужды, Лиза, в нем?
Мы с любовью одною
Век без скуки проживем.

1794 (?)

69. ПЕСНЯ

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Любил я резвую Пленуру,
Любил веселую Темиру,
Любил и сердцем и душой.
Они шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лил рекой!

Нет, полно, полно! впредь не буду... и т. д.

Мне горы золота сулили;
Надеясь! — взором говорили.
Пришло к развязке наконец...
И что ж? мне двери указали!
Учись знать шутку, друг! — сказали...
Они смеются!.. я глупец!

Нет, полно, полно! впредь не буду... *и т. д.*

Тот век несчастлив будет с вами,
Кто любит прямо, не словами,
Вам мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить нас рабством и цепями
И только для тщеславья жить.

Нет, полно, полно! впредь не буду... *и т. д.*

Ах! лучше по лесам скитаться,
С лапландцами в снегу валяться
И плавать в лодке по морям,
Чем быть плаксивым Селадомом,
Твердить «увы» печальным тоном.
И век служить потехой вам!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

1795

Иван Иванович Дмитриев родился в 1760 году в селе Богородском, под Сызранью, умер в 1837 году в Москве. Рано начав военную службу (с 14 лет), Дмитриев вышел в отставку в 1796 году в чине полковника, после чего стал крупным чиновником (был обер-прокурором, министром юстиции и т. п.) и одновременно — членом Российской Академии. Первые стихотворные опыты Дмитриева относятся к 1777 году, но известность как поэт он приобрел с начала 1790-х годов, после опубликования стихов в «Московском журнале» Карамзина. Сам Дмитриев впоследствии признавался: «С четвертой части («Московского журнала». — В. Г.) начался уже новый период в моей жизни: песня моя «Голубочек» и сказка «Модная жена» приобрели мне некоторую известность в обеих столицах. Любители музыки сделали на песню мою несколько голосов».¹ Как поэт Дмитриев был талантливым песенником-сентименталистом. Хотя Дмитриев был известен современникам также как сатирик и автор басен, но настоящий успех ему принесли все же его песни. Самым плодотворным периодом в его песенном творчестве были 1792—1795 годы. Всего им было написано 17 песен (из них 10 положены на музыку). Большая их часть была включена Дмитриевым в его первый сборник «И мои безделки» (1795) и особенно в составленный самим поэтом «Карманный песенник» (1796), что способствовало их быстрому распространению в быту. На слова Дмитриева охотно сочиняли музыку композиторы-современники — Ф. Дубянский, А. Жилин, А. Алябьев, а позже А. Рубинштейн («Горлица и прохожий»), Э. Направник («Стонет сизый голубочек...», хор) и другие. Несмотря на сравнительно небольшое количество созданных поэтом песен, почти все они приобрели популярность и надолго вошли в устный репертуар. Кроме публикуемых текстов, известны песни «Разлука» («Без друга и без милой...»), «О когда б я был, пастушка...» (музыка А. Жилина), «Я счастлива была...» (музыка Верстовского).

---

¹ «Взгляд на мою жизнь» // Соч. М., 1815. Т. 2. С. 48.

КАРМАННЫЙ
ПѢСЕННИКЪ,
ИЛИ
СОБРАНИЕ
ЛУЧШИХЪ СВѢТСКИХЪ И
ПРОСТОНАРОДНЫХЪ
ПѢСЕНЪ.

Les vers sont enfans de la lyre ,
Il faut les chanter , non les lire.

Часть I. II. III.

МОСКВА,
Въ вольной Типографіи Понома-
марева 1796 года.

70. НАСЛАЖДЕНИЕ

Всяк в своих желаньях волен —
Лавры! вас я не ишу;
Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Будь мудрец светилом мира,
Будь герой вселенной страх —
Рано ль, поздно ли, Темира,
Всяк истлеет, будет прах!

Розы ль дышат над могилой
Иль полынь на ней растет —
Всё равно, о друг мой милый!
В прахе чувствия уж нет.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота;
Дорог, дорог каждый час!

Может быть, в сию минуту,
Милый друг, всеильный рок
Посылает парку люту
Дней моих прервати ток?

Ах! почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас еще сердца!

<1792>

71

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С одной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,—
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул,
Уж не стонет, не вздыхает —
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека.
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг,
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

<1792>

72

Ах! когда б я прежде знала,
Что любовь родит беды,
Веселясь бы не встречала
Полуночные звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой, злой моей судьбе,
Я слила б из воска яра¹
Легки крылышки себе

---

¹ Эта песня есть точное подражание старинной простонародной песне.

И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;
Возрыдала б, возопила:
«Добры люди! Как мне быть?
Я неверного любила...
Научите не любить».

<1792>

73

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива,—
Ах, а мне пришло терпеть!
Я расстаться должен с милой
На заре, к моим слезам...
О луна! твой свет унылый
Краше солнышка был нам!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива,—
Ах, а мне пришло терпеть!
Знать, и сонная мечтала
О любви ты своей:
Ты к утехам рано встала,
А я к горести моей!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива,—
Ах, а мне пришло терпеть!
О, когда б и ты имела
Участь, равную со мной,
Ты б молчала, а не пела
И встречала день с тоской.

<1792>

Птичка, вырвавшись из клетки,
 Долго в воздухе кружит
 И зеленой даже ветки,
 Быв напугана, дрожит.

Далеко гнездо свивает,
 Не глядит на мягкий дерн, —
 По несчастью, уж знает,
 Что, где роза, там и терн.

Всем, кто чувствует, в природе
 Мила вольность дорога.
 Лишь любовник во свободе
 Видит злейшего врага.

Он, смотря на те оковы,
 В коих долго так стонал,
 Всякий день досады новы
 От жестокой получал.

Воздыхает и, слезами
 Окропя их, говорит:
 Не хочу расстаться с вами,
 Пусть любезна уморит.

⟨1794⟩

75. ЭЛЕГИЯ

Коль надежду истребила
 В страстном сердце ты моем,
 Хоть вздохни, тиранка мила,
 Ты из жалости по нем!
 Дай хоть эту мне отраду,
 Чтоб я жизнь мою влачил,
 Быв уверен, что в награду
 Я тобой жалею был!

Если б в нашей было воле
 И любить и не любить —
 Стал ли б я в злосчастной доле
 Потаенно слезы лить?

Нет! на ту, которая к гробу,
Веселясь, мне кажется путь,
За ее жестокость, злобу
Не хотел бы и взглянуть.

Но любовь непостижима!
Будь злодейкою моей —
Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей!
О жестока!.. о любезна!
Смейся, смейся, что терплю.
Я достоин — участь слезна!
Презрен, стражду и... люблю!

(1794)

76

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! ¹ — Припевай!

Мил, любезен василечек
Рви, доколе он цветет;
Солнце зайдет, и цветочек...
Ах! увянет, опадет!

Пой, скачи, кружись, Параша!.. и т. д.

Соловей не умолкает,
Свищет с утра до утра.
Другу милому, он знает,
Петь одна в году пора.

Пой, скачи, кружись, Параша!.. и т. д.

Кто, быв молод, не смеялся,
Не плясал и не певал,
Тот ничем не наслаждался,—
В жизни не жил, а дышал.

---

¹ Известный припев одной из цыганских песен.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! — Припевай!

⟨1795⟩

77

Всех цветочков боле
Розу я любил,
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее,
Всё как вновь, цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь;
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красоты порок!

⟨1795⟩

78

Куда мне, сердце страстно,
Куда с тобой бежать?
Здесь должен я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняют,
Что я всегда уныл;
Увы! они не знают,
Таков ли прежде был!

Ах! некогда на лире
И я, резвясь, играл,
И я путь скромный в мире
Цветами устилал!

О, грустно вспоминанье!
Не медлим ни часа —
Пойдем сокрыть стенанье
В дремучие леса!

Там горестью глубокой
Никто не укорит,
Ни имени жестокой
При мне не повторит.

Пускай один с тобою
Я буду горевать
И непрестанно Хлою
Винить и обожать.

<1795>

79. ПЕСНЯ

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!
Ах! и ты как тень пройдешь!

Други, матери-природы
Слышите ль приятный глас?
Составляйте ж хороводы,
Пойте, ваш доколе час.

В жизнь однажды срок утехам,
Пролетя, не придут вновь!
Дайте руку играм, смехам,
Призовите и любовь.

А певца, который с вами
Уж резвиться устарел,
Увенчайте хоть цветами,
Чтоб еще он вам пропел.

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь,
Пой, пляши, люби, резвися!
Ах! и ты как тень пройдешь!

<1795>

80

О любезный, о мой милый!
Где ты власть небесну взял?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу дал.

Прочь, печали и напасти!
Прочь, заботы! — вас уж нет!
Покоряся нежной страсти,
Я гляжу на новый свет.

Всё в нем лучше, веселее,
Всё об милом говорит;
Даже солнышко светлее
Для меня теперь горит;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше от тебя,
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И приятнее пою;
Всё мне рай и всем питаю
Страсть, любовь к тебе мою —

Страсть, навеки воспаленну!
Что скажу я наконец?..
Ты украсил всю вселенну,
Ты мой ангел, мой творец!

<1795>

«Что с тобою, ангел, стало?
Не слышать твоих речей;
Всё вздыхаешь! а бывало,
Ты поешь, как соловей».

— «С милым пела, говорила,
А без милого грущу;
Поневоле приуныла:
Где я милого сыщу?»

— «Разве милого другого
Не найдешь из пастушков?
Выбирай себе любого,
Всяк тебя любить готов».

— «Хоть царевич мной прельстится,
Всё я буду горевать!
Сердце с сердцем подружится —
Уж не властно выбирать».

<1796>

Большая часть лирических стихотворений написана Иваном Андреевичем Крыловым (1769—1844) в 1790-е годы, из них при жизни автора было напечатано всего шестнадцать. В то время как многие басни Крылова неоднократно были положены на музыку разными композиторами, его лирика внимания композиторов не привлекала. Лишь публикуемое произведение великого баснописца стало песней.

82. МОЙ ОТЪЕЗД

(Песня)

Уже близка минута
Разлуки моя;
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.

Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.

Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки,—
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.

С кем встречусь, лишь одну
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Лесок, деревня, поле
Всё вспомнит предо мной
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.

Всё мне тебя представит;
Всё слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылый,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.

Там я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утехы новы,
Быть верными сулят.

Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя
И что, лишась покою,
Не льшусь надеждой я.

Ах, вспомни всё мученье
И это разлученье, —
Мой друг! Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Дмитрий Иванович Вельяшев-Волынцев родился в 1770 году, умер в 1818 году. Он состоял в «Обществе любителей российской словесности, истории и древностей российских», издавал «Талию, журнал для любителей театра» (М., 1811). Он был известен современникам в качестве первого переводчика «Гамбургской драматургии» Лессинга. Стихотворения Вельяшева-Волынцева изданы при жизни автора: «Лира. Собрание стихотворений». М., 1804.

83. ПЕСНЯ

Здесь — под тенью дров ветвистых,
Ручей быстрый где течет
И в струях прозрачных, чистых,
Золотой песок влечет;
Где при бледном лунном свете
Можно в вольности стенать —
Здесь, забыв о целом свете,
Стану грусть мою вещать.

Как дыхания зефирны,
Ручей! льется твой кристалл;
В нем мне зрятя дни те мирны,
В кои Клой я не знал.
Клоя!.. сколько ни гордится
Роза, красота садов,—
Но, узрев тебя, стыдится
Слабости своих цветов.

И с толикой красотою
Можно ль столь суровой быть,
Чтоб, лишив меня покою,
После злобно изменить?

Вспомни, как, сидя с несчастным
На дерновой сей скамье,
С вздохом нежным, с вздохом страстным
Ты сказала тихо мне:

«Прежде, нежели увянет
Страсть моя к тебе, Дорит,
Ручей литься сей престанет».
Кляя!.. он еще журчит!

Он журчит еще в сей вечер,
От моих мутится слез;
Клятвы ж Клои буйный ветер
С счастьем моим унес.

Может быть, когда промчится
Слух, меня что в свете нет,—
Горесть в грудь твою вселится
И на гроб мой приведет.

Вспомнишь ты тогда мой пламень,
Кровь вся в сердце закипит;
Слезы канут; хладный камень
Томны вздохи повторит.

(1794)

Григорий Александрович Хованский родился в 1767 году в Москве, умер в 1796 году там же. Первые опыты сочинения песен, по свидетельству самого автора, он предпринял «на девятнадцатом году рождения», то есть в середине 1780-х годов; среди его ранних песен — «Долго ль буду понапрасну...».¹ Впервые три стихотворения Хованского появились в печати в 1788 году («Новые ежемесячные сочинения». Кн. 10). Перу Хованского принадлежат оды, послания, басни, элегии, идиллии и т. д. Но из всех стихотворений особую популярность приобрели песни и некоторые романсы (всего их у Хованского свыше двадцати), особенно «Незабудочки» («Я вечер в лугах гуляла...»), которая неоднократно записывалась собирателями народного творчества и в советское время как народная. Сам Хованский противопоставлял свою песенную любовную лирику одической поэзии классицизма; его программное стихотворение — «Песня» — имело характерный рефрен: «Я так песенку пою про голубушку мою...»² Кроме публикуемых песен, известность приобрели «Долго ль в свете одинокой...» и «Встретивши пастух Лизету...», романс «Ручей» и элегия «На весну». Два последние стихотворения с музыкой неизвестного композитора опубликованы в «Песеннике» Герстенберга и Дитмара (Спб., 1797. Ч. 1).

84. ПЕСНЯ

Ах! луга, луга зелены,
Где так часто я гулял,
Где веселий миллионы
С милой Аннушкой вкушал!

---

¹ Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах князя Григория Хованского. М., 1795. С. 166, примечание.

² «Аониды». М., 1795. Кн. 1. С. 124. Об интересах Хованского в области лирики см.: Бердин-Ширяев Ф. Материалы для биографии Хованского. Спб., 1862. Кн. 2.

Лес дремучий, лес тенистый,
Что от зноя нас скрывал!
Ручеек прозрачный, чистый,
Что по камешкам журчал!

О! места, что столько милы
Мне казались прежде с ней!
Стали вы теперь унылы,
Нет уж мне приятных дней!

Лишь она мне изменила,
Изменило всё мне вдруг:
Вид природа пременяла,
Весь поблек зеленый луг.

Ручеек, что быстро лился
Меж цветущих берегов,
Уж теперь остановился...
Нет вокруг его цветов!

Птички прежде сладко пели,
Вили гнездышки в лесах,
Но теперь все улетели,
Я один лишь здесь в слезах!

Листья со деревьев упали —
Нет ни в чем нигде отрад!
Мрачны дни зимы настали,
Рай мне стал — ужасный ад!

<1795>

85. ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Ой, Наташеньки здесь нет...»)

Я слышал, в Москве пространной
Много злата и серебра;
Град престольный, град избранный;
Много всякого добра!

На клячонке я собрался
На Москву хоть посмотреть,
И Катюше обещался
Там на девок не глядеть.

Ах! мой ангел, успокойся!
С кем могу тебя сравнить?
Будь уверена, не бойся:
Буду век тебя любить.

Признаюсь тебе, я встретил
Множество в Москве девиц;
Но божусь, что не заметил
Я тебе подобных лиц.

Как-то щеки их краснее
Щечек кругленьких твоих,
Но ты их сто раз милее,
Что-то всё не так у них!

Здесь огромные палаты,
Много, много здесь всего!
Люди всем в Москве богаты,
Нет лишь счастья одного.

Ворочусь-ко в деревушку
На клячонке я своей!
Там оставил я подружку,
Привезу гостинцу ей.

Ленточку я голубую
В знак любви Катюше дам;
За подарок поцелую,
И найду я счастье там.

<1795>

86. РОМАНС

Намедни в рощице гуляя,
Где птички порхали одне,
Там песни соловья внимая,
Вдруг что-то грустно стало мне.

Невольным образом вздохнувши,
Я с горя к речке подошел,
И, на ветвистый дуб взглянувши,
Под тень на бережок я сел.

Луна свой вид изображала
В студеной зёркальной реке
И тихи воды посребряла,
А соловей пел вдалеке.

То громко пел, то очень нежно,
То жалобно он тосковал.
Я, слушая его прилежно,
В задумчивость глубоко впал.

Меж тем он, в рощице летая,
На дуб ветвистый прилетел
И, душу томну услаждая,
Еще, еще нежнее пел.

Из глаз вдруг слезы покатались
И облегчили грудь мою;
Слезами чувства освежились —
Я обратился к соловью:

«Ужель и ты несчастье знаешь,
Любезный, милый соловей?
Иль только мне лишь сострадаешь
Ты в горькой участи моей?»

Я матери, отца лишился, —
В слезах ему я говорил, —
А там — жестокою пленился
И без надежды полюбил!..

Но ты, мой друг, о чем сгрустился,
И отчего ты так уныл?»
— «Я с милой, с милой разлучился:
Я только для нее и жил!»

Она вечер мне изменила!
Я муку лютую терплю;
Она другого полюбила,
А я так всё ее люблю!»

Пропел и полетел тихонько
Неверную свою искать;
А я, вздохнув, пошел легонько
Домой по милой тосковать.

Пришел — и легкий сон на время
Плениру предо мной явил.
Проснулся я и зол всех бремя
Еще сильнее ощутил.

(1796)

87. РОМАНС

Лейтесь, слезы, вы ручьями!
Дайте сердцу отдохнуть.
Мне назначено судьбами
Век в несчастьи тонуть.

Но почто вооружился
Ты, злой рок, против меня?
Ах! давно ль отца лишился?
Уж в земле и мать моя!

Нет родителей со мною!
Парка их пресекла дни.
Я остался сиротою;
Горести со мной одни!

О любовь! ты подкрепляла
Дух, размученный тоской,
Сердце ты еще питала,
Облегчая жребий мой.

А теперь меня лишаешь
И последних ты утех;
К горю горе прибавляешь —
Ты несчастий злее всех!

Ты, кем я горю, пылаю,
Кем привязан к жизни сей;
Ты, кого я почитаю
Божеством души моей!

Страсть мою ты презираешь!..
Нет уж боле сил терпеть,
Знать, ты смерти мне желаешь —
Мне не трудно умереть.

Кто, как я, с тобою страстен,
Чья вся жизнь лишь бед полна,
Ах! тому, кто столь несчастен,
Смерть не может быть страшна.

Я надежды всей лишился:
Без надежды можно ль жить?
Если ж я страдать родился,
Жизнь я властен прекратить.

Жизнь! тебя я покидаю...
К вам, родители, иду;
Смерть с веселием встречаю —
В ней я счастье найду.

⟨1796⟩

88. НЕЗАБУДОЧКИ

(Песня на голос: «Выду ль я на реченьку...»)

Я вечер в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать.

Долго, долго я ходила:
Погасал уж солнца свет;
Все цветочки находила,
Одного лишь нет как нет!

Нет! Цветочка дорогого
Я в долинах не нашла;
Без цветочка голубого
Я домой было пошла.

Шла домой с душой унылой;
Недалёко от ручья
Вижу вдруг цветочек милый:
Вмиг его сорвала я!

Незабудочку сорвала —
Слезы покатались вдруг.
Я вздохнула и сказала:
«Не забудь меня, мой друг!

Не дари меня ты золотом,
Подари лишь мне себя:
Что в подарке мне богатом?
Ты скажи: люблю тебя!»

⟨1796⟩

Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1855) по окончании Московского университета служил в гвардейском полку, затем в Министерстве иностранных дел. За сочувствие либеральным идеям М. М. Сперанского был сослан в Вологду. После четырех лет ссылки (1812—1816) его взгляды переменялись и приобрели резко выраженный реакционный характер. В должности попечителя Казанского учебного округа и издателя журнала «Радуга» Магницкий приобрел печальную известность гонителя свободной мысли. В 1790-е годы Магницкий занимал еще прогрессивные позиции в литературно-общественной жизни, как поэт примыкал к сентименталистам, сотрудничал в «Аонидах», издававшихся Н. М. Карамзиным. Первое его произведение — «К дитяти» — появилось в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (М., 1793. Ч. 1). В том же журнале он поместил еще несколько стихотворений, среди них — две песни (кроме публикуемой — «К голубку», также пользовавшуюся некоторой известностью).¹

89. ПЕСНЯ МОЕЙ КАТЕНЬКЕ

Тише, громкий соловей!
Чу... там, в хижине моей,
    Раздается
    И несется
Ветерком, через лесок,
Милой Кати голосок!

Как малиновка весной,
Перед утренней зарей,
    Распевает
    И пленяет
Всех мелодией своей —
Так он мил душе моей!

---

¹ «Приятное и полезное препровождение времени». М., 1793. Ч. 5. С. 126.

Дай подкрадуся к окну
И на милую взгляну!
    Как день майский
    Тихий, райский,
Катенька моя мила;
Так тиха — так весела!

А когда взгрустнется ей
И она в тоске своей
    Потихоньку,
    Полегоньку
Нежну песенку поет —
Сколько новых в ней красот!

Иль когда, за клавишин
Севши, томный андантин
    Заиграет
    И пленяет
Всех, кому душа дана,—
С кем сравняется она?

С кем!.. Нет в свете Катей двух!
Катенька, мой милый друг!
    Владей мною;
    Я с тобою
Всех счастливее царей:
Ты душа души моей!

Тс... тс... она встала, вздохнула,
На окно ко мне взглянула,
    Покраснела,
    Побледнела...
Я лечу в объятия к ней...
Громче, тихий соловей!

<1795>

Василий Львович Пушкин родился в 1770 году в Москве, умер в 1830 году там же. Служил до 1797 года в лейб-гвардии Измайловском полку. Выйдя в отставку, В. Пушкин занялся литературной деятельностью. Он примкнул к карамзинистам, сотрудничал в «Аонидах» и «Вестнике Европы», принимал участие в полемике с консервативным литературным направлением, возглавлявшимся Шишковым, состоял в «Арзамасе» (с 1816 г.). Современным читателям В. Пушкин известен больше по биографии А. С. Пушкина как дядя великого поэта, однако, не обладая крупным и оригинальным талантом, он сам представлял собою характерную фигуру литературного движения конца XVIII—начала XIX века. Перу В. Пушкина принадлежат многочисленные произведения в разнообразных жанрах, культивировавшихся русскими сентименталистами, а также переводы с латинского, итальянского, французского, английского и других языков. Его перу принадлежит водевиль «Помещик без поместья» (с музыкой А. Башилова, 1824). Известность В. Пушкин приобрел, главным образом, распространявшейся в списках комической поэмой «Опасный сосед» (1811) (издана в Лейпциге в 1855 г.). Прижизненное собрание стихотворений В. Пушкина издано в 1822 году. Песнями стали немногие стихотворения поэта. Кроме публикуемого текста, это — созданные в 1815 году сентиментальный «Романс» («Там далёко за горами...») и «Песня» («Не пей мне...», с музыкой Н. Геништы).

90. К МИЛОЙ

(На голос: «Уже со тьмою нощи...»)

Недавно я на лире
Уныло, томно пел,
Что я доселе в мире
Подруги не имел.
Я *милую* имею
И горесть всё терплю;
Но, ах, сказать не смею,
Что я ее люблю!

Лишь то в душе твердится,
Что всех она милей;
И мысль моя стремится
К владычице моей.
Стремится... Умножает
Страданье тем мое;
Но, ах, она не знает,
Что я люблю ее!

Как с *милой* я бываю,
Я весел — и грущу;
Сказать «люблю» желаю,
И слов я не сыщу.
То взор ее пленяет,
То сердце рвет мое,
Но, ах, она не знает,
Что я люблю ее!

Пусть дух томится страстный!
Мне лъзя ли не любить?
О, если б я прекрасной
Возмог любезным быть!
Блаженство с чем равняться
Тогда могло б мое?
Но смею ль ей признаться,
Что я люблю ее?

<1795>

Даты рождения и смерти Петра Лукича Вельяминова не установлены. Он служил директором Второй экспедиции Заемного банка, был переводчиком. Оригинальные его стихотворения не печатались. Друг Державина и Н. Львова, он разделял их увлечение народными песнями. Львов писал Вельяминову 17 августа 1791 года: «Ты русские песни любишь, за это тебе спасибо».¹ Вельяминову посвящено два стихотворения Державина: «Гостю» и «Зимой». Из произведений самого Вельяминова лишь публикуемое стало известной песней.

91

Ох! вы славные русски кислы ши,
Вы медвяные ши, пузырные!
Для чего вы, ши, скоро киснете
Среди поры-время теплого?
Что поутру вы, ши, запенилися,
О полудни, ши, попевали вы,
А при вечере и окиснули.

Ах! ты молодость, моя молодость,
Ты разгульная и веселая!
Для чего скоро, ах, проходишь ты
Среди житья да привольного?
Что давно ли то было времечко,
Как я молод был, молодешенек,
И легок и бодр, будто добрый конь?
А теперь я начал уже стариться,—
Проскакал конек поле чистое,
Доскакал конек до крутой горы,
По горе коньку шажком идти.

<1796>

---

¹ «Московский журнал». М., 1791. Ч. 4. Кн. 1. С. 98.

Николай Михайлович Шатров родился в 1767 году в Москве, умер в 1841 году. С двенадцати лет стал служить канцеляристом и стряпчим в различных московских ведомствах (губернское правление, монетная экспедиция, удельная экспедиция). Позже был видным масоном. Живо интересуясь литературой, Шатров сблизился с Сумароковым, Херасковым, Эминим и другими писателями. Он занимал консервативную позицию в литературно-общественной борьбе конца XVIII—начала XIX века, был единомышленником Шишкова и рьяным противником карамзинистов. Первое печатное произведение его — «Стихи на смерть С. А. Аршеневского» — появилось в 1795 году. Писал оды, подражания псалмам, духовные песни, известность приобрел в качестве автора «Послания к соседу» и «Марша донских казаков» («Грянул внезапно гром под Москвою...»). Приверженность литературным канонам классицизма не препятствовала, однако, Шатрову пробовать свои силы и в жанре модных сентиментальных песенок. При жизни поэта изданы «Стихотворения Н. Шатрова» в трех частях (Спб., 1831).

92. ПЕСНЯ

Катя в рощице гуляла,
Друга милого искала,
Кой клялся ее любить,
Всякой вечер с нею быть.

Но уж солнце закатилось,
Небо ясное затмилось,
На цветы роса падет,
А сердечный друг нейдет!

Уж и полночь наступает,
И над рощею сияет
В мраке полная луна;
Катя в роще — всё одна.

Всё одна и понапрасну,
Обольщая душу страстну,
Друга ищет, друга ждет,
Другу голос подает.

Друг нейдет — и всё не мило:
Сердце в Кате приуныло;
Стала Катя тосковать
И не знала — что начать!

Руки белые ломила,
То стояла, то ходила,
То смотрела сквозь лесок
И кляла свой лютый рок.

«Милый!» — Катя говорила.
«Милый», — роща повторила.
«Иль пришла моя беда?»
Отвечала роща: «Да!»

Катя вдруг остановилась,
Испугалась — чувств лишилась;
И казалось ей в тот час,
Что и лунной свет погас.

Мысли все у ней смутились,
Слезы градом покатались,
Исчезал огонь в глазах
И румянец на щеках.

Роща стала ей ужасна;
И без друга Катя страстна,
Заливаясь слезой,
Понесла тоску домой.

<1798>

Даты рождения и смерти С. Митрофанова и другие биографические сведения о нем не установлены. По определению Державина, Митрофанов — «известный певец». Вероятно, он был руководителем придворной певческой капеллы. В круг историко-литературного изучения этот поэт-песенник введен И. Н. Розановым. Книга Митрофанова «Песни русские известного охотника М*****» стала библиографической редкостью, лишь несколько экземпляров ее хранятся в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда. Сборник Митрофанова содержит 12 песен. Кроме перепечатанных Розановым,¹ это: «Бровь черная пленила...» (№ 1), «Лети, мой вздох, за Невски воды...» (№ 2), «Будь, душа моя, спокойна...» (№ 3), «Не теряй красы любезной...» (№ 12). В предисловии к сборнику, обращенном к «почтеннейшим любителям русских песен», автор так характеризует собственную поэзию: «Я курныкаю кое-как, в удовольствие любящих русской голос, русские песенки про невинную любовь; и признаюсь, что нет ничего приятнее для сердца моего, как когда на досуге хвачу с раскатом и с балалаечкой песенку про матушку про любовь, в честь которой присовокупляются ручейки, лужочки, рощицы, долины, пригорки, цветочки, птички, свирелки, хороводы и проч.»² По содержанию и стилю песни Митрофанова — характерный образец сентименталистского фольклоризма. Они пришлись по вкусу современникам, и некоторые из них вошли в быт. Кроме публикуемых, в песенниках встречаются «Голубчик-голубчик...» и «Ты почувствуй, дорогая...» (последняя была положена на музыку Л. Львовым и входила в репертуар цыганских хоров, упоминается в «Очарованном страннике» Лескова).

93. ПЕСНЯ

За горами, за долами,
За лесами, меж кустами
Лужочек там был. (2)

¹ См.: Песни русских поэтов, Л., 1936 («Б-ка поэта», БС). С. 88—94.

² «Песни русские известного охотника М*****», изданные им же. Спб., 1799. С. 3—4.

На лужке росли цветочки,
Вокруг милы ручеечки
Блистали в струях. (2)

Птички нежны песни пели,
Слышны там были свирели,
Соловей свистал. (2)

Вся природа веселилась,
И утеха там резвилась,
Веял ветерок. (2)

Недалёко был там холмик,
А на холмике был домик,
На всей красоте. (2)

Подле домика дубочек,
Где сидел душа-молодчик
В кручине, в тоске. (2)

Поджав рученьки сидел,
На цветочек всё смотрел —
Песенку запел. (2)

Ах! ты, милая моя!
Миловидная моя!
Скушно без тебя. (2)

Все кусточки, и листочки,
И прекрасные цветочки
Здесь не веселят. (2)

Они грусть лишь умножают,
Мне тебя напоминают,
Как резвились здесь. (2)

Мы играли в мотылечки,
И любовь плела веночки
Всякий вечерок. (2)

Целовались, миловались,—
Птички, глядя, любовались,
Как любились мы. (2)

А теперь в несносной скуке,
Душенька, с тобой в разлуке —
В смертельной тоске. (2)

Нет минуты, ни часá,
Чтоб не зрелася краса
В сих твоя местах, (2)

Где всегда часто гуляли,
Песенки с тобой певали,
Сидя на траве. (2)

Вдали эхо раздавалось,
И сердечко восхищалось
Среди всех отрад. (2)

Без тебя здесь всё не мило —
Всё не мило, всё постыло;
Скрылся свет от глаз. (2)

Сердце ноет, ноет, ноет;
Во разлуке плачет, стонет
Добрый молодец. (2)

Не тужи, не плачь, детинка;
Ты мне жалок, сиротинка!
Увижусь с тобой — (2)

Опять будем мотылечки
И по-прежнему дружочки
С тобой, милый друг. (2)

<1799>

Солнце на закате,
Время на утрате —
Сем-ка, девки, на лужок,
Где муравка, где цветок;

Где мы вечером резвились,
В хороводе веселились;
Ну-тка, приметесь опять
Ту ж игорку продолжать!

Собирались, разыгрались,
На лужку все расплясались,
При приятной тишине,
Под березками одне.

Вдруг стал слышен голосок —
Раздалось эхо в лесок:
«Ах! красавица милая!
Светик, радость, дорогая!

Где ты, где ты? ах! ау!
Без тебя я здесь умру;
Твой глазок меня не видит;
Знать, он ныне ненавидит».

Вдруг все девки спохватились,
И домой все торопились;
Лишь Анютушка, дружок,
Тут присела на лужок.

Из цветов венки вила,
Будто милого ждала.
Не успела скласть в пучочки,
Как выходит из-за речки

Парень милый, красячок,
Милый Аннушкин дружок;
Подошел, к ручке прилег,
У Анюты сердце ёк.

Щечки розаном покрылись;
Сердце сердцу покорилось.
Ах! любовь — счастье одно
От природы нам дано.

<1799>

Иван Михайлович Долгорукий (Долгоруков) родился в 1764 году в Москве, умер в 1823 году там же. Ранние его литературные опыты (переводы) относятся к концу 1770-х годов; первое оригинальное произведение — стихи «На смерть Горича» — опубликовано в 1788 году в виде приложения к «Московским ведомостям». Известность Долгорукому принесли стихотворения, написанные в 1790-х годах, во время его пребывания в Пензе в качестве вице-губернатора («К швейцару», «Камин в Пензе», «К судьбе» и др.). Сам он был скромного мнения о своем творчестве, шутливо признавался, что «пустился в Парнасские области на самых тощих конях и в крайне худой повозке». ¹ Но, будучи второстепенным поэтом, Долгорукий стремился в своих сочинениях запечатлеть «жизнь чувствительной души», чем и объясняется его увлечение песенным жанром. Его перу принадлежат 29 песен, выдержанных в духе сентиментализма, которые поэт объединил названием «Песни на разные голоса», и цикл стихотворений в «народном» стиле — «Гудок Ивана Горюна». Многие из песен Долгорукого сочинены на «голоса» популярных в конце XVIII века романсов, другие были «положены на музыку и пелись». ² Авторы музыки на тексты Долгорукого, как правило, неизвестны. На слова его стихотворения «Оправдание» («Если б люди дар имели...») написал романс С. Шереметев (1807).

95

Сколько раз, жестокий, клялся
Лишь одну меня любить!
Сколько разум твой старался
Мне одной любезным быть!
Души нежной слабость видя,
Ты заставил дух пылать
В той, кто, всё возненавидя,
Тебе тщилась угождать.

---

¹ Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. М., 1802. С. 5.

² Д м и т р и е в М. А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. Спб., 1863. С. 199.

Но теперь ты презираешь,
Кого богом своим звал,
И другой всё то вещаешь,
Чем меня к любви склонял.
Иль на то тебе, неверный,
Над собой дала я власть,
Чтоб холодностью безмерной
Наградил мою ты страсть?

О, любовь, царица света!
Отомщай ты за меня!
Убегай того предмета,
Кому жертвой стала я.
Но покой напрасно лщуся
В его казни я найтить;
Лишь тем больше сокрушуся.
Нет! ему не в силах мстить.

1790-е годы

Ах! как скучно жить в разлуке
С тою, кто души милей!
Нет ни доли, нет ни муки,
Чтоб могла сравниться с ней!
И несчастье прелестно
Для того, кто с дорогой;
А тому ничто не лестно,
Кто не зрит ее с собой.

Нет другого нам блаженства,
Как любя любиму быть;
Нет и в счастье совершенства,
Коль нельзя его делить!
Если б я и над вселенной
Вдруг явился господин,
От любезной отлученный
Буду я везде один.

Сколько слава ни пленяет,
Хотя тьму сулит наград,
Но таких не доставляет,
Как любовна страсть, отрад.

И в порфире на престоле
Мира грозные судьи
У красавицы в неволе
Часто жертвуют любви.

Утекайте, злы минуты,
И промчите грусть мою!
Уносите вздохи люты
И с слезами, кои лью!
О, владыки всего света!
Дайте милую обнять!
У ног милого предмета
Дайте рай скорей вкушать!

Нину видеть повсечасно,
Не страшась разлуки с ней,
И, ее пленяя страстно,
День от дня ей быть милей —
Вот каких я благ желаю!
Нет иных уж для меня.
Всё вам, смертны, уступаю;
Будь лишь Нина век моя!

1790-е годы

97

Без затей, в простом обряде,
Дома с Ниной жить мне — рай;
С нею в поле иль во граде
Мне любезен всякий край.

С ней убожества не знаю;
Всё по мне и всё на нрав.
Нина тут — я не скучаю;
Нины нет — и нет забав!

Мы участие принимаем
С нею равное во всем;
В черный день не унываем,
В красный пляшем и поем.

Чужой доле не ревнуем
И, природы чтя предел,
На богов не негодуем,
Что не знатен наш удел.

При заре вечерней, ясной,
Когда дум нет в голове,
С Ниной милой и прекрасной
Мы гуляем на траве.

Там с ней взапуски резвлюся;
Она бегаёт за мной,
Я за нею волочуся:
Ах! чем купишь час такой!

Деньги — бедная награда
За свободу, за любовь;
Пышность — слабая отрада,
Когда в нас пылаёт кровь.

Пусть фортуны обольщенье
Весь морочит род людей;
Нина, ты мое прельщенье,
Ты краса судьбы моей!

Твоя скромность и приятство,
Речь, улыбка, страстный взор —
Вот одно мое богатство!

Всё другое в свете — вздор.

Кучей денег кто гордится,
Тот пускает пыль в глаза;
И сквозь золото катится
Часто горькая слеза.

1790-е годы

98

Прости! я обнимаю
Тебя в последний раз,
Печали век встречаю
Утех за краткий час.
Лети в страну далеку,
Лети других пленять;
Счастливу следуй року,
Оставь меня страдать!

Мои красы завянут,
Я выучусь тужить;
Тебя хвалить все станут,
А я одна любить.

176

Я к сердцу мне драгому
От сердца весть пошлю;
Уста мои другому
Не скажут: я люблю!

Нет, чувств иных не знаю,
Как собственно твои,
И к ним я применяю
Все склонности мои.
Коль счастлив ты — я рада,
Коль грустен — я крушусь;
Твой смех — моя отрада;
Заплакал ты — я рвусь.

Вся мысль моя, ты знаешь,
Тебе принадлежит;
Ты сердцем обладаешь,
Оно к тебе лежит,
За всё мое пристрастье
Одну меня люби;
Почту себе за счастье
И вид один любви.

1790-е годы

99

Без тебя, моя Глафира,
Без тебя, как без души,
Никакие царства мира
Для меня не хороши.
Мне повсюду будет скучно,
Не могу я быть счастлив;
Будь со мною неразлучно,
Будь со мной, доколе жив!

Ни богатства не желаю,
Ни в большие господа;
Всё другим то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда.
Вот одно мое желанье!
У меня другого нет;
Без тебя — вся жизнь страданье,
Без тебя — пустыня свет.

Я люблю тебя всех боле,
Я люблю одну тебя;
В толь приятной сердцу доле
С кем сравню я себя?
Ах! ни с кем, ни с кем, конечно!
Только ты люби меня,—
Буду счастлив, будешь вечно
Ты мой друг и жизнь моя!

1790-е годы

ПЕСНИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
АВТОРАМ ХVІІІ — НАЧАЛА
ХІХ ВЕКА

〈П. С. Львов?〉

100

Уж как пал туман на сине море,
А злодейка-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече в чистом поле,
Курится огонечек малешенек:
У огонечка разостлан шелковый ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его добрый конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалой добрый молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу,
Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, роду-племени,
К милым детушкам, к молодой жене».
Как вздохнет удалой добрый молодец —
Подымалась у удалого его крепка грудь;
Опускались у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил добрый молодец своему коню:
«Ох ты конь мой, конь, лошадь верная,
Ты товарищ моей участи,
Добрый пайщик службы царския!
Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела».

〈1722〉

Молчите, струйки чисты,
И дайте мне вещать;
Вы, птички голосисты,
Престаньте воспевать.

Пусть в рощах раздаются
Плачевные слова!
Ручьями слезы льются,
И стонут дерева.

Ты здесь, моя отрада,
Любезный пастушок,
Со мной ходил от стада
На крутой бережок.

Я здесь с тобой свикалась
От самых лет молодых
И часто наслаждалась
Любовных слов твоих.

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.

Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы
И наедине плачу,
Лишась твоей красы.

Целую те пруточки,
С которых ты срывал
Прекрасные цветочки
И мне пучки вязал;

Слезами обливаю
Зеленые листья,
В печали презираю
Приятные плоды.

Я часто вижу властно
Тебя во деревьях;
Бегу туда напрасно,
Хочу обнять в слезах.

Но только тень пустая
Меня, несчастну, льстит;
Смущаюся, теряя
Приятный мне твой вид.

Лишь только ветр листвами
Тихонько потрясет,
Я тотчас меж кустами
Тебя ищу, мой свет.

От всякой перемены
Всечасно я крушусь
И, муча слабы члены,
На каждой слух стремлюсь.

〈1748〉

〈И. П. Елагин и Н. А. Бекетов?〉

102

Не кидай притворных взоров и не тщишь меня смущать,
Не старайся излеченны раны тщетно растравлять.
Я твою неверность знаю
И уж больше не пылаю
Тем огнем, что сердце жгло,
Уж и так в безмерной скуке,
В горьком плаче, смертной муке
Дней немало протекло.

Для чего ты в те минуты слов плачевных не внимал,
И, гордясь своим обманом, от меня ты убежал?
Вспомяни, как я страдала
И везде тебя искала,
Тщась неверность обличить.
Но тогда ты пред иною,
О жестокой! красотою
Отрицался мя любить.

Ты сказать того не можешь, чтоб мой нрав пременен был,
Я тогда забыла клятвы, как уж ты свои забыл.

Если б ты не пременялся
И другою не пленялся —
Я б вовек была твоя;
Но когда ты стал неверен,
Сколько жар был ни чрезмерен —
Но исчезла страсть моя.

Будь счастлив теперь иною; я не мышлю о тебе!
И не чувствую заразов ни малейших я в себе.

Не великим поставляю
Сей урон, что потеряю
Я неверного в тебе;
Ты ж со временем узнаешь,
Что нелестную теряешь
Ты любовницу во мне.

<1759>

Размучен страстию презлою
И ввержен будучи в напасть,
Прости, что я перед тобою
Дерзну свою оплакать часть.

Хотя твой милый взор, драгая!
Мне остры стрелы в грудь бросаю,
Зрел действие своих побед,—
Но ты еще того не знаешь,
Колико мне ты причиняешь
Несносных мук и лютых бед.

Я с той жестокой мне минуты,
Как первый раз тебе предстал,
Питаю в сердце скорби люты,
Питаю страсть и пленник стал.

Не видишь ты, как я смущаюсь,
Как стражду, рвуся и терзаюсь
И горьких слез потоки лью?
Ты прежних дум меня лишила,
Ты жизнь мою переменяла,
Тебя, как душу, я люблю.

Всегда тебя в уме встречаю,
А стретив, зреть тебя хочу;
И где тебя найтить лишь чаю,
Бегу туда и там грущу.

Места, где страсть моя родилась,
Где кровь тобою вспламенилась,
Свидетели тоски моей:
Я в них тебя воспоминаю,
Твое в них имя повторяю
Стократно в памяти своей.

Теперь, узнав себя подвластна,
И часть владычеств моих;
Но сколько ты, мой свет! прекрасна,
Ты столько жалости имей,
За скорбь в душе моей смертelnу
И рану в сердце неисцельну
Хоть сладку мне надежду дай.
Коль стыдно то сказать словами
Хотя прелестными глазами
Скажи, скажи мне: уповай.

<1759>

Сколько грусти и мученья нам бесплодна страсть сулит?
Сколько бедства и напастей в сей любви нам предстоит?
Коль судьбина не согласна
С нежной волею сердец;
На какой, мой свет! ты страстна,
На какой, увы! конец?

Что в том пользы, дорогая, хоть равна у нас любовь?
Хоть однаким напоенна чувством наша жарка кровь?
Тщетно сходны наши мысли,
Рок противится любви:
Ты своим меня не числи
И оковы разорви.

Возвращай свою свободу, пусть один лишь я грущу;
Хоть останусь в злой печали, но тебя не возмущу.
Удалясь очей любезных,
В сих не буду жить местах.

Ах! не трать ты в бесполезных
Время вздохах и слезах.

Позабудь меня, драгая! позабудь меня, мой свет!
Так судьбой определёно, нам в любви счастья нет.

Мне рыдать повелевает
О тебе ее устав;
А тебя он осуждает
Ожидать иных забав.—

Ничего со мной не тратишь, истребляя жар в крови,
Кроме нежности и сердца, постоянного в любви:

Сим не можешь быть довольна,
А иных достоинств нет:
Лучшей части ты достойна,
Ожидай ее, мой свет.

⟨1759⟩

⟨*Елизавета Петровна?*⟩

105

Во селе, селе Покровском,
Среди улицы большой,
Разыгралась-расплясалась
Красна девица-душа,
Красна девица-душа,
Авдотьюшка хороша.
Разыгравшись, взговорила:
«Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь;
Я со радости с веселья
Поиграть с вами хочу:
Приезжал ко мне детинка
Из Санктпитера сюда;
Он меня, красnú девйцу,
Подговаривал с собой,
Серебром меня дарил,
Он и золото сулил.

«Поезжай со мной, Дуняша,
Поезжай, — он говорил, —
Подарю тебя парчою
И на шею жемчугом;
Ты в деревне здесь крестьянка,
А там будешь госпожа;
И во всем этом уборе
Будешь вдвое пригожа!»
Я сказала, что поеду,
Да опомнилась опять.
«Нет, сударик, не поеду, —
Говорила я ему, —
Я крестьянкою родилась,
Так нельзя быть госпожой;
Я в деревне жить привыкла,
А там надо привыкать.
Я советую тебе
Иметь равную себе.
В вашем городе обычай —
Я слыхала ото всех:
Вы всех любите словами,
А на сердце никого.
А у нас-то ведь в деревне
Здесь прямая простота:
Словом мы кого полюбим,
То и в сердце век у нас!»
Вот чему я веселюсь,
Чему радуюсь теперь:
Что осталась жить в деревне,
А в обман не отдалась!»

⟨1761⟩

⟨Ф. Г. Волков?⟩

106

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно,
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:

185

Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?
Ты сними с меня, драгая, камилавку,
Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И пошупай, как трепещет мое сердце,
Обливаясь всё кровью с тяжким вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слезы,
Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?
Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, мое сердце!

⟨1763⟩

⟨М. Л. Нарышкина?⟩

107

По горам, по горам,
и я по горам ходила,
и я по горам ходила.
Все цветы, все цветы,
и я все цветы видела,
и я все цветы видела.
Одного, одного,
одного цвета нет как нет,
одного цвета нет как нет.
Нет цвета, нет цвета,
ах, нет цвета алого,
ах, нет цвета алого.
Алого, алого,
моего цвета прекрасного,
моего цвета прекрасного.
По двору, по двору,
и я по двору ходила,
и я по двору ходила.
Всех гостей, всех гостей,
и я всех гостей видела,
и я всех гостей видела.

186

Видела, видела,
одного гостя нет как нет,
одного гостя нет как нет.
Нет гостя, нет гостя,
ах, нет гостя милого,
ах, нет гостя милого.
Милого, милого,
моего друга любезного,
моего друга любезного.
Аль ему, аль ему,
аль ему ли служба сказана,
аль ему ли служба сказана,
Аль ему, аль ему,
аль ему ли государева,
аль ему ли государева.
Али мне, али мне
в своем доме воли нет,
в своем доме воли нет.
Али мне, али мне
послать было некого,
послать было некого.
Я сама, я сама,
я сама к другу поехала,
я сама к другу поехала.
Я сама, я сама,
я сама с другом простилася,
я сама с другом простилася:
«Ты прости, ты прости,
ты прости-прости, сердечный друг!»

⟨1776⟩

⟨Г. Р. Державин?⟩

108. ПЕСЕНКА

Цари! вы светом обладайте,
Мне не завидна ваша часть,
Стократ мне лестнее, вы знайте,
Над нежным сердцем сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,
А я под тенью мирт стою
И Катеньку мою пою.

Герои, жизнь пренебрегая,
Старайтесь лавры заслужить,
Я, миртою себя венчая,
Хочу жить мирно и любить;
Но, вашей славы не желая,
Я честь вам должну отдаю,
А *Катеньку* мою пою.

Богатство в поте собирая
И не живя, кончает век,
Дрожит, нажиток сохраняя,
Богатый бедный человек!
А я, сей страстью не страдая,
Моих сокровищ не таю,
Я *Катеньку* мою пою.

〈1780〉

〈*М. В. Зубова?*〉

109

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест;
Сколько горестей смертельных
Мне в разлуке должно снести.

Оставляю град любезный,
Оставляю и того,
Кто на свете мне милее
И дороже мне всего.

Пременишь нельзя предела,
Нельзя страсти истребить.
Знать, судьба мне так велела,
Чтоб в пустыне одной жить.

В тех местах уединенных
Вображать буду тебя.
О надежда мыслей пленных!
Ты тревожишь здесь меня.

Повсечасно буду плакать
И тебя воспоминать;
Ты старайся, мой любезный,
Взор несчастный забывать.

Уж вздыханьем и тоскою
Пособить не можно нам,
Коль несчастны мы судьбою
И противны небесам.

Здесь собранья, здесь веселье,
Здесь все радости живут,
А меня на зло мученье
В места страшные влекут.

Уменьши мое мученье
И в разлуке тем уверь;
Не забудь меня несчастну,
Тем тоску мою умерь.

Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мне;
Но и ты знай, мой любезный,
Что я мучусь по тебе.

Ах, прости, прости, любезный!
Разлучили нас с тобой;
Не забудь меня несчастну
И не будь пленен иной.

⟨1791⟩

⟨*А. Ф. Мерзляков?*⟩

110. ПЕСНЯ

(На голос: «Я по жердочке шла...»)

Взвейся выше, понесися,
Белорудый голубок!
На том месте опустися,
Где мой миленький дружок.

Ты скажи, как сердце ноет,
Сердце, верное ему,
То забьется, то застонет,
Хочет улететь к нему.

У кусточка, где любезный
Меня страстно целовал,
Я там лью теперь ток слезный,
И кусточек тот завял.

Соловей; на ветке сидя,
Песни громкие здесь пел;
Теперь, милого не видя,
В лес дремучий улетел.

Та зеленая дуброва,
Что от зноя в жаркий день
Принимала дорогого
И меня к себе под тень,
Свой зеленый цвет теряет
Без тебя, любезный мой!
И всяк час напоминает,
Что уж нет тебя со мной.

И в ручье, что, извиваясь,
Тихо по песку бежал,
При котором ты, видаясь,
Часто ягоды мне брал, —
Вдруг с песком вода взмутилась;
Там и ягода горька
С той минуты, как лишилась
Я любезного дружка.

Ах! не медли ни минуты,
Ко мне, милый, прилети!
И, прервав напасти люты,
Ты в веселье преврати!
Всё тогда переродится,
Печаль — в радость, слезы — в смех;
Когда милый возвратится,
Я счастливей буду всех.

<1793>

Вечор поздно из лесочку
Я коров домой гнала.
Подошла лишь к ручеечку,
Близ зеленого лужка,—

Вижу, барин едет с поля,
Две собачки впереди;
Лишь со мной он поравнялся,
Взор свой бросил на меня.

«Здравствуй, милая красotka,
Чьей деревни и села?»
— «Вашей милости крестьянка»,—
Отвечала ему я.

«Ты скажи, моя милая,
Из которой ты семьи?»
— «Коль изволишь знать Петрушу,
Из его, сударь, семьи».

— «Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил?
Его сын тебя не стоит,
Не на то ты рождена».

Завтра, радость, ты узнаешь,
Для кого ты суждена;
Где судьба твоя скрывалась,
Для кого ты рождена...»

— «Собирайтесь, подружки,
На подворье на мое!
Собирайтесь поскорее,
Посоветуйте со мной!»

Хоть и льстит быть госпожою,
Да Ванюшу очень жаль».
Все подружки улыбнулись,
На ответ сказали ей:

«Что же с барином нам делать?
Его воля, его власть;
Поутру завтра узнаем,
Где судьба крылась твоя».

〈Е. С. Урванова?〉

112

«Если б завтра да ненастье,
То-то рада я была;
Если б дождик, мое счастье, —
За малиной бы пошла.

Я бы милому сказала,
Чтобы он за мною шел!» —
Вот как Надя рассуждала,
С поля идучи домой.

«С светом, рано, чуть проснуся,
Я в окошко погляжу;
Если дождик — отпрошуся,
Вот как маменьке скажу:

„Отпусти меня, родная!
Я малинки наберу;
Там дороженька большая:
Я продам всё ввечеру.

Теперь дождик, мокро в поле —
Нам не можно работáть;
Ну, чего же мешкать доле?
Я малинки пойду брать“.

Лишь отпустит, я сберуся
И умыться побегу;
Я на час остановлюся
Подле речки на лужку.

Я нарву цветочков с поля,
За собой буду бросать,
Чтобы друг мой милый Лёля
По следам бы мог сыскать.

А потом аукну смело,
Голос лесом отнесет.
Вчерась миленький, любезный
Рассердился на меня.
Всё сердился и резвился,
„Поцелуй,— сказал,— меня“.

„Ни за что не поцелую,—
Говорила я ему,—
Ты напал не на такую“.
Побежала ко двору.

В мыслях тех опять ложилась:
„Встану рано на заре“,
Но, проснувшись, смутилась:
Ясно, ясно на дворе.

Изголовьице смочила
Горючими слезами я.
„Не увижусь,— говорила,—
Ах, сегодня с милым я.

Я упрямиться не буду,
Не наделаю проказ:
Если миленький захочет,
Поцелуй,— скажу,— сто раз“».

Конец XVIII или начало XIX века

〈В. Г. К у г у ш е в ?〉

113

Ах, не будите меня, молоду,
Рано, рано поутру!
Разбудите молоду
На солнечном восходѹ,
Когда солнышко взойдет,
Пастушок в лужок пойдет.
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.

Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
«Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На зелененький лужок».
Гонят бабы, гонят девки,
Гонят малые ребята
И старые старики.
Ребятишки впереди,
Молодушки впереди,
А девушки — позади.
Не догнавши до лужку,
Становились во кружку.
Одна девка весела,
Во кружок плясать пошла.
Сама пляшет, рукой машет,
Пастуха к себе манит:
«Пастух, пастух, пастушок,
Пастух, миленький дружок!
Ты скотинушку паси,
Ночевать ко мне ходи».
Пастух ночку ночевал —
Он овечку потерял;
На другую ночевал —
Он коровку потерял;
А на третью ночевал —
И всё стадо растерял.
Кабы знала молода —
Не манила б пастуха.

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ XVIII ВЕКА

114

Буря море раздымает, ветер волны подымает,
Сверху небо потемнело, кругом море *почернело*,¹ (2)
Во полудни, как в полночи, ослепило мраком очи,
Один молний свет блистает, туча с громом
наступает, (2)

Волны с шумом бьют тревогу, нельзя смечать и дорогу.
Ветру стала перемена, везде в море *кипит пена*, (2)
Начальники все в заботе, а матрозы все в работе,
Иной летит с верха к низу, иной лезет *с низа к верху*, (2)
Тут парусы подбирают, там веревки прикрепляют,
Нет никому в трудах спуску, ни малейшего *отпýску*. (2)
Одолела жажда, голод, бессонница, нужда, холод,
Неоткуда ждать подпоры, разливные *валят горы*. (2)
Одна пройти не успеет, а другая свирепеет.
Дружка дружку рядом гонят, с боку на бок *корабль*
клонят. (2)

Трещат райны, мачты гнутся, от натуги снасти рвутся,
От ударов корабль стонет, от волненья *чуть не тонет*. (2)
Вихрем парусы порывает, меж волнами нос ныряет,
Со всех сторон брызжут волны, все палубы *воды*
полны. (2)

Ветром силу всю сломило, уж не служит и кормило.
Еще пристань удалела, а погода *одолела*. (2)
Не знать земли ниоткуда, только виден остров с груды,
Где сошлось небо с понтом и сечется *с горизонтом*. (2)
Нестерпимо везде горе, грозит небо, шумит море.
Вся надежда бесполезна, везде пропасть, *кругом*
бездна. (2)

Если кто сему не верит, пускай море сам измерит,
А когда в том искусится — в другой мысли *очутится*. (2)

1700-е или 1710-е годы

¹ Курсивом выделены слова, повторяющиеся в пении.— Ред.

Лишь только занялась заря и солнце взошло вверх,
горя,
И осветило земной круг, пошла пастушка с стадом
в луг

К потокам чистых вод.

Где виден был на дне песок, понравился струинный ток;
Раздевшись, стала мыться в нем, не видима нага никем,
Плескалася водой.

Вдруг в сторону простерла взор — идет пастух
с высоких гор,

Который ею был пленен и часто духом возмущен;

Из струй спешила вон.

Пастух уже к струям прибег, а ей еще далек был брег;
Она не знала, что начать — казаться или утопать,

Смутившись в мыслях вся.

Нашла стыд скрыть единый путь — чтоб, бросясь
в глубину, тонуть.

Пастух узреть лишен красы, уж видит чуть одни власы,
Кидается с берегов.

Где делось платье, где свирель, нагой влечет нагу
на мель,

Страх гонит стыд, стыд гонит страх, пастушка вопит,
вся в слезах:

«Забудь, что видел ты!»

— «Какую дашь мне плату ты, что спас я твои
красоты?»

И стал припадши увещать, пастушка начала молчать,
Сердяся на него.

«К чему ты мя привел, случай,— кричала,— ах,
не докучай!

Я не могу свирепа быть, и не хочу я так любить,
Как хочется тебе».

Не долго продолжала речь, как начала любовь ту жечь,
Не молвит уж ни да ни нет, потом вскричала: «Ах, мой
свет!

Теперь уж я твоя».

Первая половина XVIII века

Хоть черна ряса кроет
 Мой сильный жар в крови,
 Но сердце пуще ноет,
 Дух страждет от любви;
 Клубук не защищает
 От страсти лет молодых,
 А взор мне грудь пронзает
 Прелестных глаз твоих.

Мне старческая келья
 Не гонит тень из глаз,
 Но в ней мне нет веселья,
 Вздыхаю всякий час;
 Ах, сжался, дорогая,
 Над старцем умились
 И, что люблю, страдая,
 За то не осердись.

А что в тебя влюбился
 И рвусь тобой стена,
 Я так, как все, родился,
 Чти страстным и меня,
 На чин мой не взирая,
 Дай помощь мне, мой свет.
 Любовь к тебе такая,
 Пределов что к ней нет.

Первая половина XVIII века

Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи,
 Где живет несчастна старица в мученьи,
 Где в шестнадцать лет пострижена неволей
 И наказана суровой жизни долей!
 Не тому, было, мучению я льстилась,
 Но владел чтоб мной, кому я полюбилась;
 Не к тому меня и в чин сей посвятили,
 И блаженство в жизни будущей купили.

Ты взойди, взойди, любезный, в мою келью
И меня обрадуй счастья хоть тенью.
Не давай страдать ты долго мне в мученьи,
Ты утеши своим взором в огорченьи!
Ты положи свою ко мне на груди руку
И почувствуй бедна сердца тяжку муку!
Изведи меня из горькой сей напасти
И окончи ты мучительные страсти.

<1780>

118

Чем больше скрыть стараюсь
Мою страсть пред тобой! —
Тем больше я пленяюсь
Твоею красотой,
Нет сил уж притворяться,
Столь страстно люблю!
Нельзя мне не признаться,
Что я люблю тебя.
Красавицы все в свете
Не милы для меня,
В одном твоём ответе
И жизнь и смерть моя.
Люблю тебя я страстно
И сердцем, и душой.
Вздыхаю повсечасно
И мучуся тоской.

<1781>

119. ПЕСНЯ

Волга-реченька глубока!
Прихожу к тебе с тоской;
Мой сердечный друг далеко,
Ты беги к нему волной.

Ты беги, волна, стремися,
К другу весть скорей неси,
Как стрела к нему пустися
И словечко донеси.

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем!
Говорю, сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.

Вспомню, милый как прощался,
И туда вдруг побегу,
Где со мною расставался;
Плачу там на берегу.

С ветром в шуме Волга стонет,
А я рвуся злой тоской;
Сердце ноет, ноет, ноет
И твердит: «Где милый мой?»

Где мой друг, моя отрада?
Где девался дорогой?..»
Жизни я тогда не рада,
Вся в слезах иду домой.

Но к несносному мученью
Страсть должна свою скрывать,
Здесь предавшись слез стремленью,
Дома вид иной казать.

Как ни тошно, как ни больно,
Чтоб не знали страсть мою,
Покажусь на час спокойной;
Ночь зато проплачу всю.

«Поспешай ко мне, любезный!
Ты почувствуй скорбь мою,
Ток очей отри мой слезный,
Облегчи мою судьбу».

Только я уста сомкнула,
Стон пустился вслед за мной;
Мнится, реченька вздохнула,
Понесла слова волной.

1780-е годы

Я птицей быть желаю,
 Везде чтобы летать,
 Я всё тогда узнаю,
 Не буду тосковать.

Вослед бы полетела
 За тем, кого мне жаль,
 И в радости запела —
 Прошла моя печаль!

Того бы веселила,
 Кто тужит обо мне,
 С тем скуку бы делила,
 Кто мил равно и мне.

Он стал бы меня нежить,
 Ласкать и целовать.
 Я б ласки ему те же
 Старалась повторять.

Мы были б неразлучны
 Во осень и весной,
 Были б благополучны,
 Вкушали бы покой.

Коль птицей быть не можно —
 Надеждой веселюсь:
 Ласкать себя возможно,
 Хотя не пременюсь.

1791

121. ЖУРНАЛ ЛЮБВИ

В понедельник я влюбился,
 И весь вторник я страдал,
 В любви в среду открылся,
 В четверток ответа ждал.
 Пришло в пятницу решенье,
 Чтоб не ждал я утешенья.
 В скорби, грусти и досаде,

Всю субботу размышлял
И, не зря путей к отраде,
Жизнь окончить предпринял,
Но, храня души спасенье,
Я раздумал в воскресенье.
В понедельник же другой
Получил я от драгой
Ответ нежный и приятный
И с желанием согласный.
А во вторник отписал
И письмо я к ней послал,
В коем всё то выражал
И всю страсть ей объявлял.
В среду думал сам в себе,
Как придет она ко мне:
Сколько радостей мне будет,
Скажу — вечно не забудет.
В четверток моя любезна
Отписала мне полезно,
Я в пяток чтоб вечерка
Ожидал ее у двора.
С нетерпеньем ждал часа,
Как пришла ко мне краса.

⟨1790⟩, ⟨1799⟩

122

Мальбрук на войну едет.
Конь был его игрень.
Не знать, когда придет,—
Авось в Троицын день.

День Троицын проходит —
Мальбрука не видать,
Известье не приходит,
Нельзя о нем узнать.

Жена узнать хотела,
Идет на башню вверх;
Пажа вдали узнала,
Кой в грусть ее поверг.

Он в черном одеянье
На кляче подъезжал,
В великом отчаянье
Одежду разрывал.

Супруга вопрошала:
«Что нового привез?»
Сама вся трепетала,
Лия потоки слез.

«Скидайте юбку алу,
Не румяньте себя,—
Привез печаль немалу,
Оденьтесь так, как я.

Драгой ваш муж скончался,
Не видеть вам его;
Без помощи остался,
Лишился я всего.

Я видел погребенье,
Последний видел долг.
В каком, ах! изумленье
Его тогда был полк.

Тяжелу его шпагу
Полковник сам ташил,
Майор сапожну крагу,
За ними поп кадил.

Два первых капитана
Несли его шишак,
Другие два болвана
Маршировали так.

Четыре офицера
Штаны его несли,
Четыре гренадера
Коня его вели.

Гроб в яму опустили,
Все предались слезам.
Две ели посадили
Могилы по бокам.

На ветке одной ели
Соловушек свистал.
Попы же гимны пели,
А я, глядя, рыдал.

Могилу мы зарыли,
Пошли все по домам.
Как всё мы учинили —
Что ж делать больше там?

Тогда уж было поздно,
Не думали о сне,
Ложились, как возможно...»
и проч.

<1792>

123

Как во нынешнем году
В Петербурге-городе,
Сама знаю где, сама ведаю.
Я во нынешней неделе
Во компании сидела,
Сама знаю с кем, сама ведаю.
За железною решеткой
Я сидела, что чечетка,
Глядела в окно.
Подаянием питалась
И со вшами забавлялась:
Много развелось.
Ко мне сторож прибежал,
Он под номером сыскал,
Повел меня вверх.
Там допросом забавлялась
И с судьями повидалась.
Черт бы их тут взял!
Секретарь вынес указ,
Прочитали тут при нас:
«Бить шельму кнутом!»
Палач скоро прибежал,
На мне шубку разодрал,
К столбу привязал,

Из кулька вынул кнутину,
Расстегнул как хомутину,
Дернул по спине...
Отсчитали двадцать пять,
Приказали с столба снять,
Сама побрела,
Подорожную взяла,
Что избита вся спина,
Вся изорвана;
Палач тотчас догадался,
За мной вслед еще погнался:
«Плати за работу,
Что бил хорошо!»

**ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА
XIX ВЕКА**

**«РУССКАЯ ПЕСНЯ». БАЛЛАДА
РОМАНС-ЭЛЕГИЯ. «ВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ»**

Потомок старинного аристократического рода, Петр Иванович Шаликов (1767—1852) получил домашнее образование, служил в кавалерии, участвовал в штурме Очакова. Выйдя в 1799 году в отставку, он всецело посвятил себя литературной деятельности. Как журналист, поэт и прозаик Шаликов принадлежал к сентименталистскому направлению. Он издавал «Московский зритель» (1806), альманах «Аглая» (1808—1812) и «Дамский журнал» (1823—1833), редактировал «Московские ведомости». Первое его стихотворение — «Истинное великодушие» — появилось в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1796, ч. 10). С этого времени стихи Шаликова печатаются в разных журналах. При жизни поэта издано два сборника его стихотворений — «Плод свободных чувствований» в 3-х частях (М., 1798—1801) и «Цветы граций» (1802). Оставаясь приверженцем сентиментализма и после того, как на смену этому направлению пришел романтизм, а затем и реализм, Шаликов сделался излюбленной мишенью критики, а прозвище его («Вздыхалов») стало нарицательным. Шаликов был одним из зачинателей чувствительных «русских песен», некоторые его стихотворения были положены на музыку неизвестными композиторами-дилетантами. На семь текстов поэта написал романсы Д. Кашин (опубликованы в нотном приложении к альманаху «Аглая»). Стихотворение «Знаю, грусть-тоска, я вас...» на музыку положил П. Долгоруков.

124. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Нынче был я на почтовом на дворе —
 Лыстил себе найти от миленькой письмо,
 И — пошел назад с унылою душой.
 Нет письма!.. нет сердцу радости ни в чем!
 Ах! давно, давно не пишет уж ко мне
 Та, которою на свете я живу;
 Та, котора уверяла так меня,
 Что в разлуке ей отрада только в том,
 Чтоб писать ко мне... о горести своей!..
 Что ж мешает ей в отраде той теперь?

Что мешает сердце друга оживить?
Неужель забыт я милою моей?
Неужели сон был счастье мое?..
Нет, не может статься этого вовек!
Я довольно знаю милую мою:
Ее сердце не умеет изменить;
Ее сердце век останется моим,—
Знать, свободного и в тереме своем
Не имеет она времени часа;
Иль препятствуют недобры люди ей
К другу грамотки чрез почту посылать...
Но, что б ни было причиною того,—
Лишь была б здорова милая моя!

(1801)

Алексей Федорович Мерзляков родился в 1778 году в Далматове Пермской губернии, умер в 1830 году в Москве. Учился он в Пермском народном училище. Благодаря успеху первого своего стихотворения — оды на мир со Швецией, опубликованной в «Российском магазине» (1792, ч. 1), юный поэт был переведен в гимназию при Московском университете, с которым оказалась связанной вся его жизнь. По окончании университета Мерзляков был оставлен при кафедре русского красноречия, стихотворства и языка, преподавал словесность, а с 1817 по 1830 год был деканом факультета. Он состоял в созданном при университете «Дружеском литературном обществе» (1801), где определился интерес молодого поэта к гражданской лирике, к фольклору и проблеме народности поэзии. Литературное наследие Мерзлякова представлено оригинальными и переводными стихотворениями, песнями и романсами, статьями и трактатами. Некоторые произведения поэта имели официальный характер. Песни и романсы он создавал на протяжении всей своей деятельности, но наиболее интенсивная работа над ними приходится на начало XIX века. По свидетельству современника, «большую часть своих романсов и простонародных песен» Мерзляков написал до 1812 года в Жодочах, подмосковном имении Вельяминовых-Зерновых, где поэт, увлеченный А. Ф. Вельяминовой-Зерновой, был частым гостем.¹ Многие песни он создавал в сотрудничестве с композитором Д. Н. Кашиным (кроме публикуемых — «В чем я винен пред тобою...»). Образцом некоторых из них были народные песни, записанные Кашиным и позднее изданные им самим. Песни Мерзлякова популяризировались певицей Е. Сандуновой. Н. Полевой писал: «Кто не знает голосов Кашина на слова Мерзлякова? Кто из слыжавших Сандунову не помнит петых ею песен Кашина?..»² Позже на тексты Мерзлякова писали музыку А. Варламов, А. Гурилев, Т. Жучковский, И. Литандер и другие композиторы. Из песен Мерзлякова, популярных в первой половине XIX века, сохранились в современном устном репертуаре «Ах, что ж ты, голубчик...» и особенно — «Среди долины ровныя...».

¹ Дмитриев М. А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 244.

² «Московский телеграф». 1833, № 18. С. 269—270.

Я не думала ни о чем в свете тужить,
 Пришло время — начало сердце крушить;
 С воздыханья белой груди тяжело!
 То ли в свете здесь любовью прослыло:
 Полюбя дружка, от горести изныть,
 Кто по сердцу мне, не сметь того любить?
 Злые люди все украдкою глядят,
 Меня, девушку, заочно все бранят...
 Как же слушать пересудов мне людских?
 Сердце любит, не спросясь людей чужих,
 Сердце любит, не спросясь меня самой!
 Вы уймитесь, злые люди, говорить!
 Не уйметесь — научите не любить!
 Потужите лучше в горести со мной:
 Было время — и на вас была беда.
 Чье сердечко не болело никогда?
 Всяк изведал грусть-злодейку по себе,
 А не всякий погорюет обо мне!
 Что же делать с горемычной головой?
 Куда спрячешь сердце бедное с тоской?
 Друг не знает, что я плачусь на него;
 Людям нужды нет до сердца моего!..
 Вы, забавушки при радости моей,
 Цветы алые, поблекните скорей!
 Вас горючими слезами оболюю,
 Вам одним скажу про горесть я свою.
 Как без солнышка не можно вам пробыть,
 Мне без милого не можно больше жить.

<1803>

Чернобровый, черноглазый
 Молодец удалый
 Вложил мысли в мое сердце,
 Зажег ретивое!
 Нельзя солнцу быть холодным,
 Светлому погаснуть;
 Нельзя сердцу жить на свете
 И не жить любовью!

Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?
Нет, не дам злодейке-скуке
Ретивого сердца!
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок:
Сосчитай горячи слезы
На алом платочке,
Иссуши горячи слезы
На белой ты груди
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими...
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческий терем;
Не увидишь дорогого,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Побережь бы красной девке
Свое нежно сердце!

(1803)

127. ЧУВСТВА В РАЗЛУКЕ

Что не девица во тереме своем
Заплетает русы кудри серебром;
Месяц на небе, без ровни, сам-большой,
Убирается своею красотой.
Светлый месяц! весели, дружок, себя!

Знать, кручинушке высоко до тебя!
Ты один, мой друг, гуляешь в небесах,
Ты на небе так, как я в чужих краях;
А не знаешь муки тяжкой — быть одним,
И не сетуешь с приятелем своим!..
Ах! Взмотришь в мои заплаканы глаза,
Отгадай, что говорит моя слеза:
Травка на поле лишь дождичком цветет,
А в разлуке сердце восточкой живет!
Всё ли милая с тобой еще дружна,
Пригорюнившись, сидит ли у окна,
Обо мне ли разговор с тобой ведет
И мои ли она песенки поет?..
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать и конца бедам не знать!
Не с кем слез моих к любезной переслать!
У тоски моей нет крыльев полететь,
У души моей нет силы потерпеть,
У любви моей нет воли умереть!
Изнывай же на сторонушке чужой,
Как в могиле завален один живой!
Будь, любезная, здорова, весела;
Знать, ко мне моя судьбинушка пришла!

<1805>

128

Меня любила ты — я жизнью веселился,
День каждый пробуждал меня к восторгам вновь;
Я потерял тебя — и с счастьем простился:
Ах, счастьем моим была твоя любовь!

Меня любила ты — средь милых вдохновений
Я пел прекрасную с зарею каждой вновь;
Я потерял тебя — и мой затмился гений:
Ах, гением моим была твоя любовь!

Меня любила ты — я добрым быть стремился,
Искал несчастного, чтоб дать ему покров;
Я потерял тебя — мой дух ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь!..

<1806>

Ах, дѣвица, красавица!
 Тебя любил — я счастлив был!
 Забыт тобой — умру с тоской!
 Печальная, победная
 Головушка молодецкая!
 Не знала ль ты, что рвут цветы
 Не круглый год,— мороз придет...
 Не знала ль ты, что счастья цвет
 Сегодня есть, а завтра нет!
 Любовь — роса на полчаса,
 Ах, век живут, а вмиг умрут!
 Любовь, как пух, взовьется вдруг,—
 Тоска — свинец внутри сердец.
 Ахти, печаль великая!
 Тоска моя несносная!
 Куда бежать, тоску девать?
 Пойду к лесам тоску губить,
 Пойду к рекам печаль топить,
 Пойду в поля тоску терять,
 В долинушке печаль скончать.
 В густых лесах — она со мной!
 В струях реки — течет слезой!
 В чистом поле — траву сушит!
 В долинушках — цветы морит!
 От батюшки, от матушки
 Скрываюся, шатаюся.
 Ахти, печаль великая!
 Тоска моя несносная!
 Куда бежать, тоску девать?

<1806>

«Ах, что ж ты, голубчик,
 Невесел сидишь
 И нерадостен?»
 — «Ах! как мне, голубчику,
 Веселому быть
 И радостному!
 Вчера вечером я
 С голубкой сидел,

На голубку глядел,
Играл, целовался,
Пшеничку клевал;
Поутру голубка
Убита лежит,
Застреленная,
Потерянная!
Голубка убита
Боярским слугой!
Ах! кстати бы было
Меня с ней убить:
Кому из вас мило
Без милыя жить?»
— «Голубчик печальный,
Не плачь, не тужи!
Ты можешь в отраду
Хотя умереть:
Мне должно для горя
И жить и терпеть!
Голубка до смерти
Твоею была;
Мою же голубку
Живую берут,
Замуж отдают,
Просватывают».

⟨1806⟩

131. ВЕЛИЗАРИЙ

Малютка, шлем нося, просил,
Для бога, пищи лишь дневная
Слепцу, которого водил,
Кем славны Рим и Византия.
«Тронитесь жертвою судеб! —
Он так прохожих умоляет. —
Подайте мальчику на хлеб:
Он Велизария питает.

Вот шлем того, который был
Для готфов, вандалов грозою;
Врагов отечества сразил,
Но сам сражен был клеветою.
Тиран лишил его очей,
И мир хранителя лишился.

Увы! свет солнечных лучей
Для Велизария закрылся!

Несчастный, за кого в слезах
Один вознес я глас смиренный,
Водил царей земных в цепях,
Законы подавал вселенной;
Но в счастья своем равно
Он не был гордым, лютым, диким;
И ныне мне твердит одно:
«Не называй меня великим!»

Не видя света и людей,
Парит он мыслью в царстве славы
И видит в памяти своей
Народы, веки и державы.
Вот постоянство здешних благ!
Сколь чуден промысл твой, содетель!
И я, сиротка, в юных днях
Стал Велизарью благодетель!..»

(1806)

132. ПЕСНЯ

Среди долины ровная,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все друзья, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

<1810>

Вылетала бедна пташка на долину,
 Выроняла сизы перья на долине.
 Быстрой ветер их разносит по дуброве;
 Слабый голос раздаётся по пустыне!..
 Не скликай, уныла птичка, бедных пташек,
 Не скликай ты родных деток понапрасну,—
 Злой стрелок убил малюток для забавы,
 И гнездо твоё развеяно под дубом.
 В бурю ночки осенняя, дождливой
 Бродит по полю несчастна горемыка,
 Одиныхонька с печалью, со кручиной;
 Черны волосы бедняжка вырывает,
 Белу грудь свою лебедушка терзает.
 Пропадай ты, красота, моя злодейка!
 Онемей ты, сердце нежное, как камень!
 Растворися, мать сыра земля, могилой!
 Не расти в пустыне хмелю без подпоры,
 Не цвести цветам под солнышком осенним,—
 Мне не можно жить без милого тирана.
 Не браните, не судите меня, люди:
 Я пропала не виной, а простотою;
 Я не думала, что есть в любви измена;
 Я не знала, что притворно можно плакать.
 Я в слезах его читала клятву сердца;
 Для него с отцом я, с матерью рассталась,
 За бедой своей летела на чужбину,
 За позором пробежала доли, степи,
 Будто дома женихов бы не сыскалось,
 Будто в городе любовь совсем другая,
 Будто радости живут лишь за горами...
 Иль чужа земля теплее для могилы?
 Ты скажи, злодей, к кому я покажуся?
 Кто со мною слово ласково промолвит?
 О безродной, о презренной кто потужит?
 Кто из милости бедняжку похоронит?

(1810)

Для чего летишь, соловушко, к садам?
Для соловушки алеет роза там.
Чем понравился лужок мне шелковой?
Там встречаюсь я с твоею красотой.
Как лебедушка во стае голубей,
Среди девушек одна ты всех видней!
Что лань быстра, златорогая в лесах,
С робкой поступью гуляешь ты в лугах.
Гордо страстный взор, разбегчивый, блеснул;
Молодецкой круг невольно воздохнул,
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчут: для кого цветет она?
Наши души знают боле всех людей,
Наши взоры говорят всего ясней.
Но когда, скажи, терпеть престану я?
Дни ко мне бегут, а счастье — от меня.
Пусть еще я не могу владеть тобой,
Для чего же запретил тиран мне злой
Плакать, видеться с красавицей моей?
И слезам моим завидует злодей!

(1829)

Песни и романсы создавались Жуковским (1783—1852) в промежутке между 1806 и 1836 годами. Многие из этих произведений были переводами или вольными переложениями популярных немецких и французских песен и романсов, но носили глубоко личный характер. При жизни поэта почти все его песни и романсы были положены на музыку его другом, композитором-любителем А. А. Плещеевым.¹ Последний имел в своем имении в деревне Черни Орловской губернии домашний театр, где ставились сочиненные им оперы и комедии. Дружба Жуковского с Плещеевым приходится на 1811—1817 годы, когда поэтом и композитором совместно и была написана большая часть романсов.² Особенно значительны созданные при жизни поэта романсы М. Глянки; кроме публикуемых, это «Бедный певец» (1826), «Утешение в слезах» (1826), «Голос с того света» (1829), «Победитель» (1832). Жуковский был автором текста первой картины эпилога оперы Глинки «Жизнь за царя». Из современников Жуковского музыки на тексты его стихов писали также А. Алябьев («Воспоминание», «Песнь бедняка»), Д. Бортнянский (кантата «Певец во стане русских воинов»), М. Виельгорский («На древней высоте»), А. Вейраух (цикл), А. Верстовский («Три песни скальда», «Певец во стане русских воинов»), А. Даргомыжский («К востоку, все к востоку...», «Изменой слуга паладина убил», «Счастлив, кто от хлада лет...» и др.), Д. Кашин («Слава на небе солнцу высокому»), Н. Норов («Воспоминание»), М. Яковлев («Голос с того света» — «Не узнавай, куда я путь склонила», две редакции) и другие композиторы. Позже к его стихотворениям обращались А. Аренский («Лесной царь», «Кубок», «Старый рыцарь»), А. Глазунов («Любовь»), А. Гречанинов («Мальчик с пальчик»), А. Рубинштейн («Весеннее чувство», «Листок», «Ночь», «Сон»), Ц. Кюи («Розы расцветают», хор), М. Ипполитов-Иванов («Нормандская песня», «Призыв») и многие

¹ «Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым». Спб., 1832. Ч. 1—2.

² Характеристику романсов Плещеева см.: В а с и н а-Г р о с с м а н В. А. Русский классический романс XIX века. М.; Л., 1956. С. 19—20.

другие. Всего на музыку положены 88 произведений Жуковского, но лишь немногие стали популярными песнями и романсами. Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются: «Громобой», «Жалоба», «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», «Песня» («К востоку, все к востоку...»). Переводы Жуковского «Орлеанская дева» и «Наль и Дамаянти» легли в основу одноименных опер Чайковского и Аренского.

135. ТОСКА ПО МИЛОМ

(Песня)

Дубрава шумит;
Собираются тучи;
На берег зыбучий
Склонившись, сидит
В слезах, пригорюнясь, девица-краса;
И полночь и буря мрачат небеса;
И черные волны, вздымаясь, бушуют;
И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

«Душа отцвела;
Природа уныла;
Любовь изменила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкий удел.
Куда ты, мой ангел, куда улетел?
Ах, полно! я счастьем мирским насладилась:
Жила, и любила... и друга лишилась.

Теките струей
Вы, слезы горячи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Уж боле не встретить мне радостных дней;
Простилась, простилась я с жизнью моей:
Мой друг не воскреснет; что было, не будет...
И бывшего сердце вовек не забудет.

Ах! скоро ль пройдут
Унылые годы?
С весною — природы
Красы расцветут...

Но сладкое счастье не дважды цветет.
Пускай же драгое в слезах оживет;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшем тоска мне осталась».

18 февраля 1807

136. МАЛЬВИНА

(Песня)

С тех пор как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был тобою;
Теперь — прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления:
Приди... не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томления.

Спеши, спеши! близка кончина;
Смотри, как в час последний свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдом, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безответный взгляд
Тебе, о милый, возвестят,
Что жизни кончилось страданье.

Ах, нет!.. когда ж Мальвины муку
Не услаждает твой приход,
Когда хладеющую руку
Она тебе не подает,
Когда забыт мой друг единый,
Мой взор престал его искать,
Душа престала обожать,—
Тогда — тогда уж нет Мальвины!

1807

137. ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?

Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1 апреля 1808

О милый друг! теперь с тобою радость!
 А я один — и мой печален путь;
 Живи, вкушай невинной жизни сладость;
 В душе не изменись; достойна счастья будь...
 Но не отринь, в толпе пленяемых тобою,
 Ты друга прежнего, увядшего душою;
 Веселья их дели — ему отрадой будь;
 Его, мой друг, не позабудь.

О милый друг, нам рок велел разлуку:
 Дни, месяцы и годы пролетят,
 Вотще к тебе простру от сердца руку —
 Ни голос твой, ни взор меня не усладят.
 Но и вдали моя душа с твоей согласна;
 Любовь ни времени, ни месту неподвластна;
 Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь,
 Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
 То сердце, где любовь к тебе жила, —
 Есть лучший мир; там мы любить свободны;
 Туда моя душа уж всё перенесла;
 Туда всечасное влечет меня желанье;
 Там свидимся опять; там наше воздаянье;
 Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
 Меня, мой друг, не позабудь.

29 сентября 1811

139. < ИЗ БАЛЛАДЫ «СВЕТЛАНА» >

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счетным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;

Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.

«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой,
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое“».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

1811

140. ЦВЕТОК

(Романс)

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

1812

141. ПЛОВЕЦ

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила и весла,
В океан неисходимый
Буря челн мой занесла.
В тучах звездочка светилась;
«Не скрывайся!» — я зывал;
Непреклонная сокрылась;
Якорь был — и тот пропал.

Всё оделось черной мглою;
Всколыхались валы;
Бездны в мраке предо мною;
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» —
Я роптал, уныв душой...
О безумец! Провиденье
Было тайный кормщик твой.

Невидимую рукою,
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
И грозящие скалы,
Мощный вел меня хранитель.
Вдруг — всё тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трех ангелов небес.

О спаситель-провиденье!
Скорбный ропот мой утих;
На коленах, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Всё окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость — мне страданье;
Но... не дай их пережить.

〈Июль〉 1812

142. ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!

Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подседа с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

Начало (?) 1816

143. УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

«Скажи, что так задумчив ты?
Всё весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?»

«О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы... слезы в сладость нам;
От них душе легко».

«К тебе ласкаются друзья,
Их ласки не дичись;
И, что бы ни утратил ты,
Утратой поделись».

«Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?»

О чем... но нет! оно мое,
Хотя и не со мной».

«Не унывай же, ободрись;
Еще ты в цвете лет;
Ищи — найдешь; отважным, друг,
Несбыточного нет».

«Увы! напрасные слова!
Найдешь — сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко».

«На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса;
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысля в небеса».

«Ах! я люблюсь в ясный день;
Нет сил и глаз отвести;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть».

Декабрь(?) 1817

144. ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Вторая половина 1818

145. НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;

И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена*.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

Январь — март(?) 1836

Николай Федорович Грамматин (1776—1827) воспитывался в Благородном пансионе при Московском университете. В 1809 году он получил степень магистра за «Рассуждение о древней русской словесности» (М., 1809). Служил Грамматин в министерстве юстиции, был директором костромских училищ (1812—1819). Первые литературные опыты его относятся ко времени пребывания в пансионе. Сотрудничал Грамматин в «Цветнике», «Вестнике Европы», «Сыне Отечества». При жизни поэта стихотворения его вышли отдельным изданием: «Досуги Н. Грамматина». Спб., 1811. Ч. 1, куда включено семь песен (посмертное издание: Стихотворения. В двух частях. Спб., 1829). Перу Грамматина принадлежат также переложение «Слова о полку Игоревом» (М., 1823) и перевод с чешского «Суд Любуши» (М., 1823). Среди стихотворений Грамматина несколько произведений имитируют русские народные песни. В песенниках, кроме публикуемых, встречаются: «Лето красное, проходи скорей...» и «Не цвет алый в поле...», «Не шуми ты, погодушка...».¹

146

Ты не плачь, не плачь, красна девица!
 Не роняй ты слез на белы груди,
 Не круши себя ты во младости,
 Не губи, мой свет, красоты своей!
 Друга милого не видать тебе,
 Он на родину не воротится,
 Не прижмет тебя к сердцу верному,
 Не отрет он твоих девичьих слез.
 Не услышишь ты, как он ратует
 За святую Русь православную;
 Не придет об нем вестки радостной,—
 Он кончается во чистом поле,

¹ Последнее перепечатано в сб.: Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС). С. 246—247.

Чрез златое он ожерелие
Ронит душу вон из бела тела.
Ах, родимая мать сыра земля!
Не в тебе лежать добру молодцу —
Во чужой земле, в неприятельской
Ляжет он костью богатырскими.
Пайщик царския службы грозныя!
Сослужи ты мне, молодецкий конь,
Службу верную и последнюю!
Отвези поклон ты на родину
Ко душе моей, к красной девице,
И к кормилице, к родной матушке,
И хвора она, и старехонька.
Ты промолви им: «Не печальтесь,
Не кручиньтесь вы по молодце, —
Он кончается за святую Русь,
Умирает он за родимый край».

⟨1811⟩

147

Долго ль, сердце, нам с тобою тосковать?
Долго ль радости, веселия не знать?
Долго ль биться для печалей одному?
Про злодейку грусть поведать нам кому?
И цветочки не одни в полях растут,
И все пташечки сам-друг весной поют.
Тошно, тошно без другого сердца жить;
Но тошнее без надежды полюбить.
О цветок мой несравненный, дорогой!
Кто сорвет тебя холодною рукой?
Ты на чьей груди засохнешь, опадешь?
Где, краса моя, поблекнешь, отцветешь?
Может быть, с тоски и грусти, во слезах,
Ты увянешь во младых своих летах,
Не изведав, что есть сладость жизни сей,
С милым другом не делив души своей.
О краса моя! когда б владеть тобой
Счастье было мне назначено судьбой,
Кто б счастливее на свете был меня?
Кто б нежнее мог любить тебя, как я?
Я б в очах твоих блаженство б почерпал,
Я одной тобой и жил бы и дышал,

Я как жизнь свою хранил бы твой покой;
Но другому, а не мне владеть тобой!
Сердце! Сердце! Нет блаженства для тебя;
Ах, мечтою обольщаешь ты себя!
Взора милого, опасного бежим;
Ах! тебе ль владеть сокровищем таким!

<1820>

Денис Васильевич Давыдов родился в 1784 году в Москве, умер в 1839 году в Верхней Мазе, Симбирской губернии. Участник всех войн, которые вела Россия в первой трети XIX века, прославленный герой Отечественной войны 1812 года, организатор и руководитель партизанской борьбы, Давыдов вошел в историю литературы как автор гусарских песен и элегий. Первые литературные опыты его относятся к концу XVIII века. Сатирические стихи молодого поэта ходили в списках уже в начале XIX века (басни «Голова и Ноги», «Река и Зеркало», сатира «Сон»), что послужило причиной перевода его из Петербурга в Белорусский гусарский полк. Здесь особенно расцвел его талант поэта-песенника, автора «зачашных песен». П. А. Плетнев писал о нем: «Давыдов составил, так сказать, особый род военной песни, в которой язык и краски ему одному принадлежат».¹ Песни Давыдова были популярны в 20—30-е годы XIX века в гусарской среде. Музыку на его тексты писали А. Алябьев, А. Даргомыжский («Я помню — глубоко...»), К. Вильбоа («О пощади...»), А. Рубинштейн («Вечер в июне») и другие композиторы. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Мудрость», «Неверной», «Гусарский пир», «Я помню — глубоко...».

148. МОЯ ПЕСНЯ

Я на чердак переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.
Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: «Дома нет!»

¹ «Сочинения и переписка П. А. Плетнева». Спб., 1885. Т. 1. С. 182.

В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня
Вместились в горнице одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцам — показываю дверь,
На стул один — друзей сажаю,
А миленькую... на постель.

Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей
Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости — в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство — в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.
Я завтрак сытный получаю
От друга, только что проснусь;
Обедать — в гости уезжаю,
А спать — без ужина ложусь.

О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.
Я кой-как день переживаю —
Богач роскошно год живет...
Чем кончится? И я встречаю,
Как миллионщик, новый год.

<1811>

149. ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

1815

150. ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И, в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастье найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! — подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,
Еще саблю блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1815

151. ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном—кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Сижу на берегу потока,
 Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
 Сижу на берегу — и мыслию далеко,
     Там, там... где жизнь моя!..
 И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
 Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
 Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
     Ты счастлив — но я жив...
 И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
 Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
 И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока!..
     Кипит отмщеньем дух,
 И меч в руке моей мутит струи потока.
 1817(?)

Не пробуждай, не пробуждай
 Моих безумств и исступлений,
 И мимолетных сновидений
 Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
 Которой память — мука жизни,
 Как на чужбине песнь отчизны
 Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
 Меня забывшие напасти,
 Дай отдохнуть тревогам страсти
 И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
 Мне легче горя своеволье,
 Чем ложное холоднокровье,
 Чем мой обманчивый покой.

1834

154. И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна для меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

1834

155. НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской —
Я умру, любовь проклинаячи,
Но и в смертный час воздыхаячи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834(?)

Константин Николаевич Батюшков родился в 1787 году в Вологде, умер в 1855 году там же. Он принадлежал к старинному, но обедневшему дворянскому роду и воспитывался в частных пансионах. Служа письмоводителем в Министерстве народного просвещения (1802—1807), Батюшков вошел в литературный кружок, группировавшийся вокруг А. Н. Оленина, и вступил в состоявшееся из последователей А. Н. Радищева «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Некоторое время был членом «Арзамаса», активно выступал вместе с карамзинистами против литературных «староверов». Первое известное стихотворение Батюшкова относится к 1802—1803 годам («Мечта»), в печати он выступил с «Посланием к стихам моим» («Новости русской литературы». Ч. 13, январь 1805 г.). Он дважды вступал в действующую армию (1807, 1812), участвовал в войнах против Наполеона и в русско-шведской кампании. Батюшков постоянно менял место жительства, много путешествовал, служил секретарем русского посольства в Италии (1818—1821). Заболев в 1822 году тяжелой душевной болезнью (манией преследования), он с этих пор в литературно-общественной жизни участия не принимал. Сравнительно непродолжительная литературная деятельность Батюшкова оказалась ярким эпизодом в истории русской поэзии. Как поэт-предромантик он занял особое место среди единомышленников. Самим поэтом было составлено первое собрание сочинений: «Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова». Ч. 1. Проза; Ч. 2. Стихи. Спб., 1817. Последующие издания представляют собою перепечатку «Опытов» с дополнениями. На слова Батюшкова «Подруги милые» музыку написал П. Чайковский (романс Полины из оперы «Пиковая дама»). В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Источник», «Пленный», «Радость», «Любовь в челноке», «Ложный страх...».

156. РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила.
Она — мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила,—
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда, мой верный конь, споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка бранная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелюю на воде.

<1814>

О память сердца! ты сильнее
 Рассудка памяти печальной
 И часто сладостью своей
 Меня в стране пленяешь дальней.
 Я помню голос милых слов,
 Я помню очи голубые,
 Я помню локоны золотые
 Небрежно вьющихся власов.
 Моей пастушки несравненной
 Я помню весь наряд простой,
 И образ милый, незабвенный,
 Повсюду странствует со мной.
 Хранитель-гений мой — любовью
 В утеху дан разлуке он:
 Засну ль? — приникнет к изголовью
 И усладит печальный сон.

Июль или август 1815

Есть наслаждение и в дикости лесов,
 Есть радость на приморском берегу,
 И есть гармония в сем говоре валов,
 Дробящихся в пустынном беге.
 Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 С тобой, владычица, привык я забывать
 И то, чем был, как был моложе,
 И то, чем ныне стал под холодом годов.
 Тобою в чувствах оживаю.
 Их выразить душа не знает стройных слов,
 И, как молчать об них, не знаю.

Шуми же ты, шуми, огромный океан!
 Развалины на прахе строит
 Минутный человек, сей суетный тиран,
 Но море чем себе присвоит?
 Трудися, созидай громады кораблей...

1819—1820

Уже некоторые лицейские стихотворения Пушкина стали песнями и романсами. Первым романсом на слова юного поэта стало стихотворение «К живописцу» (в ранней редакции) с музыкой лицейского товарища Пушкина — Н. Корсакова (1815). Последний написал музыку и на текст стихотворения «К Маше» (1816). По воспоминаниям Пушкина, «Стансы «К Маше» пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где Лицей имел право гражданства».¹ По свидетельству В. Гаевского, «часто распевали в Лицее» и песню «К Делии».² Но особенную популярность приобрели лицейские стихотворения «Казак» и «Романс», ставшие народными песнями. При жизни поэта на его тексты было написано свыше 70 вокальных произведений 27 композиторами.³ Наиболее значительные из них романсы М. Глинки, Н. С. Титова, А. Верстовского, М. Виельгорского, А. Алябьева, И. Геништы. Современная поэту критика уже констатировала: «Песни Пушкина сделались народными...»⁴ Некоторые произведения Пушкина становились известными публике в качестве романсов и песен до опубликования их текстов: песня Земфиры из поэмы «Цыганы» — с музыкой М. Виельгорского (1825); «Не пой, красавица, при мне...» — с музыкой В. Одоевского (1828) и музыкой Глинки (1828); другие впервые публиковались одновременно с нотами: «Слеза» — с музыкой М. Яковлева (1825), «Ворон к ворону летит» — с музыкой Верстовского и Виельгорского (1829), «Прощание» — с музыкой А. Есаулова (1830 или 1831), «Я здесь, Инезилья...» — с музыкой М. Глинки (1834). Уже при жизни поэта избранные песни на его слова были изданы отдельным сборником.⁵ В дальнейшем романсы на тексты Пушкина писали едва ли не все русские композиторы. До 1917 го-

¹ Пушкин И. И. Записки о Пушкине. М., 1937. С. 50.

² Гаевский В. П. Пушкин в Лицее // «Современник». 1863. № 7. С. 159.

³ Пушкин в романсах и песнях его современников. М., 1936.

⁴ «Обозрение русской литературы в 1824 году» // «Московский телеграф». 1825, № 1. С. 86, примеч.

⁵ См.: Собрание русских песен. Слова Пушкина. Музыка разных сочинителей. Слб. (ц. р. 10 августа 1829).

да положено на музыку 264 произведения поэта.¹ (Всего же, по имеющимся у нас сведениям, свыше 350.) Песни и романсы на слова Пушкина вошли в многочисленные песенники и в лубок уже при жизни поэта,² а через их посредство — в музыкальный и народно-песенный быт. В устном бытовании некоторые тексты поэта существенно изменялись (особенно «Казак» и «Узник»), но в большинстве случаев сохранялись в авторской редакции.³ Кроме включенных в нашу антологию, особенно известны романсы: «Я здесь, Инезилья...» М. Глинки, «Воротился ночью мельник...» А. Даргомыжского, «Для берегов отчизны дальней...» А. Бородина, «На холмах Грузии...» Н. Римского-Корсакова, «Сожженное письмо» Ц. Кюи, «Ночь» А. Рубинштейна, «Соловей, мой соловейка...» П. Чайковского.⁴ Но популярными песнями и бытовыми романсами стали преимущественно ранние произведения поэта.

159. КАЗАК

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

---

¹ См.: Булич С. Список музыкальных произведений, написанных на тексты или сюжеты А. С. Пушкина // Памяти А. С. Пушкина. Сборник статей преподавателей и слушателей историко-филологического факультета С-Петербургского университета. Спб., 1900 г.; Г л е б о в И г о р ь. Русский романс. Пг., 1922. С. 92—106; Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Справочник. Составитель Г. К. Иванов. М., 1966. Вып. 1. С. 279—299.

² С м и р н о в-С о к о л ь с к и й Н и к. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 481—625.

³ См.: А н д р е е в Н. П. Произведения Пушкина в фольклоре // Ученые записки кафедры русской литературы ЛГПИ. Л., 1938, № 14. С. 39—69. О судьбе текстов Пушкина в лубочной редакции см. в кн.: К л е п и к о в С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке. М., 1949.

⁴ См. также: А с а ф ь е в Б. В. Пушкин в русской музыке // Избранные труды. М., 1955. Т. 4; В а с и н а-Г р о с с м а н В. А. Русский классический романс XIX века. М.; Л., 1956. С. 83—97.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы,—
Думал хват Денис,—
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напой коня».

— «Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды».

— «Ах! небось, девушка красна,
С милым подружись!»

— «Ночь красавицам опасна».
— «Радость! не страшись!»

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась;
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели,
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

1814

160. РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя,—

Меня навеки ты забудешь,
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?» —
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца,
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: «Ее на свете нет,
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет».

Но что сказала я?.. быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но может быть, пройдешь ты мимо,
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волнением сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

1814

161. ПЕВЕЦ

Слышали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слышали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

162. ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден.

Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

1816

163. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

(Молдавская песня)

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

164. ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

1

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

2

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.

Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

3

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певичы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

1820

165. УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

166. <ИЗ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ»>

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;

Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

1824

167

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквир.

1824

168. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

Я помню чудное мгновенье:
 Передо мной явилась ты,
 Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
 В тревогах шумной суеты
 Звучал мне долго голос нежный
 И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
 Рассеял прежние мечты,
 И я забыл твой голос нежный,
 Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
 Тянулись тихо дни мои
 Без божества, без вдохновенья,
 Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
 И вот опять явилась ты,
 Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

170. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальные поляны
 Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
 Тройка борзая бежит,
 Колокольчик однозвучный
 Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

171. ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827

172

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милóго
Не убитого, живого.

1828

Не пой, красавица, при мне
 Ты песен Грузии печальной:
 Напоминают мне оне
 Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
 Твои жестокие напевы
 И степь, и ночь, и при луне
 Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
 Тебя увидев, забываю;
 Но ты поешь — и предо мной
 Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
 Ты песен Грузии печальной:
 Напоминают мне оне
 Другую жизнь и берег дальный.

1828

Я вас любил: любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем;
 Но пусть она вас больше не тревожит,
 Я не хочу печалить вас ничем.
 Я вас любил безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томим;
 Я вас любил так искренно, так нежно,
 Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

Антон Антонович Дельвиг родился в 1798 году в Москве, умер в 1831 году в Петербурге. Интерес Дельвига к песенному творчеству определился очень рано, во время пребывания его в Царскосельском лицее. Первая «русская песня» юного поэта датируется 7 сентября 1812 года. Некоторые лицейские стихотворения Дельвига позднее были положены на музыку: «Куплеты к Диону», «Шестнадцать лет». Хор воспитанников на текст Дельвига «Прощание лиценстов» с музыкой В. Теппера де Фергюсона прозвучал на торжественном акте 9 июня 1817 г., опубликован в 1835 г. По окончании Лицея поэт служил в Министерстве финансов, затем в Публичной библиотеке и, наконец, в департаменте иностранных исповеданий. Дельвиг находился в ближайшем литературном окружении Пушкина, играл заметную роль в литературно-общественной жизни 1820—1830-х годов, состоял членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», с 1819 г. — «Вольного общества любителей российской словесности», издавал альманахи «Северные цветы», «Подснежник», «Литературную газету». Он был частым гостем литературных салонов (С. Д. Пономаревой, А. Ф. Воейковой и др.), где музицирование составляло одну из характерных черт быта. Ф. Кони вспоминает: «Лучшие русские песни Дельвига родились в минуты увлечения на рояли Ивана Алексеевича Рупини и положены на музыку». ¹ В литературно-музыкальных вечерах в доме самого Дельвига (кружок образовали в 1825 г.), наряду с Жуковским, Пушкиным, Крыловым, Баратынским, Вяземским и другими поэтами, принимали участие композиторы Н. А. Титов, М. Глинка, М. Яковлев. С двумя последними у него возникло плодотворное сотрудничество. Двоюродный брат поэта вспоминает: «Песни... и романсы певались непременно каждый вечер. В этом участвовал и сам Дельвиг». ² Поэт посещал лавки Гостиного двора и трактиры, чтобы послушать народных певцов и музыкантов, многие его стихотворения были подражаниями народным песням. Всего Дельвиг написал 26 песен и романсов, а на музыку положено 35 его стихотворений. По отзыву И. Киреевского, талант Дельвига ярче всего проявился в его «русских песнях». Кроме пу-

¹ Кони Ф. А. Русский певец и композитор Иван Алексеевич Рупини // «Пантеон». 1850. Т. 2, № 4. С. 33.

² Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1912. Т. 1. С. 51.

бликуемых текстов, приспешениями вокальной музыки стали: «Куплеты к Диону» (М. Яковлев), «Застольная песня» («Други, други, радость нам дана судьбой...») (Алябьев, Вильбоа, Даргомыжский, В. Соколов), «Вчера вакхических друзей...» (М. Яковлев), «Элегия» («Когда, душа, просилась ты...») (Алябьев, Глинка, М. Яковлев), «Роза» (Варламов, М. Яковлев). Особенно много романсов на слова Дельвига написал Даргомыжский (кроме названных и публикуемых, «Дева», «Хата», «К Лилете», «Мой суженый, мой ряженный...», «Жизнью земною играла она...»). Девять стихотворений поэта положены на музыку его лицейским другом — М. Яковлевым. Авторский текст самой популярной песни Дельвига — «Не осенний частый дождичек» — целиком не сохранился (см. № 192 и примеч.).

175. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
Всё мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я. —
Скажи, пастух унылый».

И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

(1814)

176. ПЕСНЯ

«Дедушка! — девицы
Раз мне говорили. —
Нет ли небылицы
Иль старинной были?»

— «Как не быть! — уныло
Красным отвечал я. —
Сердце вас любило,
Так чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!

Уж они — старушки;
Но от них, порою,
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу волновали
Их уста и очи,
По огню бежали
Дни мои и ночи».

— «Дедушка,— толпою
Девыцы вскричали,—
Жаль нам, а тобою
Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие!
Мы б тебя любили!»

— «Вы б любили? сказки!
Веры мне нейдет! —
И на ваши ласки
Дедушка смеется».

1820

177. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —

Что, красотка молодая,
 Что ты, светик, плачешь?
 Что головушку, вздыхая,
 К белой ручке клонишь?
 Или словом, или взором
 Я тебя обидел?
 Иль нескромным разговором
 Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
 У тебя на сердце!
 Нет, кручинушку другую
 Ты вложила в мысли!
 Ты не хочешь, не желаешь
 Молодцу открыться,
 Ты боишься милу другу
 Заповедать тайну!

Не слышали ль злые люди
 Наших разговоров?
 Не спросили ль злые люди
 У отца родного;
 Не спросили ль сопостаты
 У твоей родимой:
 «Чей у ней на ручке перстень,
 Чья в повязке лента?
 Лента, ленточка цветная,
 С золотой каймою,
 Перстень с чернью расписною,
 С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
 Слез твоих горячих!
 Перелей в мое ты сердце
 Всю тоску-кручину,
 Перелей тоску-кручину
 Сладким поцелуем:
 Мы вдвоем тоску-кручину
 Легче растосуем.

1823

180. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Собоями отороченной.

Днем ли в те поры я выведу,
В очи солнце — ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей всё повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —
Только взглянут и успокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали,
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке, —
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

1823

181. РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:

И солнце, и любовь!

С нагих полей сбежала тень —

Светлеет сердце вновь.

Проснитесь, рощи и поля;

Пусть жизнью всё кипит:

Она моя, она моя! —

Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

1823

182. РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность упоает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

183. РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя —
Нет слова все муки, всё счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

184. РАЗОЧАРОВАНИЕ

(Элегия)

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провести
И в край, для горестных не дальней,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

1824

185. ПЕСНЯ

Наяву и в сладком сне
Всё мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковы́е,
Юных персей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

И я утром золотым
Молвлю персям молодым:
Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине —
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью, сплю ли я, не сплю,—
Всё устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет,—
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

1824

186. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать молодой.

Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —

Под окошком всё так весело глядит,
И мне душу то веселие томит.

То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.

И я выду во широкие поля —
С них ли негой так и веет на тебя:

Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,

Хочешь с кем-то этим запахом дышать
И другим устам его передавать;

Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.

Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,

К изголовью правой щечкою прижмусь
И горячими слезами обольюсь.

Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но ее не освежит,

Так и слезы не свежат меня, молодой;
Скучно, девушки, весною жить одной!

1824

187. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги,
В лесе звери лютые,
Да не люди!

-1824

188. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночьку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

Между маем 1825 и февралем 1826

189. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка, девушка,
Полюби меня, молодца,
Полюбя — приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе,—
Сиротинушке девушке
Веселей того с молодым.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставенки,
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замок висит,
В подворотенку пес глядит.

1828

190. РУССКАЯ ПЕСНЯ

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он впоследствии стоял
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:

«За турецкой за границей,
В басурманской стороне
По тебе лишь по девице
Слезы лить досталось мне...»

. . . . .
. . . . .

1828

191. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево — на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

192. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман.
Льет молодчик слезы горькие,
Льет на бархатный кафтан.

Что от любви не чай!
Ведь ты не девица —
Пей, и тоска пройдет,
Пей, и тоска пройдет!

〈Не тоска, друзья-товарищи, —
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко.〉

И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
А пришлось мне горевать〉.

〈Лето 1829〉

Николай Мисаилович Ибрагимов родился в 1778 году в Казани, умер в 1818 году там же. Учился он в гимназии при Московском университете, а затем и в университете, по окончании которого был учителем и инспектором в Казанской гимназии, с 1817 года — адъюнкт-профессор Казанского университета. Он сотрудничал в «Сыне отечества» (1814). Несколько стихотворений Ибрагимова опубликовано в «Трудах Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете» (1815, Ч. 15). В «Благонмеренном» (1822, 1825) его стихотворения опубликованы посмертно.¹ Литературное наследие Ибрагимова невелико. Большая часть его стихотворений написана в жанре сентиментальной «русской песни», из них только публикуемые вошли в песенный репертуар. Известен также романс Ибрагимова «Когда в раздумье молчаливом...» (музыка Н. Де-Витте и других композиторов).

193. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Подражание польской

Вечерком красна девица
На прудок за стадом шла;
Черноброва, белолица
Так гуськов своих гнала:
Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня богатый:
Ты постыл моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!

---

¹ Об Ибрагимове см: Фукс А. А. Казанские литераторы 30—40-х годов//«Русская старина». 1904, № 7. С. 22—23; Бобров Е. А. Мелочи из истории русской литературы//«Русский филологический вестник». 1905, № 2. С. 181—184; Известия ОРЯС. 1906. Кн. 4. С. 355.

Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Нас одних для нас довольно:
Всё любовь нам заменит.
А сердечны слезы больно
Через золото ронить.

Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

<1815>

194. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Во поле березонька стояла, (2)

Люли, люли, стояла, (2)

В чистом кудрява бушевала,

В тереме девица горевала;

Девицу с милым разлучают,

Девицу с постылым обручают.

Нелюб не умом взял, не приятством —

Взял большой роднею и богатством.

Милый беспоместен, беспороден,

Он душой богат и благороден.

Не в мешках любовь, не в родословных —

В жертвах добровольных, безусловных.

С милым мы глазами сговорились,

С милым мы сердцами подарились;

Скоро ли, ах, милый! не дождуся,

Я с тобой свиданьем наслаждуся,

От докук нелюба свобожуся?

Люли, люли, свобожуся? (2)

<1825>

Николай Федорович Остолопов родился в 1783 году в Сольвычегодске, умер в 1833 году в Астрахани. Учился в Горном корпусе в Петербурге, служил в Коллегии иностранных дел и в Министерстве юстиции, с 1808 по 1812 год был вологодским прокурором, а с 1814 по 1819-й — вице-губернатором. С 1825 года Остолопов — директор петербургских театров. Первые литературные произведения его появились в 1801 году, в журнале «Иппокрена». Он состоял членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», издавал журнал «Любитель словесности», сотрудничал в «Вестнике Европы», «Свитке муз» и других изданиях. Остолопов писал оды, басни, послания, поэмы, лирические стихи. Его перу принадлежат также повести и исторические сочинения. Был известен в качестве издателя «Ключа к сочинениям Державина» (Спб., 1822) и составителя «Словаря древней и новой поэзии» (Спб., 1821). Стихотворения Остолопова при его жизни издавались дважды: «Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства», М., 1816 и «Апологические стихотворения с присовокуплением поэмы „Привидение“». Спб., 1827. Принадлежа к державинскому окружению, Остолопов некоторые стихи писал в жанре «русской песни». Кроме публикуемых, в песенниках встречаются: «Давно мне было должно...» и «Бедная Дуня» («Ах, не лебедь ходит белая...»).¹

195

Не бушуйте, ветры буйные,
 Перестаньте выть, осенние!
 Не к тому ли вы бушуете,
 Чтобы стоны заглушить мои?
 Ах! скорей, скорей утихните!
 И без вас *она* не слышит их...
 Терем *милой* далеко стоит
 За горами за высокими,
 За лесами непроходными...

¹ Последняя перепечатана в кн.: «Песни и романсы русских поэтов». М.-Л., 1965 (Б-ка поэта, БС). С. 297—298.

Лучше грамотку снесите к ней;
Я слезами напишу ее,
Я скажу ей в этой грамотке:
Вянет травушка без солнышка,
Сохнет сердце без любезных;
С ней в разлуке нет отрады мне.
Вся отрада — горьки слезы лить!
Полетите, ветры буйные,
Вы отдайте милой грамотку!
Если милая вздохнет тогда,
Принесите мне вы вздох ее!
Но вы всё еще бушуете,
Вы не слышите несчастного,
Вы не внемлете мольбе его!
Так усилитесь, ветры буйные,
Вы умножьте бурю грозную,
Ускорите смерть несчастного
И развеите после прах его!

(1816)

196

(На голос простонародной песни:
«Скучно, грустно мне в деревне жить одной...»)

Солнце красное! оставь ты небеса,
Ты скорей катись за темные леса!
Ясный месяц! ты останься за горой!
Вы оденьте всё nocturnal темнотой!
Дайте времечко укрыться от людей
И наплакаться об участи моей!
Люди бегают от горестей чужих;
Людам нужно ль знать причину слез моих?

Ах! где милый мой, где ангел, дорогой?
Не навеки ли простился ты со мной?
Нет ни грамотки, ни вести от тебя!
Напиши хоть, что забыл уж ты меня,
Дай отраду мне скорее умереть! —
Мне на белый свет постыло уж смотреть!
В нем не видят ничего мои глаза,
Покрывает их горячая слеза.

Вы, подруженьки, вы сжальтесь надо мной,
Не шутите вы над лютою тоской!
Уделите часть вы горя моего!
Придет время, вы узнаете его;
Страсть-злодейка не минует никого!
Ах! зачем нельзя без горести любить?
Ах! зачем нельзя неверного забыть?

<1816>

Дмитрий Петрович Глебов (1789—1843) воспитывался в Московском университетском пансионе, служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Он состоял членом «Общества любителей российской словесности» (с 1827 г.). Первые стихотворения его появились в печати в 1809 г. («Аглая», «Московский вестник»). Прижизненные издания: «Собрание стихотворений, относящихся к 1812 году», М., 1814; «Элегии и другие стихотворения», М., 1827. Посредственный поэт, Глебов писал подражательные элегии и баллады в духе сентиментализма и романтизма. Среди его стихотворений некоторые названы песнями и романсами, но немногие из них действительно выдержаны в этом жанре. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Как с тобою расставался...», «Кого ты ждешь, певец молодой...», «Она так страстно мне клялась...», «Опять во власть судьбы предайся...», «Полуночью, в пустыне обнаженной...».

197

Увянет без солнышка
Душистый цвет на поле,
Поблекнет и молодость
Без друга любезного.
Не ты ль мое солнышко?
Не я ли цвет во поле?
Тобою питаюсь,
Тобою и вижу свет!

Не скроешься, милая!
В высоком ты тереме,
И злата сокровища
Не будут преградой мне;
Везде я найду тебя
И слово приветное
Скажу в утешение,
Что я лишь тобой живу.

И ветры осенние,
И в зиму метелицы
Одни лишь свидетели
Пролитых слез горести.
Ужель средь веселия,
Средь игр, хороводов ты
Не слышала голоса
Страдальца несчастного?..

Нет! сердце в нас весть дает,
И часто средь плясок ты
Бывала задумчива,
В насмешку подругам всем.
О, если б кручина та
Была бы любовь ко мне,
То красное солнышко
Блеснуло бы радостью!

⟨1817⟩

198

Скучно, матушка, мне сердцем жить одной,
Скучно, скучно, что не едет дорогой.
Где сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду, на крылечке постою.
Посмотрю, кто вдоль по улице прошел,
Посмотрю, не пролетит ли мой сокол.
Вдоль по улице метелица метет,
А с метелицей и милый мой идет.
Машет издали мне аленьким платком,
Подошедши, говорит он мне тайком:
«Ах, постой, постой, любезная моя!
Дай мне, радость, наглядеться на тебя!
С той поры, как разлучились мы с тобой,
Потерял я и здоровье и покой».
— «Друг сердечный,— отвечала я ему,—
Или ты смеешься горю моему?
Такова ли я до сей поры была?
Таковою ли красавицей слыла?
На лице поблекли алые цветы;
Без тебя, мой друг, лишилась красоты!»

⟨1817⟩

Петр Андреевич Вяземский родился в 1792 году в Москве, умер в 1878 году в Баден-Бадене. Учился Вяземский в петербургских пансионах и у профессоров Московского университета. Член Российской академии. В составе дворянского ополчения участвовал в войне 1812 года. Был активнейшим участником литературно-общественной борьбы первой трети XIX века, занимая в ней прогрессивные позиции, состоял в «Арзамасе», совместно с Н. Полевым издавал «Московский телеграф». С 1840-х годов Вяземский отходит от прогрессивного направления, что отражается на эволюции его творчества. Среди его разнообразных по художественным средствам произведений лишь немногие были задуманы как песни. К поэзии Вяземского обращались А. Алябьев («Незабудочка», «Девичий сон», «Прости! так грустно это слово...»), А. Даргомыжский («Что мой светик, луна...»), П. Макаров («Незабудочка»), М. Виельгорский («Давным-давно», «Ее уж нет, моей весны...»), С. Донауров («Что мой светик, луна...», «Очи-звезды»), Н. Бороздин («Ее уж нет, моей весны...»), Н. А. Титов («Мечта любви...»). Цикл романсов написал А. Михайлов (среди них — «Черные очи», «Я жду тебя...»). Известность приобрела песенка «Дети, в школу собирайтесь...» с музыкой В. Ребикова (на те же слова музыку написали А. Бюхнер и другие композиторы). На музыку положено 29 текстов поэта. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Масленица на чужой стороне» («Привет зиме» — сокращенный текст с музыкой М. Анцева или «Зима» с музыкой Н. Александрова и В. Орлова), «К партизану-поэту», «Воли не давай рукам...», «Где вы, товарищи-друзья?..», «Давным-давно», «Ее уж нет, моей весны...», «Недовольный», «Слезы», «К старому гусару» и другие.

199. ПЕСНЯ

Собирайтесь, девки красны,
Собирайтесь в хоровод,
Скоро день погаснет ясный,
Солнце яркое зайдет.

Ненадолго ландыш белый
Расцветает по лесам,
Лето луг ковром одело
Ненадолго в радость нам.

В свежих рощах на свободе
Пташке не всегда порхать.
Не всегда нам в хороводе
Петь, резвиться и плясать.

Завтра, может быть, на пташку
Хитрый сыщется ловец:
Муж сердитый на девицу —
И тогда всему конец.

1817

200. СЛЕЗА

Когда печали неотступной
В тебе подымется гроза
И нехотя слезою крупной
Твои увлажнятся глаза,

Я и в то время с наслажденьем,
Еще внимательней, нежней,
Любуюсь милым выраженьем
Пригожей горести твоей.

С лазурью голубого ока
Играет зыбкий блеск слезы,
И мне сдается: перл Востока
Скатился с светлой бирюзы.

<1829>

201. ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко;
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

(1834)

Биографические сведения об Александре Христиановиче Дуропе крайне скудны. Известно, что он сотрудничал в журналах 1818—1821 годов, был переводчиком, писал басни и стихи. В песенниках, кроме публикуемого ромansa, встречается: «Среди нагорной высоты...».

202. КАЗАК НА РОДИНЕ

(Романс)

«Кончен, кончен дальний путь!
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой!

Долго в грусти ждет она
Казака младого.
Вот забрезжила луна
С неба голубого!

И веселый Дон течет
Тихою струею;
В нетерпенье конь мой ржет,
Чуя под собою

Пажити родных берегов,
Где в счастливой доле
Средь знакомых табунов
Он гулял на воле.

Верный конь, скачи скорей
И как вихорь мчися;
Лишь пред хатою моей
«Ты остановися!» —

Так спешил казак домой,
Понукал гнедого;
Борзый конь летит стрелой
До дому родного.

Вот приблизился донец
К своему селенью:
«Стой, товарищ, стой! — конец
Нашему стремленью!»

Видит он невесты дом,
Входит к ней в светлицу,
И объяту сладким сном
Будит он девицу.

«Встань, коханочка моя!
Нежно улыбнися,
Обними скорей меня
И к груди прижмися!

На полях страны чужой
Я дышал тобою;
Для тебя я в край родной
Возвращен судьбою!»

Что же милая его?..
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
В страхе задрожала.

«Наяву или во сне
Зрю тебя, мой милый!..
Ах, недаром же во мне
Сердце приуныло!

Долго я тебя ждала
И страдала в скуке;
Сколько слез я пролила
В горестной разлуке!

И, отчаясь зреть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
С клятвой роковою».

— «Так, так бог с тобой!» — сказал
Молодец удалый,
И — к воротам, где стоял
Конь его усталый.

«Ну, спутник верный мой! —
Он сказал уныло.—
Нет тебе травы родной,
Нет мне в свете милой!»

С словом сим он на гнедка,
Шевельнул уздой,
Тронул шпорой под бока:
Быстрый конь стрелой

Полетел в обратный путь
От села родного.
Но тоска терзала грудь
Казака младого.

Он в последний раз взглянул
В сторону родиму
И невольно вздохнул,
Скрылся в даль незриму.

Что и родина, коль нет
Ни друзей, ни милой? —
Ах! тогда нам целый свет
Кажется могилой!

<1818>

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев родился около 1795 года в Москве, умер в 1849 году. Он служил цензором при Московском почтамте. Первые стихотворения его появились в 1809 г. в альманахе «Аг-лая». Сотрудничал он в «Вестнике Европы» (с 1814 г.), «Сыне отечества» (1819), «Северной пчеле» (1826), в «Москвитянине» и различных альманахах 1820—1830-х годов. Первый его сборник: «Сочинения и переводы в стихах Н. Иванчина-Писарева». М., 1819 (2-е изд. 1828, 3-е — 1832, без имени автора). Перу Иванчина-Писарева принадлежат также историко-биографический сборник «Отечественная галерея» (1832) и сочинение «Взгляд на старинную русскую поэзию» (1837). Несколько стихотворений Иванчина-Писарева написаны в жанре романса и «русской песни» (кроме публикуемых — «Могу ль перемениться я...» и «Вот от милой удалился...»). На текст «Кого спешит Москва встречать...» музыку написал Н. Кубишта (1826).

203

Тебя забыть! — и ты сказала,
Что сердце может разлюбить.
Ты ль сердца моего не знала?
Тебя забыть!

Тебя забыть! — но кто же будет
Мне в жизни радости дарить?
Нет, прежде бог меня забудет...
Тебя ль забыть?

Тебя забыть и, свет могилой
Назвав, как бремя жизнь влачить,
Могу ль, могу ль, о друг мой милый!
Тебя забыть?

Тебя забыть, искать свободы,
Но цепи я рожден носить,
И мне ль, восстав против природы,
Тебя забыть?

Тебя забыть, пленясь другою,
И для другой хоть миг прожить:
Тому ль, кто дышит лишь тобою,
Тебя забыть?

Тебя забыть! Нет, адска злоба
Одна могла ту мысль внушить.
Могу ль и за порогом гроба
Тебя забыть?

<1819>

Ты грустишь, твой взор тоскливый
Тихой светится слезой,
Ищешь в думе молчаливой
Сердцу прежний дать покой.

Сердце в горе и не знает,
Что есть смертный, может быть,
Кто всё горе примечает,
Но не смеет разделить.

Если б взор сей хоть случайно
Обратился на него,
Ты б узнала, что он тайно
Грустен больше твоего.

Ты б узнала, что страдает
Скромный друг, и к небесам:
«Дайте с ней делить,— взывает,—
Грусть и радость пополам».

<1819>

Евгений Абрамович Баратынский родился в 1800 году в селе Мара Тамбовской губернии, умер в 1844 году в Неаполе. С 1819 года он находился на военной службе, тогда же началась и его литературная деятельность. Выйдя в 1825 году в отставку, Баратынский поселился в Москве, где он сблизился с «любомудрами». Связанный в 1820-е годы с передовыми кругами русского общества, он занимал в то время прогрессивную позицию в литературно-общественной жизни. Еще в юности Баратынский участвовал в литературно-музыкальных вечерах у М. Яковлева, дружил с Дельвигом, которые увлекались песнями. И хотя немногие стихи самого Баратынского написаны в жанре песни, его поэзия привлекала внимание композиторов присущей ей лирической углубленностью и оригинальностью. Однако те же качества затрудняли задачу музыкального воплощения мыслей поэта. Этим объясняется сравнительно небольшое количество романсов на слова Баратынского (на музыку положено 17 текстов поэта). Наибольшую известность приобрели элегии Баратынского, высоко ценимые современниками. По отзыву Пушкина, «в этом роде он первенствует». Один из лучших элегических романсов на слова Баратынского создал Глинка («Разуверение»). На тексты поэта писали музыку Даргомыжский («Поцелуй»), К. Вильбоа («Возвращение»), В. Кашперов («Очарованье красоты»), А. Танеев («Весна, весна! Как воздух чист...»), Н. С. Титов («Ожидание» и «Разлука») и другие композиторы. Большой цикл романсов на слова Баратынского создал Н. Мясковский. Особенно посчастливилось стихотворению «Где сладкий шепот...» (романс М. Глинки, хор А. Гречанинова, хор Вик. Калининкова, музыкальная картина Ц. Кюи «Зима», дуэты Н. Соколова, Н. Черепнина, романсы С. Ляпунова и других композиторов). Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются: «Звезда», «Случай», «Две доли», «Кольцо», «Догадка», «Ожидание», «К Алине», однако в песенном репертуаре было, вероятно, только последнее стихотворение.

205. РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

⟨1820⟩, ⟨1826⟩

206. РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

⟨1821⟩

207. ПЕСНЯ

Страшно воеет, завывает
Ветр осенний;
По поднёбесью далече
Тучи гонит.

На часах стоит печален
Юный ратник;
Он уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда вас, тучи,
Ветер гонит?
О, куда ведет судьбина
Горемыку?

Тошно жить мне: мать родную
Я покинул!
Тошно жить мне: с милой сердцу
Я расстался!

«Не грусти! — душа-девица
Мне сказала.—
За тебя молиться будет
Друг твой верный».

Что в молитвах? — я в чужбине
Дни скончаю.
Возвращусь ли? — взор твой друга
Не признает.

Не видать в лицо мне счастья;
Жить на что мне?
Дай приют, земля сырая,
Расступися!

Он поет, никто не слышит
Слов печальных...
Их разносит, заглушает
Ветер бурный.

<1821>

208. К ...О

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить — плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность — прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

1821

Павел Александрович Катенин родился в 1792 году в Кологривском уезде Костромской губернии, умер в 1853 году там же. Приехав в пятнадцатилетнем возрасте в Петербург, Катенин сначала был чиновником в Министерстве просвещения, но вскоре перешел на военную службу. Он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813—1814 годов. Катенин принимал участие в декабристском движении, состоял в «Союзе спасения» и «Военном обществе». С 1822 по 1825 год он жил без права выезда в Костромской губернии и был привлечен к следствию по делу декабристов, а с 1834 по 1838 год служил на Кавказе. В 1832 году был избран в Российскую Академию. Первые литературные опыты Катенина относятся к началу 1810-х годов (печатались в альманахе «Цветник», в журналах «Сын отечества», «Вестник Европы» и других изданиях). Перу его принадлежат переводы комедий и трагедий Корнеля и Расина и другие драматические произведения. Совместно с Грибоедовым он написал комедию в прозе «Студент». При жизни Катенина изданы его «Сочинения и переводы в стихах» (Спб., 1832. Части 1—2). Как поэт Катенин был одним из зачинателей романтизма и, по замечанию Пушкина, первый ввел в поэзию «язык и предметы простонародные». Однако песнями стали не его опыты в «простонародном» духе, а публикуемые произведения. На музыку положено его стихотворение «Певец Услад» (романс А. Есаулова издан в 1830 г.).

209

Отечество наше страдает
 Под игом твоим, о злодей!
 Коль нас деспотизм угнетает,
 То свергнем мы трон и царей.
 Свобода! Свобода!
 Ты царствуй над нами!
 Ах! лучше смерть, чем жить рабами,—
 Вот клятва каждого из нас...

Между 1817 и 1820

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колеблет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь,—
Его дарит тебе любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет... любите вновь и вновь;
Земного счастья верх: любовь.

1827 (?)

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в 1791 году в Уфе, умер в 1859 году в Москве. Учился он в Казанском университете, служил в Петербурге переводчиком, в Москве — цензором (1827—1832), инспектором и затем директором Межевого института (1833—1843). Литературную деятельность Аксаков начал в 1820-е годы как поэт и театральный критик. Большую известность он приобрел как прозаик, напечатав «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника» (1852), «Семейную хронику» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858). Из поэтических произведений популярным стало публикуемое стихотворение, не включенное в собрание сочинений писателя, но вошедшее без имени автора в многочисленные песенники и в переработанном виде — в песенный репертуар.

211. УРАЛЬСКИЙ КАЗАК

(Истинное происшествие)

Настала священная брань на врагов
И в битву помчала Урала сынов.

Один из казаков, наездник лихой,
Лишь год один живши с женой молодой,

Любя ее страстно и страстно любим,
Был должен расстаться с блаженством своим.

Прощаясь с женою, сказал: «Будь верна!»
— «Верна до могилы!» — сказала она.

Три года за родину бился с врагом,
Разил супостатов копьем и мечом.

Бесстрашный наездник всегда впереди,
Свидетели раны — и все на груди.

Окончились битвы; он едет домой,
Всё страстный, всё верный жене молодой.

Уже достигают Урала брегов
И видят навстречу идущих отцов.

Казак наш объемлет отца своего,
Но в тайной печали он видит его.

«Поведай, родимый, поведай ты мне
Об матери милой, об милой жене!»

Старик отвечает: «Здорова семья;
Но, сын мой, случилась беда у тебя:

Тебе изменила младая жена:
За то от печали иссохла она.

Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости ее, сын мой: *мы* просим об ней!»

Ни слова ответа! Идет он с отцом;
И вот уже входит в родительский дом.

Упала на грудь его мать в слезах,
Жена молодая лежала в ногах.

Он мать обнимает; иконам святым,
Как быть, помолился с поклоном земным.

Вдруг сабля взвилась могучей рукой...
Глава покатилаь жены молодой!

Безмолвно он голову тихо берет,
Безмолвно к народу на площадь идет.

Свое преступленье он всем объявил
И требовал казни, и казнь получил.

(1821)

Достоверных данных о Василии Головине установить не удалось. Известно, что он сотрудничал в журналах 1820-х годов: «Вестнике Европы», «Дамском журнале», «Мнемозине». Возможно, что это — Василий Павлович Головин (1803—1846), драматург.

212. ПЕСНЯ

(На голос: «При долинушке стояла...»)

Рано, солнышко, играешь
Утром на долине;
Ты померкни! иль не знаешь:
Девушка в кручине.

Я вечер мое веселье
С милым проводила;
Он уехал — в утешенье
Мне одна могила!

Говорил мне на прощанье:
«Буду: не крушися!»
Ах, исполни обещанье,
Милый! возвратися!

Без подпоры — хмель кудрявый
Не цветет, а вянет;
Без весны — в тени дубравы
Птичка петь не станет;

Без росы — желтеет в поле
И цветок от зною!
Ах! без милого мне боле
Не цвести душою!

⟨1821⟩

Петр Михайлович Кудряшов родился в 1801 году в Верхне-Уральске, умер в 1827(?) году. Он служил унтер-офицером в верхне-уральском гарнизонном батальоне (1815—1822), затем аудитором в оренбургском ордонансгаузе. Некоторую известность Кудряшов приобрел повестями о нравах и жизни башкир («Айдар и Абдряш», «Кучак Галий», «Искак», «Киргизский пленник» и др.), опубликованными в журналах 1820-х годов. Перевод башкирской песни о Салавате, принадлежащий Кудряшову, положил на музыку А. Алябьев. Стихи Кудряшова печатались в «Вестнике Европы», «Благонамеренном» и в ряде альманахов конца 1820-х — начала 1830-х годов. Кроме публикуемых, Кудряшову принадлежат также песни «Вы сгладьтесь на море, сердитые волны...», «Долго ль, долго ль станет сердце изнывать...», «Друг любезный, ненаглядный...», «Люблю я с высоты холмов...», «О касаточка...», «Посмотри, моя любезная...», «Росла, росла сосенка...», «Что вы, звезды, долго блещете...».

213

(На голос: «Ты проходишь, дорогая...»)

Как цветочек от засухи
 Увядает,
 Так и сердце без подруги
 Унывает.
 На часочек нет отрады —
 Лишь страданье;
 Жизнь без милой — без услады —
 Наказанье!
 Меж людьми живу — скучаю,
 Как в неволе!..
 Дай пойду я, погуляю
 В чистом поле..
 Птичка с птичкой там порхают
 Меж кустами;
 Мушки парами летают
 Над цветами...

Все находят, все вкушают
В жизни радость —
Сердце с сердцем разделяют
Счастья сладость...
Не с кем лишь душою страстной
Мне делиться;
Верно, буду я, несчастный,
Век крушиться!

<1822>

Кондратий Федорович Рылеев родился в 1795 году в селе Батово Софийского уезда Петербургской губернии, казнен 13 июля 1826 года в Петропавловской крепости. Его первые литературные опыты, относящиеся к последним годам пребывания в Кадетском корпусе, явились непосредственным откликом на события 1812 года («Победная песнь героям», «На погибель врагов», ода «Любовь к отчизне»). Славу Рылееву как поэту-революционеру принесли ода «К временщику» (1820), поэма «Войнаровский», некоторые думы (одна из них — «Смерть Ермака» — стала популярнейшей песней) и агитационные песни (написанные в соавторстве с А. Бестужевым-Марлинским), многие из которых вошли в песенный репертуар русской революционно настроенной интеллигенции, а иные из них проникли в солдатскую среду и широкие народные массы. Е. Якушкин в своих замечаниях «По поводу воспоминаний К. Ф. Рылеева» свидетельствует, что «из нескольких песен политического содержания», написанных Рылеевым вместе с А. Бестужевым, «наиболее распространенными в свое время были: „По улице мостовой...“ (текст не дошел.— В. Г.) и „Кузнец“». ¹ На тексты Рылеева музыку написали П. Богданов («Исполнились мои желанья...»), В. Казимир, а также многие советские композиторы. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Заблуждение», «Нечаянное счастье», «Иван Сусанин» («Куда ты ведешь нас, не видно ни зги...»). Последнее стихотворение как песня с народным напевом опубликовано в аранжировке А. Покровского. ²

214. СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

¹ Сб. «XIX век». М., 1872. Кн. 1. С. 354.

² Сб. «Гусельки яровчатые». Новгород, 1913, № 4. См. также переработку текста в сб.: Догадин А. А. Былины и песни астраханских казаков... Вып. 1. Астрахань, 1911, № 15, 16. Ст. 1 здесь: «Зию морозной шла шайка людей».

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей,
В разбоях золото добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыл
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря — дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег козачьи челны.

С вождем покой в объятых сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

<1822>

215. ЭЛЕГИЯ

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает — ночью хладной
Полузавялый василек.

⟨1824⟩

216. СТАНСЫ

К А. Б ⟨естуже⟩ву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней молодых.

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

⟨1824⟩

217

Ах, где те острова,
Где растет тринь-трава,
Братцы!

Где читают Руселле
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдаёт, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабаk
Даром.

1823(?)

218

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе.

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

1823(?)

219

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,

304

И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
    За бумагу,
    За отвагу,
Ты за всё, про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
    Заседатель,
    Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
    То дороги,
    То налоги —
Разорил нас вконец.

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
    В ус не дует
    И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином,
    И народу
    Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
    Поселенье
    В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
    Всех затеев
    Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.

Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой-ой-ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1823—1825

220

Царь наш — немец русский —
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Прижимает локти,
Прибирает в когти,
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещения,
Любит он ученья.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев —
Злодей из злодеев!
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский-баба —
Начальником штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба —
Губернатор в Або.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный —
Генерал дежурный.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Между сентябрем 1823 и апрелем 1824

Как идет кузнец да из кузницы. Слава!
Что несет кузнец? Да три ножика.
Вот уж первой-то нож на злодеев вельмож,
А другой-то нож — на попов, на святош.
А молитву сотворя — третий нож на царя.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

Декабрь 1824 или январь 1825

Федор Николаевич Глинка родился в 1786 году в Сутоках Смоленской губернии, умер в 1880 году в Твери. Учился Глинка в Кадетском корпусе, участвовал в войне 1805—1806 годов, отличился в Отечественной войне 1812 года. Он был членом декабристских организаций «Союз спасения» и «Союз благоденствия». Привлеченный по делу декабристов, он был заключен в Петропавловскую крепость и сослан в Олонецкую губернию (Карелия). После ссылки, с конца 1830-х годов, он оказался в лагере сторонников «официальной народности». Литературная деятельность Глинки начинается во второй половине 1800-х годов, (первое печатное стихотворение — «Глас патриота», 1807). На время Отечественной войны 1812 года приходится его опыты в области патриотической песенной поэзии («Военная песнь», «Солдатская песнь», «Песнь сторожевого воина пред Бородинскою битвою», «Песнь русских воинов», «Авангардная песнь» и др.) Из них «Солдатская песнь» была положена на музыку Н. Кленовским и П. Лучкиным, «Авангардная песнь» — Д. Кашиным, «Песнь русских воинов» («Святая то была у нас война...») — Л. Маурером, однако в песенный репертуар и быт вошли не эти песни, а публикуемые стихотворения. На тексты Глинки романсы писали Д. Кашин («Бури мрачны и весною...»), А. Алябьев («Призыв», «Тоска больной Нины», «Москве благотворительной») и А. Варламов («Слезы умиления...», «Грустно жить мне на чужбине...», «Нет, доктор, нет, не приходи...»). Стихотворение «Москва» («Город чудный, город древний...») положено на музыку несколькими композиторами (В. Ребиковым, Н. Брянским, М. Гнесиным, П. Чесноковым и др.). В песенниках, кроме публикуемых, встречаются многие тексты Глинки («Призыв», «Слезы умиления», «Сетование», «Сетования русской девы», «Гусарская песнь», «Есть край, где желтеют...», «Желанный гость, мой друг младой...», «А ветер выл...», «К лугу», «Клятва», «Темнеет бурна ночь, темнеет...», «Я долго, долго бы глядел...» и др.), но в песенный репертуар, вероятно, вошли только первые два.

222. ПОДОКОНЬЕ

(С божеского)

Ночь придет. Знакомой мне
Обойдя дорожкой,
Запою я в тишине
Под твоим окошком:
«Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он!..
Будь он сладок, как твоя
Золотая младость!
Кто ж приснится?.. Если я —
Улыбнись, как радость!
Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он!..»

<1823>

223. СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам сладок
и приятен!

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал..
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...

Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой!..
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

(1825)

224. ТРОЙКА

(Русская песня)

Вот мчится *тройка* удалая
В *Казань* дорогой столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудёт уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи —
Ему взгрустнулося в тиши;
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:

«Вы очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца,
Зачем, о люди, люди злые,
Вы их разрознили сердца?»

Теперь я горький сиротина».
И вдруг махнул по всем по трем,
И *тройкой* тешился детина
И заливался соловьем.

⟨1825⟩, ⟨1832⟩

225. ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости отчизны край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж придет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Всё ту же песню запевал!

1826

226. ЗАВЕЯННЫЕ СЛЕДЫ

Над серебряной водой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я берег следочки...

Вдруг завыло в вышине,
Речку всколыхало,—
И следов, любезных мне,
Будто не бывало!..

Что ж душа так замерла?
Колокол раздался...
Ах, девица в храм пошла:
С ней другой венчался...

<1826>

227. МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это — *матушка Москва!*

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет золотую шапку
У *Ивана-звонаря?*..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот?*!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе;
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

Николай Михайлович Языков родился в 1803 году в Симбирске, умер в 1846 году в Москве. По окончании философского факультета Дерптского университета с 1829 по 1837 год Языков жил в Москве, последующие шесть лет провел за границей, на курортах Австрии, Германии, Франции и Италии, где лечился от тяжелого недуга. Впервые в печати он выступил в 1819 году с «Посланием к Кулибину» («Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1819. Ч. V, № 4). Наиболее продуктивная поэтическая деятельность Языкова падает на дерптский период его жизни (1822—1829). Именно тогда он создает свои циклы «застольных» (1823) и «разгульных» (1829) песен, которые тут же кладутся на музыку (Науманом и другими неизвестными композиторами-любителями), расппеваются студенческими хорами и становятся популярными. Многие из них были даже переведены на немецкий язык. В юности Языков состоял в «Вольном обществе любителей российской словесности», сотрудничал в «Полярной звезде», последние же годы своей жизни был близок к славянофилам. Устойчивый и глубокий интерес поэта к фольклору не отразился, однако, на его песенном творчестве, так как он был принципиальным противником подражаний народной поэзии. В письме к И. Киреевскому он писал: «Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде».¹ На стихи Языкова, кроме неизвестных композиторов-студентов Дерптского университета, музыку писали А. Алябьев, А. Даргомыжский (цикл), С. Танеев, Э. Направник, К. Вильбоа, В. Золотарев и другие. Кроме публикуемых текстов, положены на музыку стихотворения: «Влюблен я, дева красота...», «Элегия» («Вы не сбылись, надежды милой...»), «Элегия» («Меня любовь преобразила...») (все — А. Даргомыжским), «О ночь, лети стрелой» (А. Алябьевым), «Молитва» (А. Алябьевым и П. Воротниковым), «Песня короля Регнера» (хор С. Танеева), «Ночь» (В. Золотаревым) и другие (23 стихотворения). В песенниках встречаются также: «Блажен, кто мог на ложе ночи...», «Воют волны, скачут волны...», «В час, как деву молодую...», «Бессонница», «Тревожное раздумье», а также большая часть элегий. Языкову приписывается известная студенческая песня «Крамбамбули». При жизни поэта его стихотворения издавались трижды: «Стихотворения Н. Языкова». Спб., 1833; «56 стихотворений Н. М. Языкова», М., 1844; «Новые стихотворения Н. Языкова», М., 1845.

¹ Татевский сборник С. А. Рачинского. Спб., 1899. С. 48.

Кто за бокалом не поет,
 Тому не полная отрада:
 Бог песен богу винограда
 Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой! —
 Необходимы для пирушки.
 Друзья! где арфа подле кружки,
 Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
 При ярком месяца сиянье;
 Так в миловидном одеянье
 Очаровательней краса.

Кто за бокалом не поет,
 Тому не полная отрада:
 Бог песен богу винограда
 Восторги новые дает!

22 августа 1823

229. ГИМН

Боже! вина, вина!
 Трезвому жизнь скучна,
     Пьяному рай!
 Жизнь мне прелестную
 И неизвестную,
 Чашу ж не тесную,
     Боже, подай!

Пьянства любителей,
 Мира презрителей,
     Боже, храни!
 Души свободные,
 С Вакховой сходные,
 Вина безводные
     Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
    Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
    Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
    Боже, спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим,
    Ты не мешай!

Август — начало сентября 1823

230. ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним доли,
Наши храмы, наши сёлы,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

231. ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует, разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески шумна,—

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано;
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

22 марта 1829

232. ПЕСНЯ

Разгульна, светла и любовна,
Душа веселится моя;
Да здравствует М(арья)П(етровна),
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снега полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей.

23 марта 1829

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепче ветер, зыбь черней;
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

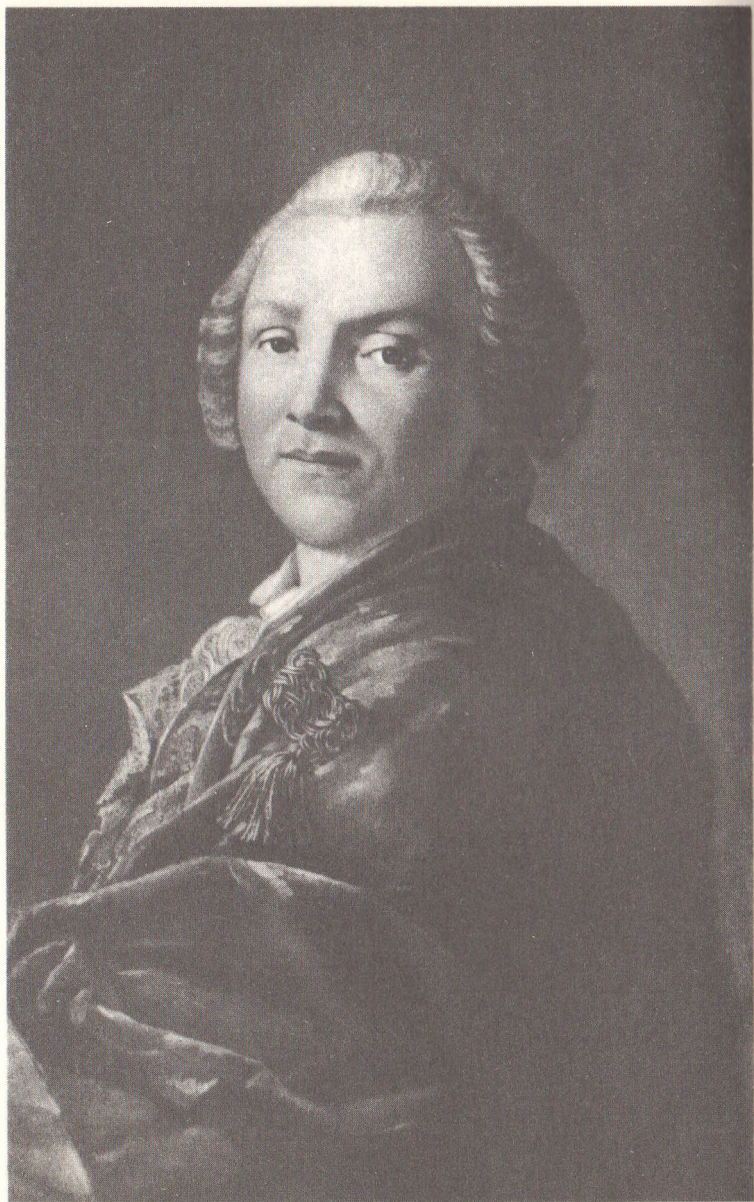
Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

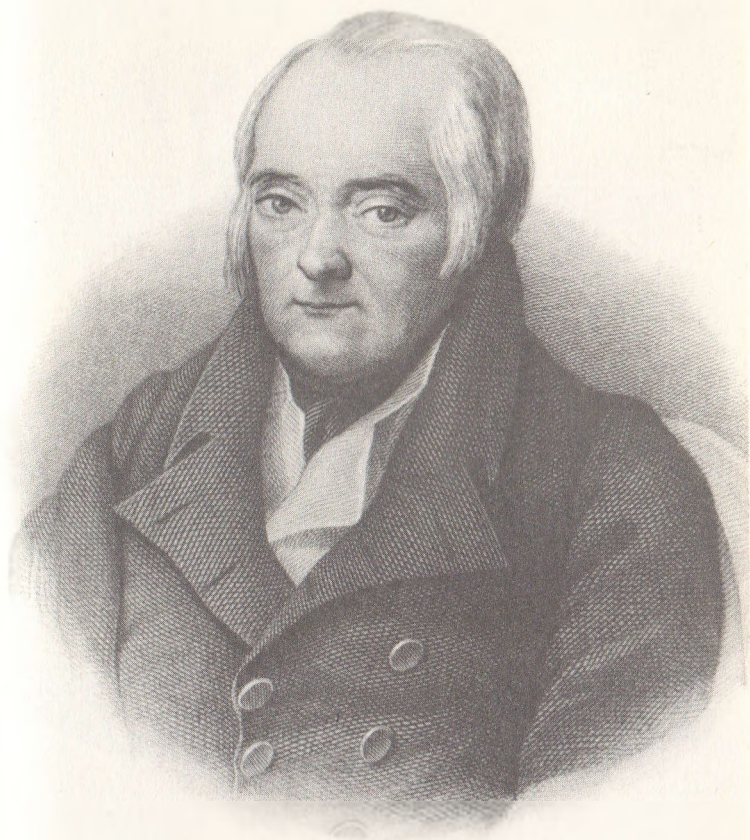

Басілій Тредіаковскій

В. К. Тредиаковский

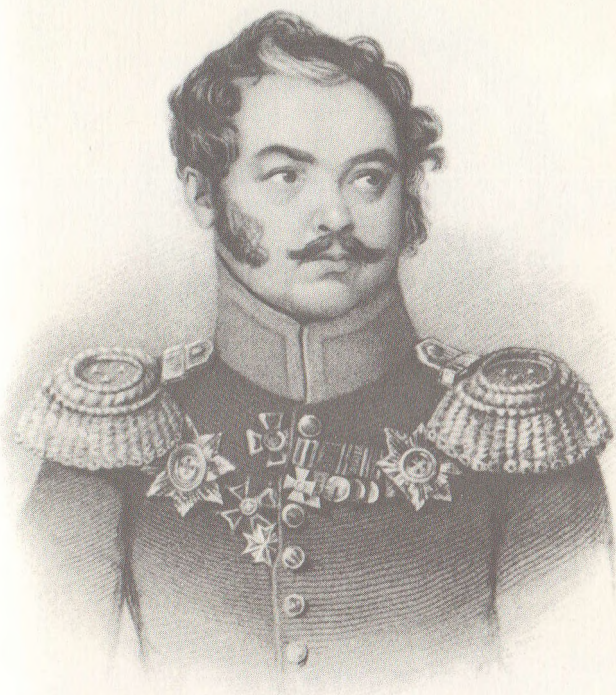
А. П. Сумароков

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

А. Ф. Мерзляков

Денис Давыдовъ

Д. В. Давыдов

А. А. Дельви́г

Н. Ермаков.

Н. М. Языков

Александръ Толмачевъ

А. И. Полежаев

Александр Кемурцянц.

А. А. Бестужев-Марлинский

Е. П. Ростопчина

Ф. Н. Глинка.

Ф. Н. Глинка

Е. Гребенка

Е. П. Гребенка

И. П. Мятлев

И. П. Мятлев

а. Кольцовъ.

А. В. Кольцов

Николай Щербина

Н. Ф. Щербина

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ
НА 1832^й ГОДЪ.

Содержащій въ себѣ Романсы и Русскія пѣсни, Выбранныя изъ Сочиненій
Жуковскаго, Пушкина, Козлова, Мерзаякова, Дельвига,
Загоскина, Хомякова, и друг.

Приложенныя на Голосъ съ Аккомпаниментомъ

ФОРТЕ-ПИАНО

и съ Прибавленіемъ разныхъ новѣйшихъ танцевъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается у Книгопродавца Колосова, въ Климонной вол. Анны подл. № 26, со Двѣмъ Балетомъ
Въ продажѣ у Колосова и Х. М. Смирнова.

Иван Иванович Козлов родился в 1779 году в Москве, умер в 1840 году в Петербурге. С 1798 года он служил в канцелярии московского генерал-прокурора, во время Отечественной войны 1812 года участвовал в организации обороны Москвы, с 1813 года жил в Петербурге, находясь на службе в департаменте государственных имуществ. В 1821 году Козлов ослеп. Тогда же началась его литературная деятельность: стихотворение «К Светлане» появилось в «Сыне отечества» (1821, № 44). Славу Козлову принесла его поэма «Чернец» (1825), а также переводы из Байрона, Томаса Мура и других английских поэтов. При жизни поэта вышли в свет: «Стихотворения Ивана Козлова». Спб., 1828 и «Собрание стихотворений Ивана Козлова». Спб., 1833 (2-е изд.—1834). Ч. 1 и 2. Многие из переводов Козлова стали популярными русскими песнями. Среди близких поэту людей был молодой А. Даргомыжский, написавший романс «Привет» на текст «Португальской песни». Музыку на слова его стихотворений писали также М. Глинка («Венецианская ночь»), М. Балакирев (то же), А. Алябьев («Вечерний звон» и «Прости, уж полночь...»), А. Гурилев («Воспоминание»), П. Воротников, А. Гречанинов, С. Монюшко, А. Рахманинов, В. Соколов, В. Золотарев, В. Ребиков и многие другие композиторы. На музыку положены 23 текста поэта. Особенно часто композиторы обращались к «Португальской песне» (9 романсов). В песенниках, кроме публикуемых, встречаются: «Сон невесты», «Сельская идиллия», «Заря погасла, — ветерки...», «Когда над сонною рекой...», «Ирландская мелодия» («На брань летит молодой певец...»), «Жалоба», «Обманутое сердце» и другие. Известен также «Романс» («Есть тихая роща...»), («Весенняя песнь» В. Соколова и хоры Н. Ладухина, А. Стрелинского).

234. К РАДОСТИ

О радость, радость, что же ты
 Нам скоро изменяешь
 И сердца милые мечты
 Так рано отнимаешь!

Зачем, небесная, летишь
Пернатую стрелою
И в мраке бедствия горишь
Далекою звездою!

Зачем же прелестью своей
Ты льешь очарованье
И оставляешь... светлых дней
Одно воспоминанье!

Минувшее с твоей мечтой
Как в душу ни теснится,
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Дух пылкий ею увлечен,
Дни счастья вспоминая;
Тревожит сердца тяжкий сон,
Тоски не улаждая.

Так месяц светит над рекой,
В струях ее играет
И блеск сребристо-золотой
Над ними рассыпает;

Река в сиянье пламя льет,
Горит его лучами —
И в море темное течет
Холодными волнами.

1823

235. ДОБРАЯ НОЧЬ

«Прости, прости, мой край родной!
Уж скрылся ты в волнах;
Касатка вьется, ветер ночной
Играет в парусах.
Уж тонут огненные лучи
В бездонной синеве...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебе!

Проснется день; его краса
Утешит божий свет;

Увижу море, небеса, —
А родины уж нет!
Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет;
Собака верная моя
Выть станет у ворот.

Ко мне, ко мне, мой паж молодой!
Но ты дрожишь, как лист?
Иль страшен рев волны морской?
Иль ветра буйный свист?
Не плачь: корабль мой нов; плыву
Уж я не в первый раз;
И быстрый сокол на лету
Не перегонит нас».

— «Не буйный ветер страшит меня,
Не шум угрюмых волн;
Но не дивись, сир Чальд, что я
Тоски сердечной полн!
Прощаться грустно было мне
С родимою, с отцом;
Теперь надежда вся в тебе
И в друге... неземном.

Не скрыл отец тоски своей,
Как стал благословлять;
Но доля матери моей —
День плакать, ночь не спать».
— «Ты прав, ты прав, мой паж молодой!
Как сметь винить тебя?
С твоей невинной простотой,
Ах, плакал бы и я!

Но вот и кормщик мой сидит,
Весь полон черных дум.
Иль буйный ветер тебя страшит?
Иль моря грозный шум?»
— «Сир Чальд, не робок я душой,
Не умереть боюсь;
Но я с детьми, но я с женой
Впервые расстаюсь!

Проснутся завтра на заре
И дети и жена;

Малютки спросят обо мне,
И всплачется она!»
— «Ты прав, ты прав! И как пенять,
Мой добрый удалец!
Тебе нельзя не горевать:
И муж ты, и отец!

Но я... Ах, трудно верить мне
Слезам прелестных глаз!
Любовью новою оне
Осушатся без нас.
Лишь тем одним терзаюсь я,
Не в силах то забыть,
Что нет на свете у меня,
О ком бы потужить!

И вот на темных я волнах
Один, один с тоской!
И кто же, кто по мне в слезах
Теперь в стране родной?
Что ж рваться мне, жалеть кого?
Я сердцем опустел,
И без надежд и без всего,
Что помнить я хотел.

О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам;
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!
Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!»

⟨1824⟩

236. ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах;
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем; их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;

Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок,
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет радостный свет,—
Листок зеленеет, а жизни в нем нет!..

⟨1824⟩

**237. НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА
СИРА ДЖОНА МУРА**

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почеть в ночь отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе:
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Не долго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;

И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

⟨1825⟩

238. ⟨ИЗ «НЕВЕСТЫ АБИДОССКОЙ»⟩

Любовник розы — соловей
Прислал тебе цветок сей милый,
Он станет песнею своей
Всю ночь пленять твой дух унылый.

Он любит петь во тьме ночей,
И песнь его дышит тоскою;
Но с обнадеженной мечтою
Споет он песню веселей.

И с думой тайною моей
Тебя коснется пеня сладость,
И напоет на сердце радость
Любовник розы — соловей.

⟨1826⟩

239. ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Когда пробьет печальный час
Полночной тишины
И звезды трепетно горят,
Туман кругом луны —

Тогда, задумчив и один,
Спешу я к роще той,
Где, милый друг, бывало, мы
Бродили в тьме ночной.

О, если в тайной доле их
Возможность есть душам
Слетать из-за далеких звезд
К тоскующим друзьям —

К знакомой роще ты слетишь
В полночной тишине,
И дашь мне весть, что в небесах
Ты помнишь обо мне!

И, думой сердца увлечен,
Ту песню я пою,
Которой, друг, пленяла ты
Мечтательность мою.

Унылый голос ветерок
Разносит в чуткой тьме,
В поляне веет и назад
Несет его ко мне.

А я... я верю... томный звук
От родины святой —
На песнь любимую ответ
Души твоей молодой.

<1826>

240. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. Вдмрв — ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

<1827>

241. БЕЗУМНАЯ

(Романс)

Меня жестокие бранят,
Меня безумной называют,
Спокойной, смиренной быть велят,
Молиться богу заставляют.
О, здесь, далеко от своих...
Покой бежит очей моих;
В чужой, угрюмой стороне
Нет сил молиться богу мне!

Но будь я там, где Дон родной
Шумит знакомыми волнами,
Где терем отческий, простой
В тени таится под дубами,
Там стану я покоя ждать,
Там стану бога умолять,
Чтоб, сжалясь над тоской моей,
Он мне конец послал скорей!

О, как мне, бедной, не тужить!
Ты, радость, и меня манила;
И я сбиралась в свете жить,
Была мила ему, любила
И в церковь божью вся в цветах
Пошла с румянцем на щеках;
И помню то, что с женихом
И я стояла под венцом.

Но гибнет радость навсегда;
К беде, к слезам я пробудилась,—
И ясная любви звезда
В кровавом облаке затмилась!
Сокрылся мой приветный свет,
Его ищу — его уж нет!
Ах, улетаю, ангел мой,
Что не взял ты меня с собой!

Егор Васильевич Аладьин (1796—1860) участвовал в Отечественной войне 1812 года, был чиновником в военном ведомстве, служил в Курской казенной палате и в различных столичных ведомствах. Одновременно он занимался литературной деятельностью: издавал «Невский альманах» (1825—1833, 1846—1847), «Подснежник» (1829—1830) и другие альманахи, с 1831 года — «Санктпетербургский вестник». Первое его выступление в печати: пьеса «Быль в баснословном рассказе — союз любви и славы» (Спб., 1821). При жизни Аладьина вышли в свет: сборник стихотворений «Мои досуги» (Спб., 1824), «Сочинения и переводы в прозе» (Спб., 1832), «Повести в двух частях» (Спб., 1833). Как поэт Аладьин — малопримечательная фигура, но публикуемое стихотворение приобрело некоторую известность в качестве песни.

242. ПЕСНЯ

Солнце скрылось за горами,
Вечер мрачный настает;
Над серебристыми водами
Ветерок прохладу льет.

Дремлет бор — лишь там над лугом,
Где ручей катит волну,
Соловей с любезным другом
Нарушают тишину.

Месяц полный, величавый,
Луч прорезав в облаках,
Среди темных дубравы
Отразился на водах.

Погруженный в мрачну думу,
Там, где крадется струя,
Там, древес внимая шуму,
Там мечтал безмолвно я.

Ты по-прежнему катишься,
Ручеек, между кустов;
Ах! почто не удалишься
Ты от этих берегов?

Быстро время то промчалось,
Как с Лилетой я гулял!
Сердце счастьем наслаждалось,
И я — всё позабывал.

Ручеек! ты был свидетель
Дней отрады и утех.
Время, грозный разрушитель,
Ты умчало игры, смех!

Что ж осталось? — Вспоминанья
Счастья, радости моей:
Мой удел — одни страданья,
Цепь печальных жизни дней.

<1824>

Михаил Александрович Дмитриев родился в 1796 году в селе Богородское Сызранского уезда Симбирской губернии, умер в 1866 г. Племянник известного поэта XVIII века, И. И. Дмитриева, Дмитриев начал печататься с 1815 года, сотрудничал в журналах «Атений» и «Галатее», «Вестник Европы» и «Московский вестник», в «Полярной звезде», в альманахах «Урания» и «Памятник отечественных муз», в 1840—1850-е годы — в «Москвитянине». Он основал литературное общество «Любителей громкого смеха», входил в кружок С. Раича, некоторое время участвовал в «Вольном обществе любителей российской словесности». Дмитриев в литературно-общественной жизни занимал консервативную позицию, в последние годы жизни примкнул к славянофилам, идеализировал патриархальную старину («Московские элегии». 1858). Известен он, главным образом, как автор мемуаров «Мелочи из запаса моей памяти» (1854). Из его стихотворений (изданы отдельной книгой — М., 1830; изд. 2 — М., 1865) лишь публикуемое приобрело популярность в качестве песни. Музыка к водевилю «Встреча дилижансов» и к прологу «Торжество муз» написал А. Верстовский (последнее — совместно с А. Алябьевым).

243. ПЕСНЯ

Сын бедный природы
Так песню певал:
«В давнишние годы
Я счастье знал!

В давнишние годы
Был мир веселей
И солнце и воды
Блистали светлей!

В то время и младость
Резвее была
И долее радость
Нам кудри вила.

И лес был тенистей
Стыдливой чете;
И розы душистей,
И люди не те!

Тогда к хороводу
Сбирались смелей
И пели природу
Средь диких полей.

В то время с весною
Любовь нас ждала,
В то время со мною
Подруга жила!»

<1824>

Дмитрий Владимирович Веневитинов родился в 1805 году в Москве, умер в 1827 году в Петербурге. Он получил разностороннее домашнее образование, был вольнослушателем в Московском университете, по окончании которого (1824 г.) служил в Московском архиве, затем (с 1826 г.) в Петербурге, в азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Веневитинов был одним из активных участников философского кружка «любомудров» и вошел в историю русской поэзии как автор философской и вольнолюбивой лирики, как талантливый переводчик Гёте. Стихотворения Веневитинова при его жизни собраны не были, изданы посмертно (М., 1829). На тексты Веневитинова создано несколько романсов: Н. Бахметьевым («Три розы»), А. Дерфельдтом («Домовой»), Т. Жучковским («К друзьям на Новый год»), С. Юферовым («И луг, и нива...») и другими композиторами. Малоизвестный факт в биографии Веневитинова: он был автором музыки одного из романсов на текст Пушкина («Ночной зефир»). В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «В бесценный час уединенья...», «В глухую степь земной дороги...», «Волшебница, как сладко пела ты...», «Что, Параша, так бледна?», «Супруги».

244. ПЕСНЬ ГРЕКА

Под небом Аттики богатой
Цвела счастливая семья.
Как мой отец, простой оратай,
За плугом пел свободу я.
Но турков злые ополченья
На наши хлынули владенья...
Погибла мать, отец убит,
Со мной спаслась сестра младая,
Я с нею скрылся, повторяя:
«За всё мой меч вам отомстит!»

Не лил я слез в жестоком горе,
Но грудь стеснило и светло;

Наш легкий челн помчал нас в море,
Пылало бедное село,
И дым столбом чернел над валом.
Сестра рыдала — покрывалом
Печальный взор полузакрыт;
Но, слыша тихое моление,
Я припевал ей в утешенье:
«За всё мой меч им отомстит!»

Плывем — и при луне сребристой
Мы видим крепость над скалой.
Вверху, как тень, на башне мшистой
Шагал турецкий часовой;
Чалма склонилась к пищали,
Внезапно волны засверкали,
И вот — в руках моих лежит
Без жизни дева молодая.
Я обнял тело, повторяя:
«За всё мой меч вам отомстит!»

Восток румянился зарею,
Пристала к берегу ладья,
И над шумящею волною
Сестре могилу вырыл я.
Не мрамор с надписью унылой
Скрывает тело девы милой —
Нет, под скалою труп зарыт;
Но на скале сей неизменной
Я начертал обет священный:
«За всё вам меч мой отомстит!»

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор как часто в шуме браней
Обет я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Всё, всё припомню в час ужасный;
И всякий раз, как меч блестит
И падает глава с чалмою,
Я говорю с улыбкой злою:
«За всё мой меч вам отомстит!»

1825

245. ПЕСНЬ КЛАРЫ

Стучат барабаны,
Свисток заиграл;
С дружиною бранной
Мой друг поскакал!
Он скачет, качает
Большое копьё...
С ним сердце мое!..
Ах, что я не воин!
Что нет у меня
Копья и коня!
За ним бы помчалась
В далеки края
И с ним бы сражалась
Без трепета я!
Враги пошатнулись —
За ними вослед...
Пощады им нет!..
О смелый мужчина!
Кто равен тебе
В счастливой судьбе!

Середина 1826

246. ПЕСНЬ МАРГАРИТЫ

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Где нет его,
Там всё мертво!
Мне день не мил
И мир постыл.

О бедная девица!
Что сбылось с тобой?
О бедная девица!
Где рассудок твой?

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

В окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Из дома ль иду я —
За ним я иду.

Высок он и ловок;
Величествен взгляд;
Какая улыбка!
Как очи горят!

И речь, как звон
Волшебных струй!
И жар руки!
И что за поцелуй!

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Всё тянет меня.
Всё тянет к нему.
И душно, и грустно.
Ах, что́ не могу

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, с уст его
Еще лобзанья рвать!

1826 или январь 1827

Степан Петрович Шевырев родился в 1806 году в Саратове, умер в 1864 году в Париже. Воспитывался и обучался Шевырев в Благородном пансионе при Московском университете (1818—1822), служил в Московском архиве коллегии иностранных дел, с 1834 до 1857 года читал лекционные курсы по истории и теории литературы в Московском университете. Шевырев состоял в кружке С. Раича, позднее — в кружке «любомудров»; в 1840—1850-е годы, будучи одним из виднейших представителей теории «официальной народности», оказался на реакционных позициях в литературно-общественной борьбе. Литературная деятельность Шевырева началась в 1820-е годы (первое опубликованное стихотворение — «К друзьям», альм. «Каллиопа». Труды благородных воспитанников Университетского пансиона. М., 1820. Ч. 4). Сотрудничал он в «Московском вестнике», «Москвитянине», возглавлял отдел критики в «Московском наблюдателе». Перу Шевырева принадлежат историко-литературные и теоретические труды («История поэзии», в 2-х томах (1835, 1892) «История русской словесности» в 4-х томах, (1835, 1846, 1858). Известность ему как поэту принесли его стихотворения «Я есмь» (1825) и «Мысль» (1826), вызвавшие сочувственные отклики Пушкина, Баратынского, Вяземского. Поэзию Шевырева высоко ценил Гоголь. Некоторые его стихотворения, написанные во второй половине 1820-х годов, приобрели популярность в качестве «цыганских песен». Об интересе его к русским народным песням свидетельствуют некоторые стилизации («Русская разбойничья песня» и др.). Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются «Как ты, египтянка, прекрасна...», «Участь моя горькая...» и «Супруги».

247. МОЙ ИДЕАЛ

Люблю не огонь твоих очей,
Не розы свежее дыханье,
Не звуки сладостных речей,
Не юных персей волнованье,—

Люблю я то в твоих очах,
Что в них огнем любви пылает;
Люблю я то в твоих речах,
Что их живит, одушевляет.

«Люблю», — ты молвишь, чуть дыша,
Любовь горит в твоём дыханье,
Трепещет вся твоя душа
При томном персей трепетанье.

Душа в улыбке неземной,
Душа в движеньях, в разговоре,
Душа в понятном светлом взоре:
Ты любишь, ты живешь душой!

Тебя одну я понимаю,
Ты душу поняла мою:
В тебе не прелесть обожаю,
Нет! душу я люблю твою.

<1825>

248. ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Добры люди, вам спою я,
Как цыганы жизнь ведут;
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.

Но мы песнями богаты,
Песня — друг и счастье нам:
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.

Песня всё нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.

<1828>

Видал ли ты, как пляшет египтянка?
Как вихрь, она столбом взвивает прах,
Бежит, поет, как дикая вакханка,
Ее власы как змеи на плечах...

Как песня вольности, она прекрасна,
Как песнь любви — она души полна,
Как поцелуй горячий, сладострастна,
Как буйный хмель — неистова она.

Она летит, как полный звук цевницы,
Она дрожит, как звонкая струна.
И пышет взор, как жаркий луч денницы,
И дышит грудь, как бурная волна.

<1828>

Николай Михайлович Коншин родился в 1793 году, умер в 1859 году в Омске. С 1805 по 1824 год он находился на военной службе, в Финляндии, где подружился с Баратынским, затем служил чиновником, занимался педагогической деятельностью в Костроме, Царском Селе, Твери, Москве, Ярославле, в Западной Сибири. Его первое печатное стихотворение — «Баратынскому» («Благонамеренный». 1820). Состоял в «Вольном обществе любителей российской словесности», сотрудничал в «Соревнователе просвещения и благотворения», в «Маяке», «Москвитянине», «Современнике». Будучи в Петербурге, в 1821—1822 годах сблизился с кружком Дельвига, где увлекались русскими народными песнями. Перу Коншина принадлежат: роман «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 г.» (Слб., 1834), ряд повестей, переводов и исторических сочинений, «Воспоминания о 1812 годе» и другие произведения. Посвящение стихотворения Коншина Баратынскому не случайно: он не только был в приятельских отношениях с поэтом, но и являлся его последователем. В творчестве Коншина отразилось то направление русского романтизма, которое эволюционировало в сторону славянофильства. Большинство элегий Коншина носит подражательный характер. Значительно интереснее его мелкие шуточные стихотворения и в особенности публикуемая песня, приобретающая большую популярность. «Колыбельную» из драмы Коншина «Кошка и мышка» (1858) положил на музыку Н. Рубинштейн (премьера — в Малом театре 13 января 1861 г.).

250. ПЕСНЯ

Век юный, прелестный,
 Друзья, улетит;
 Нам всё в поднебесной
 Изменой грозит;
 Летит стрелой
 Наш век молодой;
 Как сладкий сон,
 Минует он.

Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Затмится тоскою
Наш младости пир;
Обманет мечтою
Украшенный мир;
Бледнеет свет;
Что день, то нет
Мечты златой,
Мечты живой.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Как май ароматный —
Веселье весны;
Как гость благодатный
С родной стороны —
Так юность дней
Вся радость в ней;
Друзья, скорей
Всё в жертву ей.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

<1825>

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839), будучи студентом Московского университета, сблизился с Герценом и Огаревым. Одно время он был дружен и с А. Полежаевым. В июле 1834 года за сочинение публикуемой ниже песни Соколовский был арестован, заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда сослан в Вологду. Первое его печатное стихотворение — «Прощание» («Галатей». 1830, кн. 17). Известность он приобрел как автор поэмы «Мирозданье» (М., 1832). Стихотворения Соколовского печатались в «Современнике» (1837), «Библиотеке для чтения», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», «Утренней заре», но отдельным изданием не выходили. Перу Соколовского принадлежат также поэмы «Хеверь» (Спб., 1837), «Ода на разрушение Вавилона» (Спб., 1839) и «Альма» (не издана). Соколовский разрабатывал в своем творчестве философские проблемы (часто в религиозном духе) и писал вольнолюбивые песни. Герцен характеризует его как человека, имевшего «от природы большой поэтический талант», как автора «довольно хороших стихотворений».¹

251

Русский император
 В вечность отошел:
 Ему оператор
 Брюхо распорол.
 Плачет государство,
 Плачет весь народ:
 Едет к нам на царство
 Константин-урод.
 Но царю вселенной,
 Богу высших сил,
 Царь благословенный
 Грамотку вручил.
 Манифест читая,
 Сжалился творец:
 Дал нам Николая,
 С〈укин〉 〈сын!〉 Подлец!

1825

¹ Герцен А. И. Былое и думы // Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 8. С. 210.

Александр Иванович Полежаев родился в 1805 году в селе Рузаевке Инсаровского уезда Пензенской губернии, умер в 1838 году в Москве. По окончании словесного отделения Московского университета (1826 г.) Полежаев за сочинение вольнодумной поэмы «Сашка» был определен на военную службу, прослужил недолго унтер-офицером учебной команды Бутырского пехотного полка, но за самовольную отлучку был разжалован в рядовые. В качестве солдата Московского пехотного полка в 1829—1833 годы он принимал участие в войне на Кавказе, где общался с разжалованными декабристами. Несмотря на многократные ходатайства о присвоении ему офицерского звания, Полежаев как автор «дерзких» вольных сочинений находился в опале и был произведен в чин прапорщика только за несколько дней до смерти, прикованный неизлечимой болезнью к госпитальной койке. Литературная деятельность Полежаева началась в студенческие годы. При жизни поэта его сочинения издавались трижды: Стихотворения А. Полежаева (М., 1832); «Эрпели и Чир-Юрт. Две поэмы А. Полежаева» (М., 1832); «Кальян. Стихотворения А. Полежаева» (М., 1833). Некоторые его произведения (на музыку положено двенадцать текстов) стали песнями, а стихотворение «Сарафанчик» (с музыкой А. Гурилева) приобрело необыкновенную популярность. Особенно часто композиторы обращались к стихотворению «Признание» («В душе горит огонь любви...»), среди них — Ц. Кюи (1858) и другие (7 авторов). На текст «Видения» романс написал И. Рупини (1839). На стихи Полежаева несколько романсов создал П. Сокальский; музыку писали и другие, но преимущественно малоизвестные композиторы: В. Бакалейников, А. Виллунан, В. Главач, В. Соколов, М. Офросимов, Н. Рачинский, А. Размадзе, А. Шефер, В. Шпачек и др. Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются: «Как смешон...», «Табак», «Напрасное подозрение», «Непостоянство», «Любовь», «Там на небе высоко...». Увлечение поэта народными песнями отразилось в его стихотворениях «Казак», «Ночь на Кубани», «Русские песни» и др.

Я умру! на позор палачам
 Беззащитное тело отдам!
 Равнодушно они
 Для забавы детей
 Отдирать от костей
 Будут жилы мои!
 Обругают, убьют
 И мой труп разорвут!

Но стерплю! не скажу ничего,
 Не наморщу чела моего!
 И, как дуб вековой,
 Неподвижный от стрел,
 Неподвижен и смел
 Встречу миг роковой
 И, как воин и муж,
 Перейду в страну душ.

Перед сонмом теней воспою
 Я бесстрашную гибель мою.
 И рассказ мой пленит
 Их внимательный слух,
 И воинственный дух
 Стариков оживит;
 И пройдет по устам
 Слава громким делам.

И рекут они в голос один:
 «Ты достойный прапрадедов сын!
 Совокупной толпой
 Мы на землю сойдем
 И в родных разольем
 Пыл вражды боевой;
 Победим, поразим
 И врагам отомстим!»

Я умру! На позор палачам
 Беззащитное тело отдам!
 Но, как дуб вековой,
 Неподвижный от стрел,
 Я недвижим и смел
 Встречу миг роковой!

Между 1826 и 1828

Зачем задумчивых очей
 С меня, красавица, не сводишь?
 Зачем огнем твоих речей
 Тоску на душу мне наводишь?
 Не припадай ко мне на грудь
 В порывах милого забвенья —
 Ты ничего в меня вдохнуть
 Не можешь, кроме сожаленья!
 Меня не в силах воспалить
 Твои горячие лобзанья,
 Я не могу тебя любить —
 Не для меня очарованья!
 Я был любим и сам любил —
 Увял на лоне сладострастья
 И в хладном сердце схоронил
 Минуты горестного счастья;
 Я рано сорвал жизни цвет,
 Всё потерял, всё отдал Хлое, —
 И прежних чувств и прежних лет
 Не возвратит ничто земное!
 Еще мне милы красота
 И девы пламенные взоры,
 Но сердце мучит пустота,
 А совесть — мрачные укоры!
 Люби другого: быть твоим
 Я не могу, о друг мой милый!..
 Ах, как ужасно быть живым,
 Полуразрушась над могилой!

<1828>

254. ЧЕРНАЯ КОСА

Там, где свистящие картечи
 Метала бранная гроза,
 Лежит в пыли, на поле сечи,
 В три грани черная коса.
 Она в крови и без ответа,
 Но тайный голос произнес:
 «Булат, противник Магомета,
 Меня с главы девицей снес!

Гордясь красой неприхотливой,
В родной свободной стороне
Чело невинности стыдливой
Владело мною в тишине.
Еще за час до грозной битвы
С врагом отечественных гор
Пылал в жару святой молитвы
Звезды Чир-Юрта ясный взор.
Надежда храбрых на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прах веленьем рока
Скатилась с юного чела!
Оставь меня!.. Кого лелеет
Украдкой нежная краса,
Тому на сердце грусть навеет
В три грани черная коса...»

1831

255

У меня ль, молодца,
Ровно в двадцать лет
Со бела со лица
Спал румяный цвет,

Черный волос кольцом
Не бежит с плеча,
На ремне золотом
Нет грозы-меча;

За железным щитом
Нет копья-огня,
Под черкесским седлом
Нет стрелы-коня;

Нет перстней дорогих
Подарить милóй!
Без невесты жених,
Без попа налой...

Расступись, расступись,
Мать сыра земля!

346

Прекратись, прекратись,
Жизнь, тоска моя!

Лишь по ней, по милбй,
Красен белый свет;
Без милбй, дорогой
Счастья в мире нет!

⟨1831⟩

256. ГРУСТЬ

На пиру у жизни шумной,
В царстве юной красоты
Рвал я с жадностью безумной
Благовонные цветы.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерял
И душевной укоризны,
Может быть, не избежал.
Отчего ж не с сожаленьем,
Отчего — скажите мне, —
Но с невольным восхищеньем
Вспомнил я о старине?
Отчего же локон черный,
Этот локон смоляной,
День и ночь, как дух упорный,
Всё мелькает предо мной?
Отчего, как в полдень ясный
Голубые небеса,
Мне таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голос сладкой,
Этот голос неземной,
Льется в душу мне украдкой
Гармонической волной?
Что тревожит дух унылый,
Манит к счастью меня?
Ах, не вспыхнет над могилой
Искра прежнего огня!
Отлетели заблуждений
Невозвратные рои —
И я мертв для наслаждений,
И угас я для любви!

Сердце ищет, сердце просит
После бури уголка;
Но мольбы его разносит
Безотрадная тоска!

1834

257. САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечером —
Сарафанчик,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
Разорвала я, шутя,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;
Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
Оставляю навсегда,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

1834

258. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Разлюби меня, покинь меня,
Доля, долюшка железная!
Опротивела мне жизнь моя,
Молодая, бесполезная!

Не припомню я счастливых дней —
Не знал я их с младенчества!
Для измученной души моей
Нет в подсолнечной отечества!

Слышал я, что будто божий свет
Я увидел с тихим ропотом,
И потом житейских бурь и бед
Не избегнул с горьким опытом.

Рано-рано ознакомился
Я на море с непогодю;
Поздно-поздно приготовился
В бой отчаянный с невзгодю!

Закатилась звезда моя,
Та ль звезда моя туманная,
Что следила завсегда меня,
Как невеста нежеланная!

Не ласкала, не лелеяла,
Как любовница заветная,
Только холодом обвеяла,
Как изменница всесветная!

<1836>

Владимир Иванович Панаев родился в 1792 году, умер в 1859 году. Дядя И. И. Панаева (см. т. 2. С. 74). По окончании Казанского университета Панаев служил в Министерстве юстиции, в комиссии духовных училищ при Синоде, с 1832 года — директором канцелярии Министерства императорского двора. Как действительный член Российской академии и Русского географического общества, почетный член Академии художеств и «Вольного Общества любителей российской словесности», пользовался поддержкой официальных кругов. Первые его литературные произведения (идиллии) появились в Казани в 1815 году. В 1817 году он начал печататься в журналах «Сын отечества» и «Благонамеренный». Перу Панаева принадлежат «Идиллии» (Спб., 1820), рассказы, повести и «Воспоминания», свидетельствующие о консервативных взглядах автора («Вестник Европы». 1867, № 9—12; «Русская старина». 1892, № 11, 12, 1893, № 2, 5). Его поэзия, отмеченная чертами эпигонства, получила отрицательную оценку в среде прогрессивно настроенных писателей 1820—1830-х годов. Из многочисленных произведений Панаева только одно, публикуемое, стихотворение стало песней.

259. РАССТАВАНЬЕ

«Не спеши, моя красавица, постой:
Мне нѣ долго побеседовать с тобой;

Оберни ко мне прекрасное лицо,
Есть еще к тебе заветное словцо:

Скажи, любишь ли ты, молодца, меня
И каков кажусь тебе удалый я?»

(Лицо девицы-красавицы горит,
Потупивши ясны очи, говорит:)

«Не пристало мне ответ такой держать.
И пригожество мужское разбирать!»

— «Не спросил бы я, да вот моя беда:
Я собираюсь в понизовы города;

Волгой-матушкой в расшиве погулять,
На чужбине доли, счастья поискать».

(Помутился вдруг девицы светлый взгляд;
Побледнела, словно тонкий белый плат.)

— «Уж зачем бы меня, девицу, пытаться,
Коли едешь, коли вздумал покидать?»

Видит бог, как я любила молодца!
Может, больше — грех и молвить — чем отца!

Всё на свете за него бы отдала!
Да ему, уж видно, стала не мила!»

— «Ты мила мне пуще прежнего теперь;
Не словам — хотя божбе моей поверь.

Для тебя же я собираюсь в дальний путь,
Чтоб трудами выйти в люди как-нибудь;

Чтоб, вернувшись, быть на родине в чести;
Чтоб смелее от венца тебя вести.

Понизовые привольные края:
Не последний за другими буду я».

— «Волга-матушка бурлива, говорят;
Под Самарою разбойники шалят;

А в Саратове девицы хороши:
Не забудь там красной девицы-души!»

— «Не боюсь я Волги-матушки валов,
Стеньки Разина снаряженных стругов!

Не прельстит меня ничья теперь краса,
Ни такие ж с поволокою глаза;

Страшно только мне вернуться невпопад:
Тот ли будет на тебе тогда наряд?»

Встретишь молодца ты в ленте золотой
Или выдешь на крылечко под фатой?»

— «Коли шутишь — не до шуток мне — до слез;
Коли вправду — кто ж так девицу обнес?»

С кем иным, как не с тобою, молодцом,
Поменяюсь обручальным я кольцом?

Для кого блюла девичью красоту,
Для того и русу косу расплету;

Гробовой скорей покроюсь пеленой,
Чем, без милого, узорчатой фатой».

⟨1826⟩

Платон Григорьевич Ободовский родился в 1803 году в Галиче, умер в 1864 году в Петербурге. Служил он в Коллегии иностранных дел (1823 г.), затем в разных учебных заведениях Петербурга, состоял в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. Первые литературные опыты Ободовского относятся к гимназическим годам. Он сотрудничал в журналах «Полярная звезда», «Благонамеренный», «Северная пчела», «Сын отечества», в «Литературной газете», в альманахе «Северные цветы» и в «Невском альманахе». Известность поэт приобрел в качестве переводчика и автора драматических произведений («Велизарий», «Заколдованный дом», «Отец и дочь», «Боярское слово» и др.; всего им написано 26 пьес). Стихотворная деятельность Ободовского относится к 1820—1830-м годам. В поэзии он следовал отчасти Жуковскому, писал «кантаты», дидактические послания, элегии, баллады, несколько стихотворений создал в жанре «русской песни» и романса. Отдельным изданием стихотворения Ободовского не выходили, но пользовались вниманием композиторов. На текст стихотворения «Гроб» романс написал Алябьев, на тексты «Палермо» и «Финский залив» — Глинка, текст «Песни грека» положили на музыку А. Варламов и В. Соколов. Глинка написал также хор на слова «Прощальной песни воспитанниц Екатерининского института».

260. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди.

Слышишь — трубы звучат...
Пыль клубится вдали.
Из чужбины притекли
Со знаменами отчизны
Вои русския земли.

Их сверкают щиты,
Также знамя шумит.

Что же грудь твоя дрожит?
Ах! под знаменем кровавым
Милый друг твой не стоит.

Сокрушили его
Вражьи копыта, мечи!
Пред иконою в ночи
Ты не жги до бела утра
Воску ярого свечи.

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди!

<1826>

261. ПЕСНЯ

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг твой на войне,
Что носится он по полю
На вороном коне.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг в чужой земле,
Что мчится милый по морю
На быстром корабле.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг твой под землей,
Что заживо идет во гроб
За серебряной струей.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг в могиле твоей;
До гроба он любил тебя,
Дышал одной тобой.

Ты слезы лей, красавица!
Друг в тереме чужом;
Забыл тебя! — С невестой он
За княжеским столом.

<1829>

Семен Егорович Раич родился в 1792 году в селе Рай-Высоком Кромского уезда Орловской губернии, умер в 1855 году в Москве. Фамилию «Раич» он принял (по месту рождения) в духовной семинарии (по отцу — Амфитеатров). Он окончил словесное отделение Московского университета, преподавал русскую словесность в Богородном пансионе при Московском университете и в других учебных заведениях, был учителем М. Лермонтова и Ф. Тютчева. Раич состоял в «Союзе благоденствия», возглавлял в пансионе литературный кружок «Общество молодых любителей литературы», близкий по направлению к «любомудрам», издавал альманахи «Новые Аониды», «Северная лира» (совместно с Д. Ознобишиным), журнал «Галатеея». Первый литературный опыт Раича — перевод «Георгик» Вергилия (М., 1821), но прославился он в качестве переводчика «Освобожденного Иерусалима» Тассо (М., 1828) и «Неистового Орlando» Ариосто (М., 1831—1837, пять песен). Как поэт Раич принадлежал к романтическому направлению, большая часть его лирических произведений написана в 1820—1830-е годы. Его перу принадлежит поэма «Арета». Стихотворения Раича публиковались в «Новых Аонидах» (1823), «Урании» (1826), «Северной лире» (1827), позже — в «Москвитянине», отдельно же не издавались. Перу Раича принадлежит несколько песен; с его именем современниками связывалась песня «Крамбамбули», хотя принадлежность ее Раичу сомнительна. Он — автор «Прощальной песни в кругу друзей». В кружке Раича часто исполнялись народные песни и романсы.

262. ДРУЗЬЯМ

Не дивитесь, друзья,
 Что не раз
 Между вас
 На пиру веселом я
 Призадумывался.

Вы во всей еще весне;
Я почти
На пути
К темной Орковой стране
С ношей старческой.

Вам чрез горы, через лес
И пышной,
И милей
Светит солнышко с небес
В утро радостное.
Вам у жизни пировать;
Для меня
Свету дня
Скоро вовсе не сиять
Жизнью сладостною.

Не дивитесь же, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.
Я чрез жизненну волну
В челноке
Налегке
Одинок плыву в страну
Неразгаданную.

Я к брегам бросаю взор —
Что мне в них,
Каждый миг
От меня, как на позор,
В мгле скрывающихся?!
Что мне в них?.. Я молод был,
Но цветов
С тех берегов
Не срывал, венков не вил
В скучной молодости...

Я плыву и — наплыву
Через мглу
На скалу
И сложу мою главу
Неоплаканную.

И кому над сиротой
Слезы лить
И грустить?
Кто на прах холодный мой
Взглянет жалостливо?!
Не дивитесь, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.

⟨1826⟩

Федор Антонович Туманский родился в 1799 году на Украине, умер в 1853 году в Белграде (Сербия). Окончил отделение словесности Московского университета (1821), служил в департаменте духовных дел, затем стал дипломатом. Служа консулом в Яссах, сблизился с Пушкиным, сосланным в Бессарабию. Участвуя в литературной жизни, примыкал к кружку Дельвига. Первое опубликованное стихотворение Туманского — «Родина» («Соревнователь просвещения». 1823). В 1825—1830 годах он сотрудничал в альманахе «Северные цветы», где напечатано девять его элегий в романтическом стиле. Помещенное ниже стихотворение принесло поэту широкую известность, включалось в хрестоматии, входило в репертуар детских хоров.

263. ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певичу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сиянье голубого дня,
И так запела, улетаая,
Как бы молилась за меня.

<1827>

Алексей Степанович Хомяков родился в 1804 году в Москве, умер в 1860 году в селе Ивановское Данковского уезда Рязанской губернии. Он получил превосходное домашнее образование, одним из учителей будущего поэта был А. Мерзляков. Хомяков служил в конном лейб-гвардии полку в Петербурге (1822—1825), участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, по окончании которой вышел в отставку и поселился в Москве. Первые печатные произведения Хомякова появились в 1826 году. Его перу принадлежат трагедии «Ермак» (1827) и «Димитрий Самозванец» (1833), прозаические произведения, лирические стихи, проникнутые славянофильской идеологией. Многие произведения Хомякова (23 текста) положены на музыку, среди них «Песнь лодочника» (А. Варламовым); «Заря», «Беззвездная полночь дышала прохладой...», «7 ноября», «Ноктюрн» (М. Балакиревым); «Подвиг», «Вчерашняя ночь была так светла...» (П. Чайковским); «Воскресение Лазаря» (С. Рахманиновым); «Вечерняя песня» (С. Танеевым, А. Гречаниновым); «Желание», «Прелестная песнь полуденной страны...», «Певец» (А. Аренским); «Русская песня» («Гой, красна земля Володимира»), «Элегия» («Когда вечерняя спускается роса...») (С. Ляпуновым) и другие. На текст стихотворения «Nachtstück» создано несколько романсов (Аренским, Балакиревым, С. Донауровым, С. Ляпуновым, Чайковским).

264. <ИЗ ТРАГЕДИИ «ЕРМАК»>

О чем, скажи, твое стенанье
И безутешная печаль?
Твой умер друг или изгнанье
Его умчало в синю даль?

Когда б он был в стране далекой,
Я друга бы назад ждала,
И в скорбях жизни одинокой
Надежда бы еще цвела.

Когда б он был в могиле хладной,
Мои бы плакали глаза,
А слезы в грусти безотрадной —
Небес вечерняя роса.

Но он преступник, он убийца,
О нем и плакать мне нельзя.
Ах, растворишь, моя гробница,
Откройся, тихая земля!

1827

265

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.

Есть у *подвига* крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

Начало 1859

Василий Иванович Туманский родился в 1800 году в селе Чарториги Глуховского уезда Черниговской губернии, умер в 1860 году в селе Апанасовке Гадячского уезда Полтавской губернии. Учился Туманский в Харьковской гимназии, затем в Петропавловском училище в Петербурге и в Collège de France (Париж), служил в канцелярии М. С. Воронцова в Одессе, был на дипломатической службе (до 1840 г.), а затем помощником статс-секретаря Государственного совета (по 1846 г.). Состоял в «Вольном обществе любителей российской словесности», был близок к декабристским кругам. Он сотрудничал во многих периодических изданиях 1820—1840-х годов, как поэт принадлежал к романтическому направлению в русской поэзии. Первое его печатное стихотворение — «Поле Бородинского сражения» («Сын отечества». 1817, № 50). На слова стихотворения Туманского «Звено» («Былых страстей, былых желаний...») романс написал М. Балакирев. Несколько своих стихотворений поэт озаглавил как песни (цикл 1818 г.: «Друг веселый, неизменный...» и др.), некоторые написал в жанре романса («Когда все пирует и блещет вокруг...», на музыку положили И. Романус и Д. Соломирский). На текст «Наяву и во сне» романс написал В. Радивилов. Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются: «Зачем в душе моей волненье...», «Когда все пирует и блещет вокруг...».

266. ПРЕКРАСНЫМ ГЛАЗАМ

Большие глаза, голубые глаза!
Вам юношу долго ль томить?..
Вам долго ль сверкать, привлекать, а потом
Любви безответными быть?..

По целым часам примечаю я вас:
Вам свет благосклонней луны;
Гляжу и готов я дать клятву сто раз:
Вы нежного чувства полны.

Но только что вспыхну, но только уста
Дрожа залепечут: «Люблю» —
Беспечный ваш блеск, тишина, чистота
Отъемяют надежду мою.

Большие глаза, голубые глаза,
О, сбросьте завесы свои,
От страстно, глубоко горящей души
Примите хоть искру любви.

Блесните слезой, отуманьтесь слезой,
А после прогляньте, глаза,—
Да, в светлом восторге паря над землей,
Увижу я в вас небеса.

<1827>

267. ДЕВА

Как мила ее головка
В белом облаке чалмы!
Как пристало ей раздумье
В томный час вечерней тьмы!

Как роскошно алой тканью
Обрисован гибкий стан!
Скажешь: розами одета,
Скажешь: гость волшебных стран.

А глаза — живые звезды —
Что за нега и краса:
В них сквозь влагу брызжут искры,
Сквозь огонь блестит роса.

Это гурия Пророка,
Предвещающая рай;
О гяур! Гляди на деву
И желанием сгорай!

1836

Посвящена А. О. Смирновой

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно,
А эти не глядят, а взглянут
Так — словно царь властительный.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы,
А то и слез не стало бы.

Те укрощали жизни волны,
Светили мирным счастьем,
А эти бурных молний полны
И дышат самовластьем.

Но увлекательно, как младость,
Их юное могущество,
О! я б за них дал славу, радость
И всё души имущество.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Хоть эти сердцу не родные,
Хоть эти непокорные.

Между 1839 и 1842

Дмитрий Петрович Ознобишин родился в 1804 году в селе Троицкое Карсунского уезда Симбирской губернии, умер в 1877 году в Кисловодске. Учился он в Благородном пансионе при Московском университете, служил на почтамте, затем — смотрителем и попечителем училищ и гимназий Симбирской губ., много странствовал по России и другим странам, что отразилось в его творчестве. Первые литературные опыты Ознобишина относятся к концу 1810-х годов; его стихотворение «Старец» появилось в «Вестнике Европы» (1821, № 4). Он печатался в журналах «Галатей» (1829—1830), «Молва», «Современник», в «Отечественных записках» (1839), «Москвитяине», «Московском вестнике», «Московском наблюдателе» и других изданиях. Находясь в русле романтической поэзии и увлекаясь фольклором (он сотрудничал с П. Киреевским и собрал много народных песен), Ознобишин создал несколько стихотворений, сочувственно принятых современниками и ставших песнями, перевел несколько греческих народных песен. Известность он приобрел переводами из поэтов Востока и Западной Европы. Отдельным изданием его оригинальные стихотворения не выходили, многие остались при жизни ненапечатанными.¹ Восемь его стихотворений положены на музыку. В 1822 году он сочинил текст для хора выпускников Благородного пансиона (был исполнен тогда же с музыкой Н. Кубишты). На текст стихотворения «Любила я» романс написал П. Макаров (1831); «Ясны очи, черны очи...» («Галатей». 1829, № 44) на музыку положил А. Алябьев (1834), «Прости на долгую разлуку» («Молва». 1834) — Н. А. Титов и Петр Булахов. На текст стихотворения «Тайна» («Современник». 1847) романс написал Н. Римский-Корсаков. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Безмолвна ты...», «Кто этот всадник дивный в лете...», «Полюби меня, девица...», «Я был малютка, она ж — в своей весне...» («Из Шенье»).

---

¹ См. публикацию по автографам: Русские поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2 (Б-ка поэта, БС).

Зачем на краткое мгновенье
 В сей жизни нас судьба свела,
 Когда иное назначенье,
 Нам розный путь она дала?

Твой робкий взгляд, живые речи —
 Всё, всё я, милый друг, понял.
 Я запылал от первой встречи
 И тайны сердца разгадал.

В другой стране — вдали я буду,
 Меня легко забудешь ты!
 Но я — я сохраню повсюду
 Твои небесные черты.

Так грубый мрамор сохраняет
 Черты волшебного резца,
 И вдохновенная сияет
 В нем мысль художника-творца.

*30 ноября 1827
 Москва*

270. ЧУДНАЯ БАНДУРА

Гуляет по Дону казак молодой;
 Льет слезы девица над быстрой рекой.

«О чем ты льешь слезы из карих очей?
 О добром коне ли, о сбруе ль моей?»

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
 Я, милая сердцу, просватал тебя?»

— «Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
 С тобой обручили охотой меня!»

— «Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
 Иль милого брата? Пугает ли даль?»

— «С отцом и родимой мне век не пробыть;
 С тобой и далече мне весело жить!»

Грущу я, что скоро мой локон златой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь мою руку цыганка взяла

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: „Утонешь в день свадебный свой!“»

— «Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу верст;

Поедешь к венцу ты — я конников дам;
Вперед будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал...

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой».

Апрель 1835

Михаил Николаевич Загоскин родился в 1789 году в с. Рамзай Пензенской губернии, умер в 1852 году в Москве. Загоскин получил домашнее образование в дворянской усадьбе. После Отечественной войны 1812 года, в которой участвовал в качестве ополченца, служил в Петербурге (в Публичной библиотеке и в дирекции театров), издавал журнал «Северный наблюдатель». С 1823 года он жил в Москве, работал в дирекции московских театров (с 1831 г. возглавлял ее). Загоскин писал комедии и исторические повести и романы. Известность ему принес «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), высоко оцененный Пушкиным и Белинским. Направленность его литературной деятельности в целом была консервативной. На сюжеты некоторых его произведений композитором А. Верстовским были созданы одноименные романтические оперы, арии и песни из которых пользовались популярностью: «Пан Твардовский» (1828), «Аскольдова могила» (1835), «Тоска по родине» (1839). На текст стихотворения Загоскина «Ах, прошли, прошли...» романс написал А. Варламов. Кроме публикуемой песни, были популярны песня Торопки Голована «Уж как веет ветерок...» из «Аскольдовой могилы», а также песни из той же оперы — «В старину живали деды...» и «Близко города Славянска...»¹.

271. <ИЗ ЛИБРЕТТО К ОПЕРЕ «ПАН ТВАРДОВСКИЙ»>

Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Но счастливей, веселей
Всех вельмож могучих.
Наши деды и отцы
Нам примером служат,
И цыгане-молодцы
Ни о чем не тужат.

¹ Эти песни включались в песенники и антологии русских народных песен. Последнюю из названных песен см.: «Русские народные песни» М.; Л., 1937. Сб. 3; фольклоризованный вариант: «Русские народные песни Красноярского края». М., 1959. Вып. 1, № 10.

Гей, цыгане, гей, цыганки!
Живо, веселее!

Мы на горе не глядим —
Всё весельем сносим,
Хоть по суткам не едим —
Но не жнем, не косим.
Вместе с солнцем мы встаем
Для дневной работы,
Лишь проснемся — и поем:
Нет у нас заботы!

Гей, цыгане, гей, цыганки!
Живо, веселее!

У цыганов круглый год
Праздник — новоселье,
Им покров — небесный свод,
А земля — постели.
Зимний холод — не беда,
Вкруг огня запели —
И не страшны им тогда
Вьюги и метели.

Гей, цыгане, гей, цыганки!
Живо, веселее!

1828 (?)

Николай Андреевич Кашинцов родился в 1799 году в селе Юрчаково Владимирской губернии, умер в 1870 году в своем имении близ города Шуя. Он был вольнослушателем Московского университета (1819—1822), в 1820-е годы вел светский образ жизни, завел знакомства с многими профессорами и писателями Москвы, с другом Пушкина — П. В. Нащокиным, сдружился с братьями Н. А. и К. А. Полевыми, с композитором А. А. Алябьевым, на некоторых литераторов производил впечатление доброго и вольнолюбивого человека. Вместе с тем он писал официозные и верноподданнические стихи по поводу различных торжественных случаев в политической жизни страны (коронация Николая I, прибытие в Россию в 1829 году персидского чрезвычайного посла, визит Николая I в 1830 году в Москву и т. п.). Позже, в 1830—1840-е годы, общительностью Кашинцова и его осведомленностью о жизни литераторов воспользовалась царская политическая полиция: в 1832 году он стал тайным агентом III Отделения, куда был зачислен «для наблюдения за всеми выходящими в Москве периодическими изданиями», с 1841 года служил там же чиновником «особых поручений» (до отставки в 1850 г.). В своих донесениях Л. В. Дубельту порочил многих литераторов (М. П. Погодина, Н. Ф. Павлова, В. Ф. Одоевского, Н. А. Некрасова и др.). Посредственный поэт, он был бы забыт в истории русской литературы, если бы не написал принесшее ему известность в передовых кругах общества стихотворение, положенное на музыку А. А. Алябьевым.

272

Ты прости, наш соловей,
Голосистый соловей!
Тебя больше не слышать,
Нас тебе уж не пленять.

Не от лютыя зимы,
Соловей, несешься ты,
Не веселый край сманил,
Но злой рок тебя сгубил.

Твоя воля отнята,
Крепко клетка заперта.
Ах, прости, наш соловей,
Голосистый соловей.

Песню нам прощальну спой,
Пусть волшебный голос твой
Перелетом ветерка
Нас пленит издалека.

(1828)

Даты рождения и смерти Федора Алексеева и какие-либо сведения о его жизни не установлены. Он сотрудничал в журнале «Московский телеграф» и других изданиях 1820—1840-х годов. Некоторую известность приобрел повестью в стихах «Чека. Уральская повесть» (М., 1828).

273

Меня покинули желанья,
Я разуверился вполне,
Одна печаль, одни страданья
Теперь в сердечной глубине.

Исчезла пламенная сладость
Любви и юности живой:
Уж не волнует сердце радость
И сны поэзии благой.

Как тень, как образ привиденья,
Как надмогильные огни,
С волшебной негой вдохновенья
В груди потухнули они.

Лишь в память их очарованья,
На дне сердечной пустоты,
Одни души воспоминанья,
Одни остались мечты.

(1828)

Иван Иванович Веттер родился в 1796 году, дата его смерти не установлена. Сведения о нем скудны. Происходил он «из штаб-офицерских детей», в 1811—1816 годах служил в Петербурге, в экспедиции государственных доходов и в счетной экспедиции Адмиралтейства. С 1822 года жил в Тобольске, где был переводчиком при Сибирском почтамте.¹ Предположение М. К. Азадовского, что Веттер отбывал в Тобольске ссылку, не подтверждается «формулярным списком» Веттера.² В Тобольске Веттер сблизился с высланным туда Алябьевым, который положил на музыку три стихотворения поэта: «Иртыш», «Сибирскую песню» («Душистая ягодка, спелая княжничка...») и «Прощание с соловьем на Севере». Последнее стихотворение написано Веттером в сентябре 1831 года в связи с предстоящим отъездом Алябьева на Кавказ, тогда же композитор написал романс, который был исполнен на прощальном концерте.³ Веттеру приписывается текст песни «Как в кованой клетке дубравная птица...» («Песни сибирских казаков». Спб., 1916. Вып. 1, № 16).

274. ИРТЫШ

Певец молодой, судьбой гонимый,
 При бреге быстрых вод сидел,
 И, грустью скорбною томимый,
 Разлуку с родиной он пел:

«Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
 Несите грусть мою с собой,
 А я, лишенный здесь свободы,
 Дышу для родины драгой.

Для родины, для сердцу милой,—
 Я в них всё счастье имел,

¹ «Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи... на 1829 год». Спб., 1829. Ч. 1. С. 697.

² Штейнпресс Б. А. А. Алябьев в изгнании. М., 1959. С. 29.

³ Текст см.: там же. С. 56.

В кругу родных, всегда любимый,
Где радости одни я пел.

Шуми, Иртыш, струитесь, воды...» и т. д.

Теперь поет одну разлуку
Судьбой расторгнутых сердец
И грусть свою вверяет звуку
Уж не на родине певец...

«Шуми, Иртыш, струитесь, воды...» и т. д.

Умолк — и вежды окропились,
Как блеклый лист живой росой,
И струи вод соединились,
Как с перлом, — с чистою слезой.
«Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
Несите грусть мою с собой,
А я, лишенный здесь свободы,
Дышу для родины драгой».

(1828)

Даты рождения и смерти Дмитрия Васильевича Раевского установить не удалось. Его имя упоминается в «Месяцеслове с росписью чиновных особ, или Общем штате Российской империи на 1829 год» (Ч. 2. С. 369). Известно, что он был лекарем Енисейского округа, печатал стихи в «Енисейском альманахе», издававшемся в Красноярске. Публикуемый его «Романс» с музыкой отбывавшего в Сибири ссылку А. Алябьева был очень популярным в первой половине XIX века.

275. РОМАНС

«Что грустишь ты, одинокой,
Полно, странник, слезы лить».
— «Ах! от родины далеко
Чем себя мне веселить?»
— «Посмотри, как здесь прекрасно:
Вся природа весела!»
— «Не теряй слова напрасно:
Радость сердца отцвела!»
— «Посмотри — людей здесь много;
В них найдешь себе друзей».
— «С милыми простясь надолго,
Я отрекся от людей».
— «Думы черные рассея,
С нами веселись, пришлец!»
— «Близких сердцу не имея,
Я меж вас — живой мертвец».

(1828)

Борис Михайлович Федоров (1794—1875) — драматург, переводчик, поэт, автор пользовавшихся в свое время известностью стихотворений для детей, писал также оды, сатиры, басни, романсы, элегии, баллады. Его первое печатное стихотворение — «Донской казак, возвратившийся в свое отечество после подвига ратного» (1813). В литературной борьбе Федоров занимал консервативные позиции, выступал против «Полярной звезды», издавал журнал «Кабинет Аспазии» (1815), «Памятники отечественных муз» (1826—1827). Вместе с тем он поддерживал крестьянских поэтов М. Суханова, Е. Алипанова, Ф. Слепушкина и других. С этим связаны и его опыты в жанре «русской песни». Сборники его произведений издавались дважды: «Опыты в поэзии» (1818, часть I; вторая в свет не вышла) и «Эзоповы басни в стихах» (1829). На текст стихотворения «Кто она» («Я не скажу вам, кто она...») романс написал Н. А. Титов (1831).

276

Что мне нѹжды,
Кто бы ни был милый мой?
Властно ль сердце,
Чтоб по выбору любить?
Не за счастье,
За богатство ты мое —
Полюби меня
За верную любовь.
Много добрых
И богатых есть людей,
Но один лишь
Показался всех милей!
Без него
Мне красный вешний день
Зимней ночи
Не светлей и не грустней.

И с богатством
Можно век провесть в слезах,
И при золоте
С печали умереть!
Не богатство нам,
А милый дорог друг,
И не золото,
А милого любовь.

⟨1828⟩

277. СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Что ты рано, моя пташечка,
Проснулась?
Что, касатка, белой грудью
Встрепенулась?
Али сердце по дружочке
Встосковалось?
Аль под крылышко милова
Дожидаешь?
Спозаранья ярко звездочка
Мелькала,
Рано солнышко на небе
Разыгралось.
Ярка звездочка вдруг облаком
Закрылась;
Уж как не был друг сердечный
На свиданье,
Обманула меня радостью
Надежда!

⟨1829⟩

Сведения о жизни Сергея Григорьевича Голицына (1806—1868) скудны. Известно, что зимой 1826/1827 года с ним познакомился Глинка, который впоследствии вспоминал: «Знакомство с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным имело важное влияние на развитие моих музыкальных способностей. Он был милый, веселый, подчас забавный человек — хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом <...> писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения».¹ Вместе с Голицыным Глинка начал готовить свой «Лирический альбом» (вышел в свет в 1829 году, издание предпринято совместно с Н. И. Павлищевым). В. А. Соллогуб характеризует Голицына как человека «веселости неистощимой, куплетиста, певца, рассказчика, балагура».² На слова Голицына Глинка, кроме помещаемого ниже, написал романсы: «Роиг un moment» (1827), «Разочарование» («Где ты, о первое желанье...», 1828), «Коса» («Я пойду, пойду косить...» — для соло, хора с оркестром, 1829), «Поцелуй» (Спб., 1850), а также канон «Мы в сей обители святой...» (1828) и куплеты с хором «Лила в черной мантии» (1828).

278. СКАЖИ, ЗАЧЕМ

Скажи, зачем явилась ты
 Очам моим, младая Лила,
 И вновь знакомые мечты
 Души заснувшей пробудила?
 Скажи, зачем? Скажи, зачем?

Скажи, зачем? Но погоди,
 Хочу продлить я заблужденье.
 Удар жестокий отврати —
 Удвоишь ты мое мученье,
 Сказав — зачем, сказав — зачем.

¹ Записки М. И. Глинки. М.; Л., 1930. С. 87.

² Соллогуб В. А. Пережитые дни // «Русский мир». 1874, 23 апреля.

Над страстию моею шутя,
Зачем с ума меня ты сводишь?
Когда ж люблюсь на тебя,
Ты взор с холодностью отводишь,
Скажи, зачем? Скажи, зачем?

Скажи, зачем? Но погоди,
Хочу продлить я заблужденье.
Удар жестокий отвори —
Удвоишь ты мое мученье,
Сказав — зачем, сказав — зачем.

<1828>

279. К НЕЙ

Когда в час веселый откроешь ты губки
И мне ты воркуешь нежнее голубки —
Я с трепетом внемлю, я весь вне себя:

Боюсь проронить хоть единое слово,
Молчу, не желаю блаженства иного,
Всё слушал бы, слушал и слушал тебя.

Но глазки сверкнули живее кристаллов,
Жемчужные зубки блестят средь кораллов,
Румянец в ланитах уж зачал играть!..

Теперь я смелее смотрю тебе в очи,
Уста приближаю, и слушать нет мочи —
Хочу целовать, целовать, целовать!

<1834>

Андрей Иванович Подолинский родился в 1806 году в Киеве, умер в 1886-м, там же. По окончании пансиона при Петербургском университете Подолинский служил в почтовом ведомстве, сначала (до 1831 г.) в Петербурге, а затем — в Одессе (до конца 1850-х годов). Первое печатное произведение Подолинского — повесть в стихах «Див и Пери» (1827). Стихотворения его печатались в альманахе «Северные цветы», в 1837 году вышли двухтомным сборником. Наиболее полное прижизненное издание произведений Подолинского — «Сочинения А. И. Подолинского. Две части». Спб., 1860 г. Верный принципам романтизма, Подолинский придавал большое значение музыкальности поэзии, что способствовало превращению некоторых его стихов в песни. На слова Подолинского музыку писали малоизвестные композиторы — Н. Кравцов («Когда я умру...»), Н. Соловьев («Цветы»), Г. Лейковский («Беги меня»), А. Лизогуб («Смерть на чужбине»); среди них выделяется романс П. Макарова «Цветы». Стихотворение «Песнь утопленницы» положили на музыку П. Сокальский, А. Спендиаров. Известность приобрел романс А. Гурилева «Уединенная могила» («Кто положил тут в землю сырую...»).

280. ИНДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Катитесь волны,
Плещите волны,
Шуми поток!
Быстрее бегите
И вдаль несите
Мой огонек!

Там день свежее,
Там ночь темнее,
Цветы вокруг,
И дышит нега —
И он у берега,
Мой тайный друг.

Мои гаданья,
Мои признанья
    Узнает он.
Всю ночь со мною,
Рука с рукою,
    Забудет сон.

Как с ним украдкой
Свиданье сладко,
    Не говорю,
Его дыханье,
Его лобзанье...
    Ах! я горю!

Бегите волны,
Плещите волны,
    Шуми поток!
Гори светлее,
Катись быстрее,
    Мой огонек!..

<1828>

281. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что в сыром бору от солнышка
Снег золотой росой рассыпался,
Молодецкая кручинушка
Разлилась слезами светлыми;
В зимний холод любо солнышко,
На чужих людях родной напев,
Поневоле сердце всплachtetся,
Как с ретивым сиротинушкой
Песня русская, унылая
Что родная мать перемолвится.
Задушевной не наслушаться!
Словно пташка, что в раю поет
Заунывно-сладким голосом,
Грусть-тоску она баюкает;
Не видать сквозь слез чужой земли,
А что думушка ль сердечная
Понесется невидимкою
За синё море в святую Русь!..

По-былому, по-старинному
Добрый молодец в родной земле
В ноги пал отцу и матери,
С старым другом поздоровался,
А что девица-красавица
Второпях бежит из терема,
Зарумянившись, как маков цвет,
Радость высказать и слова нет,
Только с милым обнимается
Да сквозь слезы улыбается.

(1837)

Михаил Лукьянович Яковлев родился в Москве в 1798 году, умер в 1868 году в Петербурге. Он воспитывался в благородном пансионе при Московском университете, затем учился в Царско-сельском лицее. Впоследствии, живя в Москве, он служил в различных департаментах и канцеляриях. Возвратившись в Петербург в 1827 году, служил в Сенате, управлял типографией (где печаталась «История Пугачева» Пушкина). Первые литературные опыты Яковлева (басни) относятся ко времени пребывания его в Лицее, где он сблизился с Пушкиным и Дельвигом (с последним его объединяла любовь к песням). Тогда же проявились его незаурядные музыкальные способности. Пушкин любовно называл его «нашим песельником». В Лицее он писал романсы на стихи Пушкина и Дельвига, участвовал в издании лицейских журналов, совместно с Д. А. Эрастовым составил «Словарь истории о святых», высоко оцененный Пушкиным. Позже сотрудничал в «Северных цветах». Современникам был известен больше как музыкант, автор и талантливый певец-исполнитель романсов на стихи Жуковского, Пушкина, Дельвига, Державина, а также других поэтов (сохранилось около 20 его музыкальных произведений). Глинка в своих «Записках» сочувственно отзывался о нем как об авторе «известных русских романсов», высоко ценил его и «дедушка» русского романа — Н. А. Титов. Яковлев писал музыку и на собственные стихи в жанре «русской песни» («Тыль дитя мое, дитятко...», «Ах, не все тучам небо покрывать...», «Ах, как нынешняя зима...»);¹ популярны куплеты «Усы гусара украшают...» из его водевиля «Гусар-невеста» (1840). Стихотворения Яковлева, публиковавшиеся часто анонимно, затеряны. Он был хранителем архива первого выпуска Лицея и протоколов ежегодных встреч лицейстов в день 25 октября, которые происходили в его квартирах. Во время этих встреч не только велись беседы и читались стихи, но и непременно звучали песни и романсы. На текст его стихотворения «Она придет» музыку написал А. Даргомыжский (1843).

¹ Вероятно, Яковлеву принадлежат тексты его романса «Прости» («Прости, прости, мой друг прелестный...»), а также «Песни лености (Шутка)» («Леность, леность, в честь твою...»). См.: Яковлев М. Избранные романсы и песни. М., 1961 (подготовил к печати С. Апродов).

Солнце красное взошло на небеса,
И на зелени обсохнула роса, —

Не обсохли лишь у Аннушки глаза,
Всё блестит на них жемчужная слеза.

«Не круши себя, красавица моя!
Знать, такая участь слезная твоя.

Видно, так уж предназначено судьбой,
Чтоб безвременно растаялся друг с тобой.

Променял твою девичью красоту —
На дощатый гроб, могильну темноту.

Хоть и грустно жить без друга своего,
Но слезами не воротишь ты его!»

Слышу девицы печальные слова:
«Пусть увяну — как без дождичка трава,

Сердцу бедному дам волю я изныть,
Друга ж милого нельзя мне позабыть!»

<1828>

Кого-то нет, кого-то жаль,
К кому-то сердце мчится вдаль. (2)
Кто он? Не знаю, не скажу я.
Но и рыдая и тоскуя,
Не прокляну судьбы моей
Затем, что он причиной ей. (2)

Где б ни был он: будь счастлив он;
Ему привет, ему поклон, (2)
О нем Спасителю молитва.
Но эта страсть, но эта битва,
Но муки сердца моего —
Пусть будут тайной для него. (2)

На что они, на что ему?
Он не поверит ничему.— (2)
Одной мне бог нести дал иго.
Ах! Тяжела моя верига!
Но я несу ее — смирясь:
Ведь сердце любит — не спросясь. (2)

Не раз, не два случится мне
Его увидеть в сладком сне,— (2)
И только!.. но ужель не в праве
Я говорить, во сне и въяве:
К кому-то сердце мчится вдаль,
Кого-то нет, кого-то жаль! (2)

⟨1839⟩

Федор Никифорович Слепушкин родился в 1783 году в Ярославской губернии, умер в 1848 году в Петербурге. Крестьянский поэт-самоучка, Слепушкин с детства работал сидельцем у московского лавочника, затем — на родине, у мельника, и лавочником в Петербурге. Первые литературные опыты Слепушкина относятся к началу 1820-х годов (басни опубликованы в 1823 г. в «Отечественных записках»). Первый сборник его стихотворений — «Досуги сельского жителя» (СПб., 1826; 1828) — был награжден золотой медалью Российской академии. Перу Слепушкина принадлежат «Сельская поэма» (1830), «Четыре времени года поселянина» (1830), «Новые досуги сельского жителя» (1834). На текст стихотворения «Семейная любовь» («Смотрите, как в семье родной...») музыку написал Н. Тивольский. Попытки Слепушкина писать стихи в стиле народных песен в целом оказались неудачными, и только одно его произведение в этом жанре, публикуемое ниже, приобрело некоторую популярность.

284. ПОСЕЛЯНКА ЗА ПРЯЛКОЮ

(Сельская русская песня)

Гори, гори, лучинушка,
Гори посветлее,
Прядись скорей, мой чистый лен,
Прядись поскорее!

Спешу, мое кленовое,
Спешу, веретенце!
Пора мне шить для милого
В дары полотенце!

Мне весть пришла, что жив мой друг
И скоро приедет;
Его душа моей душе —
Ни в чем не изменит.

И, может быть, летит ко мне
Он соколом ясным.
Я буду ждать по вечеру —
И в утро днем красным.

Лишь только я увижусь с ним,
Скажу: друг со мною!
Прими скорей подарок мой —
И сердце с душою!

⟨1828⟩

Михаил Дмитриевич Суханов родился в 1801 или в 1802 году в деревне Славянская Княжостровской волости Архангельской губернии, умер в 1843 году. Сын «черносошного» крестьянина, Суханов стал одним из первых русских поэтов-самоучек. С детских лет он работал сидельцем в лавке, позже торговал в Астрахани и служил приказчиком книжного магазина. В 1824 году он поселяется в Петербурге, и вскоре в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» появляются первые его стихотворения. Произведения поэта были собраны в книгах: «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайлы Суханова» (Спб., 1828), «Мои сельские досуги» (Спб., 1836), «Время не праздну» (Спб., 1836). Суханов в своем творчестве отдал дань направлению «официальной народности», что было причиной весьма критического отношения к поэту Белинского.¹ Однако он сочувственно отозвался об изданных Сухановым в 1840 и 1841 годах «Древних русских стихотворениях, служащих дополнением к Кирше Данилову». Из «русских песен» поэта-самоучки (их свыше 30) в устный обиход вошли немногие. Большая часть их идеализирует крестьянский быт, проникнута патриархальными настроениями, им присуща сентиментальность и нарочитая стилизация. Кроме публикуемых, в песенниках встречаются: «Зарастай, моя дороженька, травкою...», «Ах ты, матушка, мать быстра река...», «Частой рощицей весенним вечерком...». На текст стихотворения «Ласточка» («Не вейся, ласточка...») музыку написали А. Рубинштейн и Г. Ломакин.

285

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы белым рукавом.

Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг не верен больше ей,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М.; Л., 1955. Т. 7. С. 617—618; Т. 9. С. 498.

Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?

Стали девицу подружки утешать:
«Полно сердцем о неверном тосковать.

Ты в селе у нас всех лучше красотой,
Наши молодцы любят тебя.

Всякий девице желает угодить;
Ты властна из них любого полюбить».

— «Пусть их много,— красна девица в ответ,—
Сердце милого другого не найдет!»

⟨1828⟩

286

«Что ты, девица, невесело сидишь?
Что ты, красная, печалишься, грустишь?

От тоски ты изменилась вся в лице —
Или тужишь об удадом молодце?

Ты напрасно перестань себя губить,
Пользы нет тебе неверного любить.

Вспомни, девица: родные у тебя,
Они любят тебя — более себя.

Ты одна — как солнце красное у них.
Опечалишь ты тоской своих родных».

— «Я бы рада перестала тосковать
И родных своих тоскою огорчать —

Но что ж делать? Как мне друга позабыть?
Я умру — но буду милого любить!»

⟨1828⟩

В биографии Николая Григорьевича Цыганова многое еще остается невыясненным. Родился он, вероятно, в 1797 году в Петербурге. Сын вольноотпущенного крестьянина, Цыганов детство провел в разъездах по России с отцом, который, выйдя на волю, исполнял торговые поручения откупщика Злобина. По-видимому, в 1816 году Цыганов стал актером в Саратове и с местной труппой гастролировал по разным городам России. Будучи в Симбирске, он обратил на себя внимание М. Загоскина, служившего тогда в театральной инспекции, который способствовал переводу одаренного бродячего актера в Московский Малый театр (1828). Разъезжая по России, Цыганов слушал и собирал народные песни, предания и поверья. Особую ценность, по свидетельству его друга — драматурга Ф. Кони, представляло собрание волжских разбойничьих песен, которое Цыганов не успел издать. Толчком к сочинению «русских песен» послужило общение Цыганова с драматургом А. Шаховским и собиравшимся вокруг него кружком любителей пения, куда входили Кони и артист Малого театра П. Мочалов. Первые печатные произведения Цыганова появились не в 1830 году, как предполагал И. Н. Розанов, а в 1828-м.¹ Некоторые песни Цыганова были опубликованы в альманахе «Комета» на 1830 год, в «Молве» (1832, № 25, 41, 59; 1833, № 26, 70) и в «Музыкальном альбоме на 1833 год» А. Е. Варламова (ц. р. 2 дек. 1832 г.). Некоторые публикации 1832 года, вероятно, были еще прижизненными; основанием для такого предположения является примечание Н. Надеждина под опубликованной в «Молве» (1832, № 25) песней «Не кукушечка...»: «Мы с благодарностью напечатаем еще несколько песен того же сочинителя. Его поделки показывают неподдельное дарование. Изд.». Это примечание позволяет предположить, что Цыганов умер не в 1831 году, как принято считать, а в 1832 году, в Москве.² Песни Цыганова собраны его друзьями, в числе которых был и П. С. Мочалов (ему поэт посвятил три свои песни, опубликованные в 1842 г. вместе с «Посвящением» в «Лите-

---

¹ См.: «Московский вестник». 1828. Ч. 11. С. 108—110.

² По свидетельству А. Терещенко, Цыганов умер в Москве на 35-м году от рождения (Терещенко А. Быт русского народа. Спб., 1848. Т. 1. С. 84).

ратурном кабинете» — сборнике, составленном артистами московских театров). О подготовке собрания песен Цыганова впервые сообщает в «Молве», в извещении о выходе в свет «Музыкального альбома» А. Варламова: «Слова четырех песен принадлежат покойному актеру г. Цыганову; песни сии и отдельно от музыки имеют свое достоинство, но вместе с прекрасными голосами г. Варламова составляют весьма приятный подарок на новый год и для литературы, и для любителей музыки. Мы слышали, что все песни г. Цыганова будут собраны и изданы, вместе с нотами некоторых, положенных на музыку г. Варламовым. Такое предприятие делает честь доброму сердцу издателя. Воспоминание о человеке с дарованиями, так рано кончившем жизнь свою, есть достойная дань ему».¹ Намерение опубликовать песни Цыганова вместе с музыкой Варламова не было осуществлено. Первое издание, содержащее 39 песен, включало лишь тексты и вышло в свет в Москве в 1834 году (хотя цензурное разрешение помечено 3 нояб. 1832 г.). Всего в настоящее время известно 49 песен Цыганова. Вероятно, часть его песен безвозвратно исчезла, так как многие из них он импровизировал, аккомпанируя себе на гитаре; эти песни заучивались его друзьями или записывались и расходились в многочисленных списках анонимно. Музыка к некоторым песням сочинял сам Цыганов. Другими композиторами положено на музыку пятнадцать его текстов. Известность приобрели песни с музыкой Варламова («Не шей ты мне, матушка...», «Ох болит...», «Молодая молодка в деревне жила...», «Смолкни, пташканарейка», «Что это за сердце...»). Кроме них, наиболее популярными песнями Цыганова являются: «Я посею, молоденька...», «Ах, чарка моя серебряная...», «Лежит в поле дороженька...», «При долинушке береза...», «Не кукушечка во сыром бору...», «По полю, полю чистому...», «Что ты рано, травушка...».²

«Не сиди, мой друг, поздно вечером,
Ты не жги свечи воску ярого,
Ты не жди меня до полуночи!
Ах! прошли, прошли
Наши красны дни...

¹ «Молва». 1833, 14 янв., № 6. С. 21.

² О Цыганове см.: Розанов И. Н. Песни русских поэтов. М., 1936. С. 199—210 (Б-ка поэта, БС, изд. 1); Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М., 1982. С. 91—111.

РУССКІЯ
П Ъ С Н И

Н. Цыганова

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1834.

Наши радости
Будто вихрь умчал
И, как пыль, как прах,
Веет по полю!..
Объявил вчера
Сударь батюшка,
Согласилася
На то матушка,
Что не ровня я,
Не жених тебе,
Что женюся я
На иной жене!..
Одно солнышко
В небесах горит...
И мне, молодцу,
Только раз любить! —
Я родителям
Покоряюся:
На их суженой,
На их ряженой
(С смертью раннею)
Обвенчаюся,
А с тобой навек
Распрощаюся!»

Не ручей журчит, не река шумит —
Плачет девица... вопит красная:

«Ах, ты, милый мой,
Ненаглядный мой!..
Не жилица я
На белом свету
Без тебя, душа,
Сердце, жизнь моя!..
Нет у горлинки
Двух голубчиков,
У лебедушки
Двух лебедиков...
Не знавать и мне
Двух милых дружков!»

Не сидит она поздно вечером,
А горит свеча воску ярого!..
В переду стоит нов тесовый гроб:
Во гробу лежит красна девица.

〈1828〉

«Что ты рано, травушка,
 Пожелтела?
 Что вы рано, цветики,
 Облетели?
 Что ты так, красавица,
 Похудела:
 Впали алы щеченьки,
 Побледнели...
 Впали ясны оченьки,
 Потускнели?..»

— «Не успели цветики
 Распуститься,
 Уж их злая засуха
 Поедает...
 Не успела я с дружкой
 Обручиться,
 Уж он меня, бедную,
 Покидает,
 Без поры, без времени
 Убивает!»

— «Только ль свету белого,
 Что в оконце?..
 Только ль добрых молодцев,
 Что изменщик?
 Не тумань, голубушка,
 Ясных очек,
 Не слези, лебедушка,
 Алых щечек!
 Выбирай любимого
 Из удалых —
 По нраву приятному,
 По обычью,
 По уму, по разуму
 Да по сердцу!»

— «Погляжу ль я на небо:
 Звездок много —
 Да один во звездочках
 Светел месяц!

Загляну ль в зеленый сад:
Пташек много —
Да один во пташечках
Ясен сокол!
Взгляну ль на молодцев:
Добрых много —
Да не придут девушке
По обычью,
По уму, по разуму
Да по сердцу».

⟨1830⟩

289

Не сокол летит по поднебесью,
Не сокол ронит слезы-перушки —
Скачет молодец по дороженьке,
Горьки слезы льет из ясных очей!
Распрощался он с милой родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Где течет в красе Волга-матушка,
Распрощался он с красной девицей:
Он оставил ей на помин себя
Дорогой перстень с алмазами;
На обмен же взял от красавицы
Золото кольцо обручальное...
При размене сам приговаривал:
«Не забудь меня, моя милушка!
Не забудь меня, задушевный друг!
Не забудь меня на чужбинушке!..
Чаще взглядывай ты на перстень мой —
Чаще стану я целовать кольцо,
К ретиву сердцу прижимаючи,
О тебе, мой друг, вспоминаячи!
Коль помыслю я об иной любви —
Камень выпадет вон из перстения!
Если ж ты с другим под венец пойдешь —
Золото кольцо распаяется».

⟨1830⟩

Не кукушечка во сыром бору
 Жалобнехонько
 Вскуковала —
 А молодушка в светлом терему
 Тяжелехонько
 Простонала.

Не ясен сокол по поднебесью
 За лебедками
 Залетался —
 Добрый молодец, по безразумью,
 За красотками
 Зашатался!..

Ясну соколу быть поиману,
 Обескрылену
 Во неволе...
 Добру молодцу быть в солдатушках
 Обезглавлену
 В ратном поле.

А кукушечке во сыром бору
 По чужим гнездам
 Куковати...
 А молодушке во слободушке
 По чужим углам
 Воздыхати!

⟨1832⟩

Рассудите мне, люди добрые,
 Разгадайте мне мой недобрый сон:

Посылаю я
 Сиза голубя
 Ко милу дружку
 С тайной весточкой...

Не успела я
Наказать к нему,
Не успел взмахнуть
Голубь крыльями,
Уж и бьется он,
И трепещется
В воровских когтях
Злого ястреба!..
Обомлела я —
Испугалася...
Как безумная,
Заметалася!..
И схватила я
Тугий, крепкий лук,
Наложила я
Калену стрелу:
Тетива звенит,
А стрела летит —
И, простреленный,
Хищник мертв лежит!..
Я бегу к нему,
Я спешу к нему —
Ах, кого ж мои
Видят оченьки?..
Словно громом я
Оглушилася —
Чуть-чуть памяти
Не лишилася!
Мне представился
Страшной смерти вид —
Мил сердечный мой
Распростерт лежит:
Не глядят его
Очи ясные,
Не манят меня
Взглядом ласковым;
Затворилися
Уста сладкие,
Не зовут меня
Речью нежною;
Руки белые
Накрест сложены —

Не прижмут меня
Ко белой груди,
К ретиву сердцу!..

Разгадайте же, люди добрые,
Мне к чему такой сон привиделся?

⟨1832⟩

292

«Что ты, соловьюшко,
Корму не клюешь?
Вешаешь головушку,
Песен не поешь?»

— «Пелосся соловьюшку
В рощице весной...
Вешаю головушку
В клетке золотой!

На зеленой веточке
Весело я жил...
В золотой же клеточке
Буду век уныл!..»

— «Зеленой ли веточке
К песням приучать?
В золотой же клеточке
Соловью ль молчать?»

— «Зеленая веточка
Сердце веселит;
Золотая ж клеточка
Умереть велит!..

Подружка на веточке
Тужит обо мне,
Стонут малы деточки...
До пенья ли мне?»

— «Отперто окошечко
К рощице твоей,—
Будь счастлив, мой крошечка,
Улетай скорей!»

⟨1832⟩

397

Ох, болит
 Да щемит
     Ретиво сердечко —
 Всё по нем,
 По моем
     По милóm дружечке!

Он сердит,
 Не глядит
     На меня, девицу, —
 Всё корит
 Да бранит,
     Взносит небылицу:

Будто днем
 Соловьём
     По садам летаю,
 Не об нем,
 Об ином
     Звонко распеваю!

Ничего,
 Никого
     Ночью не боюсь —
 И не с ним,
 Всё с иным
     Милым веселюся!

Не расти
 Не цвести
     Кустичку сухому...
 Не любить,
 Не сгубить
     Девицы иному!

Не себе —
 Всё тебе
     Красота блюдется...
 Ах, ничьей —
 Всё твоей
     С горя изведется.

⟨1832⟩

294. МОЛОДАЯ МОЛОДКА

Молодая молодка
В деревне жила.
Дорогою находкой,
Красоткой слыла.

Уж и все любовались
Молодкой моей,
Как шмели увивались,
Летали за ней!

А красotka молодка
Не видит того
И не любит нисколько
В селе никого.

Завсегда веселится,
Поет соловьем,
Никогда не крушится,
Не вздохнет ни о ком.

Горемычною пташкой —
Сестрой соловья
Застонала кукушкой
Молодка моя:

«Не по-прежнему очи
Как звезды горят —
Отуманясь тоскою,
Слезюю блестят!

Мимо терема ходит
Молодчик к иной.
Знать, уж он не находит
Веселья со мной».

⟨1832⟩

295

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

399

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пушай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

— «Дитя мое, дитяtko,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветкам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим;

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

⟨1832⟩

Что это за сердце,
 Что это такое —
 Что ни днем ни ночью
 Не дает покоя?

То забьется пташкой,
 Запертою в клетке;
 То замрет цветочком
 На скошенной ветке!..

Быть бы сердцу пташкой —
 Чего б захотело?..
 Дать бы ему крылья —
 Куда б полетело?

Знаю я сторонку,
 Где его зазноба...
 Ах, туда бы лётом
 Полетели оба!..

На той на сторонке
 Теплей солнце греет —
 Там девица красна
 Как маков цвет зреет!

Там в темные ночи
 Не звезды лишь светят —
 Там ясные очи
 Приветливо встретят!

Приветливо встретят,
 Ласково проводят...
 Любезные речи
 Тоски не наводят.

<1832>

Смолкни, пташка-канарейка!
 Полно звонко распевать, —
 Перестань ты мне, злодейка,
 Ретивое надрывать!

Уж ко мне не воротиться
Красным дням весны моей,—
Отвыкает сердце биться,
Вспоминаючи об ней!

Радость-младость миновалась:
Отцвела она цветком
И не вихорем промчалась —
Пропорхнула мотыльком!

С нею память о бывалом
Я хотел похоронить,
Не грустить по нем нимало —
Ни слезы не уронить.

Всё давно забыто было:
Звонкой песенкой своей
Всё ты снова разбудила,
Пташка, лютый мой злодей!

После ведрышка к ненастью
Тяжеленько привыкать,
А несчастному об счастье
Хуже смерти вспоминать!

<1832>

298

Ах ты время, времечко
Золотое!
Не забыть мне времечко
Дорогое!
Ты когда промчалось,
Прокатилось?
Ты куда девалось,
Схоронилось?
Не вечер, а давече
В очах было,
Теперь далью, далече
Отлучилось!..

Ах, дружочек, миленький
Мой дружочек!

402

Сокол, сизокрыленький
Соколочек!
Не тебя ль к дороженьке
Снарядили —
Мои резвы ноженки
Подкосили?
Не тебя ли, милушку,
Провожают —
Не меня ль в могилушку
Снаряжают?..

Уж мне время красного
Не дожждаться —
К сердцу друга страстного
Не прижаться!
Мне лишь грусть сердечная
Остается,
Тоска бесконечная
Достается!
С нею темна ноченька
Не заспится...
С нею свету в оченьках
Закатиться!

(1832)

299

Без поры да без времени
Сохнет в поле муравушка...
Ахти! ты травка моя,
Ахти! свет-муравка моя!
Не журчит ручеек в лугах,
Не поет соловей в кустах...
Ахти! ты пташка моя,
Ахти! голосистая!..
Не видала я леточка,
Не бирала я ягодки...
Ахти! калинка моя!
Ахти! свет малинка моя!
Всё-то в тереме сидючи,
С старым мужем горюючи...
Ахти! ты горе мое,
Ахти! гореваньице!..

403

Опротивел мне вольный свет,
С некошным мужем ладу нет...

Ахти! лады вы мои,
Ахти! лады девушкины!..

Отымает ревнивый муж
Радость — девичью волюшку...

Ахти! ты воля моя,
Ахти! воля пташечья!

Не пускает с подружками
Во лесок за орешками.

Ахти! вы рощи мои,
Ахти! свет березовые!

Пошутить за воротами,
Поиграть хороведами!

Ахти! вы дид и ладо!
Ахти! люли-люшеньки!

⟨1832⟩

300

По полю, полю чистому,
По бархатным лужкам
Течет, струится реченька
К безвестным бережкам.

Взойдет гроза, пройдет гроза —
Всегда светла она!
От бури лишь поморщится,
Не зная, что волна...

Не рощи, не дубравушки
По бережку растут —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит —
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

Ей убыли неведомы —
Всегда в одной красе;
За прибыль благодарствует
Небесной лишь росе!

Но долго ль, долго ль реченьке
Катиться по цветам?
Ждут бездны моря светлую
В дали туманной там.

О поле, поле чистое!
Осиротеешь ты...
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цветы!

Ах речка, речка светлая,
Изменчив наш удел...
На резвый бег твой по полю
Сквозь слезы я глядел:

И я жил резво, весело,
Певал в былые дни
И радости сердечные
Лишь чувствовал одни!

Но всё переменяется,
Проходит всё как сон,—
И я грустить-печалиться
До гроба осужден.

<1832>

301

Я посею, молоденька,
Цветиков маленько;
Стану с зоренькой вставати,
Цветы поливати,
Буду с светом пробуждаться,
Садом любоваться!
Для кого ж я сад садила,
Берегла... холила?
Ах, не для кого иного,
Для дружка милого!
Для чего в моем садочке
Пташки распевают?
Всё об нем же, об дружочке
Мне воспоминают!

Залетел мой сокол ясный,
Молодец прекрасный!
Запропал в тоске-кручине
Без вести в чужбине!
И посла я посылала —
Мил не принимает...
И слезами я писала —
Друг не отвечает!
Пропадать же, знать, садочку
Без мила дружочка...
Не цвести в саду цветочку —
Порву для веночка.
Не плясать молодой в веночке,
Гадать по дружочке...
Не боли ж, мое сердечко,
Выйду я на речку
И на самую средину
Венок мой закину,
Слезно, слезно зарыдаю,
Сама загадаю:
Коль надёжа меня помнит —
Мой венок потонет!
Коль надёжа покидает —
Пушай уплывает...

⟨1832⟩

302

Рано, рано вы, лазоревы цветы,
Рано, рано вы поблекли, отцвели!
Рано девушка лишилась красоты,
Скоро дни ее веселостей прошли!

Редко девушку выдают у окна,
В хороводах ее вовсе не видать:
Полюбила в терему сидеть одна.
Полюбилося ей горе горевать.

И порой она тихонько слезы льет,
Иным времечком вздыхает тяжело!
И порой она тихонько запоет,
Будто горе позабыто, всё прошло:

«Ах! Не всё в полях метелице мести,
В темных рощах буйну ветру бушевать —
Придет время в поле цветикам цвести,
В роще пташечкам, соловьюшкам свистать.

Красны девушки, собравшись в хоровод,
На семик в луга весну пойдут встречать...
Лишь одна подружка с ними не пойдет,
Будет косточкой в сырой земле стонать.

Люди злые худой славой обнесут,
Пересудами безвинно закорят,
Слезы горькие сиротку не спасут...
Вздохи тяжкие без время уморят».

⟨1832⟩

303

Полетай, соловеюшко,
На родиму сторонушку:
На родимой сторонушке
Там живала сироточка,
Сирота горемычная,
Моя матушка родимая!

Под ее под окошечком
Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
Ею часто поливано —
Не водицей ключевою,
А слезами да горячими.

Сядь на нем, соловеюшко!
Свей на нем тепло гнездышко,
Заведи малых детушек,
Распевай с утра до ночи,
Потешая сиротинушку —
Мою матушку родимую!

Пусть родная не плачется,
Под окошечком сидючи,
На проезжего глядючи,
Обо мне вспоминаючи!..

407

Еще я на белом свету
Пуще прежнего люблю ее.

Есть ведь дни, в кои солнышко
С ясным месяцем видятся...
Так настанет и нам денек —
И мы с ней повидаемся:
Наглядимся, насмотримся,
Насмеемся... наплачемся...
Крепко, крепко обнимемся
И досыта нацелуемся!

⟨1832⟩

304

Х о р

Ах! об чем, голубка Маша,
Ты ручьями слезы льешь,
Убегаешь ласки нашей,
С нами песен не поешь,
Не играешь в хороводы?
Всё кручинна и грустна —
Будто нивка без погоды,
Знойным солнцем сожжена!

М а ш а

Ах! один и был садочек,
Да и тот стал засыхать...
Был, как свет в очью, дружок,
Да и тот стал покидать!
Не на то я сад садила,
Поливала, стерегла,
Всем соседям досадила,
Чтоб могилу в нем нашла!
Не к тому сад разрастался,
Распушался, расцветал,
Чтоб часок покрасовался
И навек потом пропал!
Беспрременно для девицы
Он бы должен уродить
Три корысти-небылицы,—
Без того мне полно жить!

Уж мне в первой небылице —
Быть пригоже всех собой!
А с другою небылицей —
Только радость знать, младой!
И мне третья небылица:
Не вздыхать, не тосковать,
Полюбивши — полюбиться,
С милым век свой свековать!

⟨1832⟩

305

Перелетная пичужечка —
Непоседная кукушечка!
Где покинешь ты летаньице —
Заунывно кукованьице?
Где согреешь тепло гнездышко,
Заведешь малюток детушек?
Аль не с тем ты уродилася,
Чтоб жить радостно годилася?..
Отмахаться легким крылышком,
Со куста на куст летаючи,
Как бы устали не знаючи,—
А тепла гнезда не греючи,
Малых деток не лелеючи!

Ты, несчастный, добрый молодец —
Бесталанная головушка!
Где вздохнешь ты без страданьица —
Без назолушки сердечушку!
Долго ль будешь перелетывать
Бездомовую кукушкой?..
Аль до той поры, до времени —
Как злодеюшки натешатся,
Злые толки притолкуются!..
Небеса над горьким сжалятся,
Мать сыра земля расступится...
Очи ясные потушатся —
Реки слезные осушатся!
Сляжешь в тихую могилушку,
Что в пуховую перинушку,
Обо всём, про всё забудешься.

⟨1832⟩

409

Ах ты, ночка моя, ноченька —
 Ночка темная, осенняя!
 Осиротела ты, ноченька,
 Без молодого светла месяца —
 Так, как радость красна девица
 Без мила дружка сердечного!..
 Где ж красавец млад светел месяц:
 В поднебесье не видать его?
 Не всходил он, не озаревал —
 Темну ночку не освечивал;
 Он не резался сквозь облаки,
 В высок терем не заглядывал...
 Не манил он радость-девицу
 Ко косящату окошечку...

Ах! бедна же ночь без месяца —
 Как казак без ворона коня,
 Чисто поле без наездника,
 Золото кольцо без яхонта,
 Красна девица без милого дружка!
 Всё красавица придумала,
 Пригадала с темной ноченькой,
 На окошке грудью лежучи,
 Мила друга поджидаючи,
 Как упала горяча слеза
 На правую ее рученьку —
 На кольцо ее алмазное,
 Подареньице заветное;
 И к нему-то радость-девица
 Воздыхаючи промолвила:

«Ах ты, перстень самоцветный мой,
 Драгоценность сердцу милая!
 Как надет дружком на рученьку,
 С той же бережью ты носишься:
 Отчего же ты по-прежнему
 Не блистаешь да не искришься?
 Оттого ли, что у милого —
 Не мое кольцо на рученьке...
 Не ко мне любовь в сердечушке!»

⟨1832⟩

Течет речка по песочку,
 Через речку — мостик;
 Через мост лежит дорожка
 К сударушке в гости!

Ехать мостом, ехать мостом
 Аль водою плиты —
 А нельзя, чтоб у любезной
 В гостях мне не быти!

Не поеду же я мостом —
 Поищу я броду...
 Не пропустят злые люди
 Славы по народу...

Худа слава — не забава...
 Что в ней за утеха?
 А с любезной повидаться —
 Речка не помеха.

⟨1832⟩

Каркнул ворон на березе...
 Свистнул воин на коне...
 Погибать тебе, красотке,
 В чужедальной стороне!..

Ах, за чем, за кем бежала
 Ты за тридевять полей,—
 Для чего не размышляла
 Ты об участи своей?..

Всё покинула, забыла —
 Прах отца, старушку мать —
 И решилася отчизну
 На чужбину променять.

То ли счастье, чтобы очи
 Милым сердцу веселить,—
 После ими ж дни и ночи
 Безотрадно слезы лить?

Неужли ты не слыхала
Об измене? — «Никогда!»
Неужли ты полагала
В сердце верность?.. — «Навсегда!

Было некому, бедняжку,
Поучить меня уму,
И голодной, вольной пташкой
Я попалась в сеть к нему...

Никого я не спросилась,
Кроме сердца своего,
Увидала — полюбила,
И умру, любя его!»

Каркнул ворон на березе...
Свистнул воин на коне...
И красотка погибает
В чужедальной стороне.

<1832>

309. РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ

Сизокрылый голубочек,
Милого заветный дар,
Взвейся выше, поднимися
К поднебесным облакам.
С вышины, мой голубочек,
Посмотри во все страны —
Не увидишь ли, где милый
Воздыхает обо мне!
Если где его усмотришь,
Как стрела к нему пустись,
Сядь в саду его на ветку
И уныло заворкуй...
Он услышит, он увидит,
Он узнает голос твой
И пшеницей белоярой
Приманит тебя к себе!
Ты слети к нему, ко груди
Друга милого прижмись
И послушай, для меня ли
Бьется сердце во груди?..
Если мной живет и бьется,
Он прижмет тебя к нему,

Взор наполнится слезами,
Слезы брызнут — он вздохнет
И тебя рукою нежной
Потихоньку оттолкнет...
Носиком своим хоть слезку,
Ах, хоть слезку подхвати
И ко мне с слезой бесценной
Быстрой молнией лети.
Друга слезку дорогую
Я своею оболью,
Расцелую, размилую
И у сердца иссушу!
Если ж он меня не любит,
Если клятвы позабыл...
Не лети ко мне! — останься
В зеленóm его саду,
Под косящатым окошком,
На любимый сядь кусток
И уныло и печально
День и ночь воркуй, стони...
Пусть он, совестью терзаясь,
Будет плакать, тосковать;
Пусть он жизнь возненавидит —
Бросит пищу, бросит сон...
И от вздохов пусть завянет,
Как от холоду цветок!
И от горьких слез истает,
Как от пламени свеча!
Вот тогда лишь он спознает
Муки сердца моего...
Голубочек, понесися
К поднебесной вышине...
Но с слезою возвратися
Друга милого ко мне.

Хороша ты, красна девушка,
На белом свете родилася!
Ни видóm такой не видано,
Ни слыхóm такой не слыхано;
Темно-русая коса твоя
Лентой алой изукрашена,

Твои брови соболиные
Обогнулись, как радуга;
Твои очи соколиные,
Будто звездочки, горят, блестят;
Твои губочки — как маков цвет,
Что весною расцветать начнет;
Грудь высока лебединая,
А походочка павлиная;
Голос звонче соловьиного;
Речи слаще меду сладкого!
Мое сердце распылалось,
От покою отказалось,—
За тобою я, как тень, брожу!
Ах, когда б сердца ретивого
Можно было мне послушаться,
Не спознал бы горя горького,
Не изведал бы кручинушки...
Не любил бы несогласную,
Лютым сердцем непокорную.

Ах молодость, молодость!
Весна моя красная!
Ты когда, когда прошла,
Когда прокатилась?..
Ты не речкой протекла —
Точно из лука стрела
Или пташка пролетела!
Точно песенкой пропелась,
Дальним гулом пронеслась —
И сокрылась из глаз!
Ах ты, горе горькое,
Неизменная тоска!
Ты когда на ретивое
Горючим камнем легла?..
С молоком ли я *родимой*
В белу грудь тебя всосал
Или с первым поцелуем
Красной девицы узнал?..
Злые люди подружили
Горе горькое со мной...
И в сырой земле, в могиле
Моя радость, мой покой!

Ранние стихи Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842) были написаны в традиции сентиментального романса начала XIX века, но на рубеже 1820-х и 1830-х годов он обращается к жанру «русской песни», творчески осваивая фольклор (ранний, еще несовершенный опыт — «Песня», 1828). Некоторые стихотворения Кольцова были положены на музыку уже при его жизни («Хуторок», «Ах зачем меня силой выдали...», «Глаза», «Последний поцелуй», «Так и рвется душа...», «Не шуми ты, рожь...», «Отчего, скажи...», «Если встречу с тобою...» — последнее М. Глинкой). Всего на музыку до 1917 года было положено разными композиторами 105 текстов поэта. В быт песни Кольцова входят лишь с конца 1840-х и особенно в середине 1850-х годов. При этом отнюдь не все стихи Кольцова, обильно перепечатывавшиеся с этого времени в песенниках и в лубочных листках, проникают в устный репертуар. Наиболее массовое распространение получили «Перстенечек золотой...», «Не скажу никому...», «Так и рвется душа...», «Я любила его...», «Хуторок».¹ Другие песни, особенно романсы («Разлука», «Глаза»), известны не столько в крестьянской, сколько в городской среде. В песенниках, кроме названных, чаще всего встречаются: «Ты не пой, соловей...», «Не шуми ты, рожь...», «Обойми, поцелуй...», «Что ты спишь, мужичок...», «Отчего, скажи, мой любимый серп...». В лубочной литературе особенно распространены: «Песня старика», «Первая песня Лихача Кудрявича», «Песня пахаря», «Раздумье селянина», «Косарь». Некоторые из стихотворений Кольцова в устном бытовании заметно изменены («По-над Доном сад цветет...», «Два прощания» и др.). К поэзии Кольцова обращались очень многие композиторы, хотя, по замечанию Б. А. Асафьева (Игоря Глебова), «человека, близкого ему (Кольцову.—В. Г.) по складу и здоровой непосредственности, в русской музыке не найти».² Этим объясняется то, что, несмотря на огромное количество романсов и песен (свыше 700),³

¹ Новикова А. М. Песни А. В. Кольцова в устном творчестве//«Русский фольклор». М.; Л., 1958. Вып. 3. С. 113, 119, 122. Ср.: Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М., 1982. С. 119.

² Г л е б о в И. Русская поэзия в русской музыке. Пг., 1922. С. 7.

³ Т о н к о в В. А. А. В. Кольцов. Воронеж, 1959. С. 209.

созданных более чем тремястами композиторами, лишь немногие из этих произведений вошли в музыкальный быт. Наиболее удачны и известны песни и романсы А. Даргомыжского, М. Мусоргского, М. Балакирева, А. Варламова, А. Гурилева и А. Рубинштейна. На слова Кольцова писали также музыку А. Алябьев, А. Дюбюк, О. Дютш, А. Гречанинов, Ц. Кюн, С. Рахманинов, Н. Римский-Корсаков, С. Танеев; из советских композиторов — Б. Асафьев, Р. Глиэр, М. Ипполитов-Иванов, А. Гольденвейзер и другие.

312. ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою,
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья?
Чья ж слеза ее кропила?
Чья душа о нем грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

21 ноября 1829

По-над Доном сад цветет,
 Во саду дорожка;
 На нее б я всё глядел,
 Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
 Маша проходила,
 Томный взор потупив свой,
 Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
 Будь моей сестрою!
 Я люблю... любим ли я,
 Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
 Как она глядела!
 Как с улыбкою любви
 Весело краснела!

Не забыть мне, как она
 Сладко отвечала,
 Из кувшина, в забытьи,
 Воду проливала...

Сплю и вижу всё ее
 Платье голубое,
 Страстный взгляд, косы кольцо,
 Лентой первитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
 С Доном я прощаюсь...
 Ах, нигде уж, никогда
 С ней не повстречаюсь!..

1829

314. КОЛЬЦО

(Песня)

Я затеплю свечу
 Воска ярого,
 Распаяю кольцо
 Друга милого.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпья же
Золотой слезой,
Память милого!

Невредимо, черно
На огне кольцо
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября 1830

315. ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрез поля, за моря,
В дальнюю сторону —
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

21 сентября 1830

316. ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прошебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

1832

317. НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

318. ГЛАЗА

(Русская песня)

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас страшнее грозы
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать.

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

1835

319. ПЕРСТЕНЬ

Перстенечек золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памятью любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей,
Ты потускни, почерней;

Если радость — изменись,
Весь алмазом разгорись!

День забвенья ли придет,
Душа чувство проживет —
Тогда, перстень золотой,
Ты рассыпья сам собой!

1836

320. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «КОСАРЬ»>

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошбнная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!

. . . . .
1836

Москва

321. РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного,

Золотой казны,
Угла теплого,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля 1837
Москва

322. ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьём залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;

Сила молодая
С телом изнасилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу,—
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб;
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

323. ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучьему веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А потрянул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

1837

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилого —
Мужа старого.

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, рѳдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пушай золото
На пол сыпется;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

5 апреля 1838
Москва

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай.
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,

Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля 1838

Москва

326. РУССКАЯ ПЕСНЯ

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозюю,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути, без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога,
Тучи громовые,
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

10 июля 1838

Москва

327. ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит,—
Он не любит тебя...»

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

— «Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опоздился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»

— «До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня,—
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

— «Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».

— «Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец...)

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

5 сентября 1839

328

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовою
Сор метлою посмёл;
И лошадок за долг
По соседям развел.

431

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба
Как старушка стоит.

Вспомни время свое;
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клбёт его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

329. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не собираю цветов.

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Всё прошло уж давно...
Не веротишь назад!
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля 1840

330. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимнюю ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-проводить,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1 апреля 1840

331. РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

332. ГРУСТЬ ДЕВУШКИ

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Почернел ты весь —
Что коса моя?

Иль обрызган ты
В скуке-горести
По милу дружку
Слезой девичьей?

В широких степях
Дона тихого
Зелена трава
Давно скошена;

На селе косцы
Давно женятся;
Только нет его,
Ясна сокола!

Иль он бросил дом,
Разлюбил меня
И не придет уж
К своей девице?..

Не к добру ж тоска
Давит белу грудь,
Нет, не к радости
Плакать хочется.

*10 декабря 1840
Москва*

333. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другим не любить
Никогда, никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И, бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огонь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

20 декабря 1841

При жизни поэта лишь немногие его стихотворения были положены на музыку (А. Гурилевым, Н. А. Титовым, Г. Ломакиным). В песенники и лубок они проникли в конце 40-х — начале 50-х годов. Наиболее известны романсы: «Парус», «Благодарность» и «Горные вершины» А. Варламова, «Мне грустно...» А. Даргомыжского, «Сон» и «Сосна» М. Балакирева, «Желание» А. Рубинштейна, «Утес» и «Когда волнуется желтеющая нива...» Н. Римского-Корсакова, «Она поет, и звуки тают...» Ц. Кюи, «Любовь мертвеца» П. Чайковского. На тексты Лермонтова писали также А. Алябьев («Черкесская песня»), А. Гурилев («И скучно, и грустно...»), М. Глинка («Слышу ли голос твой...», «Молитва»), С. Донауров («У врат обители святой...»), В. Соколов («Зови надежду сновиденьем...»), Н. А. Титов («Горные вершины») и многие другие. Циклы романсов создали М. Балакирев, А. Варламов, А. Даргомыжский, Э. Направник, Н. Римский-Корсаков, А. Рубинштейн, Н. П. Огарев, Полина Виардо-Гарсиа, Б. Фитингоф-Шелль. Кроме публикуемых текстов, наибольшее внимание композиторов привлекли: «На севере диком стоит одиноко...» (около 100 романсов), «Слышу ли голос твой...» (более 40 романсов), «Расстались мы...» (более 30 романсов), «Отчего...» (23 романа), «У врат обители святой...» (23 романа), «Вверху одна горит звезда...», «Она поет и звуки тают...», «Еврейская мелодия» (более 15 романсов на каждый текст) и другие. На музыку положено свыше 240 произведений Лермонтова. К творчеству поэта обращались свыше тысячи композиторов, создавших более 2500 сочинений (большая часть для голоса с фортепиано, а на 23 сюжета — кантатно-ораториальные произведения). Из советских композиторов наиболее плодотворно работали над музыкальным воплощением его стихов Б. Асафьев (три вокальных цикла, около 20 романсов); С. Василенко (около 20 романсов); романсы писали также С. Прокофьев («Ветка Палестины»), Ю. Шапорин, В. Шебалин, Д. Шостакович («Баллада», «Утро на Кавказе») и другие.¹

¹ Подсчет всех произведений произведен по кн.: Лермонтов в музыке. Справочник. Составители Л. И. Морозова, Б. М. Розенфельд. М., 1983. Основные издания: Романсы и песни рус. композиторов на тексты Лермонтова. Л., 1941; М. Ю. Лермонтов в романсах и песнях советских композиторов, М.; Л., 1941 (произведения 26 авторов); М. Ю. Лермонтов в романсах советских композиторов, М.; Л., 1951 (10 романсов, из них 8 новых); Романсы на слова М. Ю. Лермонтова. Л., 1974.

При таком огромном количестве романсов лишь немногие могут считаться удачными.¹ Поэзия Лермонтова ставила перед композиторами трудные задачи: по наблюдению исследователей, стилистика его стихотворений «в одних случаях располагала распеть стихи как песню, а не как вокальный монолог, а в других требовала иного, более сложного воплощения».² Сравнительно немногие стихотворения Лермонтова проникли в устный репертуар народных масс.³ Наибольшую песенную популярность приобрели «Узник», «Казачья колыбельная», «Тростник», «Воздушный корабль» и «Выхожу один я на дорогу...» (последние две — преимущественно в городской среде). В песенниках встречаются 19 текстов. В сборники солдатских песен включалось «Два великана».

334. БАЛЛАДА

Над морем красавица-дева сидит
И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на дно:
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

---

¹ Булич С. Лермонтов и рус. музыка // Лермонтов М. Ю. Полное собр. соч. Спб., 1913. Т. 5. С. 230; Глебов Игорь. Русская поэзия в русской музыке. С. 8—9.

² См.: Ливанова Т. Н. Русские поэты и вокальная лирика // Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Справочник. Составил Г. К. Иванов. М., 1966. Вып. 1. С. 12—13. Ср.: Канн Е. М. Ю. Лермонтов в музыке. М., 1939.

³ Виноградов Г. Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе // «Литературное наследство», 1941. Т. 43—44. С. 353—388; Чичеров В. И. Лермонтов и песня // Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959. С. 127—158.

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!», — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой,
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

1829

335. АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

336. ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

(Первая половина августа — 2 сентября 1832)

337. ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживленный,
Тростник заговорил —

То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горячих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок-любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на́ берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он,
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

1832

Русалка плыла по реке голубой,
 Озаряема полной луной;
 И старалась она доплеснуть до луны
 Серебристую пену волны.

И, шумя и крутясь, колебала река
 Отраженные в ней облака;
 И пела русалка — и звук ее слов
 Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у меня
 Играет мерцание дня;
 Там рыбок золотые гуляют стада;
 Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков,
 Под тенью густых тростников,
 Спит витязь, добыча ревнивой волны,
 Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковых кудрей
 Мы любим во мраке ночей,
 И в чело и в уста мы в полуденный час
 Целовали красавца не раз;

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
 Остается он хладен и нем,
 Он спит — и, склонившись на перси ко мне
 Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
 Полна непонятной тоской;
 И, шумно катясь, колебала река
 Отраженные в ней облака.

1832

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
 Москва, спаленная пожаром,
 Французу отдана?
 Ведь были ж схватки боевые,
 Да, говорят, еще какие!
 Недаром помнит вся Россия
 Про день Бородина!»

— «Да, были люди в наше время,
 Не то, что нынешнее племя:
 Богатыри — не вы!
 Плохая им досталась доля:
 Немногие вернулись с поля...
 Не будь на то господня воля,
 Не отдали б Москвы!»

Мы долго молча отступали,
 Досадно было, боя ждали,
 Ворчали старики:
 «Что ж мы? на зимние квартиры?
 Не смеют, что ли, командиры
 Чужие изорвать мундиры
 О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
 Есть разгуляться где на воле!
 Построили редут.
 У наших ушки на макушке!
 Чуть утро осветило пушки
 И леса синие верхушки —
 Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
 И думал: угощу я друга!
 Постой-ка, брат мусью!
 Что тут хитрить, пожалуй к бою;
 Уж мы пойдем ломить стеною,
 Уж постоим мы головою
 За Родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
 Что толку в этакой безделке?
 Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы».

1837

340. УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Февраль (?) 1837

341. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...

Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..

Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;

Стану целый день молиться,
По ночам гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...

Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:

Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;

Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

⟨1838⟩

342. МОЛИТВА

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

343. И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё так ничтожно.

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
Такая пустая и глупая шутка...
вокруг,—

Январь 1840

344. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ»>

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

〈Март〉 1840

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко́ над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Март или апрель 1840

346. ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Апрель 1840

347. ИЗ ГЕТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Май — начало июля 1841

349. ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Начало июля 1841

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины,
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

Лето 1841

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых — уста давно немые,
В глазах — огонь угаснувших очей.

Лето 1841

А. КОРСАК
(А. Я. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ)

Александр Корсак — литературный псевдоним Александра Яковлевича Римского-Корсакова. Родился он около 1807 года в Смоленской губернии, дату его смерти установить не удалось. Учась вместе с Глинкой в Благородном пансионе при Московском университете (1818—1823), он сблизился с композитором. В течение нескольких лет (с 1825 г.) Глинка жил в квартире Корсака, что способствовало их творческому сотрудничеству. Приятели часто устраивали литературно-музыкальные вечера.¹ На слова Корсака Глинка написал несколько романсов: «Я люблю, ты говорила...» (1827), «Горько, горько мне...» (1827), «Ночь осенняя, ночь любезная...» (1829), «Всегда везде со мною ты...» (1838) и другие. Музыка последнего романса была затем использована композитором для стихотворения Пушкина «В крови горит огонь желанья...». Стихотворения Корсака отдельной книгой не издавались. На текст «В кустах ароматной сирени...» романс написал Н. Буслов.

352. ПЕСНЯ

Я пойду косить
На зеленый луг:
Ты, коса моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву.

Не влюбляйся ты,
Сердце бедное:
Как коса моя
О горелый пень,
Горемычное,
Расшибешься ты.

---

¹ См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 15—20; Записки М. И. Глинки. М.; Л., 1934. С. 81—82, 95.

Красны девицы
Переменчивы;
Обещанья их
Словно ласточка:
Повестит весну,
Да и спрячется.

Так и девица
Нам сулит любовь
И с ней счастье:
Оглянешься ты —
В черном облаке
Унеслося всё.

Хор

Нам, брат, песнями
Не кормить коней:
За погодушкой
Скосим луг скорей;
Там пускай себе
Косы тупятся.

Добра молодца
Не уймешь никак
Песней жалобной:
Долго будет он
Поджидать милѡй
В ночь осеннюю.

<1829>

Михаил Александрович Бестужев (1800—1871) учился в Морском кадетском корпусе, служил в Московском полку. В 1825 году он вступил в тайное Северное общество и участвовал в восстании декабристов. После заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях Бестужев отбывал каторгу в Сибири и только за четыре года до смерти вернулся в Москву. Перу Бестужева принадлежат прозаические произведения. Его воспоминания «Мои тюрьмы» — одна из лучших книг декабристской мемуарной литературы. Из поэтических его произведений сохранилась публикуемая песня.

353

Что не ветер шумит во сыром бору,
 Муравьев идет на кровавый пир...
 С ним черниговцы идут грудью стать,
 Сложить голову за Россию-мать.
 И не бурей пал долу крепкий дуб,
 А изменник-червь подточил его.
 Закатилася воля-солнышко,
 Смертна ночь легла в поле бранное.
 Как на поле том бранный конь стоит,
 На земле пред ним витязь млад лежит.
 «Конь! мой конь! скачи в святой Киев-град;
 Там товарищи, там мой милый брат...
 Отнеси ты к ним мой последний вздох
 И скажи: „Цепей я нести не мог,
 Пережить нельзя мысли горестной,
 Что не мог купить кровью вольности“».

Между 1829 и 1834 (?)

Александр Иванович Одоевский родился в 1802 году в Петербурге, умер в 1839 году в урочище Кара-Агач, на Кавказе. Будучи офицером лейб-гвардии конного полка, вступил в Северное общество декабристов, участвовал в восстании 14 декабря 1825 года. Осужденный на 12 лет каторги, Одоевский был сослан в Сибирь, где пробыл до 1837 года, после чего его перевели рядовым на Кавказ. Там он сблизился с Лермонтовым, Огаревым и деятелями грузинской культуры. Из стихотворений Одоевского известность приобрел его «Ответ» на «Послание в Сибирь» Пушкина. При жизни Одоевского несколько его произведений было напечатано в «Литературной газете», в альманахе «Северные цветы», в «Современнике». Одоевский сочинял свои стихи устно; записанные со слов поэта или из уст его друзей, немногие стихотворения Одоевского были напечатаны в журналах после его смерти и изданы в книге «Собрание стихотворений декабристов» (Лейпциг, 1862). На три текста поэта написал музыку А. Дерфельдт («Матери», «Мой непробудный сон», «Соловей и роза»). Известен романс А. Варламова «Тебя уж нет...» («Матери»).

354. СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

Нежны и быстры ваши напевы!
Что ж не поете, ляшские девы,
В лад ударяя легкой стопой?
Сербские девы! песни простые
Любите петь; но чувства живые
В диком напеве блещут красотой.

Кто же напевы чехинь услышит,—
Звучные песни сладостных дев
Дышат любовью,— славою дышит,
Помня всю жизнь и песнь и напев.
Девы! согласно что не поете
Песни святой минувших времен?
В голос единый что не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполин
Ясный как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Старшая дочь в семействе славяна
Всех превзошла величием стана,—
Славой гремит, но грустно живет;
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле,
Сердцу тепло от ясных лучей!
В поле спеши, с меньшими сестрами,
И хоровод весь веди за собой;
Дружно сплетая руки с руками,
Радостно песнь свободы запой!

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный как день, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Между 1829 и 1834(?)

Александр Александрович Бестужев родился в 1797 году в Петербурге, погиб 7 июня 1837 года в битве у мыса Адлер. Учился Бестужев в Горном кадетском корпусе, служил в лейб-гвардии драгунском полку. После разгрома декабрьского восстания, в котором Бестужев участвовал вместе с другими членами Северного общества, он был заключен в крепость «Форт Слава», затем сослан в Якутию и, наконец, переведен рядовым на Кавказ. Литературная деятельность Бестужева началась в 1818 году: его стихотворение «Дух бури (Из Лагарпа)» появилось в «Сыне отечества» (1818, № 31). Принимая деятельное участие в литературной жизни, был членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и «Вольного общества любителей российской словесности» (с 1820 г.), вместе с К. Ф. Рылевым издавал «Полярную звезду». Поэзия Марлинского развивалась в русле романтизма, программу которого он отстаивал и в своей критической деятельности. На Кавказе сочинял песни для солдат, подражая стилистике народных песен, на их мелодии. Последнее стихотворение Бестужева — «Адлерская песня». Литературную славу у читателей-современников Бестужеву принесли его романтические повести 1830-х годов («Испытание», «Аммалат-бек», «Мулла-Нур» и др.). Проза Марлинского получила отрицательную оценку Белинского, но критик отметил историческое значение писателя как первого повествователя. Стихотворения из названных повестей, положенные на музыку А. Алябьевым, А. Варламовым и И. Рупиным, были популярны. Алябьеву принадлежит и опера на сюжет «Аммалат-бека» (либретто А. Ф. Вельтмана). Одноименную оперу написал и А. Афанасьев. На стихи из повести «Наезды» (1831) музыку написал К. Вильбоа («Милы полякам битвы...»). Известен также романс А. Плещеева «Осень» («Пал туман на море синее...»). Но особенно замечательны агитационные песни и «подблюдные песни», сочиненные Бестужевым в сотрудничестве с Рылевым (см. № 221). Некоторые из «подблюдных песен» написаны, в основном, одним Бестужевым.¹

¹ См.: Восстание декабристов. Т. 1. С. 457—458.

355. <ИЗ ПОВЕСТИ «ИСПЫТАНИЕ»>

Скажите мне, зачем пылают розы
Эфирною душою по весне
И мотылька на утренние слезы
Манят, зовут приветливо оне?
Скажите мне!

Скажите мне, не звуки ль поцелуя
Дают свою гармонию волне?
И соловей, пленительно тоскуя,
О чем поет во мгле и тишине?
Скажите мне!

Скажите мне, зачем так сердце бьется
И чудное мне видится во сне,
То грусть по мне холодная прольется,
То я горю в томительном огне?
Скажите мне!

<1830>

356. <ИЗ ПОВЕСТИ «АММАЛИАТ-БЕК»>

На Казбек слетелись тучи,
Словно горные орлы...
Им навстречу, на скалы
Уздней отряд летучий
Выше, выше, круче, круче
Скачет, русскими разбит:
След их кровию кипит.

На хвостах полки погони;
Занесен и штык, и меч;
Смертью сеется картечь...
Нет спасенья в силе, в броне...
«Бёгу, бегу, кони, кони!»
Пали вы,— а далека
Крепость горного леска!

Сердце наших — русским мета...
На колена пал мулла —
И молитва, как стрела,
До пророка Магомета,

В море света, в небо света,
Полетела, понеслась:
«Иль-Алла, не выдай нас!»

Нет спасенья ниоткуда!
Вдруг, по манию небес,
Зашумел далекий лес:
Веет, плещет, катит грудой,
Ниже, ближе, чудо, чудо!..
Мусульмане спасены
Средь лесистой крутизны!

1832

357. <ИЗ ПОВЕСТИ «МУЛЛА-НУР»>

Для чего ты, луч востока,
Рано в сень мою запад?
Для чего ты стрелы ока
В грудь мне, юноша, послал?

Светит взор твой — не дремлю я,
Луч блеснул — и сон мой прочь.
Так, сгорая и тоскуя,
Провожу я день и ночь!

У меня ли бархат — ложе,
Изголовье — белый пух,
Сердце — жар; и для кого же
Для кого, бесценный друг?

Между 1830 и 1836

На тексты Федора Ивановича Тютчева (1803—1873) написано большое количество вокальных произведений: внимание композиторов привлекли свыше восьмидесяти стихотворений поэта, некоторые из них неоднократно переложены на музыку («Весеннее успокоение», «Весенние воды», «Волна и дума», «Слезы людские, о слезы людские...», «Тени сизые смешались...», «Что ты клонишь над водами...» и др.). Хотя к текстам Тютчева обращались виднейшие композиторы (А. Гречанинов, Э. Направник, Ц. Кюи, С. Танеев, П. Чайковский), но, по замечанию Б. В. Асафьева, «все преломления его поэзии в музыкальных зеркалах несовершенны и вялы, в сравнении с силой и мощью пронизательно жгучей тютчевской мысли».¹ Эта резкая характеристика особенно справедлива в отношении авторов массы романсов, созданных в конце XIX — начале XX века (М. Анцев, Ф. Акименко, В. Золотарев, Г. Катуар, Н. Соколов, П. Чесноков, Н. Черепнин, А. Щербачев и мн. др.). Исключение составляют прекрасные романсы С. Рахманинова («Весенние воды», «Все отнял у меня казнящий бог...», «Сей день, я помню, для меня...», «Ты зрел его в кругу большого света...», «Фонтан»). Несколько удачных романсов принадлежат Н. Метнеру («Бессонница», «О чем ты воешь, ветер ночной...», «Сумерки»), С. Танееву («Восход солнца», «Полдень», «Из края в край, из града в град...») и Н. Мясковскому (цикл «На склоне дня»). Некоторую известность приобрели романсы М. Толстого («Прости» («Так здесь то суждено нам было...»)) и Е. Кочубей («Я очи знал, о эти очи...»). Кроме публикуемых текстов наиболее популярных романсов, в песенниках встречается «И опять звезда ныряет...».

358. ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

¹ Г л е б о в И г о р ь. Русская поэзия в русской музыке. Пг., 1923. С. 7.

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

〈1829〉, начало 1830-х годов

359

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,—
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Осень 1849

360

Я очи знал,— о, эти очи!
Как я любил их — знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденья, утомленный
И, как страданья, роковой.

В эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Между июлем 1850 и серединой 1851

Я встретил вас — и всё былое
 В отжившем сердце ожило;
 Я вспомнил время золотое —
 И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
 Бывают дни, бывает час,
 Когда повеет вдруг весною
 И что-то встрепенется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
 Тех лет душевной полноты,
 С давно забытым упоеньем
 Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
 Гляжу на вас, как бы во сне,—
 И вот — слышнее стали звуки,
 Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
 Тут жизнь заговорила вновь,—
 И то же в вас очарованье,
 И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

Евдокия Петровна Ростопчина родилась в Москве в 1811 году, умерла в 1858 году там же. Она принадлежала к высшему дворянскому обществу, но была связана с литературными кругами 1830—1840-х годов. Как поэтесса она пользовалась вниманием Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Вяземского. В ранний период она разделяла настроения передовой части русского общества, а позднее сблизилась со славянофилами. Первое печатное произведение поэтессы — стихотворение «Талисман» («Северные цветы» на 1831 год). Она сотрудничала в «Современнике» (Пушкина), «Сыне отечества», «Отечественных записках», позже — в «Москвитянине», «Библиотеке для чтения» и в «Пантеоне»; кроме стихотворений, писала поэмы, прозаические произведения и драмы. Салонная и верноподданническая лирика Ростопчиной вызвала критическое отношение со стороны революционных демократов, но лучшие ее стихотворения были популярны. Стихотворение «Насильный брак» (1846), выражавшее сочувственное отношение к Польше, было воспринято современниками как сатира на политику царского правительства, ходило в списках и вызвало недовольство Николая I. Полное собрание стихотворений поэтессы вышло в свет в 1856—1859 годах (в 4-х частях). Стихи Ростопчиной (49 текстов) переложили на музыку выдающиеся русские композиторы: А. Даргомыжский («Море и сердце», «Дайте крылья мне перелетные...», «Я сказала, зачем...»), М. Глинка («Зацветет черемуха...», «Северная звезда» — «Дивный терем стоит...»), А. Рубинштейн («Осенний вечер», «Падучая звезда», «Певица»). На «Слова для музыки» («И больно, и сладко...») создал один из лучших своих романсов П. Чайковский. На тексты Ростопчиной писали романсы также А. Алябьев («Талисман»), Павел Булахов («Бывало, я при нем живее...»), А. Варламов («Падучая звезда»), М. Виельгорский («Когда б он знал, какой удар жестокий...»), С. Донауров («Дайте крылья мне перелетные...»), А. Дюбек («Замолчи, не пой напрасно...»), О. Дютш («Любила, люблю и век буду любить...»), М. Ипполитов-Иванов («Утро»), П. Макаров («Зачем в день встречи роковой...», «Зачем любить, когда любовь напрасна...»), С. Рахманинов («Когда б он знал, как дорого мне стоит...»), В. Соколов («Что ты, молодость моя...») и другие. Интерес самой Ростопчиной к музыке, привлекавшей к поэтессе известных композиторов, музыкантов и певцов (в ее литературном салоне устраивались музыкальные вечера), проявился и в том, что сама она

несколько своих стихов написала в жанре песни («Песня», «Русская песня», «Простонародная песня») или посвятила пению («Певица», «Дуэт», «Цыганский табор»), предназначая некоторые из них для композиторов; несколько «простонародных песен» написала в 1840-е годы по просьбе Даргомыжского. Характерно, что несколько стихотворений ее имеют названия «Слова для музыки» — кроме упоминавшихся, это стихи 1850-х годов: «Голубая душегрейка», «Там много их было, веселых гостей...», «Не сотвори себе кумира...» и другие. На музыку Л. Голицына Ростопчина написала «Романс» («Я не скажу, зачем во цвете лет...»). Некоторые стихотворения Ростопчиной встречаются в песенниках (кроме публикуемых: «Неверный», «Тучи черные собираются...», «Осенний вечер», «Северная звезда», «Певица», «Пусть он неверен...»).

362. КОГДА Б ОН ЗНАЛ!

Подражание г-же Деборд-Вальмор

Для Елизаветы Петровны Пашковой

Когда б он знал, что пламенной душою
С его душой сливаюсь тайно я!
Когда б он знал, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда б он знал, как страстно и как нежно
Он, мой кумир, рабой своей любим...
Когда б он знал, что в грусти безнадежной
Увяну я, непонятая им!..
Когда б он знал!

Когда б он знал, как дорого мне стоит,
Как тяжело мне с ним притворной быть!
Когда б он знал, как томно сердце ноет,
Когда велит мне гордость страсть таить!..
Когда б он знал, какое испытанье
Приносит мне спокойный взор его,
Когда взамен немого обожанья
Я тщетно жду улыбки от него.
Когда б он знал!

Когда б он знал... в душе его убитой
Любви бы вновь язык заговорил
И юности восторг полузабытый
Его бы вновь согрел и оживил!

И я тогда, счастливица!.. любима...
Любима им была бы, может быть!
Надежда льстит тоске неутолимой;
Не любит он... а мог бы полюбить!
Когда б он знал!

*Февраль 1830, (1856)
Москва*

363

Дайте крылья мне перелетные,
Дайте волю мне... волю сладкую!
Полечу в страну чужеземную
К другу милому я украдкой!

Не страшит меня путь томительный,
Я помчусь к нему, где бы ни был он.
Чутьем сердца я доберусь к нему
И найду его, где б ни скрылся он!

В воду кану я, в пламя брошусь я!
Одолею всё, чтоб узреть его,
Отдохну при нем от кручины злой,
Расцвету душой от любви его!..

*Август 1831
Петровское*

364. СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

*Посвящается
Меропе Александровне
Новосильцовой*

И больно, и сладко,
Когда, при начале любви,
То сердце забьется украдкой,
То в жилах течет лихорадка,
То жар запылает в крови...
И больно, и сладко!..

Пробьет час свиданья,—
Потупя предательный взор,
В волненье, в томленье незнания,
Боясь и желая признанья,—
Начнешь и прервешь разговор...
И в муку свиданье!..

Не вымолвишь слова...
Немеешь... робеешь... дрожишь...
Душа, проклиная оковы,
Вся в речи излиться б готова...
Но только глядишь и молчишь —
Нет силы, нет слова!..

Настанет разлука —
И, холодно, гордо простясь,
Уйдешь с своей тайной и мукой!..
А в сердце истома и скука,—
И вечностью каждый нам час,
И смерть нам разлука!..

И сладко, и больно...
И трепет безумный затих;
И сердцу легко и раздольно...
Слова полились бы так вольно,
Но слушать уж некому их,—
И сладко, и больно!

2 февраля 1854

Николай Филиппович Павлов родился в 1803 году в Москве, умер в 1864 году там же. Он происходил из крепостных (дворовых) крестьян, в детстве был отпущен на волю, учился в Московском театральном училище, а затем на отделении словесных наук Московского университета, был недолгое время актером, служил в суде. Первое его опубликованное произведение — басня «Блестки» (1822). Стихи Павлов печатал в 1820-е годы в «Мнемозине», «Московском вестнике», «Московском телеграфе», «Галатее», состоял в «Вольном обществе любителей российской словесности». Известность Павлову принесли его «Три повести» (1835), высоко оцененные Белинским. Он был первым переводчиком на русский язык повестей Бальзака, его перу принадлежат также водевили, куплеты из которых пользовались популярностью, а также ряд критических статей, опубликованных в 1850-е годы в «Русском вестнике» и получивших сочувственный отзыв Чернышевского, и книга «Об источниках и форме русского баснословия» (1859). В последние годы своей жизни редактировал реакционные газеты «Наше время» и «Русские ведомости». Отдельным изданием стихотворения Павлова не выходили, но, по свидетельству Е. Ростопчиной, они распространялись анонимно.¹ Как поэт он принадлежал к романтическому направлению; лучшие его элегические стихотворения привлекли внимание композиторов, среди которых были М. Глинка и А. Даргомыжский (см. примечания к публикуемым текстам).

365. РОМАНС

Не говори ни да, ни нет,
Будь равнодушной, как бывало,
И на решительный ответ
Накинь густое покрывало.

---

¹ См.: «Русская старина». 1885, № 3. С. 692.

Как знать, чтоб да и нет равно
Для сердца гибелью не стали?
От радости ль сгорит оно,
Иль разорвется от печали?

И как давно и как люблю,
Я на душе унылой скрою;
Я об одном судьбу молю,
Чтоб только чаще быть с тобою.

Чтоб только не взошла заря,
Чтоб не рассвел тот день над нами,
Как ты с другим у алтаря
Поникнешь робкими очами!

Но, время без надежд губя
Для упоительного яда,
Зачем я не сводил с тебя
К тебе прикованного взгляда?

Увы! Зачем прикован взор,
Взор одинокий, безнадежный,
К звездам, как мрачный их узор
Рисуется в дали безбрежной?..

В толпе врагов, в толпе друзей,
Среди общественного шума,
У верной памяти моей
Везде ты, царственная дума.

Так мусульманин помнит рай
И гроб, воздвигнутый пророку;
Так, занесенный в чуждый край,
Всегда он молится востоку.

<1830>

366. РОМАНС

Она безгрешных сновидений
Тебе на ложе не пошлет
И для небес, как добрый гений,
Твоей души не сбережет;
С ней мир другой, но мир прелестный,
С ней гаснет вера в лучший край...

Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Нет у нее бесплотных крылий,
Чтоб отделиться от людей;
Она — слиянье роз и лилий,
Цветущих для земных очей.
Она манит во храм чудесный,
Но этот храм — не светлый рай...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Вглядись в пронзительные очи —
Не небом светятся они:
В них есть неправедные ночи,
В них есть мучительные дни.
Пред тронем красоты телесной
Святых молитв не зажигай...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Она — не ангел-небожитель,
Но, о любви ее моля,
Как помнить горнюю обитель,
Как знать, что — небо, что — земля?
С ней мир другой, но мир прелестный,
С ней гаснет вера в лучший край,
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Первая половина 1834

367

Не говори, что сердцу больно
От ран чужих;
Что слезы катятся невольно
Из глаз твоих!

Будь молчалива, как могилы,
Кто ни страдай,
И за невинных бога силы
Не призывай!

472

II Твоей души святые звуки,   185
Твой детский бред —

Перетолкует всё от скуки
Безбожный свет.

Какая в том тебе утрата,
Какой подрыв,
Что люди распинают брата
Наперерыв?

1853

Михаил Алексеевич Бестужев-Рюмин родился, вероятно, в 1798 году (по менее достоверным сведениям — в 1802 году),¹ умер в Петербурге в 1832 году. В молодости служил в армии бригадным и дивизионным адъютантом, рано вышел в отставку и с начала 1820-х годов занимался литературной и журналистской деятельностью. Писал стихи, рецензии, критические и полемические статьи, издавал альманахи и газеты («Майский листок», 1824; «Сириус», Ч. 1, 1826; «Северная звезда на 1829 год», 1829; музыкальный журнал «Гирланда», 1831—1832; литературная газета «Северный Меркурий», 1830—1832). В некоторых своих изданиях публиковал без ведома и без разрешения Пушкина его стихотворения (с сокращениями и искажениями). Критические статьи Бестужева-Рюмина содержат поверхностные отзывы о произведениях Веневитинова, А. Подолинского, И. Козлова, Пушкина (печальную известность приобрел его «плоский пасквиль, в дурных виршах» на «Бориса Годунова».)² Написал некролог, посвященный Дельвигу. Полемические статьи Бестужева-Рюмина направлены, главным образом, против «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» и его издателя А. Воейкова. Как поэт он дебютировал стихотворениями «Истинный герой» («Русский вестник». 1819, № 10). Его перу принадлежат элегии («Раскаяние», «Безнадежность»), баллады («Рыбак»), сатиры («Оракул в новом роде...»), диалог в стихах «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин», поэмы «Гречанка», «Умиравший Байрон», «Наталья — боярская дочь», роман в стихах «Владимир Волгин». Большинство сочинений публиковал в своих изданиях, сотрудничал также в «Северной пчеле», в «Благонамеренном». Немногие его стихотворения положены на музыку. Кроме публикуемого, известна элегия «Равнодушие» (приложение к «Гирланде», музыка Н. А. Титова). Сам Бестужев-Рюмин играл на гитаре, сочинял аккомпанемент к романсам других авторов (например, к стихотворениям М. Офросимова, положенным на музыку Н. А. Титовым).

---

¹ Первое известное сочинение Бестужева-Рюмина опубликовано в 1816 г. и вряд ли могло принадлежать четырнадцатилетнему автору. Дата рождения приводится по примечаниям к книге: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 531.

Печально на кольцо заветное гляжу
 И милое лицо на память привожу.
 Эльвира, дав его, сказала: «Вспоминай!
 Люби и моего кольца не потеряй!»
 Но изменить своей я клятвы не могу
 И до последних дней, конечно, сберегу.
 В нем радость вся моя! Коль на него гляжу —
 В нем будто что-то я родное нахожу.

1831

Александр Фомич Вельтман родился в 1800 году в Петербурге, умер в 1870 году в Москве. Он учился в Благородном пансионе при Московском университете и в других училищах, был позже топографом в Бессарабии, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, с 1842 года был помощником директора, а с 1852-го — директором Оружейной палаты. Состоял членом «Общества истории и древностей российских» и «Вольного общества любителей российской словесности». Первые литературные опыты Вельтмана относятся к 1810-м — началу 1820-х годов (в 1820 г. Пушкину во время пребывания его в Кишиневе он был уже известен как поэт). Дебют его в печати относится к 1825 году (отрывок из поэмы «Беглец» в «Сыне отечества»), а в 1828 году там же появились его стихотворения «Юная грешница», «Ожидание». Известность ему принесли романы («Странник», 1831—1832; «Кощей бессмертный», 1833; цикл романов «Приключения, почерпнутые из моря житейского» — «Саломея», «Чудодей», 1846 и др.). Перу Вельтмана принадлежат также повести (изданы 2-мя томами в 1837 и 1843 гг.), драмы, сказки в стихах, переложение «Слова о полку Игореве», ряд исторических трудов. Вельтман написал также несколько поэм и повестей в стихах: кроме упоминавшегося «Беглеца» (издан полностью в 1831 г.) — «Муромские леса» (1831), «Ратибор Холмоградский» (1841), «Эскандер» и другие (последнюю отметил Белинский). Многие стихи из них положены на музыку. Стихотворения Вельтмана отдельно не издавались. Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречаются также песни: «Полюбил всей душой я девицу...» (музыка А. Батарины) и «Как денница появится...» (музыка А. Даргомыжского). На стихи Вельтмана А. Алябьевым написаны романсы «Не для меня» («Когда я песнь твою внимаю...»), «Луч надежды», «Тайная скорбь», «Тайна» («Я не скажу, я не признаюсь...»). На последний текст романсы написали еще несколько композиторов (В. Всеволожский, И. Иогель и др.). Тексты из поэмы «Ратибор Холмоградский» на музыку положили А. Алябьев и А. Даргомыжский (два хора для незаконченной оперы «Рогнеда»). Известен романс Петра Булахова на текст «Не для меня...».

Что отуманилась, зоренька ясная,
 Пала на землю росой?
 Что ты задумалась, девушка красная,
 Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокою!
 Певень ударил крылом,
 Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
 Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
 Крепче веди под уздцы!
 Едут с товарами в путь из Касимова
 Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
 Шубка на лисьем меху!
 Будешь ходить ты, вся златом облитая,
 Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокою,
 Много нарядов куплю!
 Я ль виноват, что тебя, черноокою,
 Больше, чем душу, люблю!

<1831>

370. ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Месяц светел серебрится,
 Тише, добрый друг, плыви!
 Сердце жаждет перелиться
 В звуки грусти и любви.
 Мой свидетель одинокой,
 Не отринь любви моей
 И на сердце светлоокой
 Мои слезы перелей.
 Я увяну, я изною,
 Жизнь поблекнет, опадет.

Пусть скорее надо мною
Светлый взор ее взойдет!
Что́ луна сребристой ночи,
Что́ лучи златого дня —
Когда бросят ее очи
Луч надежды на меня!

(1839)

Иван Иванович Лажечников родился в 1792 году в Коломне, умер в 1869 году в Москве. Он участвовал в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах 1813—1814 годов. Выйдя в отставку (1819), работал директором училищ в Пензенской и Казанской губерниях. Известность Лажечникову принесли исторические романы: «Последний Новик» (1833), «Ледяной дом» (1835), «Басурман» (1838). Перу его принадлежат также драмы, которые успеха не имели. Песни на тексты из романа «Последний Новик» написаны А. Алябьевым. Стихотворения «Отпусти меня, родная...» и «Солдатик» («Покою будь в неверный час ночной...») на музыку положил Петр Булахов. На сюжет драмы «Опричник» оперу написал П. Чайковский.

371. <ИЗ РОМАНА «ПОСЛЕДНИЙ НОВИК»>

Сладко пел душа-соловушка
В зеленом моем саду;
Много-много знал он песен,
Слаще не было одной.

Ах! та песнь была заветная,
Рвала белу грудь тоской;
А всё слушать бы хотелось,
Не расстался бы век с ней.

Вдруг подула с полуночи,
Будто на сердце легла,
Снеговая непогодушка
И мой садик занесла.

Со того ли со безвременья
Опустел зеленый сад;
Много пташек, много песен в нем,
Только милой не слышать.

Слышите ль, мои подруженьки,
В зеленѣм моем саду
Не поет ли мой соловушко
Песнь заветную свою?

«Где уж помнить перелетному,—
Мне подружки говорят,—
Песню, может быть, постылую
Для него в чужом краю?»

Нет, запел душа-соловушко
В чужой-дальней стороне;
Он всё горький сиротинушка,
Он всё тот же, что и был;

Не забыл он песнь заветную.
Всё про край родной поет,
Всё поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

(1831)

Александр Александрович Шаховской родился в 1777 году в с. Беззаботном Ельнинского уезда Смоленской губернии, умер в 1846 году в Москве. По окончании Благородного пансиона при Московском университете служил в гвардии (до 1802 г.). Выйдя в отставку, Шаховской посвятил себя литературе и театру, служил в Репертуарном комитете (в Петербурге), состоял членом Российской Академии. Первые стихотворные опыты Шаховского относятся к 1790-м годам, а первая стихотворная комедия «Женские шутки» была написана им в 1795 году (не сохранилась). Первая дошедшая до нас комедия Шаховского — «Коварный» (1803). Славу драматургу принесли его многочисленные комедии, оперы и водевили 1810-х — начала 1830-х годов. Многие песни из них были в свое время популярны, а некоторые вошли в устный репертуар. Кроме публикуемого текста, известна «Сандрильона» («Я скромна, тиха, уединенна...») из комической оперы «Любовная почта» (с музыкой К. Кавоса, 1806), а также песни «Знают турки нас и шведы...» (из оперы «Казак-стихотворец», музыка К. Кавоса, 1812), «Не сокол в небесах...» (из оперы-водевиля «Крестьяне, или Встреча незваных», музыка С. Титова, 1815), «Не шумите, ветры буйные...» (из драмы «Рославлев», музыка А. Варламова, 1832). Шаховского увлекал жанр «русской песни». В «Двумужнице», кроме публикуемой, имеется еще несколько песен: «Под кустиком, под ракитовым...», «Не знавал я рода-племени...», «Не бойтесь, девушки...», «Вошел козел в огород...». Эти тексты, а также песни «Вот идут полки родные...» и «Налетал сокол из поднебесья...» на музыку положил Варламов. Позже к текстам из «Двумужницы» обратились Ю. Арнольд и А. Фаминцын.

372. <ИЗ ДРАМЫ «ДВУМУЖНИЦА»>

Вверх по Волге с Нижня города
 Снаряжен стружок, что стрела летит,
 А на том стружке, на снаряженном,
 Удалых гребцов сорок два сидит.
 Да один из них призадумался,
 Призадумался, пригорюнился.

Отчего же ты, добрый молодец,
Приздумался, пригорюнился?
«Я задумался о белом лице,
Загорюнился о ясных очей:
Всё на ум идет красна девица,
Всё мерещится ненаглядная!
Аль затем она на свет родилася
Лучше, краше солнца ясного,
Ненагляднее неба чистого,
Чтоб лишить меня света белого,
Положить во гроб прежде времени?
Я хотел бы позабыть о ней,
Рад-радехонек не любить ее —
Да нельзя мне позабыть о ней,
Невозможно не любить ее!
Если ж девица да не сжалится
Надо мною, горемыкою,
Так зачем же и на свете жить
Мне безродному, бесприютному!
Уж хоть вы, братцы-товарищи,
Докажите мне дружбу братскую:
Бросьте вы меня в Волгу-матушку,
Утопите грусть, печаль мою».

(1832)

Алексей Васильевич Тимофеев родился в 1812 году в селе Курмыш Симбирской губернии, умер в 1883 году в своем имении в Саратовской губернии. После окончания Казанского университета он был чиновником — сначала в Петербурге (до 1841 г., с перерывом на некоторое время, когда он находился в заграничном путешествии), затем в Одессе, Воронеже, Уфе, Москве. Первое его печатное произведение — драма «Разочарованный» (Спб., 1832). Сотрудничал он в «Сыне отечества» (1833—1835) и в «Библиотеке для чтения» (1835—1839). В 1830-е годы вышли в свет два сборника его стихотворений: «XII песен в трех «отделах» (Спб., 1833—1834) и «Песни» (в 2-х частях. Спб., 1835). Тогда же было издано и собрание сочинений Тимофеева в трех томах («Опыты», Спб., 1837).¹ Литературная деятельность Тимофеева окончилась, в сущности, в 1843 году опубликованием нескольких стихотворений в «Маяке» (немногие его произведения появились лишь в «Складчине» в 1874 г., а в 1876 г. — весьма неудачная поэма «Микула Селянинович, представитель земли», в 2-х томах). Хотя Белинский дал невысокую оценку творчеству Тимофеева в целом, однако лучшие его стихотворения 1830-х годов, написанные в жанре «русской песни» и положенные на музыку А. Варламовым и А. Даргомыжским, стали популярными песнями в демократических кругах русского общества. Кроме публикуемых текстов, известны романсы А. Даргомыжского «Каюсь, дядя, черт попутал...», «Старина» («Бабушка, скажи нам...»), А. Варламова «Челнок». Цикл романсов на стихи Тимофеева создал Н. Бахметьев.

373. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Не судите, люди, люди добрые,
Бесталанную головушку;
Не браните меня, молодца,
За тоску мою, кручинушку.

¹ Сборники изданы под псевдонимом: Т.м.ф.в.

Не понять вам, люди добрые,
Злой тоски моей, кручинушки;
Не любовь сгубила молодца,
Не разлука, не навет людской.

Сердце ноет, ноет день и ночь,
Ищет, ждет, чего не ведая;
Так бы всё в слезах и таяло,
Так бы всё в слезах и вылилось.

Где вы, где вы, дни разгульные,
Дни бывлые — весна красная?..
Не видать вас больше молодцу,
Не нажать ему прошедшего!

Расступись же ты, сыра земля,
Растворяйся, мой дощатый гроб!
Приюти меня в ненастный день,
Успокой мой утомленный дух!

<1833>

374. СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!

Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетелем были
Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утесы да бездны,
Постель постилали
Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посетили нас гости
По своей доброй воле!

Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали
Земля с небесами.
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая;
Разбудило нас утро!

Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце
Играло с росой;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздыхнув, улыбнулась...

21 февраля 1834

375. РАЗЛУКА

Река шумит, река ревет,
Мой челн о брег кремнистый бьет.
Сердит и страшен говор волн...
Прости, мой друг! — Лети, мой челн!

Лети, лети, несись, гуляй!..
Мой друг, утешься, не рыдай!
Не изменю в стране чужой;
И здесь, и там — везде я твой!

Река шумит, река ревет,
Меня манит, меня зовет...
Прости! увидимся ль опять?..
К разлуке нам не привыкать!

Прости, мой друг!.. И челн летит,
Подруга с берега глядит,
Страшней, страшней валы в реке —
И... челн исчезнул вдалеке.

<1835>

376. ПИРАТЫ

Мы живем среди морей
В кораблях летучих,
Лес наш — тучи, соловей —
Плеск валов гремучих.

Не посеявши, мы жнем;
Не прося, имеем;
День проходит полуднем;
Будни — юбилеем.

Если ж праздник задаем
Перед общей сменой —
Облака горят огнем,
Море брызжет пеной.

Нам не нужны ни друзья,
Ни отцы, ни сваты;
Не роднясь, мы все родня;
Не женясь, женаты.

Корабли и острова
Дань несут без платы...
В небе царствуют грома,
На море — пираты!

17 февраля 1835 г.
Венеция

377. ВЫБОР ЖЕНЫ

Не женись на умнице,
На лихой беде!
Не женись на вдовушке,
На чужой жене!

Женишься на вдовушке —
Старый муж придет;
Женишься на умнице —
Голову свернет.

Не женись на золоте,
Тестевом добре!
Не женись на почестях,
Жениной родне!

Женишься на золоте —
Сам продашь себя;
Женишься на почестях —
Пропадай жена!

Много певчих пташечек
В божиих лесах;
Много красных девушек
В царских городах.

Загоняй соловушку
В клеточку твою;
Выбирай из девушек
Пташечку-жену.

⟨1837⟩

378. ТОСКА

«Оседлаю коня, коня быстрого;
Полечу, понесусь легким соколом
От тоски, от змеи, в поле чистое;
Размечу по плечам кудри черные,
Разожгу, распалю очи ясные —
Ворочусь, пронесусь вихрем, выгоюю;
Не узнает меня баба старая!

Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забренчу в гусли звонкие;
Побегу, полечу к красным девушкам —
Прогуляю с утра до ночной звезды,
Пропирую с зари до полуночи,
Прибегу, прилечу с песней, с посвистом;
Не узнает меня баба старая!»

— «Полно, полно тебе похвалиться, князь!
Мудрена я, тоска, — не схоронишься:
В темный лес оберну красных девушек,
В гробовую доску — гусли звонкие,
Изорву, иссушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню с света божьего;
Изведу я тебя, баба старая!»

Не постель постлана в светлом тереме —
Черный гроб стоит с добрым молодцем;
В изголовье сидит красна девица,
Горько плачет она, что ручей шумит,
Горько плачет она, приговаривает:
«Погубила тоска друга милого!
Извела ты его, баба старая!»

<1838>

379. БОРОДА

Борода ль моя, бородушка!
Борода ль моя бобровая!
Поседела ты, бородушка,
До поры своей, до времени!
Поведешь, бывало, гаркнувши,
Усом черным, молодецким —
Красна девица огнем горит,
Дочь боярска тает в полыми;
Прикушу тебя, косматую, —
Басурманин злой с коня летит,
Дряблый немец в нору прячется.

Занесло тебя, родимую,
Да не снегом, да не инеем —
Сединой лихой, кручиною;

Растрепал тебя, кудрявую,
Да не ветер, да не лютый враг —
Растрепал тебя неожиданный гость,
Что неожиданный гость — змея-тоска,
Борода ль моя, бородушка!
Борода ль моя бобровая!

⟨1843⟩

380. ЧЕРНЫ ОЧИ, ЯСНЫ ОЧИ!

Черны очи, ясны очи!
Из-под соболей-ресниц
Вы темней осенней ночи,
Ярче молний и зарниц.

Вы — огонь, вы — пламя страсти,
Вы — магическая власть,
Вы — любовь, вы — сладострастье,
Вы — блаженство, вы — напасть.

Вдруг зажгутся, запылают —
Загорится страсти ад.
Вдруг померкнут, потухают —
И слезами заблестят.

Но зачем вы, черны очи,
Чудо, прелесть красоты,—
Вдруг ясней, чем звезды ночи,
То как грустный след мечты?

Очи, очи, не блестите
Пламенем дивного огня,
Вы не искритесь, не жгите:
Ваш огонь не для меня!

Я узнал, ах, черны очи,
Кто в вас смотрится тайком
И кого в прохладе ночи
Жжете страстным вы огнем.

⟨1847⟩

Андрей Порфирьевич Серебрянский (Сребрянский) родился в 1810 году в селе Козловка Богучарского уезда Воронежской губернии, умер в 1838 году там же. По окончании Воронежской семинарии он учился сначала в Московском университете (на медицинском факультете), а затем в Петербургской медико-хирургической академии, которую не закончил вследствие тяжелой болезни (туберкулез). Во время учения в семинарии Серебрянский объединил вокруг себя молодежь; в этот литературно-философский кружок входил и юный Кольцов. Серебрянский и его товарищи увлекались музыкой и пением. Сам Серебрянский отличался широтой интересов, в частности ему принадлежит статья «Мысли о музыке». Написанные во время пребывания в семинарии и университете стихотворения не оригинальны — в них ощущается влияние Державина, а также Карамзина и других писателей начала XIX века — сентименталистов. Большая часть его стихотворений написана в жанре элегии, среди них есть и опыты в жанре «русской песни», близкие к ранним стихам Кольцова. Из всех произведений Серебрянского только публикуемое стало песней и, войдя в устный репертуар задолго до опубликования, приобрело долгую жизнь. Стихотворения Серебрянского опубликованы А. Путинцевым в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1906 год», в приложении к статье «Андрей Порфирьевич Серебрянский».

381. ВИНО

Быстры, как волны, дни нашей жизни,
Что час, то короче к могиле наш путь.

Напемим янтарной струею бокалы!
И краток и дорог веселый наш миг.

Будущность тёмна, как осени ночи,
Прошедшее гибнет для нас навсегда;

Ловите ж минуты текущего быстро,
Как знать, что осталось для нас впереди?

Умрешь — похоронят, как не был на свете;
Сгниешь — не восстанешь к беседе друзей.

Полнее ж, полнее забвения чашу!
И краток и дорог веселый наш миг.

Начало 1830-х годов

Федор Алексеевич Кони родился в 1809 году в Москве, умер в 1879 году в Петербурге. С 1827 по 1833 год Кони учился в Московском университете (на философском, а затем медицинском факультете), позже преподавал историю в учебных заведениях Москвы и Петербурга (по 1849 г.). Первые литературные опыты его относятся ко времени пребывания в университете (перевод мелодрамы В. Дюканжа «Смерть Калхаса» увидел свет рампы в 1829 г.). Известность Кони принесли его водевили. Первый из них — «Жених по доверенности» — напечатан в 1833 году. Всего Кони написал свыше тридцати водевилей, сатирические куплеты из которых были популярны. Кони редактировал «Литературную газету» (1840—1843) и театральные журналы: «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840—1841), «Репертуар и Пантеон» (1847—1851) и «Пантеон» (1852—1856), где публиковал свои статьи. Перу Кони принадлежат также «История Фридриха Великого» (Спб., 1844), ряд переводов из Гёте, Беранже, Мицкевича и других поэтов. Среди ранних его стихотворений встречаются опыты «русской песни» («Цветок» — «Не жемчуг дорогой на цветочке блестит...»). Из стихотворений Кони (отдельно они не издавались) популярность приобрела публикуемая баркарола. На его тексты А. Варламовым написана «Песнь барда» и романс «Рано, цветик, рано ты...» (из водевиля «Деловой человек, или Дело в шляпе», 1840). Несколько песен Кони 1830-х годов на музыку положил И. Рупин («Ах, как мне быть, скажите мне...», «Цветок», «Рано, цветик, рано ты...», «Что, соловушка, примолкнул...»), ему же принадлежит романс «Горит вся грудь моя в огне...». «Испанская канцоньетта» положена на музыку Ф. Толстым (1852). На куплеты Кони музыку писали малоизвестные композиторы (Н. Дюр, Дюбамб, П. Федоров и др.).

382

Рано, цветик, рано ты
 В поле распустился;
 Рано с вами я, мечты,
 В жизни подружился.

492

Рано, цветик, ты увял,
    Не дождавшись лета;
Рано скорби я узнал
    И обманы света.

Ты теперь едва цветешь
    И поник главою,
На тебя и я похож,
    Сдавленный тоскою.
Что роса и солнца жар:
    Ты не взглянешь бодро!
И весна напрасно в дар
    Посылает ведро.

Так и мне теперь равно,
    Что бы ни случилось.
Я желал, но уж давно
    Сердце остудилось.
Я мечтал — но те мечты
    Потеряли цену.
Я любил — и красоты
    Я узнал измену.

⟨1833⟩

383. ГОНДОЛЬЕР

В. П. Боткину

Voilà bien la Venise du poète!

*Sophie Gay*¹

«Гондольер молодой! Взор мой полон огня,
Я стройна, молода. Не свезешь ли меня?
    Я к Риальто спешу до заката!
Видишь пояс ты мой, с жемчугом, с бирюзой,
А в середине его изумруд дорогой?..
    Вот тебе за провоз моя плата».

— «Нет, не нужен он мне, твой жемчужный убор;
Ярче камней и звезд твой блистательный взор,
    Но к Риальто с тобой не плыву я:

---

¹ Вот она, Венеция поэта! *Софи Ге* (фр.).—*Ред.*

Гондольер молодой от синьор молодых
Не берет за провоз поясов дорогих,—
Жаждет он одного поцелуя!»

— «Ах, пора! На волнах луч последний угас,
А мне сроку дано на один только час,—
Гондольер, подавай мне гондолу!
Помолюсь за тебя я ночным небесам,
Целовать я тебе руку белую дам,
А вдобавок спою баркаролу!»

— «Знаю я: голос твой звучной флейты звучней,
Знаю я, что рука морской пены белей,
Но к Риальто с тобой не плыву я!
Сам могу я запеть,— мне не нужно октав,
Мне не нужно руки — хладных сердцу отрав,
Одного жажду я поцелуя!»

— «Вот мой яшмовый крест — в Палестине найден,
И святейшим отцом в Риме он освящен,
А при нем и янтарные четки!»

— «Крестик ты сбереги,— я и сам в Риме был,
К папе я подходил, и крестом осенил
Он меня, мои весла и лодки!»

И я видел потом, как, любуясь луной,
Плыл с синьорой вдвоем гондольер молодой,
А над ними ветрило играло.
Он был весел, и пел, и ей в очи смотрел,
И на щечке у ней поцелуй пламенел,
И Риальто вдали чуть мелькало.

(1834), (1841)

384. ЧУДНАЯ АРФА

«Когда-то жил в Англии царь удалой —
Так слышал я, птичка мне пела! —

Имел он двух дочек, красавиц собой,
А роца цветами пестрела.

Белее, чем день, была младшая дочь,
Сестра же смуглее, чем бурная ночь.

И старшая младшую манит тайком:
«Пойдем, погуляем на бреге крутом».

И черен был моря покров гробовой,
И пеной украшен был берег крутой.

«Взгляни: ты, как волны, сестрица, смугла,
А я молодая — как пена бела!»

Вскипела смуглянка, и, гнева полна,
Сестру свою в море столкнула она.

И волны взыграли, завыли леса...
«Спаси меня, друг мой,— молила краса.—

Не кинь меня в жертву сердитым водам!
Тебе я мой пояс золотистый отдам».

— «Когда тебя Нек в свой чертог поведет,
Твой пояс золотистый мне стан обовьет».

— «Спаси меня, друг мой! Отцу и царю
Скажу, что венец мой сестре я дарю».

— «Венец по наследству достанется мне,
Когда захлебнешься в холодной волне».

— «Спаси меня, друг мой! Спасись от греха!
Тебе уступлю я кольцо жениха».

— «С твоим молодым, удалым женихом
Сам царь нас обручит жемчужным кольцом».

— «Спаси меня, друг мой! Волна холодна.
Земля ж так привольна и жизни полна!»

— «Не бойся, красотка! Круты берега,
На божию землю не ступит нога!»

— «Снеси же поклон мой к родному отцу,
Скажи, что меня ты одела к венцу!»

Скажи при поклоне родимой моей,
Что свадебный кубок я пью средь морей.

Скажи жениху молодому в тоске,
Что ложе стелю я на белом песке».

И невод рыбачий в безлунную ночь
Прекрасную вытащил царскую дочь.

Гусляр шел дорогой из чуждой дали,
И поднял он труп безмогильный с земли.

И сделал он арфу из чудной красоты,
Чтоб смертных пленять в золотые часы.

Он взял для станка белоснежную грудь,
Чтоб грустному радость и негу вдохнуть.

Отрезал он стройные девы персты,
И крепкие сделал из них он винты.

И струны насучил из русых волос,
Чтоб арфа звучала, как песни богов.

Украшен цветами высокий алтарь,
Ликует за свадебной трапезой царь.

И юный гусляр стоит у ворот:
«Послушай, невеста, что арфа споет!»

На первый удар завопила струна:
«В мой пояс эластичный сестра убрана».

Бледнея, невеста на барда глядит,
В руке ее кубок заздравный дрожит.

Удар повторился, и струны, как гром:
«Сестра обручилась с моим женихом!»

И дурно невесте — туманится взор,
И девы с невесты снимают убор.

Но третий аккорд застонал по струнам:
«Сестра отдала меня в жертву волнам!»

В чертогах смятенье, и вопли, и плач!
И грозно секирой сверкает палач.

Во вторник невесту венчал сам отец —
А в среду убийца сложила венец».

Михаил Александрович Офросимов (1797—1868) — генерал, участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов и Крымской кампании 1853—1854 годов, в 1860-е годы был генерал-губернатором Москвы. Он писал стихи, переводил с французского комедии и водевили, которые с успехом шли на сцене столичных театров («Мальтийский кавалер», «Плащ, или Муж, как и всякий», «Вертер, или Заблуждение чувствительного сердца», «Молодая вспыльчивая жена», «Дружба женщин»). Некоторые его стихотворения, положенные на музыку Н. А. Титовым, пользовались известностью: «Сосна» («Уединенная сосна, товарищ дикий...», 1820), «Меня забудь» («Прости, я еду в дальний путь...», 1831), «Признание» («Скажи мне, отчего с тех пор...», 1831), «Мечта» («Тебя узрел в душе моей...»). На текст стихотворения «Не хочешь ты меня понять...» романс написал Н. С. Титов (1829).

385. КОВАРНЫЙ ДРУГ

Коварный друг, но сердцу милый,
Я дал обет забыть твой ков,
Мои мечты, мою любовь, —
Забыть всё то, что в жизни льстило.

Молил тебя не нарушать
Отрадный мир уединенья,
Но ты, жестокая, опять
Мое тревожишь сновиденье.

Зачем тому твое участие,
Над кем лежит судьбы рука?
Ужель страдальца, бедняка
Завиден так и призрак счастья?

Когда любви моей святой
Тебе внимать не приказали —
Оставь меня скорбеть душой,
Ты не поймешь моей печали.

(1834)

Иван Петрович Мятлев родился в 1796 году, умер в 1844 году в Петербурге. Происходил из аристократического рода, участвовал в заграничном походе 1813—1814 годов, служил чиновником в министерстве финансов, был камергером. Первые стихотворные опыты Мятлева относятся к 1820-м годам. В 1830-е годы он издал два сборника — оба под названием «Собрание стихотворений» (Спб., 1834 и Спб., 1835). Позже отдельные его произведения печатались в «Современнике», «Маяке», «Библиотеке для чтения» и других изданиях. Известность ему принесли «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'Этранже» в трех частях (1840—1844), куплеты и юмористические стихи. Перу Мятлева принадлежит также поэма «Тарантелла» (1844) и другие произведения. Некоторые стихотворения Мятлева положены на музыку: «Бывало» (М. Виельгорский, А. Варламов), «Молодая пташечка» (А. Варламов), «Тарантелла» (М. Глинка, хор), «Пахитос» (А. Алябьев), «Русский снег в Париже» (Н. А. Титов). Кроме публикуемых текстов, в песенниках встречается «Рыбак», текст которого в пении подвергнут изменениям (как народная песня «Волна шумит, волна бушует...»). В песенный репертуар вошли также «Настоечка тройная», «Артамонич».

386. ПЛАВАЮЩАЯ ВЕТКА

Что ты, ветка бедная,
Ты куда плывешь?
Берегись — сердитое
Море... пропадешь!

Уж тебе не справиться
С бурною волной,
Как сиротке горькому
С хитростью людской.

Одолеет лютая,
Как ты ни трудись,
Далеко умчит тебя,
Ветка, берегись!

«Для чего беречься мне? —
Ветки был ответ. —
Я уже иссохшая,
Во мне жизни нет.

От родного дерева
Ветер оторвал;
Пусть теперь несет меня
Куда хочет вал.

Я и не противлюся:
Мне чего искать?
Уж с родным мне деревом
Не срастись опять!»

(1834)

387. ФОНАРИКИ

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас;
Ночные караульщики,
Ваш, верно, зорок глаз?

Вы видели ль, заметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидеть
И шепотом, украдкою
«Люблю» ему сказать?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,

Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет?..
И вот они встречаются —
И радость и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную...
Заплаканы глаза,
Ее все жизни радости
Похитила гроза!

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль сироточку,
Прижавшись в уголок
Как просит у прохожего,
Чтоб бедной ей помог;

Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте!
Ужель никто не сжалится
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Быть может, не заметили?..
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею,
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог.

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой!
Чиновники, сановники —
Все люди с головой!

Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.
Им даже не приказано
Вокруг себя смотреть;

Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть!..
Да и гореть, покудова
Кто не задует их!..
Так что ж им и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой!
Чиновники, сановники —
Все люди с головой!

8 ноября 1841

388. ЗВЕЗДА

Звезда, прости! — пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою,
С тобою я привык мечтать,
А я теперь живу мечтою.

И даст ли мне тревожный сон
Отраду ложного виденья?
Нет, чаще повторяет он
Дневные сердцу впечатленья,

А ты, волшебная звезда,
Неизменяемая, сияешь,
Ты сердцу грустному всегда
О лучших днях напоминаешь.

И к небу там, где светишь ты,
Мои стремятся все желанья,
Мои там сбудутся мечты...
Звезда, прости же! до свиданья!

Петр Павлович Ершов родился в 1815 году в селе Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии, умер в 1869 году в Тобольске. Он учился в Тобольской гимназии, затем на философско-юридическом факультете Петербургского университета, по окончании которого два года жил в столице (1834—1836), занимаясь литературной деятельностью, затем был учителем Тобольской гимназии и наконец директором училищ Тобольской губернии (до отставки в 1865 г.). Первые литературные опыты Ершова относятся к гимназическим годам. Славу ему принесла сказка в стихах «Конек-Горбунок» (1834). Перу Ершова принадлежат также стихотворения и оперные либретто («Сибирский день» с музыкой К. Волицкого). Сотрудничал Ершов в «Библиотеке для чтения» и «Современнике», где, в частности, была опубликована поэма «Сузге». Лирические стихи Ершова мало примечательны, но два публикуемых его произведения получили песенную жизнь. Кроме них, Ершов написал «Песню казачки» («Полетай, мой голубочек...» из поэмы «Сибирский казак») и «Русскую песню» («Уж не цвезь цветку в пустыне...»), которая с музыкой В. Сабуровой вошла в песенный репертуар населения Прииртышья.¹ К жанру песни Ершов обратился также в не опубликованном при жизни либретто оперы «Страшный меч» (1835).

389. МОЛОДОЙ ОРЕЛ

Как во поле во широком
Дуб высокий зеленел;
Как на том дубу высоком
Млад ясён орел сидел.

Тот орел ли быстрокрылый
Крылья мочные сложил
И к сырой земле уныло
Ясны очи опустил.

---

¹ Коровнин И. Народные песни Западной Сибири // «Омский альманах». 1945. Кн. 5.

Как от дуба недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет.

Шею выгнув горделиво,
Хвост раскинув над водой,
Лебедь белая игриво
Струйку гонит за собой.

«Что, орел мой быстrokрылый,
Крылья мочные сложил?
Что к сырой земле уныло
Ясны очи опустил?»

Аль не видишь — недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет?

Мочны крылья опустились?
Клёв ли крепкий ослабел?
Сильны ль когти притупились?
Взор ли ясный потемнел?

Что с тобою, быстrokрылый?
Не случилась ли беда?»
Как возговорит уныло
Млад ясён орел тогда:

«Нет, я вижу: недалёко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет.

Мочны крылья не стареют,
Крепкий клёв не ослабел,
Сильны когти не тупеют,
Ясный взор не потемнел.

Но тоска, тоска-кручина
Сердце молодца грызет,
Опостыла мне чужбина,
Край родной меня зовет.

Там, в родном краю, приволье
По поднебесью летать,
В чистом поле, на раздолье
Буйный ветер обгонять.

Там бураном вьются тучи;
Там потоком лес шумит;
Там дробится гром летучий
В быстром беге о гранит.

Там средь дня в выси далекой
Тучи полночи висят;
Там средь полночи глубокой
Льды зарницами горят.

Скоро ль, скоро ль я оставлю
Чужеземные край?
Скоро ль, скоро ль я расправлю
Крылья мочные мои?

Я с знакомыми орлами
Отдохну в родных лесах;
Я взнесусь над облаками,
Я сокроюсь в небесах».

⟨1834⟩

390. ⟨ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
«ФОМА-КУЗНЕЦ»⟩

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет;
Ох! идет кузнец, идет,
Песни с посвистом поет.
Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

Соловьем слова раскатит,
Дробью речь он поведет;
Ох! речь дробью поведет,
Слово меду поднесет.
Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

«Полюби, душа Параша,
Ты лихого молодца;
Ох! лихого молодца,
Что в Тобольске кузнеца».

Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

«Как полюбишь, разголубишь,
Словно царством подаришь,
Ох! уж царством подаришь,
Енералом учинишь».

Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

1835

Владимир Григорьевич Бенедиктов родился в 1807 году в Петербурге, умер в 1873 году там же. Учился в Кадетском корпусе, служил в армии (1827—1832), затем — в Министерстве финансов. Литературная деятельность Бенедиктова началась в 1830-е годы, сборник его «Стихотворений» (1835, ч. 1; 1838, ч. 2) был принят сочувственно публикой, но отрицательно оценен Белинским. Сочинения поэта при его жизни переиздавались дважды (1842, 1855), но популярность стихотворений оказалась кратковременной. Эпигон романтического направления в истории русской поэзии, Бенедиктов хотя и имел, по выражению критика, «успех, можно сказать, народный», но был выразителем вкусов «средних кружков бюрократического населения Петербурга». ¹ В рассудочной, в целом, поэзии Бенедиктова все же иногда, по признанию Белинского, «проглядывает чувство искреннее и душевное». ² Этим объясняется то, что некоторые его стихотворения привлекли внимание современных композиторов (А. Алябьев, Петр Булахов, Н. Бернард, И. Геништа, А. Гурилев, И. Рупин и др.), а позднее — и некоторых композиторов конца XIX — начала XX века (среди них — А. Рубинштейн). Стихотворение «К черноокой» («Нет, красавица, напрасно...») положено на музыку неоднократно. Некоторую известность приобрели, кроме публикуемого, романсы А. Алябьева «Черноокой дева» («Я люблю тебя, дева милая...») и С. Штуцмана «Прощание с саблей» (стихотворение было названо Белинским среди лучших). Из поздних стихотворений Бенедиктова романсами стали «Упоение» (музыка А. Рубинштейна), «Ты мне всё» (с музыкой Ю. Блейхмана и П. Шенка). На музыку было положено также стихотворение, которым поэт откликнулся на отмену крепостного права — «Великое дело» — хор А. Абуткова.

¹ Белинский В. Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 494.

² Там же. С. 496. Ср. более раннюю рецензию критика: там же. Т. 1. С. 362, 369—370.

Ярко солнце над Кавказом:
Горы в ясной синеве
Блещут радужным алмазом
По лазоревой канве.

Но всё мертво и бесцветно,
Нет отрады для очей,
Коль не вижу я заветной
Милой звездочки моей.

Звучно о берег Кубани
Плещет шумная волна,
И, прекрасна, как в тумане,
Ночью плавает луна;

Но без звездочки любимой
И природы красоты
В вышине необозримой
Не пленят моей мечты.

Не блеснет и на мгновенье
Мне любимая звезда.
Знать, бывшие наслажденья
Миновали навсегда.

Грустны сердца предсказанья.
Не лелеет мне очей,
Не увижу я сиянья
Милой звездочки моей.

⟨1835⟩

Василий Иванович Красов родился в 1810 году в Кадникове Вологодской губернии, умер в Москве в 1854 году. Как сыну священника, ему пришлось учиться в духовном училище и в духовной семинарии, но, не чувствуя призвания к церковной деятельности, он добился исключения и поступил в Московский университет. Здесь он сблизился с Белинским и вошел в кружок Станкевича. Позже Красов учительствовал в Черниговской гимназии и некоторое время работал адъюнктом в Киевском университете, но с 1839 года он снова вернулся к преподавательской деятельности в средних учебных заведениях. Первые литературные опыты его относятся ко времени пребывания в семинарии, стихотворение «Куликово поле» появилось в «Телескопе» в 1832 году. В июле 1833 года студенческий хор на университетском акте исполнил кантату на слова Красова с музыкой Д. Кашина. Сотрудничал Красов в «Московском наблюдателе», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Москвитянине». При жизни поэта его стихотворения отдельным сборником не издавались. Красов создал цикл «русских песен», близких по манере к кольцовской лирике («Уж я с вечера сидела...», «Уж как в ту ли ночь...» и др.), некоторые из них положены на музыку Петром Булаховым, он же написал романс на текст стихотворения «Сара» («За рекой, за Десной есть шинкарочка одна...») и «Разлука» («Пронесется ли буря мятежная...»). На музыку положены также «Ночной гость» (П. Воротников), «Забудь» (Н. Соколов), «Звуки» и «Прости навсегда» (оба — Б. Гродзкий). На текст песни «Ожидание друга» («Уж я с вечера сидела...») музыку написали несколько композиторов (кроме П. Булахова — Н. Лонгинов, В. Соколов и Н. Соколов). Баллада Красова «Клара Моврат», получившая высокую оценку Белинского и введенная Тургеневым в повесть «Клара Милич», положена на музыку А. Кастальским (в опере «Клара Милич»).

392. ПЕСНЯ

Взгляни, мой друг,— по небу голубому,
 Как легкий дым, несутся облака,—
 Так грусть пройдет по сердцу молодому,
 Его, как сон, касаясь слегка.

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут;
Оставь же мне и гром и непогоды...
Они твое блаженство унесут!

Прости, забудь, не требуй объяснений...
Моей судьбы тебе не разделить...
Ты создана для тихих наслаждений,
Для сладких слез, для счастья любить!

Взгляни, взгляни — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака,—
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка!

(1835)

393. ПЕСНЯ

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что́ было:
Не тебя — другого
В жизни я любила...

Мой ангел милый —
Он не дышит боле;
Он лежит в могиле
На кровавом поле.

Увяла младость!
Такова ль была я?
Ах, на что мне радость!
И зачем жива я!..

Лишь им дышала,
Лишь ему клялася;
С ним я всё узнала...
И как жизнь неслася!

В тени черешен,
В тишине глубокой
Кто так был утешен
На груди высокой?..

Наш край спасая,
Но тая разлуку,
Он стоял, рыдая,—
Молча сжал мне руку.

Почь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила!

<1838>

394. СТАНСЫ

Опять пред тобой я стою очарован,
На черные кудри гляжу,—
Опять я тоской непонятной взволнован
И жадных очей не свожу.

Я думаю: ангел! какую цену
Куплю дорогую любовь?
Отдам ли я жизнь тебе, с жалкой борьбою,
С томленьем печальных годов?..

О нет! но, святыней признав твою волю,
Я б смел об одном лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю —
Заставь меня вновь полюбить!

<1841>

395. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О! приди ко мне скорее,
В заповедный час,—
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас.

Полный робкого желанья
Средь ночной тиши,
Я несу тебе признанья,
Всю любовь души.

С милых уж я поцелуя
Жду лишь для себя,
Да сказать тебе хочу я,
Как люблю тебя!

О! приди же! Над закатом
Уж звезда взошла,
И как дышит ароматом
Тихой ночи мгла.

О, приди ж ко мне скорее,
В заповедный час
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас...

1840-е годы

Александр Иванович Булгаков родился в Петербурге в 1815 г., умер там же, в 1836 г. Обучался в Горном корпусе, а затем в С.-Петербургском университете, по окончании которого преподавал историю драматического искусства в Петербургском театральном училище. Литературная деятельность Булгакова началась в студенческие годы. Он писал пьесы (которые не были опубликованы) и стихи. Некоторую известность он приобрел стихотворными вольными переводами и переработками французских водевилей: «Артист» (Спб., 1834), «Два мужа» (Спб., 1834), «Тише едешь — дальше будешь» (Спб., 1835), «Жена соседа, или Дебютант в западне» (Спб., 1836), «Дебютант, или Страсть к театру» (Спб., 1836). Первые три получили отрицательную оценку Белинского,¹ хотя, в частности, «Артист», поставленный в университете, имел большой успех у петербургской театральной публики, а куплеты из некоторых водевилей распевались студенческой молодежью. Стихи Булгакова отдельным сборником не издавались и затеряны в периодике 1830-х годов. Из них одно, публикуемое ниже, положенное на музыку неоднократно, стало популярным романсом (см. примечание).

396

Прости меня, прости, прелестное создание, —
 Упреком я тебя, быть может, оскорбил.
 Я выслушал твое с восторгом оправданье,
 Я вверился тебе, я снова полюбил.

Ты мне сулишь опять минуту наслаждений,
 Ты мне даришь опять надежду и покой

---

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. I. С. 207, 241, 311.

И бурю ревности, упреков и сомнений
Отводишь от меня спасительной рукой.

В твоих глазах свое блаженство снова вижу.
Но если счастье меня обманет вновь —
Я целый свет тогда, я жизнь возненавижу,
Не стану верить я ни в дружбу, ни в любовь.

<1836>

Евгений Павлович Гребенка родился в 1812 году в селе Марьяновка (поместье Убежище), подле города Пирятина Полтавской губернии, умер в 1848 году в Петербурге. Он учился в Нежинской гимназии высших наук, служил в Казачьем полку (1831—1834), затем в Комиссии духовных училищ и занимался педагогической деятельностью в различных учебных заведениях Петербурга. Первые литературные опыты Гребенки на украинском языке относятся ко времени его пребывания в гимназии. В печати он дебютировал переводом на украинский язык отрывка из «Полтавы» Пушкина («Московский телеграф». 1831, № 17) и одновременно — стихотворением «Рагдаев пир» (харьковский «Украинский альманах на 1831 год»). Известность Гребенка приобрел своими повестями, рассказами, очерками («Рассказы пирятинца», «Верное лекарство», «Записки студента», «Путевые записки зайца», «Кулик», «Иван Иванович», «Приключения синей ассигнации» и др.) и романом «Чайковский». Как прозаик Гребенка принадлежит к гоголевскому направлению («натуральной школе») в русской литературе, как поэт — к романтизму. Гребенка написал свыше сорока стихотворений на русском языке (они печатались с 1833 по 1845 г., отдельным сборником не издавались) и поэму на русском языке «Богдан» (о гетмане Хмельницком). Сборники басен и стихотворений на украинском языке «Малороссийские приказки» изданы в 1834 году. Некоторые из русских стихотворений стали популярными песнями и фольклоризировались. Кроме публикуемых текстов, перу Гребенки принадлежат песни: «В поднебесье мчатся тучи...», «На душе свободно...», «Светла речка под окном...», «Бело личко, черны брови...» и «Романс» («Слыхали ль вы, когда в дубраве темной...»). Некоторые из этих стихотворений написаны по мотивам народных украинских песен. На тексты Гребенки музыку писали А. Алябьев, М. Бернард, Е. Гаврюшко, А. Ларме, Б. Подгорецкий, М. Щиглев, Г. Ломакин.¹

¹ См.: Сурожевский А. П. Воспоминания об Е. П. Гребенке // «Историч. вестник», 1899, сент. С. 815—832; Он же. К воспоминаниям об Е. П. Гребенке // Там же, 1900, дек. С. 1011—1020.

397. КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ

(Украинская мелодия)

Поехал далёко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украйну навеки покинул —
Ему не вернуться в отеческий дом!
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечер на север глядит,
Всё ждет да пождет — из полночного края
К ней милый когда прилетит.

Далёко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казачкии кости лежат.
Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах,
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощечечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!»

1837

398. ПОЧТАЛЬОН

Скачет, форменно одет,
Вестник радостей и бед.
Сумка черная на нем,
Кивер с бронзовым орлом.

Сумка с виду хоть мала —
Много в ней добра и зла:
Часто рядом там лежит
И банкротство, и кредит;

Клятвы ложные друзей,
Бред влюбленного о ней;
Без расчетов — так, сплеча —
Спесь и гордость богача;

И педанта чепуха;
Голос вкрадчивый греха
И невинности привет...
И — чего в той сумке нет!

Будто посланный судьбой,
Беспристрастною рукой
Радость, горе, смех и стон
Рассыпает почтальон.

Он весь город обскакал;
Конь едва идет — устал...
Равнодушно вестник мой
Возвращается домой.

А где был он — может быть,
Станут долго слезы лить
О потерянных друзьях,
О несбывшихся мечтах...

Или в радости живой
Лить шампанское рекой.
Где ж волшебник-почтальон?
Дома спит в чулане он...

⟨1841⟩

399. ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.

К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он уехал... Долго я смотрела вслед:
Жарко стало мне, в очах мутился свет,

Целу ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —

К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно стонал...

Я взглянула — вострепелась душой:
Это он, красавец барин молодой!

Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.

И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была...

<1841>

400. ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огневым глазам!

1843

Ниркомский — вероятно, псевдоним, анаграмма фамилии Мокринский. Под тем же псевдонимом опубликованы «Три повести» (Спб., 1838), принадлежащие либо перу Николая Мокринского и получившие неодобрительный отзыв Белинского (ПСС. Т. 2. С. 452—453), либо какому-нибудь другому Мокринскому (авторство Георгия Мокринского, писавшего под тем же псевдонимом в 1880—1890-е годы, исключено по времени публикации стихотворения).

401. РУССКАЯ ПЕСНЯ

«Матушка, голубушка,
Солнышко мое!
Пожалей, родимая,—
Я — дитя твое!
Словно змея лютая
Так грудь и сосет
И целую ноченьку
Мне спать не дает.
Всё мне что-то грезится,
Будто наяву.
Уж когда ложуся я,
Молитву творю,
То залетной пташечки
Песенка слышна:
Сердце замирает,
Так сладка она!
То мне что-то видится,
Размечуся я;
Сердечко встоскуется —
В огне лежу я!
Ни игры, забавушки
Не веселы мне:
Всё тоска, кручинушка
Въяве и во сне.

Что это, родимушка,
Сталось со мной?
Стало, приключился мне
Злой недуг какой?
Али нет, родимая,
Зелья пособить?»
— «Знать, приспело, дитяtko,
Времечко любить!»

(1838)

Нестор Васильевич Кукольник родился в 1809 году в Петербурге, умер в 1868 году в Таганроге. По окончании Нежинской гимназии он преподавал русский язык и русскую литературу в Виленской гимназии, а затем служил в канцелярии министра финансов. Кукольник отличался большой литературной плодовитостью. Первые его поэтические опыты относятся к 1820-м годам, когда, в частности, была начата драматическая фантазия в стихах «Торквато Тассо» (изд. в 1833 г.). Известность Кукольнику принесла драма «Рука всевышнего отечество спасла» (1834). Его перу принадлежат многочисленные драмы, повести и рассказы, которые написаны в духе реакционного лжепатриотизма. Как поэт Кукольник был эпигоном романтизма, но некоторые его стихи по выражаемым настроениям оказались близки Глинке, который написал романсы «Вот место тайного свиданья...» (1837) и «Сомнение» (1838), цикл «Прощание с Петербургом» (1840), а также музыку к драме «Князь Холмский» (увертюра, антракты, песни; 1840). Композитор и музыкальный критик А. Н. Серов так характеризовал стихи Кукольника: «Тексты этих романсов, хотя и не имеют высокого достоинства поэтического, заключают в себе, однако, всегда идею, доступную музыке, момент или драматический, или внутренне сосредоточенный, лирический, и Глинка (...) создал на тексты Кукольника произведения большею частью образцовые».¹ Кроме Глинки, на тексты Кукольника писали романсы М. Анцев, П. Веймарн, А. Контский, Д. Столыпин, А. Щербачев и другие, малоизвестные композиторы. Песню «Гусли мои, гусли...» на музыку положил Н. А. Титов. Приобрел популярность романс Петра Булахова «Забуду ль я волшебство слов твоих...». Песня на слова «Рыцарского романса» (музыка М. Глинки) входила в сборники студенческих песен. На музыку положено 27 стихотворений Кукольника. Оперу «Красотка» написал О. Дютш (преьера — 1860).

---

¹ Серов А. Н. Избранные статьи. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 137.

Уймись, волнения страсти!
 Засни, безнадежное сердце!
 Я плачу, я стражду,—
 Душа истомилась в разлуке;
 Я стражду, я плачу,—
 Не выплакать горя в слезах.

Напрасно надежда
 Мне счастье гадает,
 Не верю, не верю
 Обетам коварным!
 Разлука уносит любовь.

Как сон, неотступный и грозный,
 Мне снится соперник счастливый,
 И тайно и злобно
 Кипящая ревность пылает,
 И тайно и злобно
 Оружия ищет рука.

Напрасно измену
 Мне ревность гадает,
 Не верю, не верю,
 Коварным наветам.
 Я счастлив — ты снова моя.

Минует печальное время —
 Мы снова обнимем друг друга,
 И страстно и жарко
 Забьется воскресшее сердце,
 И страстно и жарко
 С устами сольются уста.

Февраль 1838

403. <ИЗ ДРАМЫ
 «КНЯЗЬ ДАНИИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ХОЛМСКИЙ»>

Ходит ветер у ворот:
 У ворот красотки ждет.
 Не дожدهшься, ветер мой,
 Ты красотки молодой!
 Ай-люли, ай-люли,
 Ты красотки молодой!

С парнем бегают, горит,
Парню шепчет, говорит:
«Догони меня дружок,
Нареченный муженек!»
    Ай-люли, ай-люли,
    Нареченный муженек!

Ох ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Ветер дунул и затих:
Без невесты стал жених.
    Ай-люли, ай-люли,
    Без невесты стал жених.

Ветер дунул — и Авдей
Полюбился больно ей;
Стоит дунуть в третий раз —
И полюбится Тарас!
    Ай-люли, ай-люли,
    И полюбится Тарас!

Июнь 1840

404. ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей!
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

11 июля 1840

Василий Степанович Межевич (1814—1849) учился в Московском университете, по окончании которого был учителем словесности. Он сотрудничал в «Северной пчеле», редактировал «Литературную газету» (1839), «Галатею» (1840) и журнал «Репертуар и Пантеон» (1843—1846). В кругу сотрудников этого журнала было немало любителей пения, собиравшихся обычно у Межевича.¹ Литературную деятельность Межевич начал переводами. Первое опубликованное его стихотворение — «Ночная мечта» (газета «Молва». 1833). Его перу принадлежат также водевили «Выжигин» (1840) и «Друзья журналисты» (1840), содержавшие куплеты. Стихотворения Межевича отдельным сборником не издавались. Кроме публикуемых текстов, известен романс А. Варламова «Звездочка ясная» (1845) на текст стихотворения «Ночная мечта» («Звездочка ясная в небе горит...»).

405. <ИЗ ДРАМЫ
«АРТУР, ИЛИ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»>

Х о р

Что за жизнь моряка!
Как привольна, легка!
О земле не грустим,
Словно птица летим —
По волнам, по морям —
Нынче здесь, завтра там!

А р т у р

Я моряк... Хорош собою,
Мне лишь двадцать лет:
Хочешь быть моей женою?..
Что ж она в ответ?
Муж моряк — уедет в море,

---

¹ См.: З о т о в В. Воспоминания // «Исторический вестник». 1890, февр. С. 335—337

А жену оставит в горе!
Нет, нет, нет, нет, нет!..

Ветер в море зашумел,
Парус полный забелел:
Ну, прощай, ну, прощай —
И, как звали, поминай!

Хор

Что за жизнь моряка!
Как привольна, легка!
О земле не грустим,
Словно птица летим —
По волнам, по морям, —
Нынче здесь, завтра там!

Артур

Я моряк... Хорош собою,
Мне лишь двадцать лет.
Полюби меня душою...

Что ж она в ответ?

Ты, моряк, уедешь в море,
Полюблю другого с горя.
Без любви веселья нет...

Ветер в море зашумел,
Парус полный забелел.
Ну, прощай, ну, прощай —
И, как звали, поминай!

1839

406. РУССКИЕ ПЕСНИ

Что за песни, что за песни
Распекает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!
Золотые, удалые —
Не немецкие,
Песни русские, живые —
Молодецкие!

Как затынет, как зальется
Православный наш народ,
Ведь откуда что берется,—
Прямо к сердцу так и льнет!
Запоет про темну ночку
Иль про белые снега,
Про купеческую дочку,
Про шелковые луга;
Запоет про сине море
Иль про матушку-реку,
Про кручинушку и горе,
Про сердечную тоску;
Да как гаркнет: «Эй, калина,
Не шуми, дремучий бор!» —
Чуешь Руси-исполина
И раздолье и простор!..
Русь и в песне-то могуча,
Широка и глубока,
И свободна, и гремуча,
И привольна, и звонка!
Ай да песни, что за песни
Распеваает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!
Золотые, удалые —
Не немецкие,
Песни русские, живые —
Молодецкие!

<1842>

Семен Николаевич Стромиллов — третьестепенный поэт 1830—1840-х годов. Сведения о его жизни мало достоверны. Стихи Стромиллова встречаются в «Сборнике на 1838 год», в «Отечественных записках» конца 1830-х годов, «Москвитянине» (1841). Песенный характер своего творчества он выразил в стихотворении «К песне». Кроме публикуемых текстов, известен романс А. Варламова «К птичке» («Благовестница природы...»). Несколько стихотворений Стромиллова положил на музыку А. Алябьев: «Застольная гусарская песня» (1839), «Не вспоминай, не говори...» (1840), «Ну ка, первый бокал...» (1839), «Песнь на смерть Лаврова» (1840), «Сем поьем, сем погуляем...» (1839), «Собрались мы к боярину...» (1846). В песенниках встречается «Люблю я пламенные очи...».

407. ОЖИДАНИЕ

Зачем сидишь ты до полночи
У растворенного окна
И вдаль глядят печально очи?
Туманом даль заслонена!

Кого ты ждешь? По ком, тоскуя,
Заветных песен не поешь?
И ноет грудь без поцелуя,
И ты так горько слезы льешь?

Зачем ты позднею порою
Одна выходишь на крыльцо?
Зачем горячею слезою
Ты моешь тусклое кольцо?

Не жди его: в стране далекой
В кровавой сече он сражен.
Там он чужими, одинокой,
В чужую землю схоронен.

(1839)

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит;

Извела меня кручина,
Подколотная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1840-е годы

Эдуард Иванович Губер родился в 1814 году в Усть-Залихе (Мессер) Саратовской губернии, умер в 1847 году в Петербурге. Учился в Саратовской гимназии, затем в Петербурге в Институте корпуса инженеров путей сообщения, работал военным инженером, в 1839 году перешел на гражданскую службу. Первые его литературные опыты относятся к концу 1820-х — началу 1830-х годов (тетрадь «Опыты в стихах и прозе»). Стихотворение «Разочарованный» появилось в «Северном Меркурии» (1831). Губер сотрудничал в «Современнике», «Сыне отечества», «Русском инвалиде», «Русском вестнике», «Литературной газете», «С.-Петербургских ведомостях». С 1840 г. заведовал отделом критики в «Библиотеке для чтения». Первый сборник стихов был подготовлен автором к печати в 1835 году, но не увидел свет. Прижизненное собрание его произведений — «Стихотворения Э. Губера». Спб., 1845¹, «Сочинения» в 3-х томах изданы в 1859 г. Известность он приобрел в качестве переводчика «Фауста» Гете (перевод был уничтожен в 1835, но по настоянию Пушкина воссоздан и издан в 1837 году). На текст песни Маргариты музыку написал М. Глинка. Перу Губера принадлежит незаконченный «философический роман в стихах» — «Антоний» (вошел в «Сочинения»). Лирика Губера проникнута философскими раздумьями и религиозными настроениями, но иногда ей присущи и мотивы, характерные для последекабристской гражданской поэзии (поэма «Прометей»). Некоторые стихотворения Губера написаны в жанре песни («На душе свободной...» — на музыку положено А. Танеевым, А. Станюковичем) или романса («Любовь» — «Безумно жаждать новой встречи...», музыка А. Даргомыжского, Г. Кушелева-Безбородко, Е. Кочубей, Б. Фитингофа-Шелля). Кроме публикуемых текстов, известны романсы А. Гурилева — «Душе» («Умри, заглохни, страсть мятежная...»), А. Варламова — «Море» («Ветер море взбушевал...»), «Молитва» («Под громом бури...»), М. Виельгорского — «Баркарола» («С моря туман поднимается...»), П. Макарова — «Сиротка» («Встань, проснись, моя родная...»), Б. Фитингофа-Шелля — «Цыганка» («Жива, как забава...») и другие (на музыку положены 15 текстов).

¹ См. рецензии В. Г. Белинского: Белинский В. Г. ПСС. М., 1955. Т. 9. С. 118—128.

409. НОВГОРОД

Время пролетело,
Слава прожита;
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород Великой
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло;
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело —
Всё кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О свободных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн;
И опять задремлет,
Тайной думы полн.

Между 1839 и 1842

410. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЦЫГАНКА»>

Жаждой неги дыша,
Как любовь хороша,
Горяча, как огонь поцелуя,
И мила, и стройна,
Пролетела она,
Мимолетной улыбкой даруя.

И бежит, и летит,
И дрожит, и горит,
И ревнивый покров раздирает;
А с нагого плеча
Сорвалась епанча
И шумя перед ней упадает.

1840

411. СЕРДЦЕ

Поиграли бедной волею
Без любви и жалости,
Повстречались с новой долею —
Надоели шалости.

А пока над ним шутили вы,
Сердце к вам просилось;
Отшутили, разлюбили вы —
А оно разбилося.

И слезами над подушкой
Разлилось, распалось...
Вот что с бедною игрушкой,
Вот что с сердцем сталося.

1841

412. НА ПОКОЙ

Тяжело, не стало силы,
Ноет грудь моя;
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?

На покой пора печали,
Время спать костям;
Душу страсти разорвали,
Время спать страстям.

А далёко ли? У гроба
Отдохнул бы я;
Отдохнули бы мы оба —
Я да грусть моя.

1841

Владимир Александрович Соллогуб родился в 1813 году в Петербурге, умер в 1882 году в Гамбурге. По окончании Дерптского университета он служил в Министерстве иностранных дел, был атташе при русском посольстве в Австрии. Первые печатные произведения Соллогуба — повести «Два студента» и «Три жениха» (1837). Известность ему принесли «История двух калош» (1839) и особенно — повесть «Тарантас» (1845), а также изданный в 1847 году сборник повестей «На сон грядущий», положительно оцененный Белинским. Перу Соллогуба принадлежат также драма «Местничество» (1849) и водевиль «Беда от нежного сердца» (1850). В студенческие годы Соллогуб, подражая Н. Языкову, сочинял куплеты и песни. Многие стихотворения Соллогуба, собранные в 4-м томе его прижизненного собрания сочинений (Спб., 1855—1856), самым автором определены как «альбомные». Лишь некоторые из них написаны в жанре песни или романа: «Казацкая песня», «Три серенады», «Старая песня» («Забыли вы и не сдержали слова...»). Последнюю на музыку положил А. Алябьев. Он же написал романс на «Песню старика» («Ты помнишь, брат...»). На тексты Соллогуба романсы писали также А. Аренский («Я не сказал тебе, что я тебя люблю...»), Н. Брянский («Бабушка-зима»), Петр Булахов («Цыганка»), Г. Гонсиорский («Аллаверды»), А. Рубинштейн («Серенада» — «Под твоим окном я тебе пою...»), Е. Тарновская («Где ты, радость...»), Б. Фитингоф-Шелль («Я знаю, я вижу — ты любишь меня...»). Стихотворение «Россия пред врагами» («Что отуманилась черными тучами...»), вызванное событиями Крымской войны, на музыку положил Г. Шенинг (исполнена в Тифлисе 2 апреля 1854 года). В студенческой среде, кроме публикуемых, была известна также песня «Отчего же сон не может...».

413. СЕРЕНАДА

Н. М. Языкову

Закинув плащ, с гитарой под рукою,
К ее окну пойдем в тиши ночной,
И там прервем мы песню молодую
Роскошный сон красавицы младой.

Но не страшись, пленительная дева,
Не возмутим твоих мы светлых снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль повестью студенческих грехов.

Нет, мы поем и тихо и смиренно,
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,
И наша песнь — как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.
Звезда души! Богиня молодая!
Нас осветил огонь твоих очей,
И голос наш, на сердце замирая,
Любви земной не выразит речей.

Мы здесь поем во тьме весенней ночи;
Ты ж, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь опять мечтательные очи,
Не расслыхав *воззванья* бурсаков;
Но нет... душой услышав серенаду,
Стыдясь во сне... ты песнь любви поймешь
И нехотя ночным певцам в награду
Их имена впросонках назовешь.

1830-е годы

Скажи, о чем в тени ветвей,
Когда природа отдыхает,
Поет весенний соловей
И что он песней выражает?

< . . . . . >

Скажи! Когда от жизненной тоски
Ты утомленный изнываешь
И злой печали вопреки
Хоть призрак счастья призываешь, —
Что услаждает грудь твою?
Не те ли звуки неземные,
Когда услышал ты впервые
Слова любви? (2)

<1850>

Н. Анордист — псевдоним (анаграмма) издателя «Альманаха на 1840 г.» (М., 1840) Николая Радостина.¹ С этой подписью в печати появилось единственное произведение — «Сказка о прекрасной царевне» в стихах (М., 1840), представлявшая собою неудачную фольклорную стилизацию. «Сказка...» вызвала иронический отзыв П. Н. Кудрявцева в «Отечественных записках» (1840. Т. 2, отд. 6. С. 39). В «Альманахе на 1840 г.» появилось четыре стихотворения без подписи под общим названием «Тройки» (в оглавлении: «Тройки, переделанные, четыре»). По утвердившемуся в литературе мнению, они принадлежат самому издателю. Стихотворение «Гремит звонок, и тройка мчится...» помещено первым. За ним следуют: 2. «Прости, Москва, о край любезный...»; 3. «Свеча, чуть теплясь, догорала...» (первая строфа воспроизводит начало стихотворения Ф. Глинки «Сон русского на чужбине», остальные строфы — иного содержания, в третьей строфе цитируется ст. «Про очи девицы-души»); 4. «Луна в сиянии сребристом...» (цитируется ст. «Вдоль по дорожке столбовой...» и упоминается «заунывная песнь ямщика»). Первое стихотворение сюжетно не связано с тремя последующими, составляющими самостоятельный цикл, объединенный одним лирическим героем и сюжетом: прощание с Москвой и с «красавицей — другом нежным» (2); сон героя — его приезд в «страну чужую» и тоска по возлюбленной, пробуждение в Москве (3); воспоминание под песню ямщика о «любви подружки прежней», с которой герой теперь разлучен (4). Эти три стихотворения — своеобразные вариации на тему «Сна» Ф. Глинки, но носят автобиографический характер. Определение, данное в оглавлении («переделанные»), строго говоря, относится только к трем стихотворениям. В художественном отношении они уступают первому. Песней стало лишь первое из четырех. Но все они образовали определенную композицию: с судьбой ямщика сопоставлена сходная судьба путника. Вопреки замыслу автора привлечь сочувствие к лирическому герою, народ сохранил сочувственную память о судьбе ямщика. В нотных изданиях «Тройки» имя автора иногда читается: Иван Анордист.

---

¹ См.: Р е й т б л а т А. И. Библиограф и архивы: Атрибуция книг первой половины XIX века // «Сов. библиография». 1987, № 2. С. 43. Указанием на источник до выхода этой работы составитель обязан также М. Д. Эльзону.

Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, вьясь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мертвое кругом!

Вот на пути село большое, —
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилось ретивое,
И потихоньку он запел.

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мне целый свет постыл;
Зачем, зачем приворожила,
Коль я душе твоей не мил!

Кажись, мне песнью удалюю
Недолго тешить ездока,
Быть может, скоро под землю
Сокроют тело ямщика!

По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдаль по дорожке столбовой!

И ты, девица молодая,
Быть может, тяжко вздохнешь;
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдешь?

В тоске, в кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: «В разлуке вечной —
С тобой красавица твоя!»

В глазах тут слезы показались,
Но их бедняк не отирал;
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало,
Девушка бедная в тоске;
Она безвременно увяла,
Грустя по бедном ямщике!

(1839)

Константин Александрович Бахтурин (1809—1841) в молодости был гусаром и уланом. Находясь в Москве (конец 1832 — начало 1833 г.), сблизился с кружком Герцена — Огарева. Выйдя в отставку и живя в Петербурге, во второй половине 1830-х годов занялся драматической деятельностью, написал несколько пьес для Александринского театра («Козьма Рошин, рязанский разбойник» пользовалась успехом). В петербургском обществе приобрел известность как автор экспромтов и импровизаций. Сблизившись с В. Г. Бенедиктовым и П. П. Ершовым, предполагал издавать альманах «Мы — вам», на виньетке которого должна была быть изображена тройка лошадей с надписью: «Вот мчится тройка, но какая? Вдоль по дороге, но какой?» (шуточный намек на «дружеское трио» издателей-авторов).¹ В творчестве Бахтурина рано проявился интерес к песням и романсам. В 1824 году он перевел для Глинки текст романса «Моя арфа» (из поэмы В. Скотта «Матильда Регби»), позже композитор написал музыку для его мелодрамы «Молдаванская цыганка, или Золото и кинжал» (1836) и привлек поэта к работе над либретто «Руслана и Людмилы». Стихотворение «Песня цыганки» зачином напоминает известную русскую песню («Уж как пал на сине море, Уж как пал седой туман...»). Некоторые стихотворения и сказки Бахтурина, являясь фольклорными стилизациями, написаны по образцу «Конька-Горбунка» Ершова («О Ниле-царевиче», 1837). Поэтические произведения Бахтурина, изданные при жизни отдельным сборником («Стихотворения Константина Бахтурина». Спб., 1837. Ч. I. Вторая часть не публиковалась), не равноценны. В них сочетаются эпикурейские мотивы с элементами ограниченного демократизма. Из стихотворений Бахтурина известность приобрела не вошедшая в его сборник «Песня ямщика». Некоторые другие стихотворения положили на музыку Г. Кугушев («Душистые кудри и черные очи...»), Н. Макаров («Однообразные досуги»), И. Романус («Тоска» — «Какие дни, какие ночи...»).

¹ См.: Биография В. Г. Бенедиктова, составленная Я. П. Полонским // Бенедиктов В. Г. Соч. Изд. 2. Спб., 1902. Т. I. С. 7.

Аль опять
 Не видать
 Прежней красной доли?
 Я душой
 Сам не свой,
 Сохну, как в неволе.

А бывал
 Я удал!
 С ухарскою тройкой
 Понесусь
 И зальюсь
 Песенкою бойкой!

Не кнутом,
 Поведем
 Только рукавицей —
 И по пням,
 По холмам
 Мчат лошадки птицей!

Ни с слезой,
 Ни с тоской
 Молодец не знался —
 Попевал
 Да гулял...
 Вот — и догулялся!

Уж дугу
 Не смогу
 Перегнуть как надо;
 Вожжи врозь,
 Ну хоть брось!
 Экая досада!

Ночью, днем
 Об одном
 Тяжко помышляю,
 Всё по ней,
 По моей
 Лапушке страдаю!..

Аль опять
Не видать
Прежней красной доли?
Я душой
Сам не свой,
Сохну, как в неволе.

1840

Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,

Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,

Ты думай о том, красавица,
Ты думай о том, красавица,

Даты рождения и смерти Льва Николаевича Ибрагимова не установлены. Он был сыном поэта Н. М. Ибрагимова, автора известной «Русской песни» («Вечерком красна девица...», см. № 193), учился в Казанском университете (1833—1837), по окончании которого работал учителем гимназии — сначала в Казани, затем в Перми (по другим источникам — в Тагиле). При его жизни издан сборник «Стихотворения Льва Ибрагимова» (Казань, 1841). Прозаические и стихотворные произведения Ибрагимова печатались в «Библиотеке для чтения» и в других журналах 1830-х годов. Среди стихотворений Ибрагимова некоторые выделяются искренностью чувства и простотой выражения. Одни из них написаны в манере дружеских посланий, другие — в стиле песни и ромansa: «Колокольчик» («Под окошком сажу...»), «Романс» («Люби меня! Покуда младость...»), «Очи» («Очи девы-весны!..»), «Вакханальная песнь» («Что не веселы вы...»), «Русские песни» («Для меня ли, звезда ясная...», «Ах, ты помнишь ли...» и публикуемая). Стихотворение «Очи» положено на музыку Н. Кравцовым (1856).

417

Ты душа ль моя, красна девица,
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!..

Ах! как взглянешь ты, раскрасавица,
Мне тогда твои очи ясные
Ярче солнышка в небе кажутся,
Черней сумрака в ночь осеннюю!..
И огнем горит, и ключом кипит
Кровь горячая, молодецкая;
Всё к тебе манит, всё к тебе зовет
Сердце пылкое, одинокое!..

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!

Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!

И склоню к тебе я головушку
Свою буйную, разудалую;
Я отдам тебе свою волюшку,
Во чужих руках не бывалую;
Я скажу тогда: ты прости навек,
Жизнь разгульная, молодецкая!
Мне милей тебя моя милая,
Душа-девица, раскрасавица!

(1841)

Владимир Рафаилович Зотов, сын романиста Р. М. Зотова, родился в 1821 году в Петербурге, умер в 1896 году там же. По окончании Царскосельского лицея (1841) служил чиновником в разных ведомствах столицы (до 1861 г.), был связан с обществом «Народная воля» (хранил его архив — так называемые «портфели»). Литературная деятельность Зотова, начавшаяся в 1840 году в «Северной пчеле», была разнообразной — он писал рассказы, повести, романы, поэмы («Две колонны», 1841; «Последний Хеак», 1842); драмы в стихах и прозе, либретто опер (для А. Рубинштейна — «Куликовская битва», совместно с В. А. Соллогубом). Из всех ранних произведений Зотова, которым Белинский дал отрицательную оценку, критик выделил лишь роман «Черный таракан» (1843). Во второй половине 1840-х годов Зотов пишет критические статьи, сотрудничая в изданиях Некрасова, в «Отечественных записках», «Сыне отечества», в «Колоколе» Герцена, редактирует «Литературную газету» (1847—1849), еженедельники «Иллюстрации» (1858—1863), «Воскресный досуг» (1863—1872). Ранние стихотворения Зотова-лицеиста впервые опубликованы в журнале «Репертуар русского театра на 1841 год» (книга 3 — «Жаворонок», «Обаяние бездны», «Бог подаст») с примечанием редакции, где приветствовалось «молодое дарование» и отмечалась «гибкость таланта» автора. Хотя Зотов подавал надежды, но его поэтическое дарование не развилось, стихотворения отдельным изданием не выходили. В истории поэзии имя Зотова забыто, но некоторые его произведения привлекли внимание малоизвестных композиторов. Кроме публикуемых, некоторую популярность приобрели романсы на стихотворения Зотова «Последняя любовь» (музыка Ф. Кюкена) и «Не говорите про нее» (А. Касинова).

418: РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как пойду ль сидеть
За ворота я,
Буду вдаль смотреть
Без заботы я.

(2)
Уж как сяду я
Там украдкою,
Но с отрадою,
Сердце радуя
Думой сладкою:
Ожиданием
Друга милого,
Провожанием
Дня постылого.
Наряжуся я:
Обовью кругом
Шеи бусы я,
Косы русыя
Заплету венцом.
И надену я
Сарафан к лицу
С золотой каймой —
Хоть сейчас к венцу;
Шелком он обшит,
Снизу — сборчатый,
Он как жар горит,
Весь узорчатый.
В нем-то буду я
Друга сердца ждать,
С кем забуду я
Горевать, страдать.

<1841>

419. ГЛАЗА

Как неба лазурь
Без туч и без бурь,
Сияют, сверкают
Глаза моей милой!
И тихий их свет
Мрак горя и бед
С души прогоняет.
И где же их след?

(2)

Эти глаза —
Счастье, отраду,
Мир и покой
Сердцу дарят.

В них я гляжусь,
В них мне отрада
Тяжким годам
И жизни пустой. } (2)

В смертный мой час,
Тихо сияя,
Эти глаза
Пусть заблестят,
Цветом своим
Мне обещаю
Небо и рай
И вечность отрад. } (2)

<1854>

Николай Платонович Огарев родился в 1813 году в Петербурге; умер в 1877 году в Гринвиче. Будучи студентом Московского университета, он в 1834 году был арестован по делу «о лицах, певших пасквильные стихи», а затем сослан в имение отца под надзор. С 1858 года Огарев жил в Лондоне, где совместно с Герценом издавал «Колокол» и «Полярную звезду», принял участие в подготовке и издании нескольких сборников революционных песен: «Солдатские песни» (1862), «Свободные русские песни» (1863), «Лютня» (1869), «Вольный песенник» (1870). В них, наряду с песнями неизвестных авторов, печатались и произведения Огарева. Сотрудничал он в «Отечественных записках», «Современнике», «Русском вестнике», отдельные произведения опубликовал также в «Литературном вечере на 1846 год», в «Московских ведомостях», в «Русском инвалиде» и других изданиях. При жизни поэта его стихотворения отдельными сборниками издавались несколько раз (М., 1856; 1859; 1863; Лондон, 1858). Несколько стихотворений Огарева 1840-х годов стали популярными песнями. Некоторые из них он сам положил на музыку.¹ На его тексты писали музыку А. Алябьев, А. Дюбюк («Она никогда его не любила...»), Ц. Кюи («Природа зноем дня утомлена...»), П. Чайковский («Ночная тьма безмолвие приносит...»), Р. Глиэр («Монологи» — «Чего хочу? Чего...», «У моря» — «Ночь и буря с черной мглою...»), Петр Булахов («Исповедь», «Серенада» — «Песнь моя летит с мольбой...»), В. Пасхалов («Дитяtko, милость господня с тобою...» — особенно популярна) и другие композиторы. Всего на музыку положено 29 стихотворений поэта. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречается «Была чудесная весна...». Известен также романс «Как дорожу я прекрасным мгновеньем...» на текст стихотворения «Звуки» (музыка Гурилева, Варламова, Аренского и др.).

420. ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

¹ Песни и романсы Н. Огарева. Спб., 1854.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

1840

421. КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то —
Девка молодая;
Очи голубые,
Славная такая!
Да богат он, Ваня,—
Наотрез откажет,
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара?
Скверная избушка!..
А оброк-то, Ваня?

А кормить старушку?
Выпьем, что ли, с горя?
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

15 декабря 1841

422. ДОРОГА

Тускло месяц дальный
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу,
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

15 декабря 1841

423. ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избешке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

(1842)

424. АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два тяжелые замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?»
— «Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

— «Рад помочь! Куда ни шло бы! —
Божья тварь, чай, тож и я,—

Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут —
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет, сколько жить!..

Между 24 февраля и 20 марта 1850

425. <ИЗ ПОЭМЫ «ЗАБЫТЫЕ»>

Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
«Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, собирайтесь —
С Бела моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украине по казацкой!
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю!
Чтоб земля нам да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!..»

Первая половина 1862

Литературную деятельность Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) начал как поэт. Его первые стихотворные опыты датируются 1834 годом, дебютировал он стихотворением «Вечер» («Современник». 1838, № 11). В 1840-е годы стихотворения и поэмы Тургенева появляются на страницах «Современника», «Отечественных записок», в «Петербургском сборнике» Некрасова, в сборнике «Вчера и сегодня». Поэзия Тургенева привлекла внимание композиторов (на музыку положено 34 произведения). На его тексты писали романсы А. Рубинштейн («Осень», «Весенний вечер»), Н. Соколов («К чему твержу я стих унылый...»), Г. Катуар, А. Гедике и другие. Для Полины Виардо-Гарсиа Тургенев создал целый цикл стихотворений, которые были положены ею на музыку и печатались отдельными выпусками с нотами (между 1864 и 1874 годами); среди них «Синица», «На заре», «Разлука», «Разгадка» являются оригинальными стихотворениями, остальные — переводами.¹ Некоторые стихотворения Тургенева А. Кастальский ввел в свою оперу «Клара Милич» (1907) — «Весенний вечер», «Перед охотой», «Отрава горькая слезы...» (45-я строфа 2-й части поэмы «Андрей»). На последние стихи написан также романс Н. Дингельштеда (1858), встречающийся в песенниках. «Серенаду» из пьесы «Неосторожность» на музыку положил В. Одолев («Для недолгого свиданья...»). Музыка к мелодекламации на стихотворения в прозе написали А. Аренский, С. Кашеваров, А. Шефер, И. Гояринова-Чегодаева. Неоднократно положено на музыку стихотворение «Луна плывет высоко над землею...» (известен романс А. Дюбука).

426. БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил, сумрачно глядит;

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

¹ См.: «Альбом романсов Полины Виардо». Спб., 1868, 1869, 1871.

Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что, попался парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертью лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..

Мы певали песни, как из леса шли —
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоём;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — барскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

(1841)

427. В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

428. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.
Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
И на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

1843

429

К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Тот голос страстный, голос милый
Летит и просится ко мне,—

Зачем? Огонь немых страданий
В ее душе зажег не я...
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

Декабрь 1843

Павел Степанович Мочалов родился в Москве в 1800 году, умер в 1848 году там же. Воспитывался в пансионе и обучался драматическому искусству у отца — крепостного актера, в 1817 году дебютировал на сцене. Прославленный актер Малого театра (с 1824 г.), исполнитель главных ролей в трагедиях Шекспира (Гамлет, Отелло, Ричард III, Ромео) и Шиллера (Карл Моор, Фердинанд, Миллер, Франц Моор — в «Разбойниках»), в «Горе от ума» Грибоедова (Чацкий), Мочалов был выдающимся представителем романтического направления в русском искусстве. Среди друзей Мочалова были А. Кольцов, Ф. Кони, Н. Цыганов, А. Шаховской. У последнего собирался кружок любителей пения, куда входил и Мочалов, который сам был большим знатоком и ценителем поэзии и русских песен, сочинял лирические стихотворения и песни, быстро распространявшиеся в литературно-театральной среде. Некоторые песни Мочалова приобрели и более широкую популярность. Перу Мочалова принадлежит также романтическая драма в стихах «Черкешенка». В журнале «Репертуар и Пантеон» (1846. Т. 14) были напечатаны три «русские песни» Мочалова: «В хороводе поем песню мы...», «Скоро ли, буйные ветры, уймется...», «Не гляди на меня...». Свои песни с успехом исполнял сам Мочалов.

430

Ах ты, солнце, солнце красное!
Всё ты греешь, всех ты радуешь,
Лишь меня не греешь, солнышко!
Лишь меня не веселишь и в ясный день...
Всё равно мне, день ли пасмурный
Или ты играешь на небе,
Всё мне скучно здесь и холодно...
Нет, уж, видно, солнцу красному
Не придется веселить меня,
А придется солнцу теплому
Греть могилу мою темную.

(1842)

Старый бор, черный бор!

Не шуми в тишине:

Уж и так без нее

На родной стороне

Скучно мне!

Я далёко уйду,

Я далёко снесу

Ношу, тяжкую мне,

Думу злую мою!

Я уйду от людей,

Я размычу тоску

Средь широких степей.

Если ж там, вдалеке,

Будет дума при мне,

Так слезы от нее

Не увидите вы,

И последний мой вздох

Дума примет моя...

Пусть вдали от людей

Похоронят меня!

Ноша тяжкая мне

Дума злая моя

И тоска по тебе!..

<1842>

Николай Федорович Щербина родился в 1821 году в деревне Грузко-Еланчинской Миусского округа, Таганрогской губернии, умер в 1869 году в Петербурге. Учился он в Таганрогской гимназии, с 1841 года — на юридическом факультете Харьковского университета. В 1849—1850 годах Щербина жил в Одессе, затем переехал в Москву, где работал в «Московских губернских ведомостях». С 1855 года он служит в Петербурге, при Министерстве народного просвещения и в Министерстве внутренних дел, в Главном управлении по делам печати. Первый литературный опыт Щербины — поэма «Сафо», написанная им в тринадцатилетнем возрасте и затем уничтоженная самим поэтом. В печати он дебютировал стихотворением «К морю» («Сын отечества». 1838, № 10). Щербина сотрудничал в «Москвитянине», «Отечественных записках», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Иллюстрации». Особенно много его стихов появилось в альманахе «Молодик» (1843—1844). Прижизненные издания: «Греческие стихотворения Н. Щербины». Одесса, 1850; «Стихотворения Николая Щербины», в двух томах. Спб., 1857. Лишь немногие произведения Щербины написаны в жанре «русской песни» («Не шуми, не гуди...», «Спи, мое дитячко...»). На стихи Щербины писали романсы А. Гречанинов («Epicedium», текст сокращен), А. Гурилев («Сила песни»), С. Танеев («Notturmo»), П. Чайковский («Примирение»), В. Соколов («Безмолвие»), А. Дерфельдт («Звездное небо в окошко мне видно...») и другие. Внимание многих композиторов привлекла «Южная ночь» (см. примечание 433). К текстам поэта обращались также другие, малоизвестные композиторы (Э. Соломирский, Е. Тарновская, Г. Кузьминский, Н. Леонтьев, Н. Казанли, С. Паниев и др.). В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречается «Безмолвие» («Я помню час восторженных речей...»).

432. ЮЖНАЯ НОЧЬ

На раздолье небес ярко светит луна,
И листки серебрятся олив;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугом убирая залив.

Эта чудная ночь и темна и светла
И огонь разливает в крови;
Я мастику зажгла,
Я цветов нарвала,
Поспешай на свиданье любви!..

Эта ночь пролетит, и замолкнет волна
При сиянье бесстрастного дня,
И, заботы полна,
Буду я холодна,
Ты тогда не узнаешь меня!

1843

433. ПОСЛЕ БИТВЫ

Не слышно на палубах песен,
Эгейские волны шумят...
Нам берег и душен, и тесен;
Суровые стражи не спят.

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали...
Отсюда уйдем мы далёко,
Подальше от грешной земли!

Не правда ль, ты много страдала?..
Минуту свиданья лови...
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком, приплыл.

1843

Таганрог

ПРИМЕЧАНИЯ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5800 S. UNIVERSITY AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3700
WWW.CHEM.UCHICAGO.EDU

UNIVERSITY OF CHICAGO

DEPARTMENT OF CHEMISTRY

The University of Chicago
Department of Chemistry
5800 S. University Avenue
Chicago, Illinois 60637

For more information
please contact
the department office
at 773-936-3700

The University of Chicago
Department of Chemistry
5800 S. University Avenue
Chicago, Illinois 60637

For more information
please contact
the department office
at 773-936-3700

Page 1

Первое научное издание «Песен русских поэтов» (Л., 1936, Б-ка поэта, БС) включало лишь поэтов XVIII — первой половины XIX вв. Последующие издания «Песен русских поэтов» в Малой серии «Библиотеки поэта» (1950, 1952, 1957) хотя и стремились охватить по времени всю дореволюционную поэзию, но носили популярный характер и были невелики по объему. В первое издание Большой серии на равных основаниях включались произведения, ставшие песнями, и произведения, названные авторами песнями (независимо от их дальнейшей судьбы), а в Малой серии в одном ряду оказались и авторские тексты, и песенные переработки стихотворений. Небольшие разделы песен и романсов русских поэтов были в антологиях более широкого содержания, подготовленных И. Н. Розановым: «Русские песни XIX века» (М., 1944) и «Русские песни» (М., 1952), а также в антологии, составленной А. М. Новиковой, — «Русские народные песни» (М., 1957).

Во втором издании Большой серии «Библиотеки поэта» «Песни и романсы русских поэтов» (М.; Л., 1965) впервые с наибольшей полнотой были представлены стихотворения русских поэтов XVIII — начала XX в., ставшие произведениями вокальной музыки. В третьем издании Малой серии «Библиотеки поэта» аналогичный сборник не выходил. На основе названной антологии 1965 г. был издан небольшой сборник «Песни русских поэтов (конец XVIII — начало XX века)» (Л., 1973), подготовленный А. Бихтером.

В основу двух томов «Песен русских поэтов» положена антология 1965 г. В настоящее издание включен ряд новых имен (более 50), отчасти изменен состав публикуемых текстов тех авторов, которые были представлены в издании 1965 г., переработаны комментарии, расширен круг библиографических и нотографических источников, уточнены первые публикации произведений, значительно расширены и уточнены сведения об авторах музыки. В последнем случае учтено издание: «Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Справочник». Составитель Г. К. Иванов. М., 1966—1969. Выпуски 1—2. Однако следует иметь в виду, что в указанном справочнике, представляющем несомненную нотобиблиографическую ценность, несмотря на широкий охват имен поэтов, некоторые авторы текстов, положенных на музыку, отсутствуют (в частности, более 40 поэтов, включенных в настоящее издание), а сведения о нотных переложениях текстов не всегда оказываются исчерпывающими, некоторые библиографические сведения ошибочны (эти неточности в необходимых случаях оговариваются в комментариях).

В настоящее издание из огромного количества произведений, названных авторами песнями, романсами, балладами и т. п., и из стихотворений, положенных на музыку, отобраны тексты, наиболее

характерные для музыкально-поэтической культуры соответствующего периода и наиболее популярные, вошедшие в обиход различных слоев русского общества, что подтверждается свидетельствами современников, примечаниями в песенниках или позднейшими записями собирателей, репертуаром известных исполнителей песен и романсов, грамофонными пластинками, репертуаром художественной самодеятельности и т. п. материалами. Важным свидетельством популярности песен русских поэтов являются упоминания и цитирование их текстов в произведениях художественной литературы. Все эти сведения приводятся в примечаниях к текстам. В ряде случаев составитель руководствовался и собственными наблюдениями над жизнью песни на протяжении полувека.

Различные авторы представлены с разной степенью полноты, хотя здесь и соблюдалась известная пропорциональность. Включение в антологию всех произведений, которые стали песнями или романсами, практически невозможно — для этого пришлось бы перепечатать десятки, если не сотни стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Фета, А. К. Толстого, Майкова, Плещеева и др. (см. вступительную статью). Поэтому из наследия хорошо известных и часто переиздаваемых авторов был отобран необходимый минимум текстов — а именно те, которые вошли в музыкальный быт. Что же касается поэтов второстепенных, но сыгравших важную роль в истории вокальной лирики, то они представлены относительно большим количеством текстов, однако и включенные в данную антологию произведения составляют лишь долю их обширного песенного наследия (Сумароков, Нелединский-Мелецкий, Мерзляков, Дельвиг, Никитин, Суриков). Вместе с тем широко представлены популярные песни малоизвестных авторов, а также песни предполагаемых и неизвестных авторов.

Поскольку есть несколько антологий русской революционной поэзии, в настоящем издании помещены лишь наиболее популярные революционные песни, без которых невозможно представить русскую песню вообще. Наряду с песнями и бытовым романсом включены и немногие образцы классического романса, наиболее часто исполняемые и популярные у слушателей, а в наши дни — и среди участников художественной самодеятельности. Такие произведения являются фактом не только музыкальной, но и поэтической культуры; среди них немало романсов, которые зачастую ассоциируются в сознании слушателей лишь с именем композитора, что является несправедливым по отношению к авторам текстов, которые далеко не всегда указываются в нотных изданиях.

Арии и куплеты из опер, музыкальных комедий, водевилей и драматических произведений, а также репертуар эстрады в настоящее издание не входят, так как все это — особое явление в истории искусства и могло бы составить отдельную книгу. Исключение сделано для немногих текстов, обретших самостоятельную песенную жизнь, прочно вошедших в быт или фольклоризовавшихся. Не включены в сборник также многочисленные бытовые романсы малоизвестных авторов начала XX в. вследствие художественной неполноценности текстов, за исключением самых характерных произведений этого рода, составивших Приложение.

Обилие и разнообразие (а в ряде случаев — и пестрота) материала создали специфические трудности в его организации. Композиция издания определяется характером публикуемого материала. Тексты группируются в три раздела, которые определяются

не только хронологическими рамками, но и характерными жанровыми структурами песенного репертуара. Место поэта, отнесение его в тот или иной раздел, определяется временем, на какое приходится наибольшее количество созданных им произведений, ставших песнями и романсами, а порядок расположения авторов внутри раздела — датой первого публикуемого текста. Поэтому расположение материала в антологии является условным, отражающим лишь некую последовательность появления текстов, вошедших в литературно-музыкальный быт, но не выражающим какую-либо концепцию литературного процесса.

В Приложении даются песенные переработки, существенно отличающиеся от авторских оригиналов. В этот раздел отбирались в первую очередь долго бытовавшие в песенном репертуаре произведения, поэтому предпочтение отдавалось поздним записям. В тех случаях, когда последние отсутствуют или не представляют интереса, тексты печатаются по записям, наиболее отстоящим от времени создания стихов, послуживших их источником. В нескольких случаях (когда авторский текст не сохранился или подвергся коренному идейному переосмыслению) даются лишь песенные переработки. Порядок расположения текстов в Приложении соответствует хронологической последовательности появления авторских оригиналов.

Тексты стихотворений печатаются, как правило, в последней авторской редакции (исключение делается для некоторых произведений, вошедших в песенный быт в ранней редакции, существенно отличающейся от последней). Во всех случаях, когда это возможно, они воспроизводятся по научным изданиям (преимущественно — по «Библиотеке поэта»), соответствующим современным требованиям текстологии. Большинство текстов сверено с прижизненными изданиями (исправление явных опечаток в примечаниях не оговаривается). Наиболее важные изменения авторского текста, внесенные композитором или появившиеся в устной передаче, приводятся или оговариваются в примечаниях, указываются также публикации песенных вариантов.

Даты под текстами указывают время создания произведения. Даты предположительные отмечены вопросительным знаком. В случае отсутствия точной датировки год, не позднее которого могло быть создано данное произведение (по косвенным свидетельствам, по времени появления в песенниках или в печати), заключается в угловые скобки. Двойные даты под текстом, отделенные друг от друга запятой, указывают время появления разных редакций одного текста.

Все тексты печатаются по современной орфографии. Сохраняются лишь те особенности авторского или исторического написания, которые имеют стилистическое значение (имитация народной речи, характерные особенности народного языка в фольклоризовавшихся вариантах), а также такие особенности, устранение которых нарушило бы правильное произнесение стиха. Пунктуация по возможности приближена к современной.

Рефрены, независимо от того, как они даются в источнике текста, в настоящей издании приводятся полностью только первый и последний раз. Повтор стиха обозначается цифрой 2, стоящей в скобках.

Вступительные заметки об авторах, предваряющие тексты, содержат минимум биографических сведений (в заметках о крупнейших поэтах они вовсе отсутствуют). Основное внимание уделено

сведениям о песенном творчестве поэтов, о том, какие произведения положены на музыку, какие из них приобрели песенную популярность, какие композиторы и как часто обращались к творчеству данного поэта, и другим подобным фактам, которые помогут определить место того или иного поэта в истории музыкально-поэтической культуры и воспринять публикуемые тексты как песенные произведения. Песни и романсы, вошедшие в данное издание, и авторы музыки к ним, как правило, во вступительной заметке не называются.

В заголовке каждого авторского раздела указываются фамилия автора или псевдоним, под которым печатались произведения, вошедшие в данное издание (в этом случае настоящая фамилия раскрывается в библиографической справке). Исключения составляют псевдонимы, традиционно употребляемые вместе с фамилией (Богораз-Тан, Иванов-Классик и т. п.).

Примечания к текстам строятся следующим образом. В начале указывается первая публикация, затем (через точку и двойной дефис) отмечаются последующие редакции текста в печати (за исключением примечаний к текстам, которые печатаются по изданиям «Библиотеки поэта»), и, наконец, называется источник, по которому печатается текст. Если все тексты одного автора печатаются по одному источнику, он указывается перед комментариями ко всем этим текстам. Если текстологическая часть комментария ограничивается указанием лишь на первую публикацию, это означает, что текст печатается по первой публикации, так как произведение не перепечатывалось более или перепечатывалось без изменений. Если текст имеет несколько редакций, но печатается по первой публикации, это оговаривается: «Печ. по ...». В некоторых случаях указание на первую публикацию условно, так как авторскому сборнику или песеннику, по которым дается текст, могла предшествовать затерянная журнальная или нотная публикация. Если при наличии общего источника не указаны первые публикации к отдельным стихотворениям, это означает, что возможная более ранняя публикация не установлена.

В соответствии с характером антологии сообщаются сведения о хронологических границах распространения текста в дореволюционных песенниках (отсутствие конечной даты означает, что текст встречается вплоть до 1917 года). Для установления этих хронологических границ, наряду с различными печатными источниками, использована библиографическая картотека В. И. Чернышева, продолженная М. Я. Мельц, хранящаяся в секторе народного творчества Института русской литературы АН СССР. Указываются также первые нотные публикации (как правило, для XVIII в. и для первой трети XIX в., поскольку многие музыкальные издания этого времени представляют библиографическую редкость). Перечисляются авторы музыки, при этом указываются даты прижизненных (для поэтов) нотных публикаций и даты появления первого романса или наиболее популярного. Если романс опубликован отдельным нотным изданием, в скобках указывается место и год издания; если публикация находится в каком-либо журнале, сборнике, альманахе и т. п., их название указывается перед местом издания; если композитор дал название, не совпадающее с заглавием публикуемого текста, оно приводится после года издания. Порядок имен композиторов, если он дается не по алфавиту, отражает хронологическую последовательность появления романсов. Инициалы авторов музыки приводятся в тех случаях, если одну и ту же фамилию имело несколько

композиторов. Если количество авторов музыки велико, называются наиболее значительные композиторы или авторы наиболее популярной музыки. Отсутствие имени композитора означает, что автор музыки неизвестен. В примечаниях к некоторым текстам приводятся и впервые встречающиеся соответствующие им названия песенников (учтена библиография Л. П. Копаневой), поскольку вынесение заглавия или первого стиха в название песенника служит указанием на популярность песни. Такое явление характерно для второй половины XIX в. и особенно — для начала XX в. (едва ли не первый песенник такого типа — «Хуторок». Спб., 1874, по одноименному ст-нию Кольцова). В примечаниях к песенным переработкам указываются другие песенные варианты и, наконец, их литературный источник (со ссылкой на номер, под которым авторский текст включен в данное издание).

Реальный и историко-литературный комментарий по необходимости предельно сокращены. Реминисценции и скрытые цитаты, как правило, не раскрываются. Фамилии поэтов и композиторов, упомянутых во вступительной статье и биографических справках, употребляются, как правило, с одним инициалом. Второй инициал ставится при совпадении первого инициала у однофамильцев; без инициалов упоминаются фамилии широкоизвестных лиц, а в примечаниях — также авторов, композиторов и исполнителей, перечисленных в соответствующих указателях.

Издание снабжено алфавитным указателем произведений, а также указателями имен авторов стихотворных текстов, авторов музыки и исполнителей, включенных в основной корпус и упомянутых во вступительной статье, биографических справках и примечаниях. Указатель имен исполнителей составлен В. Е. Гусевым, остальные — И. Е. Крыловой при участии Е. Д. Никитиной.

В разделе ст-ний Некрасова (тексты и примечания к ним) составитель пользовался материалами Б. М. Добровольского. В отыскании источников некоторых романсов составителю оказала помощь Е. И. Мельник (раздел Приложение. Городской романс второй половины XIX — начала XX в.).

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Библиографические

- Авдеева — Русский песенник, или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водеvilных куплетов известных писателей, изданный К. Авдеевой. Спб., 1848.
- Аглая — альманах «Аглая». М.: в Университетской типографии, 1794. Т. 1; 1795. Т. 2; журнал «Аглая». М., 1808—1810 (с нотными приложениями), 1812.
- Акимова — Фольклор Саратовской области. Книга первая. Составлена Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.
- Аксюк — Русские народные песни Красноярского края. Под общей ред. С. В. Аксюка. М., 1959—1962. Вып. 1—2.
- Александров — Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами

- Харьковского университета в 1840 году (...) Собрал и издал студент того времени Вл. Александров. Харьков, 1891.
- Анисимова — Фольклор Пензенской области, вып. 1. Песни и сказки Поимского района. Составитель А. П. Анисимова/Под ред. и с предисловием В. М. Сидельникова. Пенза, 1948.
- Аонида — Аонида, или Собрание разных новых стихотворений. Москва, в Университетской типографии, кн. 1—3. 1796—1799.
- Аристов — Песни казанских студентов 1840—1868 гг. Собрал А. П. Аристов. Спб., 1904. (К столетнему юбилею Казанского университета).
- Балашов — Народные баллады. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963 (Б-ка поэта, БС).
- Балов — Балов А. Экскурсы в область народных песен // «Этнографическое обозрение». 1896, № 2/3; 1897, № 2.
- Бантыш-Каменский — Словарь достопамятных людей Русской земли, составленный Дмитр. Бантыш-Каменским. М., 1836.
- Бардин — Фольклор Чкаловской области. Составил А. В. Бардин. Чкалов, 1940.
- Баранов — Песни оренбургских казаков с напевом. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Оренбург, 1913. Вып. 1—3.
- Бацер, Рабинович — Бацер Д., Рабинович Б. Русская народная музыка. Нотографический указатель (1776—1973). М., 1981. Ч. 1; М., 1984. Ч. 2.
- Бахтин — Бахтин В. Песни Ленинградской области. Записи 1947—1977 гг. Л., 1978.
- БдЧ — журнал «Библиотека для чтения». Спб., 1822—1823; 1834—1865; 1875—1885.
- Белоконский — Белоконский И. П. По тюрьмам и этапам. Орел, 1887.
- Белоусов-1928 — Белоусов И. А. Литературная среда. Воспоминания 1880—1928. М., 1928.
- Белоусов-1929 — Иван Белоусов. Литературная Москва (Воспоминания 1880—1928 г.). Писатели из народа, писатели-народники. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., [1929].
- Бернард — Песни русского народа, собранные и аранжированные с аккомпанементом фортепиано М. Бернардом. Спб., [1847].
- Бидгай — Песни кубанских казаков для одного голоса и хора с аккомпанементом фортепиано, собраны А. Бидгаем (...) М., 1896—1898. Вып. 1—14.
- Бирюков-1936 — Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936.
- Бирюков-1953 — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.
- Болотов — Жизнь и приключения А. Болотова, описанные им для своих потомков. Спб., 1871—1872. Т. 1—2.
- БП — Биографии песен. М.: Изд-во политической литературы, 1965.
- В-1957 — Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1957 (Б-ка поэта, БС).
- Вавилов — Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен (...) С объяснением содержания и голоса каждой песни (...) Изданием м. к. Павла Вавилова. М., 1810.
- Васина-Гроссман — В. А. Васина-Гроссман. Русский классический романс XIX века. Изд. АН СССР, М., 1956.
- ВЕ — журнал «Вестник Европы». М., 1802—1830; Спб., 1866—1917.
- Венгеров (с указанием выпуска) — Русская поэзия. Собрание произ-

- ведений русских поэтов <...> Издаётся под редакцией С. А. Венгерова. Т. 1 (вып. 1—3. Спб., 1893; вып. 4. Спб., 1894; вып. 5. Спб., 1895; вып. 6. Спб., 1897), Т. 2 (вып. 7. Спб., 1901).
- Вессель и Альбрехт — Сборник солдатских, казацких и матросских песен / Сост. И. Х. Вессель и Е. К. Альбрехт. Спб., 1875.
- ВНП — Всеобщий новоизбранный песенник <...> М., 1805.
- Вольман-1957 — Вольман Б. Русские печатные ноты XVIII века. Л., 1957.
- Вольман-1970 — Вольман Б. Русские нотные издания XIX — начала XX века. Л., 1970.
- Воротников — 80 русских народных песен для пения и фортепиано, положенные П. Воротниковым. М., [1870—1871].
- ВРП — Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Вступительная статья С. А. Рейсера. Подготовка текста и примечания С. А. Рейсера и А. А. Шилова, Л., 1959 (Б-ка поэта, БС).
- Гартевельд-1908 — Песни каторги. Песни сибирских бродяг и каторжников для соло и хора с аккомпанементом фортепиано. Собраны и записаны В. Н. Гартевельдом на предпринятой специально для этой цели поездке в Тобольскую каторжную тюрьму. Спб., издание т-ва «А. Иогансен», [1908]. Тетр. 1—5.
- Гартевельд, 8 песен — Песни сибирских каторжан, бродяг и инородцев. Для хора с акк. фортепиано или фисгармонии. Собрал и записал в Сибири (1908) В. Н. Гартевельд. Спб., издание Ю. Г. Циммермана, [1909]. Тетр. 1—8.
- Гартевельд, 25 песен — 25 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев <...> Издание Ю. Г. Циммермана, Спб., [1910]. Тетр. 1—25.
- Гартевельд, 14 песен — 14 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев, собранных на месте в Сибири в 1908 г. В. Н. Гартевельдом (последний цикл, исполненный в концертном турне по России 1909 года). Спб., издание т-ва «А. Иогансен», [1910]. Вып. 1—14.
- Гербель — Русские поэты в биографиях и образцах. Составил Н. В. Гербель. Спб., 1873; 3-е изд. — Спб., 1888.
- Герстенберг и Дитмар — Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен для фортепиано, собранных издателями. Спб.: У Герстенберга и Дитмара, [1797—1798]. Ч. 1—3.
- Гиппиус — Русские народные песни. Песенник. [Сост. Е. В. Гиппиус]. Л., 1943.
- Глебов — Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. Русская поэзия в русской музыке. Второе издание. Пг., 1922.
- Гофман — Гофман Л. Одиссея Александра Рославлева. М., 1984.
- Гудошников — Гудошников Я. И. Очерки истории русской лит. песни XVIII—XIX вв. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1972.
- Гуревич, Элиасов — Гуревич А. В. и Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1.
- Гусев — В. Е. Гусев. Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957.
- Д-1866 — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Спб., 1866. Ч. 3.
- ДД-1840 — Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. Спб., 1840. Ч. 1.

- Денница — «Денница, альманах на 1830 год», изданный М. Максимовичем. М., 1830 (ц. р. 1829).
- Дм.-1810 — Сочинения Дмитриева. М., 1810. Ч. 1—3.
- Дм-1953 — Карамзин Н., Дмитриев И. Избр. стихотворения. Л., 1953 (Б-ка поэта, БС).
- Дмитриев — Дмитриев М. А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Московский комсомолец, 1985.
- Догадин — Былины и песни астраханских казаков / Собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Астрахань, 1911. Вып. 1.
- Досуги — Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михаила Попова. Спб., 1772. Ч. 1.
- Друскин — Друскин М. Русская революционная песня. М., 1954.
- Дюбюк — 130 народных песен, собранных и положенных для фортепиано А. И. Дюбюком. М., [1865].
- Ельчева — Народные песни Ивановской области. Запись, составление, предисловие и примечания И. Ельчевой. Иваново, [Ярославль, 1968].
- ЕС — журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Спб., 1755—1757 под изм. назв. — до 1764 г.
- Ж-1849 — Стихотворения В. А. Жуковского. Спб., 1849. Т. 1—6.
- Ж-1956 — Жуковский В. А. Стихотворения. 1956 (Б-ка поэта, БС).
- Железновы — Песни уральских казаков. Записали Александра и Владимир Железновы. Спб., 1899.
- Житомирский — Житомирский Д. Из прошлого русской революционной песни. М., 1963.
- ЖОМ — Журнал отечественной музыки на 1806 год, издаваемый Д. Кашиным.
- ЖРС — Журнал российской словесности. Спб., 1805.
- Записки — Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1934.
- ЗРЦП — Знаменитый российский и цыганский песенник. Спб., 1859.
- Иванов — Русская песня в отечественной музыке до 1917 года: Справочник. Составитель Г. К. Иванов. М., 1966. Вып. 1; М., 1969. Вып. 2.
- ИРЛИ, РV — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Рукописный отдел, фольклорный архив.
- Истомин и Дютш — «Песни русского народа»./Записали Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш... Спб., 1894.
- К-1835 — Стихотворения Алексея Кольцова. М., 1835.
- К-1846 — Стихотворения Кольцова. Спб., 1846.
- Канн-Новикова — Канн-Новикова Е. Рассказы о песнях. М., 1963.
- Карманная книга — Карманная книга для любителей музыки на 1795 год (...) Спб., Изданием книгопродав[ца] И. Д. Герстенберга и тов. в типографии И. К. Шнора [6. г].
- Кауфман — Песни на българското работническо движение 1891—1944. Съставител Николай Кауфман. София, 1959.
- Кашин — Русские песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным. М., 1833—1834.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874. Вып. 1—10.
- Киреевский НС (с указанием выпуска и части) — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1; М., 1917. Вып. 2. Ч. 1; М., 1929. Вып. 2. Ч. 2.
- Китайник — Уральский фольклор / Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.

- Клепиков — Бюллетени Государственного литературного музея, № 4. Лубок. Часть 1. Русская песня. Составил и комментировал (...) С. А. Клепиков. М., 1939.
- Концевич — Песни казаков. Сборник на три и четыре однородных голоса составил Г. М. Концевич. Репертуар Кубанского войскового певческого хора. (1811—1911). [М., 1911.]
- Котикова — Котикова Н. А. Нар. песни Псковской обл. М., 1966.
- КП — Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. М., 1796. Ч. 1—3.
- КП (с указанием места и года издания) — Карманный песенник...
- Крупянская и Минц — Крупянская В. Ю. и Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М.: АН СССР, 1953 («Труды Института этнографии АН СССР: Новая серия». Т. XIX).
- Курганов — Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие (...) Спб., 1796. Присовокупление 5. Сбор разных стиходейств. С. 244—344.
- Кюи — Кюи Цезарь. Русский романс. Очерк его развития. Спб., 1896.
- ЛА — «Лирический альбом Т. Жучковского на 1832 год». Спб. (ц. р. 1831).
- Лаговский — Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собранные и положенные на ноты (...) Ф. Лаговским. Череповец, 1877. Вып. I. Песни, посиделочные, хороводные и плясовые.
- ЛГ — «Литературная газета».
- Либретто — Серия граммофонных либретто (Граммфонная фабрика В. И. Ребикова и К^о). Спб., 1901—1904.
- Ливанова — Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века в связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. М., 1952. Т. 1; М., 1953. Т. 2.
- Ливанова, Приложение — Сборник кантов XVIII века (в извлечениях) из рукописных фондов Государственного исторического музея. М., 1952. (Приложения к исследованию Т. Ливановой «Русская музыкальная культура XVIII века (...)», см. выше).
- ЛН — «Литературное наследство».
- ЛЭ — Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов, М., 1981.
- Львов — Прач — Собрание народных русских песен с их голосами / На музыку положил Иван Прач. Спб., 1790 [Составитель Н. А. Львов]; Львов — Прач, 2-е издание — То же. 1806. Ч. 1—2.
- М — журнал «Москвитянин». 1841—1856.
- МА (с указанием года) — «Музыкальный альбом». М. ...
- Магазин — «Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением Модного журнала, раскрашенных рисунков и музыкальных нот». Спб., 1795. Ч. 1—2.
- Магид — Магид С. Д. Коллекция песен, записанных от членов Общества бывших политкаторжан (1935). Фонограммархив Института русской литературы АН СССР. Колл. 180.
- МВ — журнал «Московский вестник».
- Мейер — Собрание наилучших российских песен (...) изданных иждивением книгопродавца Ф. Мейера. Спб., 1781. Ч. 1—5.
- МЖ — «Московский журнал». 1791—1792.
- ММУ — «Магазин музыкальных увеселений, или Полное собрание вокальных пьес, самых лучших и новейших всякого рода (...)». М., 1795. Ч. 1.

- МН — журнал «Московский наблюдатель». 1835—1839.
- Моисеенко — Моисеенко П. Воспоминания. М., 1924.
- «Молодчик» — «Молодчик с молодкою на гулянье с песельниками, поющими новые песни (...)» Спб., 1790.
- МТ — журнал «Московский телеграф». 1825—1834.
- МУ — журнал «Музыкальные увеселения, ежемесячно издаваемые (...)» Печатаны при Московском университете (...)». 1774—1775.
- Мякутин — Песни оренбургских казаков / Собрал сотник А. И. Мякутин. 1904. Ч. 1; Спб., 1905. Ч. 2; Спб., 1906. Ч. 3; Спб., 1906. Ч. 4.
- Мякушин — Сборник уральских казачьих песен / Собрал и издал Н. Г. Мякушин. Спб., 1890.
- НА (с указанием года). — Невский альманах на ...
- Н-1798 — Творения Николая Петровича Николева (...) Ч. 5, Собрание разных песен. М., 1798.
- Назаров — Иван Назаров. Встречи и письма. Владимир, 1957.
- НЕС — журнал «Новые ежемесячные сочинения». Спб., 1786—1796.
- Неустроев — Исторические разыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 годы, описанные А. Н. Неустроевым. Спб., 1875.
- НЛ — журнал «Новости литературы», Спб., 1822—1826.
- Новиков — Новое и полное собрание российских песен, содержащих в себе песни: любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. Ч. 1—6. М.: у Новикова, 1780—1781.
- Новикова — Русские народные песни. Составила А. М. Новикова. М., 1957.
- Новикова-МОПИ — Новикова А. М. Революционные песни декабристской эпохи. М.: Мос. обл. пед. институт им. В. И. Ленина, 1982.
- Новикова-1978 — Новикова А. М. Творческая история трех песен литературного происхождения // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (Фольклорно-литературные влияния). Республиканский сборник. Вып. 5. М., 1978.
- Новикова-1982 — Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М., 1982.
- НОРВП — Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник. Спб., 1808.
- НП — Новейший песенник, или Собрание русских песен и романсов. Спб., 1853.
- НПВП — Новейший полный и всеобщий песенник. Спб., 1818.
- НПРП — Новейший полный русский песенник. Спб., 1854.
- НПП (с годом изд.) — Новейший полный песенник (...) М., 1869; Спб., 1906; Спб., 1907.
- НРВП — Новейший российский всеобщий песенник. Новое издание в 4-х частях. М., 1803.
- НРИП — Новейший российский избранный песенник. М., 1817.
- НРП — Новый российский песенник, или Собрание любовных, хороводных, пастушьих, плясовых, театральных, цыганских, малороссийских, козацких, святочных, простонародных и в настоящую войну на поражение неприятелей и на разные другие случаи сочиненных (...) Спб., 1790—1791. Ч. 1—3.
- НС — Новейшее собрание отборнейших песен и романсов, или Подарок милым и прекрасным на Новый год. М., 1829.

- НСРП — Новейшее собрание романсов и песен, собранных из лучших авторов. М., 1830.
- НТ — журнал «Народное творчество».
- НТП — Новейший туалетный песенник для милых девушек и любимых женщин (...) Орел, 1821.
- Нувеллист — Музыкальный журнал «Нувеллист». Спб., 1840—1906, с ежемесячным «Литературным приложением» (1844—1874).
- «Объяснения» — Объяснения к сочинениям Державина, составленные Г. Р. Державиным (см. Д.—1866).
- ОЗ — журнал «Отечественные записки». Спб., 1818—1830; 1839—1884.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук.
- П-1855 — Песенник, или Собрание избранных песен, романсов и водеvilных куплетов. Спб., 1855.
- Павлова — Русское народно-позитическое творчество Татарской АССР. Составитель В. Ф. Павлова / Под ред. В. И. Чичерова. Казань, 1955.
- Парилов — Парилов И. Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1947.
- ПВ — журнал «Праздное время, в пользу употребленное». Спб., 1759—1760.
- ПДРП — Песни для дамского радиокюля и туалета. М., 1831.
- Перед рассветом — Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Составила В. Перова. Женева, 1905 (изд. РСДРП).
- Перетц — Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Том I. Из истории русской песни. Ч. 1. // «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета». Спб., 1900. Т. 54, вып. 2; ч. 2 // Там же. Вып. 3.
- «Песни борьбы» — Песни борьбы. Сборник революционных стихотворений и песен. Женева, 1902.
- ПЗ — альманах «Полярная звезда». Спб., 1823—1825; а также журнал «Полярная звезда». Лондон, 1855—1869.
- ПиР — Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева. М.; Л., 1965, (Б-ка поэта, БС).
- ПКиС — Песни каторги и ссылки. М., 1930.
- Плевицкая. Альбом — Собрание русских песен репертуара известной исполнительницы Надежды Васильевны Плевицкой. 27 известных песен, переложенных для фортепиано с подведенным текстом. Спб.; Изд. Ю.-Г. Циммерман, [1910-е гг.]. То же: с дополнением 6 песен, с указанием: ч. 1—2. Спб.; Изд. Ю.-Г. Циммерман [1910-е гг.].
- ПНП — Полный новейший песенник.: В тринадцати частях (...) М., 1835.
- Позднеев — Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии): Сокращенное изложение диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук // Министерство просвещения РСФСР. Московский государственный заочный педагогический институт. Ученые записки. М., 1958. Т. 1. С. 5—112.
- Полежаев — Новый российский песенник, или Собрание разных песен с приложенными нотами, которые можно петь на голосах, играть на гуслях, клавикордах, скрипках и духовых инструмен-

- тах. Изданные во граде Святого Петра иждивением Т. Полежаева. 1792. Ч. 1—3.
- Полежаев-1832 — Стихотворения А. Полежаева. М., 1832.
- Померанцева-1957 — Русское народное творчество Башкирии / Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Составители — С. И. Минц, Н. С. Полещук и Э. В. Померанцева. Отв. ред. А. Н. Киреев // АН СССР. Башкирский филиал Института истории языка и литературы. Уфа, 1957.
- Померанцева-1958 — Песни и сказки Ярославской области / Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Составители Л. Астафьева, В. Бондарь, Е. Вальтер и др. Ярославль, 1958.
- Попов-1765 — Песни, сочиненные Михайлом Поповым. Спб., 1765.
- Попов-1768 — Песни, вновь исправленные и умноженные. Сочинение Михайла Попова. Спб., 1763.
- Попова — Попова Т. Русское народное музыкальное творчество. М., 1955—1957. Вып. 1—3.
- Потявин — Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый. Составитель и редактор В. Потявин. Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1960.
- ППМЦ — Полнейший песенник московских цыган. Спб., 1863.
- ПППВ — журнал «Приятное и полезное препровождение времени». Спб., 1791—1799.
- Прач. — см. Львов — Прач.
- ПРН — Песни для русского народа. Спб., 1859.
- ПРП — Песни русских поэтов/Вступительная статья, подготовка текста и примечания. И. Н. Розанова. Л., 1950 (Б-ка поэта, МС). То же. Л., 1957 (Б-ка поэта, МС).
- ПРР — Песни русских рабочих (XVIII — начало XX века). Л., 1962 (Б-ка поэта, БС).
- ПУ — журнал «Полезное увеселение». М., 1760—1762.
- Радуга — Радуга. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год. М., 1830 (с нотными приложениями).
- РБ — журнал «Русская беседа». М., 1856—1860; Спб., 1895—1896.
- РВ — журнал «Русский вестник». Спб., 1841—1844; М., 1856—1887.
- Риторика — Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика (...). Спб., 1748.
- РМ — журнал «Русская мысль». М., 1880—1917.
- Розанов — Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века) / Редакция, статьи и комментарии Ив. Н. Розанова. Л., 1936 (Б-ка поэта, БС).
- РП-ХІХ — Русские песни XIX века. Составил проф. Ив. Н. Розанов. М., 1944.
- РС — журнал «Русское слово». Спб., 1859—1886.
- Рупин — Народные русские песни, аранжированные для голоса и хоров с аккомпанементом фортепиано (...). Иван Рупин. Спб., 1831—1833. Тетр. 1—2.
- Русская баллада — Русская баллада. М., 1936 (Б-ка поэта, БС).
- Русские песни — Русские песни. Составил проф. Ив. Н. Розанов. М., 1952.
- РЭ — Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен, поныне сочиненных (...) Собранные и частично сочиненные покойным Михайлом Поповым (...) Спб., 1792. Ч. 1—3.
- С — журнал «Современник». Спб., 1836—1866.
- Сахаров — Песни русского народа Н. Сахарова. Спб., 1838.

- Симаков — Симаков В. И. Народные песни, их составители и их варианты. М., 1929.
- СМ — журнал «Советская музыка».
- СНП — Самый новейший отборнейший московский и Санкт-Петербургский песельник, собранные из лучших и ныне употребляемых песен (...) М., 1799 (издан с Продолжением в том же году).
- СО — журнал «Сын отечества». Спб., 1812—1852; 1856—1917.
- Соболевский — Великоорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским. Спб., 1895—1902. Т. 1—7.
- Собрание — Собрание лучших песен, баллад и романсов. М., 1859.
- Соколовы — Соколовы Б. М. и Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- СОНРП — Собрание отборных и новых российских песен. Спб., 1803.
- Соревнователь — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения». Спб., 1818.
- СП — Северный певец новейших военных и прочих песен. М., 1830.
- СпбВ — журнал «Санкт-Петербургский вестник». 1778—1781; 1812; 1831.
- СпбЖ — «Санкт-Петербургский журнал». 1798; 1804—1809.
- СпбМ — журнал «Санкт-Петербургский Меркурий». 1793.
- СРП — Собр. романсов и песен для прекрасного пола. М., 1827.
- СтП — Студентские песни. 1825—1855/Собр. А. Б. Спб., ц. р. 1880.
- Студитский — Студитский Ф. Песни, собранные в Новгородской губернии. Спб., 1874.
- Сум-1781 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. М., 1781. Ч. 8.
- Сум-1957 — Сумароков А. П. Избранные произведения. М.; Л., 1957 (Б-ка поэта, БС).
- СЦ — альманах «Северные цветы». Спб., 1825—1832.
- Т-1833 — XII песен Т-м-ф-а [Тимофеева]. Спб., 1833. Отдел 1, 2.
- Т-1834 — XII песен Т-м-ф-а [Тимофеева]. Спб., 1834. Отдел 3.
- Т-1835 — Песни Т.м.ф.а, в 2 частях. Изд. 2, пополненное. Спб., 1835.
- Т-1837 — Сочинения в стихах и прозе А. Тимофеева. Спб., 1837. Ч. 1.
- Тамбовский фольклор — Тамбовский фольклор / Сборник составлен коллективом фольклорной экспедиции МИФЛИ в составе студентов Г. И. Терентьева, И. И. Гришина, В. Е. Гусева, Л. П. Копиной и С. Г. Лазутина. Вступительная статья Г. Терентьева // Труды Московского государственного института истории философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского. Кафедра фольклора. Тамбов, 1941.
- Теплов — Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса. Музыка Г. Т[еплова]. Спб., 1759 (изд. 2-е; 1-е не сохранилось).
- Титов — Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену имп. Русского географического общества И. А. Вахрамееву. М., 1888 [Вып.] 1. М., 1892. Вып. 2; М., 1892. Вып. 3.
- Тонков — Фольклор Воронежской области. Составил В. И. Тонков. Воронеж, 1949.
- ТП — журнал «Трудолюбивая пчела». Спб., 1759.
- Трубицын — Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века // «Записки

- историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета». 1912. Ч. 110.
- Труды ОлРс — Труды «Общества любителей российской словесности». Спб., 1818—1825.
- Трутовский — Собрание русских простых песен с нотами [Сост. В. Трутовский] Спб., 1776. Ч. 1; Спб., 1778. Ч. 2; Спб., 1779. Ч. 3; Спб., 1795. Ч. 4.
- Усов — Фольклор Горьковской области. Русские песни / Составил и комментировал Н. А. Усов. Горький, 1940.
- Финдейзен — Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. М.; Л., 1928—1929. Т. 1—2.
- Фольклор семейских — Фольклор семейских / Составили Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Под общей редакцией Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1963.
- Х-1961 — Херасков М. М. Избранные произведения. М.; Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).
- Ц-1834 — Русские песни Н. Цыганова. М., 1834.
- ЧдВ — журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований». М., 1791—1793.
- Чернышев — Чернышев В. И. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов // «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Спб., 1903. Т. 75, № 2.
- Чулков — Чулков М. Д. Собрание разных песен. Спб., 1770. Ч. 1; Спб., 1770. Ч. 2; Спб., 1773. Ч. 3. Спб., 1773; Прибавление. Спб., 1774. Ч. 4.
- Ш-1939 — Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939 (Б-ка поэта, БС).
- Шилов — Шилов А. Неизвестные авторы известных песен. Всероссийское хоровое общество. М., 1961.
- Шнор — Шнор И. К. Новый российский песенник. Спб., 1781.
- ЭА — нотный журнал «Эолова арфа». М., 1824—1835. Тетр. 1—10.
- Ядринцев — Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. М., 1872.
- Якуб — Якуб А. С. Современные народные песенники // «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук». Спб., 1914. Т. 19.
- Якубович — Якубович П. Ф. В мире отверженных. М., 1964. Т. 1—2.
- Ярков — Русские народные песни Подмосковья, собранные народным певцом-умельцем П. Г. Ярковым с 1880 по 1930 г. Музыкальные записи от русского народного хора П. Г. Яркова А. В. Рудневой. Редакция и предисловие проф. Е. В. Гиппиуса. М.; Л., 1951.

Другие сокращения

- нот. — нотированный.
- пес. — песенник, песенники, песенный.
- с. — страница.
- ст. — стих.
- фольклориз. — фольклоризованный.

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

Прокопович Феофан. Сочинения. М.; Л., 1961. Т. 1.¹

1. Чистович И. Феофан Прокопович и его время. Спб., 1868. Ст. 41 и 42 в источнике текста переставлены. Порядок восстанавливается по смыслу и рифме. По рукоп. пес. XVIII в. известно 4 вар. (Позднеев. С. 50). Посвящено сражению с турками 9—10 июля 1711 г. у р. Прут, в р-не г. Станилешти (Молдавия). *Могила Рябая* (Рябая Могила) — местечко в Молдавии. *Волоские* — Валашские. *Загоны* — конные полки. *Марс* — здесь: сражение. *Пляц* — площадь, пространство. *Армата* — пушка; здесь: артиллерия. В последней строфе имеется в виду заключение мирного договора с Турцией (12 июля 1711 г.).

2. Курганов, без подписи. В рукоп. пес.— с сер. XVIII в. (Перетц. Т. 1, ч. 1. С. 244—245; Ч. 2. С. 90, 97; Титов. Вып. 2. С. 374). С нотами: Финдейзен. Т. 2 (Нотное приложение). Пес. вар. (подражание?) («Ой коли ж дождусь я веселова время...»): Перетц. Т. 1, ч. 1. С. 248. Отражает настроение, вызванное переменами в жизни дворянского общества после смерти Петра I.

3. Курганов, без подписи. Встречается в рукоп. пес. XVIII — нач. XIX в. (Титов. Вып. 2. С. 365, 370, 373, 375, 384; Перетц. Т. 1, ч. 2. С. 69, 75, 85, 98, 189, 191). С нотами: Ливанова. Т. 1, Приложение. С. 70; муз. вар.: Финдейзен. Т. 2. С. 195. В пес. ст. 1 часто: «Кто крепко на бога уповаает». Один из самых попул. кантов. *Ниже́* — ни даже. *Сило* — звательный падеж от «сила». *Туне* — втуне, здесь: беспричинно.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. Л., 1963 (Б-ка поэта, БС).

4. «Езда в остров любви». Спб., 1730. - - Соч. и переводы. Спб., 1752, др. ред. В рукоп. пес.— до конца XVIII в. (Титов. Вып. 2. С. 366, 378; Перетц. Т. 1, ч. 2. С. 86, 94, 102). Ред. 1752 г. («Строфы похвальные России») в пес. обиход не вошла. *Небо российску* — ибо русскому. *Изводство* — здесь: творение.

5. «Езда в остров любви». Спб., 1730. Встречается в рукоп. пес. XVIII в., иногда с перестановкой строф и ст. (Ливанова. Т. 1, Прило-

¹ Здесь и далее перед примечаниями к текстам того или иного автора указываются основные издания его произведений (наиболее полные собр. соч. и издания «Б-ки поэта»), в которые вошли все публикуемые тексты.

жение). С нотами: Иванов М. М. История муз. развития России. Спб., 1910. Т. 1. С. 212. *Слицы* — красота, прелесть.

6. «Езда в остров любви». Спб., 1730. Встречается в рукоп. сб. XVIII в. Ст. 1—2 иногда:

Ах, не можно сердцу без печали быть,
Кто любит не ложно, нельзя не тужить.

Пес. вар.: Перетц. Т. 1, ч. 1. С. 116; Ливанова. Т. 1. С. 484, вклейка между с. 504 и 505; Приложение. С. 8—9, 105—106. *Стень* — тень. *Поне* — хотя бы.

А. П. СУМАРОКОВ

7. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум.-1957. В рукоп. пес.— с сер. XVIII в. (Титов. Вып. 2. С. 382). В пес.— до 1822 г. В комедии Сумарокова «Тресотиниус» (1750) упоминается как широкоизвестная.

8. Чулков. Ч. 3, без подписи. - - Сум.-1781. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 354) до конца XVIII в.

9. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум.-1957. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 355). В пес.— до 1805 г. Ср.: Орлов. Вып. 2; Листопадов. Т. 3, № 68; Рус. народные песни Поволжья... М.; Л., 1959. № 46.

10. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум.-1781. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 338). В пес.— до 1805 г. С нотами: ММУ.

11. Курганов, без подписи, с иным заключением. - - Сум.-1957. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 338). В печ.— до 1886 г., иногда без последней строфы. Ноты: Полежаев. Ч. 2; текст с нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. А. Болотов свидетельствует, что уже в 1758 г. эта песня считалась «старинной и всем знакомой» (Болотов. Т. 1. С. 667).

12. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум.-1957. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 339). В пес.— до 1819 г., часто как «пастушеская».

13. Чулков. Ч. 4, без подписи. - - Сум.-1781. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 356).

14. Новиков. Ч. 6, без подписи. - - Сум.-1957. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 339).

15. ЕС. 1755, окт. Ч. 2. - - Сум.-1781. В пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1) до 1797 г. Встречается также в рукоп. пес. XVIII в.

16. Теплов, без подписи. - - Сум.-1781. О датировке см. биогр. справку, с. 65. С нотами: МУ, собр. 4. В пес.— с 1770-х гг. (Чулков.

Ч. 1) до 1819 г. О попул. песни см.: Финдейзен. Т. 2. С. 228, 297, примеч. № 338.

17. Теплов, без подписи. - - ТП. 1759, ноябрь, подпись: А. С. (см. с. 65) - - Сум-1957. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1819 г.

18. Теплов, без подписи. - - ТП. 1759, ноябрь, подпись: А. С. (см. с. 65). - - Сум-1781. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1792 г.

19. Теплов, без подписи. - - ТП. 1759, ноябрь, подпись: А. С. (см. с. 65). - - Сум-1957. В пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1) до 1797 г.

20. ПВ. 1760, ч. 4, вместе с двумя др. ст-ниями, подпись: С. - - Сум-1957. В печ. пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1) до конца XVIII в. Встречается также в рукоп. пес. XVIII в.

21. «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим Маскарадом в Москве 1763 г., генваря 30 и февраля 1 и 2 дня...» - - Сум-1957. В пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 3. Прибавления) до 1842 гг. Свидетельство о попул. хоров: «Песни и голоса оных всем так полюбились, что долгое время и несколько лет сряду увеселялся ими народ, заставляя вновь их петь фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным» (Болотов. Т. 2. С. 389—390). *Сырны дни* — масленая неделя. *Шаль* — шальные, безумные люди.

22. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум-1957. В пес.— до 1797 г.

23. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум-1781. В пес. как «любовная», «нежная» песня; в ст. 1 иногда: «огорчила», «досадила». В «Рус. святках» (1814) примеч.: «Новая петербургская песня, которую поет всякий по веселому ее голосу». Ст. 1 и 2 совпадают с зачином др. народной песни (Львов — Прач, изд. 2. Ч. 1. Ср.: Кашин. Кн. 2). Проникла в позднейшем вар. в лубок (Клепиков. С. 141). Включалось в нот. сб. народных песен (Бернард). Исполнялось на напев «Вечер поздно из лесочка (...)» (Попова. Вып. 3. С. 115). Входило в репертуар цыг. певицы Стеши — Степаниды Сидоровны (Солдатовой?) (1787—1822), первой солистки в крепостном хоре гр. Г. Орлова (хоровод — И. Т. Соколов). После 1806 г. Стеша возглавила свой ансамбль, с которым выступала в Москве и в Ярославле. Ее прозвали «русской Каталани», ее пением восхищались Пушкин, Гурилев, Глинка.

24. Чулков. Ч. 1, без подписи. - - Сум-1781. В пес.— до конца XVIII в.

25. Сум-1781. В пес.— с 1840-х гг. (КП М., 1844) до 1859 г.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986 (Б-ка поэта, БС).

26. Риторика, § 273. Как «Псалма 145 парафрастическая ода». С муз. М. Ц. (Цветихина?): «Невинное упражнение...» Слб., 1780.

В рукоп. пес.— с сер. XVIII в. (Титов. Вып. 2. С. 368, 371, 374; Перетц. Т. 1. Ч. 2. С. 114 и др.). С нотами: Ливанова. Т. 1. Приложение. С. 84 (без последней строфы и с разночтениями). О попул. песни у бродячих певцов и среди крестьян в первой пол. XIX в. см.: Никитенко А. В. Дневник // «Рус. старина». 1888, ноябрь. С. 283; 1891, декабрь. С. 624—625. Лик — хор.

27. Риторика, § 309. В рукоп. пес.— с 1755 г. (Титов. Вып. 2. С. 347). В печ.— с 1769 г. (Курганов) до 1859 г. С нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. Пес. вар.: Киреевский. НС. Вып. 2. Ч. 2. С. 116; Фридрих И. Д. Рус. фольклор в Латвии. Рига, 1972, № 277. В пес. иногда с примеч.: «По приятности слов и голоса в употреблении» («Новейший и полный общенародный песенник...», М., 1817), «Голос приятный» («Новейший избранный песенник», М., 1827). Позднейшая переработка: Рус. баллада, № 330. Упоминаются: Помяловский, «Очерки бурсы» (гл. «Зимний вечер в бурсе»); Лесков, «Соборяне» (ч. 1, гл. 4), «Некуда»; Островский, «Гроза».

М. М. ХЕРАСКОВ

28. «Свободные часы». М., 1763, апр., без подписи. - - X-1961. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1790 г. Сам Херасков написал и «Ответ на песенку», опубликовав его также в «Свободных часах» (вошел и в сб. Курганова).

29. КП. Ч. 1, без подписи. В пес.— до 1892 г. О попул. в нач. XIX в. свидетельствует примеч. в пес.: «Песню сию поют многие по приятному ее голосу» (Вавилов. С. 68). Фольклориз. у терских казаков вар.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Послужила образцом для романса «Прощайте, ласковые взоры...», встречающегося во многих пес. нач. XX в. (см. т. 2, № 744). Ст. 1 иногда: «Вид прелестный, чудны взоры...».

30. Аониды. Кн. 1, подпись: X. - - X-1961. В пес.— с конца XVIII в. (СНП. Продолжение) до 1820 г.

М. И. ПОПОВ

Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. Спб., 1772. Ч. 1—2. Перепечатано: Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. (Б-ка поэта, БС).

31. Попов-1765. - - Попов-1768. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1797. С нотами: Мейер. Ч. 4 (ред. 1768 г.).

32. Попов-1765. - - Попов-1768. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1808 г. С нотами (муз. неизв. композ.): Мейер. Ч. 2. С муз. Козловского: Магазин. Ч. 2 (нотное приложение). Перепеч. из Мейера: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. Свидетельством о попул. служит появление «на голос» этой песни др. ст-ний («Трутень». 1770, Л. 4).

33. Попов-1765. - Попов-1768. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1819 г. С нотами: Мейер. Ч. 2; Герстенберг и Дитмар. Ч. 2.

34. Попов-1765. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1810 г. С нотами: Мейер. Ч. 1; Герстенберг и Дитмар. Ч. 1.

35. Попов-1765. - Попов-1768 (с вар.). В пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1) до 1822 г. С нотами: Мейер. Ч. 2 (ред. 1768 г.); Герстенберг и Дитмар. Ч. 3.

36. Попов-1765. - Попов-1768. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1793 г. С нотами: Мейер. Ч. 5. *Заразы* — прелести.

37. Попов-1765. В пес.— с 1769 (Курганов) до 1844 г. С нотами: Мейер. Ч. 4. Муз. вар.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2.

38. Попов-1768. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1797 г. С нотами: Мейер. Ч. 5 (ред. 1768 г.).

39. Попов-1768. В пес.— с 1769 г. (Курганов; др. ред.) до 1819 г.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957 (Б-ка поэта, БС).

40. «Лира, или Собр. разных в стихах соч. и переводов некоторого Муз. любителя». Спб., 1773. С нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2, с рефреном перед 5 ст.: «Ей, ей, ей, ей, ей» (2 р.). В пес.— с конца XVIII в. (НРП. Ч. 1) до 1855 г., иногда с пропуском отдельных строф и с вар.; ст. 3 и 4 последней строфы:

Чтоб не звал меня скуною,
Я сердце дам ему с душою.

Н. М. Карамзин об исключительной попул.: «...ни которая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: «Мне минуло пятнадцать лет...». Она сделалась народною, и донныне — несмотря на множество новых любимых песен — сохраняет свое достоинство» (О Богдановиче // ВЕ. 1803, № 10. С. 104). См также: Дмитриев. С. 45—46. Ст. 1 в пес. часто: «Пятнадцать минуло мне лет», «Мне минуло пятнадцать лет», «Прошло уж мне шестнадцать лет». В пении ст. 5 каждой строфы повторяется.

41. Собр. соч. и переводов Ипполита Федоровича Богдановича. М., 1810. Ч. 3. В пес.— с 1770-х гг. (с нотами — Трутовский. Ч. 3) до 1799 г., иногда без двух или трех последних строф. Муз. вар.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1, с пропуском 6 и последней строф.

42. НЕС. 1786, ч. 2. В пес.— с конца XVIII в. (НРП. Ч. 1) до 1822 г.

Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957 (Б-ка поэта, БС).

43. СпбВ. 1780, ч. 6, № 9, под загл. «Застольная песня». В пес.— с конца XVIII в. («Собр. новейших песен...». М., 1791. Ч. 1) до 1911 г. Муз. Трутовского. Соч. в Петербурге в 1777 г. как «застольная песнь граждан» («Объяснения», Д-1866. С. 720). В рукоп. 1790-х гг. помечена как «мещанская» песня. Я. Грот указывает, что «эта песня до сих пор поется в Преображенском полку, в котором, как известно, Державин служил до перехода на гражданскую службу» (Д-1866, С. 730). *Куликати* — выпивать. *Вист, банк, макао* — карточные игры. *С гренками пивом пенна кружка* — в кружку с пивом (смесь английского и русского) бросали сушеный хлеб и лимонную корку (Д-1866. С. 720). Упоминается в пьесе Писемского «Ипохондрик», д. 4, явл. 20.

44. Аониды. 1797. Кн. 2, подпись, Д-н. В пес.— с конца XVIII в. (КП. Ч. 1) до 1879 г. Вошло в устный обиход до опубл. Ст. 1 часто: «Войдя (или: войди) в шалаш мой торопливо». Муз. Жилина («Эрато». 1814). В НВПП с примеч.: «Песня знаменитого певца. Музыка восхитительная» (ср.: Вавилов. С. 36). Ст-ние посвящено будущей второй жене Державина — Д. А. Дьяковой (1767—1842). *Мальчик* — Купидон.

45. Державин Г. Анакреонтические песни. Спб., 1804. В пес.— с начала XIX в. (ВНП. Ч. 4) до 1912 г. По определению самого поэта, «задравная песнь воинов, писанная в память фельдмаршала Суворову и Румянцеву, 1795» («Объяснения», Д-1866. С. 719). *Орел, Лев, Луна* — эмблемы гербов России, Швеции и Турции. Речь идет о победах русских полководцев в войнах России XVIII в.

46. Аониды. 1797. Кн. 2, подпись: Д-н. В пес.— с 1790-х гг. (СНП. Продолжение). По свидетельству современников, муз. «восхищающая» (Вавилов. С. 36). В 40—60-е гг. XIX в. было попул. у студентов (Аристов, № 33; см. также: «Рус. старина». 1910, № 10. С. 68). Исполнялось в казачьей среде (Бугославский С. А., Шишов И. П. Песни донских и кубанских казаков. М., 1947, разд. 3; Листопадов. Т. 4; Плотниченко Г. М. 15 кубанских народных песен (...). Краснодар, 1972). Указ. на нотную публикацию в «Песеннике» Герстенберга и Дитмара (Иванов. Вып. 1. С. 116) ошибочно.

47. Державин Г. Анакреонтические песни. В кн.: Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957 не вошло. В пес.— с начала XIX в. (ВНП. Ч. 4) до 1835 г. Подражание 26-й оде Анакреона.

В. В. КАПНИСТ

Капнист В. В. Лирические сочинения. Спб., 1806. Избр. произведения. Л., 1973 (Б-ка поэта, БС).

48. Новиков. Ч. 5, без загл. и подписи. С нотами: Мейер. Ч. 5. В пес.— до 1908 г. В оглавлении к изд. 1806 г. указано: «подр. Лагарпу: „O ma tendre musette“». «На голос» песни написана песня

неизв. автора (ПППВ. 1794, ч. 2). Лагарп, Жан Франсуа (1740—1803) — фр. поэт и критик; его песня была попул. в России во 2-й пол. XVIII в.

49. ЧдВ. 1792, ч. 5, под загл. «Песня», без подписи. В пес.— с конца XVIII в. (Карманная книга, потная вклейка между с. 38 и 39, с муз. Дубянского) до 1859 г. Перепечатка с муз. Дубянского: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2. Свидетельство распространения — примеч. в пес. «Весельчак на досуге...». М., 1797. Ч. 1.: «Сочинитель неизвестный, она получена из Ясс». Вас. Пушкин сочинил «на голос» ее стихи «К милой» (см. № 90). На муз. положил также А. Ефимович (1822).

50. Соч. Спб., 1796. В пес.— с 1820-х гг. («Новый полный всеобщий пес...», Спб., 1820) до 1854 г. Переработка «Песни 18» из «Сада божественных песен» укр. поэта и философа Г. С. Сковороды. *Илем* — дерево того же рода, что и вяз.

51. Соч. Спб., 1796. В пес.— с 1810-х гг. («Новейший всеобщий и полный песенник». Спб., 1819) до 1830 г.

52. Аониды. Кн. 2, др. ред. В пес.— с 1840-х гг. (Авдеева. Ч. 1). Испр. опечатки в ст. 10 (*слух* вм. *дух*) по первой публ.

П. М. КАРАБАНОВ

53. Стихотворения. М., 1801. В устный репертуар и пес. вошло в конце 1780-х — нач. 1790-х гг. (НРП. Ч. 1) с вар. первых двух ст.: «Ах! тошно мне На своей стороне...». С др. начинном и нотами: Герстеиберг и Дитмар. Ч. 1, вместе с «ответом» — переделкой ст-ния Нелединского-Мелецкого «Ох! тошно мне! На чужой стороне...» (см. № 60). Мелодия — вар. напева укр. песни «Девчина моя...» («Ой, гай, гай, гай, гай зелененький...») (Трутовский. Ч. 3; муз. вар.: Львов — Прач).

54. Из стихотворений Петра Карабанова. Спб., 1795, под загл. «Песня гранодерская», без рефрена, с примеч.: «Музыку на эту песню можно получить у Ивана Евстафьевича Хандошкина, его сочинения». - - Стихотворения. М., 1812. В изд. 1795 г. после шестого двустишия еще два:

Весело тогда служить,
Как дают в покое жить:

Как спины дубьем не тешут
И скребнем волос не чешут.

В пес.— с конца XVIII в. (КП. Ч. 2) до 1854 г. Стало попул. солдатской песней. Рефрен в пении повторялся после каждых двух ст. В НПВП примеч.: «Насмешка веселых гренадеров над новобранными рекрутами. На голос: «„Из-под дуба, из-под вяза...“» «Из-под дуба, из-под вяза...» — скорая плясовая народная песня (нот. публ. см.: Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). Включалась в сб. солдатских песен (Альбрехт, Вессель, № 28). Послужила образцом для многочисленных подражаний. Наиболее извест-

на безымянная песня о Ваське Хренове: «Деревенски мужики, Сказать правду, дураки...» *Трыцко* (от *трык* — щеголь) — щеголева-то, бодро. *Кружало* — кабак. *Наша Мать* — Екатерина II.

И. С. ГАГАРИН

55. ПППВ. 1794, ч. 2, подпись: К. П. Г., с примеч.: «Голос будет после — терпение повышает цену всему». В пес.— с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...». М., 1798. Ч. 2) до 1820 г.

56. ПППВ. 1795, ч. 7, подпись: К. П. Г. В пес.— с нач. XIX в. (НРВП. Ч. 1) до 1820 г. «Волга, реченька глубока...» — см. примеч. 119.

И. П. НИКОЛЕВ

«Поэты XVIII века». Л., 1972. Т. 2 (б-ка поэта, БС).

57. НРП. Ч. 2, без подписи. - - Н-1798. В пес.— часто без имени Лизетты и последней строфы — до 1819 г. С нотами: ММУ. Вар. текста и напева: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2. «*O, ma tendre musette!*» — см. примеч. 48. В изд. Б-ки поэта не вошло.

58. МЖ. 1792, ч. 7, № 9, подпись: Н. Н., с подзаг.: «Сочиненная в подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозванием Швее-Горемыка, живописцем, прозванным Сердце», и с примеч. Карамзина: «Сообщена от сочинителя». - - Н-1798 (др. ред.). Печ. по первой публ., так как первая ред. с муз. Кашкина (ЖОМ. № 2, под загл. «Горемыка») надолго удержалась в быту. О ее попул. свидетельствует М. А. Дмитриев: «Из всех томов, написанных Николевым, остались в памяти, или по крайней мере долго держались в памяти... два куплета, которые в свое время находили большое сочувствие» (Дмитриев. С. 44). Речь идет о куплетах «О души моей веселье...» и «Люди с солнцем — людям ясно...»; последний отсутствует в окончательной ред., в которой осталось 14 строф, а остальные использованы в другой песне — «Чем без милого спокою». Сокращенный текст (строфы 1—5, 7) лег в основу попул. романса Алябьева (М., 1827). Фольклориз. вар.: Листопадов. Т. 3. № 150. О попул. песни см.: «Сын отчества». 1816, № 12. С. 203.

59. СпбМ. 1793, ч. 3, № 8, под загл. «Песня», с подзаг.: «На голос „Выду ль я на реченьку...“». Прислана из Москвы», подпись: Н. Н. - - Н-1798. В пес.— с нач. XIX в. («Собр. отборных, старых и новых рос. песен». Спб., 1803) по 1879 г. Свидетельство о попул.: «Песня сия по приятности своего голоса поется всякого рода людьми» (Вавилов. С. 25). «Выду ль я на реченьку» — песня, часто печатавшаяся в пес. XVIII в. (см. примеч. 64).

Ю. А. ВЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Полн. собр. стихотворений (Венгеров. Спб., 1901. Вып. 7).

60. НРП. Ч. 2, без подписи. В пес.— до 1876 г. Вар., пересказанный от мужского имени («Ответ» на стихи П. Карабанова «Ох! Как-то мне жить...» (см. № 53), которое само стало песней): Герстенберг и Дитмар. Т. 1 и КП. Ч. 1 (в изд. «Поэты XVIII века». Л., 1972. Т. 2

(Б-ка поэта, БС) ошибочно приписано Нелединскому-Мелецкому). В нач. XIX в. появились пародийные и шуточные переработки (напр., одна из «национальных песен» лицестов). В подлиннике и в вар., пересказанном от мужского имени, исполнялась на ту же мелодию, что и песня Карабанова. Послужила образцом для известной агитационной песни Рылсева и А. Бестужева-Марлинского (см. № 219), и потому исполнение песни Нелединского-Мелецкого также было запрещено в 1825 г. (см.: Тургенев А. И. *Дневник//Поэзия декабристов*. Л., 1950. С. 18 (Б-ка поэта, БС); *Декабристы*. М.; Л., 1951. С. 617). В декабристской среде бытовали и др. переработки песни (см. пародию: Завалишин Д. И. *Записки декабриста*. Спб., 1906. С. 239—240). Авторство ст-ния ошибочно приписано С. И. Буш (Константинов В. *Первая русская песня в Японии//«Новый мир»*. 1961, № 5. С. 279—280), что убедительно опровергнуто японским исследователем Е. Накамурой (см.: Накамура Е. *Эпизоды из истории ранних рус.-японских отношений. О нескольких рус. песнях, привезенных в Японию в XVIII—XIX ст.*//*Hitotsubarsi journal of Artisan-Science*. V. 11, № 1, Tokio, 1975. P. 4—8). Ст. 1 иногда: «Ах, тонно мне...». Мелодия — см. примеч. 53.

61. ЧдВ, 1792, ч. 8, № 93 и МЖ, 1792, ч. 8, подпись: Ю. Н. М. в обоих случаях под загл.: «Песня». С муз. Дубянского; Карманная книга, вклейка между с. 38 и 39. С муз. Козловского: «Шесть российских песни для пиано-форте...». Спб., 1795. Кн. 1. С муз. Жилина: «Эрато». 1814, № 7. В пес.— с 1796 г. (КП. Ч. 1) до 1856 г.

62. МЖ, 1792, ч. 8, № 12, под загл.: «Песня», подпись: Ю. Н. М. С муз. Прача: «Две рос. песни...». Спб., 1794. Муз. вар.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 3, с повтор. посл. ст. каждой строфы. В пес.— с 1796 г. (КП. Ч. 1, с разночтениями) до 1855 г. Позднее на муз. положил А. Столыпин (1831). Пес. вар. неоправданно включен в изд.: «Поэты XVIII века». Л., 1972. Т. 2 (Б-ка поэта, БС).

63. Магазин, 1795, № 8, потное приложение, без подписи, под загл. «Песня», с муз. Козловского. В пес.— с 1796 г. (КП. Ч. 1) до 1855 г. В ст. 1 иногда: «вчера». Исполнялась цыг. певицей Стешей (см. примеч. 23).

64. КП. Ч. 1, без подписи. В пес. часто как «народная», «просто-народная», «плясовая» и т. п.; иногда с примеч.: «голос сей песни очень известен» (Вавилов. С. 72), «прекрасный голос сей песни ввел оную во всеобщее употребление» и т. п. (Трубицын. С. 47). О попул. свидетельствуют и мемуаристы (Дмитриев. С. 45—46). Муз. приписывает Себастьяну Жоржу (Финдейсен. Т. 2. С. 299) или Кашину. Образцом для Нелединского-Мелецкого послужила народная песня «Выду ль я на реченьку...», часто печатавшаяся в песенниках XVIII в. (см.: Львов — Прач, № 75; НРП. Ч. 1, № 78; РЭ. Ч. 2, № 266; Герстенберг и Дитмар. Ч. 2, № 26 и др.). Иногда отождествляется (по первому ст.) с этой народной песней (см.: Бацер, Рабинович). Упоминается: Пушкин, «Домик в Коломне» (строфа XIV); Островский, «Горячее сердце».

Карамзин Н. М. Соч. М., 1820; Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966 (Б-ка поэта, БС).

65. МЖ. 1791, ч. 3, под загл. «Песня веселых». В пес.— с нач. 1790-х гг («Избр. пес...»). Спб., 1792, ч. 2) до 1909 г. Бытовала в студенческой среде (Аристов, № 22).

66. МЖ. 1792, ч. 8. Муз. М. Сахарова. В пес.— с 1796 г. (КП. Ч 1), иногда с подзаг.: «любовная» или примеч.: «по красоте своего голоса у многих в употреблении (Трубицын. С. 45—46). В МЖ и в ряде пес. 2 строфа:

Любил, не быв любимым,
К несчастью моему...
Увы! Насильно милым
Не будешь никому!

67. Аглая. Кн. 1 В пес.— с нач. XIX в. («Собр. отборных старых и новых рос. песен». Спб., 1803. Ч. 1) до 1859 г. Вызвано смертью друга юности Карамзина — А. А. Петрова (1760—1793).

68. Аониды Кн 1, вместе со ст-нием «Доволен я судьбою...», под общим загл «Две песни». В пес.— с нач. XIX в. (НОРВП) до 1859 г

69. Аониды. Кн 1 В пес.— с конца XVIII в. (СНП. Продолжение) до 1859 г *Селадон* — пастух, герой пасторального романа «L' Astrée» фр. писателя О. д'Юрфе (1568—1625); нарицательное имя нежного любовника

И. И. ДМИТРИЕВ

Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС).

70. МЖ. 1792, ч. 8, под загл.: «Песня» подп.: И. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В др. пес.— с конца XVIII в. (СНП. Продолжение) до 1859 г. В первой публ. и ряде пес. вместо Темиры — Пленира. Муз. Жилина («Эрато». № 1. Спб., 1814).

71. МЖ. 1792, ч. 6, под загл. «Сизый голубочек (Песня)», подп.: И. В. КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В др. пес.— с нач. 1790-х гг («Избр. пес...»). Спб., 1792) до 1913 г., иногда с подзаг.: «прогяжная», «нежная» и даже «народная песня». С нотами: ММУ. Ч 1 и Магазин. № 1, Муз. приложение. Иной, более попул. напев ошибочно связывался с именем композ. Ф. Дица (Тица); в действительности принадлежит Дубянскому (Карманная книга. С. 44—45, вклейка; перепечатка: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1). Сам Дмитриев в ст-нии, посвященном Дубянскому, признает, что его «Голубок» «восприянул» благодаря муз. Попул. песни засвидетельствована мемуаристами и примеч. в пес. (Вавилов. С. 21). С успехом исполнялась ныг певицей Стешей (ОЗ. 1822. С. 281). См. примеч. 23. Включалась в сб. для пения и для фортепиано (Бацер, Рабинович. № 240, 374). Направник написал муз. для хора. Муз. писали и др.

компол. (Афанасьев, Жучковский, Кажинский, Направник, Н. Соколов). Упоминается: Пушкин, «Домик в Коломне» (строфа XIV), Помяловский, «Очерки бурсы» (гл. «Зимний вечер в бурсе»); Шевченко, «Близнецы».

72. МЖ. 1792, ч. 7, под загл. «Бабушкина песня». В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В др. пес. с конца XVIII в. (СНП. Продолжение) до 1914 г. Музыка Жилина («Эрато». 1814, № 3). Свидетельство о попул.: Плетнев П. А. Письмо к графине С. И. С. о рус. поэтах (Приложение к «Рус. архиву». М., 1881. С. 27—28). С муз. Алябьева: сб. «Подарок родным». М., 1832, под загл. «Старинная песня». С успехом исполнялось цыг. невинцей Стешей (см. прим. 23). Позже на муз. положил также Глинка (1855). Глинка не обозначил имя автора, назвав текст «старинной цыг. песней»; в автографе посвящено О. В. Лыкошиной, ученице композ., в изд. 1870-х гг. посвящено Д. М. Леоновой, с успехом исполнявшей песни в аранжировке Глинки.

73. МЖ. 1792, ч. 8, под загл. «Песня», подпись: И. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В др. пес.— с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...». М., 1798. Ч. 2) до 1856 г. Муз: Жилина («Эрато» 1814, № 2; один из лучших романсов композ.)

74. ПППВ. 1794, ч. 1, вместе со ст-нием «Коль надежду истребила...», под общим загл. «Две песни», подпись: - ь - - КП Ч. 1, «Песни нежные». В др. пес.— с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...». М., 1798. Ч. 2) до 1821 г.

75. ПППВ. 1794, ч. 1, вместе с предыдущим. - - Дм-1810, ч. 2. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В др. пес.— с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...». М., 1798. Ч. 2) до 1855 г. Муз. Жилина («Эрато». 1814, № 4).

76. «И мои безделки». М., 1795, под загл. «На цыганскую пляску». - - Дм-1953. В КП включено в «Песни веселые» (ч. 2). В др. пес.— с нач. XIX в. (НРВП. Ч. 2). Ст. 1 часто: «Пой, пляши, кружись, Параша», напев характеризуется как «веселый и громкий» (Вавилов. С. 171). Упоминается: Мамин-Сибиряк, «Лес» (гл. 3). Включено в оперу А. Н. Титова «Посиделки» (1808).

77. «И мои безделки». М., 1795, под загл. «К Хлое». - - Дм-1953. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В др. пес.— с конца XVIII в. (СНП. Продолжение) до 1879 г. Муз. (хор.) Алябьева. Упоминается: А. Погорельский, «Монастырка».

78. «И мои безделки». М., 1796, в цикле «Песни», без загл. - - КП. Ч. 1, «Песни нежные». В др. пес.— с конца XVIII в. (СНП. Продолжение) до 1859 г. Муз. Дубянского (Карманная книга. С. 40—41, вклейка; перепечатка: Герстенберг и Дитмар. Т. 2, № 17, с разночтениями в посл. строфе).

79. «И мои безделки». М., 1795, под загл. «К юности». - - Соч. и пер. М., 1803, под загл. «Совет». В пес.— с нач. XIX в. (НОРВП) до 1912 г.

80. ПППВ. 1795, ч. 6, подпись: -ъ. - - Дм-1810, ч. 2. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1) В др. пес.— с нач. XIX в. (ВНП. Ч. 1) до 1892 г.

81. КП. Ч. 1, «Песни нежные», без загл. и без подписи. - - «Аониды». Кн. 3, под загл. «Песня. Для двух голосов», подпись: -ъ, с новой заключит. строфой, рассчитанной на исполнение дуэтом, отсутствующей в последующих изд. - - Соч. и пер. М., 1803. В пес.— с нач. XIX в. (ВНП. Ч. 1) до 1859 г. Ст. 1 часто: «Что с тобою, друг мой, стало...». Проникло в лубок (Клепиков. С. 146) с незначительными отклонениями от авторского текста. Муз. Жилина («Эрато». 1814, № 2) и Алябьева («Подарок родным». М., 1832, под загл. «Песня пастушки»).

И. А. КРЫЛОВ

82. СпбМ. 1793, ч. 4 - - ПСС. М., 1946. Т. 3. Вольный перевод песенки ит. поэта П. Метастазιο (1698—1782), «La parlenza». В пес.— с нач. XIX в. (НОРВП) по 1820 г. *Анюта* — героиня нескольких лит-ч. ст-ний Крылова.

Д. И. ВЕЛЬЯШЕВ-ВОЛЫНЦЕВ

83. ПППВ. 1794, ч. 2, с подзаголовком: «На голос: „Стонет сизый голубочек“». - - Лира. Собр. ст-ний. М., 1804. В пес.— с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...». М., 1798. Ч. 2) до 1835 г., часто с указанием на напев, обозначенный в подзаг. (Вавилов. С. 112). Муз. Жилина («Эрато». № 5. Спб., 1814). «Стонет сизый голубочек» — ст-ние Дмитриева (см. № 71)

Г. А. ХОВАНСКИЙ

84. ПППВ. 1795, ч. 5. В пес.— с нач. XIX в. (НОРВП) до 1868 г.

85. ПППВ. 1795, ч. 6. - - Сб. «Жертва музам...». М., 1795, с подзаг. «На голос: „Красны девки, ваши ручки...“ из оперы „Оленька“» и с еще одной строфой между 5 и 6. («Оленька, или Первоначальная любовь» — опера А. М. Белосельского-Белозерского). В пес.— с 1820-х гг. («Новый полный всеобщий пес. ...». Спб., 1820) до 1859 г. Печ. по журн. публикации, так как ее текст вошел в пес.

86. Аониды. Кн. 1. В пес.— с нач. XIX в. (НОРВП) до 1859 г.

87. Аониды. Кн. 1. В пес.— с 1810-х гг. («Новейший избр. пес.». М., 1814) до 1859 г.

88. Аониды. Кн. 1. В пес.— с конца XVIII в. (СНП. Продолжение). Проникла в лубок (Клепиков. С. 192). Распространилось с вар. в тексте и с муз. неизв. композитора, отличающейся от напева, указ. в подзаголовке. Позднее на муз. положили Афанасьев (1875) и Бахметьев (1862). Бернад и Вильбоа аранжировали для фортепиано и скрипки (Бацер, Рабинович, № 102—105, 189—191), А. Сих-

ра — для гитары (Бацер, Рабинович, № 1344). «*Выду ль я на реченьку...*» — ст-ние Нелединского-Мелецкого (см. № 64 и примеч. к нему). Пер. на англ. яз.: Specimens of Russian poets. Т. 2. London, 1823. Включалось в представление народной драмы «Царь Максимилиан» (Сб. ОРЯС. 1914. Т. 90. С. 31.)

М. Л. МАГНИЦКИЙ

89. ПППВ. 1795, ч. 5, подпись: М. М. В пес.— с нач. XVIII в. (ВНП. Ч. 1) до 1892 г. *Андантин* (от анданте) — здесь: муз. пьеса умеренного темпа.

В. Л. ПУШКИН

90. ПППВ. 1795, ч. 5, подпись: Всл. Пшкнъ. В пес.— с начала XIX в. (НОРВП). «*Уже со тьмою ночи...*» — ст-ние Капниста «На смерть Юлии» (см. № 49).

П. Л. ВЕЛЬЯМИНОВ

91. КП. Ч. 1, без подписи. В пес.— до 1848 г. Авторство устанавливается по свидетельству мемуариста, который пишет о Вельяминове: «Известен был многими переводами; между прочим, народною песнию: „Ох! вы славные русски кислы щи...“» (Дмитриев. С. 37).

Н. М. ШАТРОВ

92. СпбЖ. 1798, ч. 4, подпись: Н. Ш. В пес.— с нач. XIX в. (НРВП. Ч. 1) до 1859 г. В СпбЖ песня сопровождается четверостишием Е. Колычева:

Кто эту песенку прочтет,
Творенье друга дорогова,
Коль в сердце у него не лед,
Как спросит он меня: за что люблю Шатрова?

С. МИТРОФАНОВ

Песни русские известного охотника М*****, изданные им же, в удовольствие любителей оных, с гравированным портретом Спб., 1799.

93. В пес.— с нач. XIX в. (СОНРП) до 1891 г., иногда с примеч.: «Санктпетербургская песня, которую поют весьма многие по веселому ее голосу» (Трубицын. С. 51), или как «цыганская». С нотами, др. ред.: Львов — Прач, изд. 2, раздел «Плясовые» (ст. 1: «За долами, за горами...»). Строфика послужила образцом для песни о Бонапарте И. М. Коваленского («За горами, за долами Бонапарте с плясунами...»), «Кавказской песни» неизв. автора («Целый месяц с штабс-квартиры...»), «Севастопольской песни» Л. Толстого и других солдатских и матросских песен (см., напр.: «Сборник солдатских, казацких и матросских песен». Спб., 1896. С. 29). Породила большое количество фольклориз. вар. и переработок. В пении ст. 3 каждой строфы повторяется. Муз. писали многие композ. XIX в.: Афанасьев, М. Бернард, Варламов, Вильбоа, В. Соколов (хор), Ребиков (хор)

и др. Песня включалась в нот. сб. народных песен (Бернард; Веселье и Альбрехт. Гусельки. Спб., 1875; Воротников. Ч. 2; Рус. народные песни. М.; Л. 1950 и др.). В «Справочнике» Г. К. Иванова (Иванов. Вып. 1. С. 227) ошибочно указана первая публикация (Львов — Прач, изд. 1790).

94. В пес.— с нач. XIX в. (НОРВП, как «пастушеская») до 1916 г. С нотами и разночтениями: Львов — Прач, 2-е изд. Ч. 1; «Сев. муз. альбом на 1832 г.». Включалось в нот. сб. народных песен (Рупин, тетр. 1; Кашин. Кн. 3; Бернард; Прокунин. Вып. 2 и др.). Упоминается: Достоевский, «Записки из Мертвого дома», гл. 3; Тургенев, «Затишье». Включалось в представления народной драмы «Царь Максимилиан» (Сб. ОРЯС. 1914. Т. 90, № 7. С. 160).

И. М. ДОЛГОРУКИЙ

Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. М., 1802. - - Бытие сердца моего... 3-е изд. М., 1817—1818. Ч. 3.

95. В пес.— с 1810-х гг. («Всеобщий пес. ...». М., 1810. Ч. 1) до 1859 г.

96. В пес.— с нач. XIX в. (НРВП. Ч. 2) до 1854 г.

97. В пес.— в нач. XIX в. (НРВП. Ч. 2). Сам поэт свидетельствует о попул. песни уже в сер. 1790-х гг.: «Ее любили все и пели везде охотно. Безделка такая знакома была даже в Москве и далее» (Записки князя И. М. Долгорукова. Пг., 1916. С. 322).

98. В пес.— с нач. XIX в. (НРВП. Ч. 2) до 1864 г. Муз. Жилина («Эрато». Спб., 1814, № 5).

99. В пес.— с нач. XIX в. (НРВП. Ч. 2) до 1822 г. *Глафира* — героиня нескольких произведений Долгорукого. Ее как «друга сердца» упоминает Долгорукий и в предисловии к первому изд. «Бытия...».

ПЕСНИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АВТОРАМ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

(П. С. ЛЬВОВ?)

100. МЖ. 1791, ч. 4, в «Письме от Н. А. Л. к П. Л. В.», датированном 17 авг. 1791 г., под загл. «Песня П...С...Л...». В пес.— с конца XVIII в. («Избр. пес. ...». Спб., 1792, ч. 2) до 1918 г. Первая запись напева неизв. автора XVIII в. сделана Кашиным. Муз. Гурилева (Муз. альбом «Новоселье». М., 1832), воссоздавшего напев, слышанный у цыг. певицы Стешы (см. примеч. 23), исполнявшей песню с 1818—1820 гг. Включалась в нот. сб. народных песен (Кашин, Рупин, Бернард). В гурилевской аранжировке включалась в сб. цыг. песен («Цыг. табор». 1882, № 26). Н. А. Л.— Николай

Александрович Львов, писатель, составитель «Собр. рус. народных песен с их голосами, положенными на муз. Иваном Прачем» (М., 1790) и автор предисловия к нему. П. Л. В.—Петр Лукич Вельяминов (о нем см. с. 166). П...С...Л...—Павел Степанович Львов, дед Н. А. Львова, являвшийся, по семейному преданию, автором публикуемой песни, которую он «сочинил, едуци раненый из Персидского похода» (МЖ. С. 97—98). Перекликается с народной песней «Уж как пал на сине море пребольшой густой туман...» и является свободной вариацией на тему, характерную для народной поэзии (см.: Соболевский. Т. 1, № 381). В свою очередь, вызвала ряд подражаний, напр. песню «Уж как пал туман на реку Неву...» (о казни С. И. Муравьева-Апостола), которую пел М. И. Муравьев-Апостол (см.: Знаменский М. С. Детство среди декабристов//«Сибирские огни», 1946, № 2. С. 104; ЛН, т. 59. М., 1954. С. 706). Персидский поход Петра I относится к 1722 г. Авторство Львова иногда оспаривается (Новикова-1982. С. 60—61).

⟨М. В. ЛОМОНОСОВ?⟩

101. Риторика, § 62 (ст. 17—22), полностью — Чулков. Ч. 1, без подписи. С нотами: ММУ. Ч. 1; муз. вар.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. Авторство Ломоносова окончательно доказанным считаться не может (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 1196—1197). С вар. встречается в рукоп. сб. XVIII в. (см.: там же. С. 822—824). В печ. пес.— с 1770 гг (Чулков. Ч. 1) до 1859 г. как «пастушеская». Включалась в сб. народных песен (Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Песни Пинежья. Кн. 2. М., 1937). Существенно переработанный песенный текст («Последний час разлуки...») встречается в пес. 1910-х гг. (см. т. 2, № 743).

⟨И. П. ЕЛАГИН и Н. А. БЕКЕТОВ?⟩

102. Теплов. В пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1) до 1787 г. С нотами: МУ, собр. 4. См. также: Финдейзен. Т. 2. С. 288, нотное приложение № 107, примеч. № 388. *Нелестная* — здесь: нелукавая, правдивая. Эта и две следующие песни приписываются Ивану Перфильевичу Елагину (1725—1796) и Никите Афанасьевичу Бекетову (1729—1794). Оба принадлежали к сумароковской школе, сочиняли вместе песенки. Первоначально их разучивали придворные певчие, а затем они распространялись в списках, но, видимо, самими авторами не печатались. Вошли в «Письмовник» Курганова и в «Собр. песен» Чулкова. О Елагине Н. И. Новиков писал: «Во младых своих летах писал весьма изрядные стихотворения, как то: элегии, песни и другое тому подобное» («Опыт историч. словаря о рос. писателях...». Спб., 1772. С. 64). В истории рус. культуры Елагин известен в качестве главного директора придворного театра, автора переводов, «Опыта повествования о России», сатиры «На петиметра и кокеток» и других произведений. О Бекетове в «Опыте историч. словаря» Новикова читаем: «В молодых своих летах много писал стихов, а более всего песен <...> Его песни многими знающими людьми похваляются» (с. 19). Бекетову принадлежит также трагедия «Никанор» (по другим сведениям, «Эдип»). *Заразы* (от заражать — поражать) — здесь: поражение, урон.

103. Теплов. В пес.— с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1) до 1797 г. С нотами — МУ, собр. 4. См.: Финдейзен. Т. 2. С. 288, примеч. № 388; см. также примеч. 102.

104. Теплов. В пес.— с 1769 г. (Курганов) до 1798 г. С нотами: ММУ, № 8. См.: Финдейзен. Т. 2. С. 296; см. также примеч. 102.

⟨ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА?⟩

105. Чулков. Ч. 1. С нотами: Трутовский. Ч. 1; муз. вар.: Львов — Прач; Герстенберг и Дитмар. Ч. 3, с разночтениями. В пес. XIX — нач. XX в. приписывается Елизавете Петровне — дочери Петра I (см.: Венгеров. Вып. 6. С. 142—143). Свидетельства о попул. песни и об исполнении ее певицей Е. С. Сандуновой см.: Вавилов. С. 136. Включалось в сб. народных песен (Воротников; Листопадов. Т. 3; Песни Печоры. М.; Л., 1963; Рус. народные песни Карельского Поморья. Л., 1971 и др.). Сводка фольклорных вар.: Киреевский. Вып. 9. С. 204—206. Использовалась в опере В. Мартина и В. Пашкевича «Федул с детьми».

⟨Ф. Г. ВОЛКОВ?⟩

106. Чулков. Ч. 4. Вар. текста с нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. Пелась также «на голоса» других песен (Трутовский. Ч. 4, № 5, примеч.). Предполагаемый автор — Федор Григорьевич Волков (1729—1763), выдающийся актер и театральный деятель XVIII в. Песня послужила образцом для песни неизв. автора «Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...» (см. № 117). Обе песни, одинаково популярные во второй пол. XVIII в., встречаются в пес. до 1835 г. Упоминается: Лесков, «Захудалый род», гл. 12.

⟨М. Л. НАРЫШКИНА?⟩

107. Трутовский. Ч. 1. Муз. вар.: Львов — Прач; Герстенберг и Дитмар. Ч. 3. Свидетельство о попул.: «Голос сей песни известен всякому» (СНП). Часто использовалась композ. XVIII в. (опера Соколовского «Мельник — колдун, обманщик и сват», опера Мартина и Пашкевича «Федул с детьми», скрипичные вариации Хандошкина, фортепианное переложение Себастьяна Жоржа). Включалось в сб. народных песен (Кашин. Кн. 2; Бернард и др.). Приписывается Марии Львовне Нарышкиной, пользовавшейся известностью в качестве певицы. Ей же приписывается авторство другой песни, опубликованной Трутовским, — «Ах, на что же было, ах, к чему же было...».

⟨Г. Р. ДЕРЖАВИН?⟩

108. СпбВ. 1780, ч. 6, без подписи. В пес.— с конца XVIII в. («Собр. новейших песен...». М., 1791) до 1859 г. Приписывается Г. Р. Державину (Неустроев. С. 553). В собр. соч. поэта отсутствует.

109. НРП. Ч. 1. С нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2. Позже на муз. положил М. Померанцев (1802). В ряде пес.— как «народная». В «Новейшем избр. пес.» (1827) примеч.: «Голос, известный всякому, почему многие и поют ее». Фольклориз. вар. («Я в темницу удаляюсь...») включался в представления народной драмы «Царь Максимилиан» (Ончуков Н. С. Сев. народные драмы. Спб., 1911). Приписывается Марии Воиновне Зубовой (ум. 1799), урожд. Римской-Корсаковой. По Н. И. Новикову, «сочинила немало разных весьма изрядных стихотворений, а особенно песен, из коих некоторые напечатаны во 2-й части Собр. песен, в 1770 году в Спб.» (т. е. в сб. Чулкова.— В. Г.) («Опыт исторического словаря русских писателей». Спб., 1772. С. 68. Однако публикуемой песни в сб. Чулкова нет). Н. И. Макаров характеризует Зубову как «самую приятную певицу» и свидетельствует, что «песенка «Я в пустыню удаляюсь...» только поправлена другими, а сочинена Зубовой» («Дамский журнал». 1830, № 3). О М. В. Зубовой и ее песне см.: Венгеров. Вып. 6. С. 145; Мордовцев В. Русские женщины второй половины XVIII в. Спб., 1874. С. 165—166. Упоминается: Достоевский, «Подросток», гл. 9; Мельников-Печерский, «В лесах», ч. 1, гл. 1; А. Погорельский, «Монастырка»; Островский, «Бесприданница». Включалось в представления драмы «Царь Максимилиан» с вар. (Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10. кн. 2).

(А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ?)

110. ЧдВ. 1793, ч. 12, без подписи, с примеч.: «Сообщена от А. Ф. М. на голос „Я по жердочке шла“». С нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. В пес.— с нач. XIX в. (СОНРП) до 1879 г. иногда с примеч., вроде: «По приятности своего голоса во всеобщем употреблении» (Вавилов. С. 15). В НТП. Ч. 1 с примеч.: «Сия песня сочинена зорким слепцом, по приятности своего голоса и нежности чувств сделалась народною». «Зоркий слепец» — возможно, указ. на муз. слепого Жилина. Инициалы А. Ф. М. позволяют предполагать, что автором песни является Мерзляков, а не Николев, как считали некоторые исследователи, ссылаясь на свидетельство современника поэта — С. Маслова. Видимо, Маслов спутал песню «Взвейся выше, понесися...» с другой попул. песней о голубке, действительно принадлежавшей Николеву, — «Полно, сизенький, кружиться...». Трудно представить, чтобы сам Николев, если бы он был действительно автором песни «Взвейся выше, понесися...», не включил бы ее в свое «Собр. разных песен», составлявшееся спустя 5 лет после первой публ. песни, между тем в «Творениях» Николева она отсутствует. «Я по жердочке шла...». Мелодию (переложение для клавесина и гитары) см.: «La chansonnier russe...». М., 1811; Собр. новых 25 рус. песен, положенных для гитары Д. Кушеновым-Дмитровским. Спб., 1811.

(П. И. ЖЕМЧУГОВА)

111. «Новейший рос. пес. ...». Спб., 1818. В пес.— часто с подзаг.: «простонародная», «семейная», «протяжная», «девичья». Неоднократно записывалась собирателями народных песен. Вар.: Киреевский.

Вып. 9, отд. 9 (Бессонов в предисл. указ., что «не было рус. уголка, где бы ее не знали» — с. 49); Чернышев. С. 60, 165; Померанцева-1958. С. 244. О мелодии песни см.: Финдейзен. Т. 2, примеч. № 75. Нотные записи: «Рус. песни <...> изданные Ю. Н. Мельгуновым». М., 1875. Вып. 1.; Труды Костром. науч. об-ва. Вып. 29. Кострома, 1923; Рус. народные песни. Сб. 2. М.; Л., 1936; Народные песни Вологодской обл. М.; Л., 1938. О вар. см. также: Новикова-1982. С. 67—69. Автором песни, возможно, является Кузнецова-Горбунова Прасковья Ивановна (по выправленным документам Ковалевская, по сцене Жемчугова, в замужестве Шереметева, 1768—1803) — крепостная графа Н. П. Шереметева, выдающаяся актриса театра в Кускове. Если автором песни является Жемчугова, то песня, вероятно, сочинена вскоре после 1789 г. (время ее союза с графом Н. П. Шереметевым). Упоминается: Писемский, «Взбаламученное море», ч. 5, гл. 19; Григорович, «Переселенцы», ч. 4, гл. 3; Лесков, «Старое старится», гл. 3.

⟨Е. С. УРВАНОВА?⟩

112. «Новейший рос. избр. пес. ...». Спб., 1819. В пес.— до 1916 г. Известна в разных вар. (Киреевский. Вып. 9, отд. 9). Исполнялась «на голос» песни «Вечор поздно из лесочку...» (там же). Приписывается Елизавете Семеновне Урвановой, в замужестве Сандуновой (1772—1826), выдающейся оперной певице, которая прославилась в качестве исполнительницы рус. народных песен и песен современников, особенно Мерзлякова. Упоминается: Островский, «Правда хорошо, а счастье лучше».

⟨В. Г. КУГУШЕВ?⟩

113. «Новейший избр. пес.». М., 1814. Др. вар.: «Новейший рос. пес. ...» Спб., 1817 (см.: ПиР. С. 202 и примеч. 114). На муз. переключалась и обрабатывалась неоднократно: Кашиным (1811), Жучковским (ЛА — 1832), Гурилевым (М., ц. р. 1849), Петром Булаховым (М., ц. р. 1874), В. Соколовым (хор, М., ц. р. 1875), Варламовым (год не установлен), С. М. Ковалем (1946) и др. Включалось в нот. сб. народных песен (Вильбоа; Рус. народные песни Воронеж. обл. М.; Л., 1939; Народные песни Московской обл. М., 1964; Рус. народные песни, записанные М. Е. Пятницким. М., 1964 и др.) Фольклоризм. вар. см.: Мордовцев и Костомаров. С. 91; Чернышев. С. 76. В лубочную лит. проникла в сер. XIX в. (Клепиков. С. 89). Свидетельства о попул.: Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губ. Спб., 1839. Ч. 1. С. 44; Сахаров И. П. Сказания рус. народа. М., 1841. С. 101—102. В различных вар. записывалась сов. фольклористами. Входила в репертуар О. Ковалевой. О вар. см.: Новикова-1982. С. 27—28. Упоминается: Писемский, «Богатый жених», ч. 1, гл. 2; Л. Толстой, «Детство», гл. 10. Предполагаемый автор — Василий Кугушев, поэт и драматург нач. XIX в., сын комедиографа Г. В. Кугушева. Ему же приписываются песни: «Волна катится за волною...» (муз. Н. А. Титова, Спб., ц. р. 1827; Лодня, Спб., 1849), «Вот и снова вздох унылый...» (муз. Кубишты, в прилож. к «Дамскому журналу». 1826). Ст. 1 часто: «Не будите молодую...».

114. Курганов. В рукоп. пес. с 1720-х гг. (Ливанова, Приложение. С. 12—13, № 9, примеч., с. 106—107). Известно до 60 вар. (Позднеев. С. 11). В печ. пес.— до 1815 г. *Райна* — рея. *Понт* — море.

115. Курганов. В рукоп. пес.— с сер. XVIII в. (Титов. Т. 2. С. 347). С нотами: Полежаев. Ч. 1; муз. вар.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. Включалось в нот. сб. народных песен (Рупин, Тетр. 2 и др.). Упоминается: Помяловский, «Очерки бурсы» (гл. «Зимний вечер в бурсе»); Языков, «Жар-птица».

116. Курганов. В рукоп. пес.— с сер. XVIII в.; в печ.— до 1820 г. С нотами: Труговский. Ч. 3. См. также: Финдейзен. Т. 2, нотные приложения, № 124; Ливанова. Т. 2. С. 67—69.

117. Новиков. Ч. 5. В пес.— до 1835 г., часто с примеч.: «Голос известный» (Вавилов. С. 78). Подражание песне «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...» (см. № 106).

118. Мейер. Ч. 1. С муз. Козловского: «Карманная книжка на 1796 год». Муз. вар.: «Journal de Musique...». St.-P. [1790], № 15. В пес.— до 1859 г.

119. ЧдВ. 1793, ч. 10, с примеч.: «Песня сия написана благородною, жившею на берегу Волги и некогда несчастною девицею». Основание датировки — появление «на голос» этой песни ст-ния «Неман» (см. № 56), написанного Гагариным (ум. 1789). В пес.— с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...» М., 1797. Ч. 1), часто с указанием: «На голос „Выду ль я на реченьку...“» (см. № 64). Иногда приписывалась Нелединскому-Мелецкому или Мерзлякову. Неоднократно публиковалась как народная песня (Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). О мелодии см.: Финдейзен. Т. 2. С. 75, 336. О попул.: Вавилов. С. 41. Ст. 1 иногда: «Волга-реченька широка...», «Волга-матушка широка...» Известна и другая песня с тем же зачином, но с отличающимся текстом: «Волга-реченька глубока, бьет волнами в берега...» (слова и муз. О. Ковалевой).

120. Молодчик с молодкою. Одновременно — «Journal de Musique...». St.-P., [1790], с муз. Козловского (Вольман-1957. С. 93). Муз. вар.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 1. О попул. в XVIII в. см.: Новикова-1982. Ср. ст-ние Хераскова «Птичка».

121. «Сатирический вестник». 1790, ч. 1, не полностью (12 ст.), вместе со ст-ниями «Брак модного века» и «Любовь модного века» под общим загл.: «Любопытные известия о браке и о любви по моде девушек и щеголей» и с примеч. издателя: «Сии стихи мне сообщены от неизвестных особ, которых я за долг почитаю благодарить». - - СНП.

122. РЭ. Ч. 3. Подражание фр. песне «Malbrough s'en vat'en cuegге...» В НРИП (ч. 2, «Мальбрук в поход наш едет...»), где ст-ние

содержит на одну строфу меньше, последняя строка читается: «Чего ж зевать и мне?..» В пес.— до 1902 г. С нотами: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2. Известна также позднейшая переделка «Мальбрук в поход пустился...» или «собрался». О попул. в нач. XIX в. см.: Вавилов. С. 299. Песня явилась одним из источников народной драмы «Маврук» (текст см.: Ончуков Н. Е. Северные народные драмы. Спб., 1911; о драме см.: Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVIII — нач. XX века. Л., 1980. С. 20—22). *Мальбрук* — Джон Черчилл Мальборо (1650—1722), англ. полководец. *Игрень* — конь игрневой масти (рыжая с белесоватыми гривой и хвостом). *Крага* — накладное кожаное голенище. *Шишак* — металлический шлем с острием, оканчивающимся небольшой шишкой. *И проч.* Песня, по-видимому, имела продолжение, хотя публикуемый текст — наиболее полный из известных вар. (см. выше). Упоминается: Достоевский, «Преступление и наказание».

123. Розанов. С. 86. Переработка попул. в XVIII в. песни «Как во прошлом во году...» (Чулков. Ч. 3), о чуме в Москве. В изд. XIX в. встречаются песни с тем же зачином, что и публикуемая, но отличающиеся по содержанию (напр.: «Вятские губ. ведомости». 1864, № 3, Мякушин. С. 151 и др.). Позднейшие вар. со сходным зачином в нот. сб.: Рус. народные песни, напетые М. Ф. Малкиной <...> М., 1963, № 10; Народные песни Горьковской обл. М., 1972, № 74 (свадебная).

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА «РУССКАЯ ПЕСНЯ». БАЛЛАДА. РОМАНС-ЭЛЕГИЯ. «ВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ»

П. И. ШАЛИКОВ

124. Плод свободных чувствований. М., 1801. Ч. 3. В песенниках — с 1800-х гг. (ВНРП. Ч. 2) до 1862 г. Муз. Кашина (ЖОМ. № 6). На муз. положили также Афанасьев, Варламов. Вошло в нот. сб. народных песен (Гурилев; Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937 и др.). В пении и в нот. сб. ст. I «Вечор был я на почтовом на дворе...».

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Л., 1958 (Б-ка поэта, БС).

125. ЖОМ. № 1, без подписи. - Собр. ст-ний. Ч. 3. Спб., 1810, с муз. Кашина. В пес.— с нач. XIX в. (НРВП) до 1906 г. Обработка народной песни «Я не знала ни о чем в свете тужить...» (Львов — Прач. 2-е изд. Ч. 2). Вошло в нот. сб. народных песен (Кашин. Ч. 2; Бернард, Вильбоа; Дюбюк). Входило в репертуар цыг. хоров, исполнялось Стешей (см. примеч. 23), Сандуновой 13 дек. 1806 г. в опере Малиновского «Старинные, или русские святки». «На голос» этой песни исполнялись и другие песни. В изд. «Б-ки поэта» опечатка в дате (ср. обоснование датировки в примеч. к тексту).

126. ЖОМ. № 4, подпись: А. Мрзлкв. Муз. Кашина. В пес.— с 1810 г. (Вавилов, с примеч.: «Песня сия заслужила одобрение всей московской публики, когда неоднократно пета была г-жой Сандуновой»). Иногда начинается со 2-й строфы («Собр. рус. песен». М., 1839. Ч. 1). Фольклорный источник: НРП. Ч. 1. Сандунова Е. С. (1772—1826) — певица (сопрано), жила в Москве с 1794 по 1813 г. (за исключением 1805—1806 гг.). Исполнялась также цыг. певицей Стешей (см. примеч. 23). Ср. фольклорный вар.: Кашин. Кн. 2. С. 47—48.

127. ВЕ. 1805, № 9, подпись: А. А. А. В пес.— с 1820-х гг. (НТП. Ч. 3.) до 1874 г.

128. ВЕ. 1806, № 15, под загл. «К ней (рондо)», без подписи. В пес.— с 1830-х гг. (КП-1838, Кн. 2) до 1917 г. Муз. Литандера (МА-1832). Позднее на муз. положил Иогансон (1857). Ср. «Песню» Жуковского («Когда я был любим...»), также опубл. в ВЕ (1807, № 2) с подзаг. «Перевод с фр.». Оба ст-ния, вероятно, восходят к одному неустановленному источнику.

129. ЖОМ. № 4, подпись: А. Мрзлкв. Муз. Кашина. В пес.— с 1810-х гг. (Вавилов, с примеч.: «На голос песни, такими же словами начинающейся») до 1910 г. Фольклорный источник: Вавилов. С. 170.

130. ЖОМ. № 5, без подписи, с муз. Кашина. В пес.— с 1810 гг. (Вавилов) до 1894 г. Фольклорный источник: Чулков. Ч. 4. С. 113; с нотами: Львов — Прач. № 18. См. также: Воротников. Ч. 3; Гурилев. Муз. писали Афанасьев, М. Бернард, Волков (Спб., ц. р. 1833) и др. О песне см.: Финдейзен. Т. 2. С. 332.

131. ВЕ. 1806, № 14, подпись: А. Мрзлкв. Муз. Жилина («Эрато». № 1, Спб., 1814). Включено П. Ободовским в свой перевод и в театральную постановку (1839) драмы баварского драматурга Э. Шенка «Велизарий» (поет крестьянин Порфир). Белинский хотя и говорил о «недостатке художественности» романа, но признавался, что «его нельзя слушать без восторга и умиления» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 322—323). С успехом исполнялась В. Асенковой в Петербурге и Н. Репиной в Москве. *Велизарий* — византийский полководец VI в., подвергшийся опале со стороны императора Юстиниана.

132. Вавилов, без подписи. - - ВЕ. 1810, № 2, под загл. «Одиночество». С муз. С. И. Давыдова впервые исполнена в Моск. имп. театре 1 сент. 1816 г. Свидетельства о попул. в 1820-е гг.: «Воспоминания» И. А. Гончарова (Собр. соч. М., 1952. Т. 7. С. 251); Ляликов Ф. А. Студенческие воспоминания//РА. 1875, № 11. С. 387; Розен А. Е. Воспоминания декабриста. Спб., 1907. С. 86. В основе попул. напева — мелодия песни Козловского на слова Карабанова «Лети к моей любезной...». С муз. Майера — МА-1832. Включалось в многие нот. сб. народных песен (см.: Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). Муз. писали многие композ. (Иванов. Вып. 1. С. 222—223). Упоминается: Лажечников, «В старом доме»; Островский, «Гроза» (д. 1), «Трудовой хлеб» (д. 1); Шевченко, «Близнецы»; Чехов,

«Тайный советник». Об истории создания песни см.: Дмитриев. С. 164; Гофман. С. 7—12.

133. Вавилов, без подписи, с примеч.: «На голос „Вылетала голубина...“». В пес.— до 1897 г. Включалось в нот. сб. народных песен (Прокунин. Вып. 2). Имеются сведения о нотной публ. с муз. Кашина (Полный каталог нот для пения в алфавитном порядке / сост Э. Ф. Дитман. Ростов-на-Дону, 1889. С. 46). «Вылетала голубина...» — народная песня со сходным зачином (Львов — Прач. № 30; Кашин. Ч. 2). О фольклориз. вар. см.: Новикова-1982. С. 82—83.

134. Денница. - - Песни и романсы А. Мерзлякова. Спб., 1830. В пес.— с 1830-х гг. (СП. Ч. 1) до 1854 г. Муз. Варламова (альб. «Эолова арфа». Спб., 1834).

В. А. ЖУКОВСКИЙ

135. ВЕ. 1808, № 2, под загл. «Романс», без подписи. - - Ж-1956. Вольный пер. ст-ния Шиллера «Das Mädchen Klägge», две строфы которого как романс Теклы вошли в трагедию «Пикколомини». В пес.— с 1810-х гг. («Новейший избр. песенник». М., 1814) до 1859 г. Муз. Плещеева (соч. 1808, изд.: «Сев. Арфа». 1822), Верстовского (МА-1826), Волконской (альбом «Радуга». 1830), Глинки (Спб., ц. р. 1850). Свидетельство о попул. романса Теклы: Т. 1853. Т. 1. С. 114. С успехом исполнялся в 1821 г. с муз. Плещеева цыг. певицей Стешей (ОЗ. 1822. С. 396—397). О Стеше см. примеч. 23.

136. ВЕ, 1808, № 10, с подзаг. «Романс», подпись: «С франц. Ж». - - Ж-1849. Т. 1. Пер. романса «Depuis qu'un autre a su te plaire» из романа фр. писательницы Коттен (М.-С. Ристо) «Мальвина». Муз. Н. А. Титова (Спб., ц. р. 1831). В пес.— с 1820-х гг. («Избр. пес. ...», М., 1820) до 1855 г. Сохранилось в устном репертуаре XX в.

137. ВЕ. 1809, № 9, с подзаг.: На голос: «Je t'aime tant, je t'aime tant...», подпись: «Апреля 1. N N». - - Ж-1956. Переложение ст-ния Фабра д'Эглантина «Je délire de l'amour». «Je t'aime...» — романс Жана Пьера Гара на текст д'Эглантина. Жуковский восстановил две строфы подлинника, опущенные Гара.

138. ВЕ. 1813, № 7/8, под загл. «К моему другу». - - Ж-1956. Переложение ст-ния нем. поэта-романтика Х.-А. Тидге (1752—1841) «Vergiss mein nicht (An Arnim)». Жуковский переложил первые 3 строфы из 18 (в других изданиях — 22) восьмистиший подлинника. В пес.— с 1820-х гг. («Избр. пес...». М., 1820) до 1848 г.

139. ВЕ. 1813, № 1/2, с подзаг.: «(Ал. Ан. Пр(отасо)вой)», подпись: В. Ж. - - Ж-1956. В пес.— с 1850-х гг. («Новейший пес. ...». Спб., 1853, Ч. 1) до 1916 г. Муз. Жучковского (ЛА-1832), Варламова (1834) и др. (6 композ.), ко всей балладе — муз. А. Плещеева (Спб., ц. р. 1832; первый опыт муз. баллады), К. Арнольда, Верстовского, Воротникова и др. Опера на сюжет «Светланы» — с муз. Ф. Толстого (премьера 25 апр. 1846 г.). Фольклориз. вар.: Чернышев. С. 363—364. Проникло в лубок (Клепиков. С. 124). Включалось в представления нар. драмы «Царь Максимилиан» (Сб.

ОРЯС. Т. 90, № 7. Спб., 1914). Иногда пелась только 1-я строфа. Посвящено А. А. Протасовой в зам. Воейковой, племяннице Жуковского, по случаю ее свадьбы.

140. Стихотворения. Спб., 1815. Ч. 1. - - Ж-1849. Т. 1. Подражание романсу Мильвуа «La fleur» (первые две строфы — вольный пер. соответствующих строф фр. оригинала). В пес.— с 1820-х гг. («Избр. пес. ...». М., 1820) до 1874 г. Муз. Варламова (Спб., 1838), Алябьева, А. Рубинштейна.

141. ВЕ. 1813, № 7/8, подпись: В. Ж. - - Ж-1956. В пес.— с 1830-х гг. (НСРП) до 1855 г. Муз. А. Плещеева («Сев. Арфа». Спб., 1822). Сам поэт исполнял романс Плещеева 3 авг. 1812 г. в усадьбе своего друга в д. Черни (Зейдлиц К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. Спб., 1883. С. 49—50).

142. Für Wenig. Для немногих. 1818, № 1. - - Ж-1956. Пер. нем. ст-ния неизв. автора «Lied» («Der Ring ist mir entfallen...»). В пес.— с 1820-х гг. (СРП. Ч. 2). С нотами: МА-1832. Муз. Алябьева. Публикация, указанная Г. К. Ивановым (Иванов. Вып. 1. С. 127) в источнике отсутствует (см.: Вольман-1970. С. 184). Проникло в лубок (Клепиков. С. 70). Публ. как народная песня («Рус. народные песни». Сб. 2. М.; Л., 1937). Поводом для ст-ния явилось письмо М. А. Протасовой, в которую был влюблен поэт. Упоминается: Островский, «Поздняя любовь», Горький, «В людях».

143. «Für Wenig. Для немногих». 1818, № 1. - - Ж-1956. Пер. ст-ния Гёте «Trost in Trauen». В пес.— с 1833 г. («Песни, романсы и куплеты из водевилей». М., 1833) до 1864 г. Муз. при жизни поэта — Вейрауха (Спб., 1824), Ж. Андре (1839), Бахметьева (1839), Даргомыжского (1852). Поводом для ст-ния послужило замужество М. А. Протасовой (см. примеч. 139).

144. СО. 1821, ч. 74, № 4, под загл. «Прежнее время», подпись: Ж. - - Ж-1956. В пес.— с 1820-х гг. («Новейший избр. пес. ...». М., 1829) до 1897 г. Муз. Норова (1829, в ЛА), Плещеева (Спб., ц. р. 1832), Петра Булахова (М., ц. р. 1846) и др. (5 композ.). Песня посвящена Е. Ф. Вадковской-Кравцовой, племяннице А. И. Плещеевой, и вызвана воспоминанием о последней (ум. в 1817 г.). «Прежнее время» — 1814 год, когда Жуковский жил в Долбине, поблизости от д. Черни, имения А. А. Плещеева.

145. Соч. 1836. Т. 1. - - Ж-1956. Пер. ст-ния австр. поэта И.-Х. фон Цейдлица (1790—1862) «Die nächtliche Herschau». В пес.— с нач. XX в. («Полный рус. пес.». М., 1911. Ч. 3). Муз. при жизни поэта — Глинки (зима 1835/36, изд.: «Одеон». М., ц. р. 1839), Верстовского («Одеон». Спб., ц. р. 1849). Симфоническая поэма Симона (М., ц. р. 1889). Вошло в сб. В. А. Хорошевича-Троицкого «Двенадцатый год в народной песне». М., ц. р. 1912 (переложение для хора В. Д. Беневского). Популярна баллада Глинки. Пародировалось в студенческой среде: «В двенадцать часов по ночам Выходит студент из квартиры...» (Александров, № 17).

Стихотворения Н. Грамматина. Спб., 1829. Ч. 1.

146. «Досуги Грамматина». Спб., 1811. В пес.— др. ред.: «Ты не плачь, не горюй, дева миленькая...» — с 1850-х гг. (ЗРЦП) до 1908 г. Фольклорный источник — распространенный песенный сюжет. С таким зачином известны и др. народные песни.

147. «Избр. пес. ...». М., 1820. В пес.— до 1857.

Д. В. ДАВЫДОВ

Давыдов Д. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933 (Б-ка поэта, БС); Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984 (Б-ка поэта, БС).

148. СО. 1820, № 44. - - Стихотворения. М., 1832. Подражание популярным куплетам фр. поэта Жозефа Пэна (1773—1830) «Le ténage d'un gaçon». Упоминается: П. Вяземский, «Коляска», гл. 1. Ряд — здесь: ломбард или лавка ростовщика в торговых рядах.

149. СО. 1820, № 49, под загл.: «Военная песня». - - Стихотворения. М., 1832. В пес.— с 1820-х гг. (СРП. Ч. 2) до 1859 г. Вольное подражание попул. фр. романсу «Je me sers né pour la guegге».

150. «Рецензент». 1821, № 20. Печ. по этой публикации, так как она легла в основу пес. вар. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831, в др. ред.; после ст. 8 еще четыре:

Я искал его напрасно
Среди роскоши пустой,
Заблуждаясь повсечасно,
Занимался суетой).

151. Соревнователь. 1819, № 4, под загл. «Старые гусары», подпись: Д. Д — в. Одновременно: «Благонамеренный». 1819, № 8, подпись: Д — в, с примеч. изд. - - Стихотворения. М., 1832. Печ. по первой публикации, воспроизведенной в полн. собр. стихотворений, так как она легла в основу пес. вар. В пес.— с 1840-х гг. (Авдева. Ч. 1) до 1859 г. Жомини Анри (Генрих Вениаминович, 1779—1869) — фр. генерал, с 1813 г. — на рус. службе, военный советник Александра I, пользовался известностью военного теоретика и военно-исторического писателя. *Жомини да Жомини! А об водке ни полслова* — вошло в устный обиход как поговорка. Упоминается: Ф. Сологуб, «Три жениха», гл. 1; Чехов, «Иванов» (1-я ред.).

152. «Сев. звезда». 1829, под загл.: «Романс (Подражание Парни)», подпись. Д.Д-в. - - Стихотворения. М., 1832, под загл. «Вольный перевод из Парни». Пер. фрагмента из третьей песни оссиановской поэмы фр. поэта Эвариста Дезире де Форжа Парни (1753—1814) «Иснель и Аслега». Ст. 1, 3, 6, 11 в журн. публ.: «Сижу на бэреге потока...», что соответствует и муз. ударению в романсе Алябьева (М., 1833, посвящен А. Н. Верстовскому).

153. Стихотворения. Спб., 1840. Стало цыг. романсом (ППМЦ). Муз. Шпарварта (1851), Животова, Мосолова. В письме Языкову от 4 апр. 1834 г.— под загл. «Романс».

154. БдЧ. 1834, т. 3. В пес.— с 1850-х гг. (НПРП) до 1892 г. Муз. Алябьева, Сабуровой (М., 1836), Донаурова, Н. Рубинштейна и др. (7 композ.). Попул. приобрело в цыг. хорах с муз. Алябьева. Упоминается: Лесков, «Очарованный странник» (описание исполнения цыг. Грушей).

155. Стихотворения. Спб., 1840, с подзагол. «На голос известной рус. песни». В пес.— с 1850-х гг. (ПРН). Муз. Даргомыжского (Спб., 1856, «Моя милая»). Образец — народная песня «Я люблю тебя, душа-дэвица...».

К. Н. БАТЮШКОВ

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Спб., 1817. Ч. 2. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС).

156. «Пантеон русской поэзии». 1814. Ч. 2, без подписи. В пес.— с 1810-х гг. («Новейший всеобщий и полный песенник...» Спб., 1819. Ч. 6) до 1913 г. Проникло в лубок (Клепиков. С. 49). Включалось в народную драму «Царь Максимилиан». Упоминается: Писемский, «Старая барыня».

157. «Собр. образцовых рус. соч. и переводов в стихах». Спб., 1816. Ч. 5. В пес.— с 1820-х гг. («Новый полный всеобщий пес. ...»). Спб., 1820) до 1855 г. Романс Глинки (соч. 1826 или 1828, опубл.: ЛА, «Память сердца»), написанный для А. С. Стунеева. На муз. положили также Габель, Лобанов. *Память сердца* — выражение, заимствованное, по признанию самого Батюшкова в статье «О лучших свойствах сердца», у фр. педагога Массье; проникло в повседневную рус. речь.

158. СЦ-1828. Пер. фрагмента из «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона. Известен романс Кашперова (Спб., ц. р. 1864).

А. С. ПУШКИН

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. 2-е изд. М., 1958.

159. «Рос. музеум». 1815, № 3, подпись: «1... 14—16». В пес.— с нач. ХХ в. («Бродяга. Новый пес.», М., 1909) с вар. В устном бытовании текст сокращен, опущен конец об измене. Фольклориз. вар.: Мякутин. С. 93. Муз. Верстовского (1829), Брянского, Направника. В рукописи подзаг.: «Подражание малороссийскому». Образец — укр. песня (Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин. Харьков, 1900. С. 265), обращение к которой подсказано успехом водевиля А. Шаховского «Казак-стихотворец» (1812). Песенный вар. см.: т. 2, № 746. Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937). См. также: Сумцов Н. Ф. Пушкин как поэт-этнограф. М., 1899.

160. «Памятник отеч. муз. на 1827 год», в неполном и искаженном цензурой виде. - - СП. № 2 (полностью). В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828). Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937). Проникло в лубок (М., 1832, под загл. «Следствие порочной любви») — до 1914 г. Текст в пес. и лубках восходит к первой ред., вместо ст. 51—52 часто:

Поступок мой, твой рок ужасный
К страданью принуждают нас.

Предпоследняя строфа иногда опускается. В лубочных изд. 2-й пол. XIX в. встречаются тексты с дальнейшим развитием сюжета (см.: Клепиков. С. 46). Была популярна в студенческой среде (Аристов, № 4). Муз. Н. С. Титова (Спб., ц. р. 1829), Н. П. Де-Витте (Спб., ц. р. 1829) и др. Популярный напев восходит к муз. Титова. Упоминается: Островский, «Шутники» (фольклориз. ред.). Экранизировано (реж. Н. Ларин, 1917).

161. «Сев. наблюдатель». 1817, № 1. В альм. «Денница» (1831) с подзаг.: «Слова для музыки». В пес.— с 1840-х гг. (Авдеева. Ч. 1). Муз. Н. С. Титова (в «Собр. рус. песен...». Спб., 1829), Верстовского (альм. «Денница», 1831), А. Рубинштейна, Чайковского (дует в оп. «Евгений Онегин») и др. (в XIX — нач. XX в. 25 композ.). В пении ст. 1 и соответствующие ему звучат: «Слышали вы».

162. «Сев. наблюдатель». 1817, № 25 (др. ред.). - - Стихотворения. Спб., 1826. В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828). В пес. и в пении часто без 8 последних ст. Муз. Алябьева (1830, изд.; М., 1831), Даргомыжского, Направника, Римского-Корсакова и др. (10 композ.).

163. СО. 1821, № 15. В пес.— с 1820-х гг. («Избр. новейший пес. ...». М., 1825. Ч. 1) с вар., в лубке — с 1839 г. Муз. Верстовского (Спб., 1823), Геништы (Прилож. к «Дамскому журналу», 1823), Виельгорского (ЛА), Алябьева (М., ц. р. 1834) и мн. др. (20 композ.). Первоисточником долгое время считалась молд. песня. Однако это поставлено под сомнение (Томашевский В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 531). Переведенная на рум. яз. поэтом К. Негруци (1837), баллада Пушкина получила распространение в Румынии и Молдавии (Богач Б. Пушкин и молд. фольклор. Кишинев, 1963. С. 45—49), что и ввело в заблуждение исследователей. Некоторые рум. литературоведы (В. Чобану) возводят ст-ние Пушкина к балладным мотивам балканских народов. Особую популярность приобрел романс Верстовского. Под аккомпанемент Грибоедова его исполнял сам композитор. Впервые публично был исполнен 11 нояб. 1823 г. в Москве в Пашковском театре П. А. Булаховым; имел шумный успех у публики и вызвал полемику на страницах «Вестника Европы». Популяризировался также трагиком Мочаловым, исполнялся на фр. и ит. языках (певицей Този). О попул. см.: «Московский телеграф». 1825, № 1. В муз. быту, особенно в городской среде, устойчиво держался на протяжении всего XIX — нач. XX в. Упоминается: Вс. Крестовский, «Петербургские трущобы», ч. 4. гл. 32. Экранизировано (реж. В. Воротников). В пении ст. 1 иногда: «Гляжу я безмолвно на черную шаль...» (СМ. 1952, № 8. С. 63, запись Л. Л. Христиансена).

164. В составе поэмы «Кавказский пленник». Спб., 1822. В пес.— с 1820-х гг. (СРП. Ч. 1) до 1916 г. с незнач. вар. Включалось в сб. казачьих песен (Концевич. Вып. 1). Муз. Геништы (Прилож. к «Дамскому журналу» за 1823 г.), Маурера (в прилож. к пер. поэмы на нем. яз. Спб., 1823), Алябьева (сб. «Собр. рус. песен...». Спб., 1829), Кюи, Направника и др. (в XIX — нач. XX в.— 27 композ.).

165. Стихотворения. Спб., 1832. Ч. 3. В пес.— с 1870-х гг. («Подарок любителям пения. Собр. песен». М., 1876. Кн. 1). Как народная песня: Пивоваров А. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1895. Включалось в нот. сб. народных и рев. песен («Рус. народные песни». Сб. 1 и 3. М.; Л., 1936—1937; Песни донских и кубанских казаков. М., 1937; Гиппиус; ПКиС. Муз. Алябьева (1832, изд. М., 1843), Гречанинова, А. Рубинштейна и др. (9 композ.). Попул. ныне напев возник во 2-й пол. XIX в. на основе песенной традиции, складывающейся в среде рев. интеллигенции (ноты — ПКиС. С. 14). Многократно записывалась в качестве народной песни со значительными изменениями. О фольклориз. вар. см.: Дурново Н. «Узник» А. С. Пушкина в народной переделке//«Пушкинский сб.» (под ред. А. И. Кирпичникова. М., 1900); Андреев Н. П. Пушкин в фольклоре//«Лит. критик», 1937, № 1; Житомирский. С. 14—17; Новикова-1982. С. 147—155.

166. МТ. 1825, № 21, под загл. «Цыганская песня» с примеч.: «Прилагаем ноты дикого напева сей песни, слышанного самим поэтом в Бессарабии», с нотами (напев был записан по просьбе Пушкина кишиневским капельмейстером Ф. Ружицким и отредактирован Верстовским). В поэму вошла как песня Земфиры. В пес.— с 1820-х гг. (НС). Муз. Виельгорского (до опубликования текста), Алябьева (конец 1820-х гг.), Верстовского (в прилож. к «Молве», 1832), В. Варгина, Кашперова, А. Рубинштейна, С. Рахманинова (вошло в оперу «Алеко»), Чайковского и др. (в XIX — нач. XX в.— 20 композ.). Наибольшую попул. приобрел романс Верстовского (впервые исполнен И. Репиной 21 янв. 1832 г.). Будучи в Кишиневе, Пушкин интересовался местным фольклором. Особенно его «занимала известная молдавская песня «Тю собески питимасура», и еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне — «Арде-ма — фриже-ма» («Жги меня, жарь меня». — В. Г.), с которой уже в то время он породнил нас своим дивным подражанием <...>» (Горчаков В. П. Воспоминания о Пушкине//«Пушкин в воспоминаниях современников». Л., 1950. С. 206). О близости песни к цыг. фольклору см.: Яцимирский А. Песня Земфиры в «Цыганах» и цыг. хора.//«Изв. ОРЯС». 1899. Т. 4, кн. 1. С. 301—304. Б. Богач находит источник ее в молд. песнях (Богач Б. Пушкин и молд. фольклор. Кишинев, 1963. С. 100—111). Сам поэт в письме к Вяземскому от 27 сент. 1825 г. признавался, что «это очень близкий перевод», не указывая языка подлинника. Автограф записи напева: СМ. 1934, № 1. О муз. источниках песни см.: Котляров В. История песни Земфиры//СМ. 1964, № 9. Песню Земфиры поет героиня романа Э. Гонкура «Братья Земгано». Попул. приобрел и другой фрагмент из поэмы в качестве детской песни: «Птичка божия не знает...» (на муз. положили 27 композ., среди них — Варламов, Виардо-Гарсиа, Вильбоа, Воротников, Ладухин, Ребиков, А. Рубинштейн). На сюжет всей поэмы оперы создали Рахманинов («Алеко»), Дюбюк, Кашперов, Лишин, Шефер,

Юон («Алеко») и др. (14 композ.). Кроме рус. композ., муз. на текст Пушкина писали и зарубежные: Торотти, Сакки, Леонкавалло.

167. «Лит. музеум на 1827 год». М., 1827, под загл. «Испанская песня», с муз. Верстовского (1826). В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1915 г. Известны также романсы Н. С. Титова (Спб., ц. р. 1831), Глинки (Спб., ц. р. 1838), Даргомыжского и др. (свыше 20 композ.). О народных вар. см.: Новикова-1982. С. 168.

168. СЦ. 1830. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831) до 1915 г., с разночтениями. Популярной песней стало с муз. Яковлева (Спб., 1832). Муз. также Даргомыжского (1840-е гг.), Направника, Н. С. Титова и др. (13 композ.). О попул. см.: Балов. С. 166. Включено как лейтмотив в пьесу Булгакова «Пушкин (Последние дни)».

169. СЦ. 1827. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1915 г. Муз. Н. С. Титова (Спб., ц. р. 1829), Алябьева («Сев. певец». Спб., 1831), Глинки (1840, изд. Спб., ц. р. 1842), И. Миклашевского и др. (В XIX в.— 9 композ.). Посвящено Анне Петровне Керн (1800—1879). Вызвано воспоминанием о первой встрече в доме Олениных в 1819 г. и встречей в Тригорском летом 1825 г., где А. П. Керн гостила у П. А. Осиповой. (Это посвящение подвергнуто сомнению А. Белецким и Б. Томашевским.) Наибольшую попул. приобрел романс Глинки, посвященный дочери А. П. Керн — Екатерине. Упоминается: Мамин-Сибиряк, «Горное гнездо», гл. 2; Тургенев, «Вешние воды».

170. МВ. 1828, № 4. В пес.— с 1830-х гг. («Лира Граций». Спб., 1832) до 1915 г., с вар. В пении последние три строфы обычно опускаются. Муз. Алябьева («Сев. певец». Спб., 1831), Бернарда, Брянского, Кюи и др. (12 композ.). О популярности см.: Балов. С. 166.

171. «Альбом сев. муз. на 1828 год». В пес.— с 1830-х гг. («Лира Граций». Спб., 1832), с вар. Проникло в лубок (Клепиков. С. 130). Муз. Н. С. Титова (в сб. «Собр. рус. песен...». Спб., 1829) и др. Связано с Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой (1792—1880) и вызвано встречей с ней в Одессе.

172. СЦ. 1829 г., под загл. «Два ворона». Одновременно: ЛА, без загл. с муз. Виельгорского. С муз. Верстовского — приложение к «Галатее». 1829, № 4, янв. Свободное переложение фр. пер. первой половины шотландской баллады Вальтера Скотта. В «Ст-ниях» 1829 г. в оглавлении названо: «Шотландская песня». В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831) до 1913 г. Муз. писали также Алябьев («Сев. певец». М., 1829, «Два ворона»), Даргомыжский (хор), Ребиков (хор), А. Рубинштейн, Римский-Корсаков (хор) и др. (19 композ.).

173. СЦ. 1829, подпись: А. П. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831) до 1915 г. Написано под впечатлением подлинной грузинской мелодии, записанной Грибоедовым; последний сообщил эту мелодию и Глинке (Записки. С. 91). Мелодию в июне 1828 г. в присутствии Пушкина напела А. А. Оленина (в доме Олениных). Романс Глинки (1828 или 1829, изд. Спб., ц. р. 1831, «Грузинская песня») написан только на первые две строфы ст-ния; 3-ю строфу и обрамляющее повторение Пушкин добавил впоследствии. Муз. писали также Н. С. Титов (Спб., ц. р. 1829), Ю. Арнольд, Балакирев, К. Гедике, Ипполи-

тов-Иванов, Лядов, С. Рахманинов, Римский-Корсаков, Н. Рубинштейн и др. (В XIX — нач. XX в. — 26 композ.).

174. СЦ, 1830. При жизни поэта на муз. положили Ф. Толстой (в сб. «Собр. рус. песен...» Спб., 1829), Алябьев («Кавказский певец». М., 1834). Муз. писали также Петр П. Булахов, Варламов, Гурилев, Даргомыжский и мн. др. (в XIX — нач. XX вв. — 38 композ.). Попул. ныне романс — с муз. Шереметева (1860). В цыг. хорах исполнялась с муз. Варламова. По воспоминаниям Е. А. Сушковой, романс (Алябьева?) в присутствии Лермонтова, комментировавшего текст, пел М. Яковлев (Сушкова Е. А. Записки. 1812—1841. Л., 1928). Входил в репертуар А. Неждановой. Ст-ние предположительно посвящено А. А. Олениной. Упоминается: Чехов, «Свадьба».

А. А. ДЕЛЬВИГ

Дельвиг А. А. Полн. собр. ст-ний. Л., 1959 (Б-ка поэта, БС).

175. ВЕ. 1814, под загл. «Дафна», с примеч.: «(Из Клаудия)», подпись: Д. Пер. ст-ния нем. поэта Матиаса Клаудиаса (1743—1815). В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес.». М., 1854. Ч. 2) до 1874 г. В ряде пес. ст. 1: «Минуло мне шестнадцать лет...». Муз. Даргомыжского (отд. изд. Спб., 1844, «Шестнадцать лет»). Навейно песней XVIII в. «Минуло мне пятнадцать лет...» (НРП. Ч. 2), восходящей к ст-нию Богдановича (см. № 40).

176. Труды ОЛРС. 1820. Ч. 12, под загл. «Романс», подпись: Д. В пес.— с 1830-х гг. (ПДРТ) до 1874. Муз. Глинки (альбом «Подснежник». 1829), Алябьева (М., ц. р. 1831). По воспоминаниям Глинки, «эту песню весьма ловко певал М. Л. Яковлев» (Записки. С. 91).

177. ПЗ. 1823, под загл. «Песня». В 1828 г. переделано для Глинки, написавшего тогда же романс (Записки. С. 91), опубликован: «Сев. муз. альбом на 1832 год». Спб., 1832. Муз. писали и др. композ. (Варламов, Мельгунов, Н. И. Соколов и др.) В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес.». М., 1854. Ч. 2). Иногда приписывалась Кольцову.

178. НЛ. 1822, кн. 2, № 14. В пес.— с 1840-х гг. (Авдеева) до 1874 г. Муз. Алябьева (М., ц. р. 1838), Верстовского, Варламова, Рупина. В пес. первые ст. варьируются, иногда повторяя текст первой ред.: «Одинок в облаках месяц плыл туманный...».

179. ПЗ. 1824, под загл. «Песня». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1912 г. Муз. Глинки (1827). На муз. положили также В. Волков («Аmateur». Муз. альбом [1835]), В. Соколов. Включалась в нот. сб. народных песен (Рупин. Тетр. 1). В некоторых пес. приписывается И. Ваненко, М. Суханову, В. Крестовскому.

180. ПЗ. 1824, перед ст-нием М. Дмитриева «Сын бедный природы...» под общим загл. «Песни». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828). Муз. Дюбюка (1861). В нот. сб. многочисленные вар. песни с тем же зачином или со сходным («Голова ль ты моя, головушка...», «Голова ль моя, ты головушка...») (см.: Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель).

181. ПЗ. 1824. В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828). Муз. Литандера (МА-1832), Алябьева (М., 1836, «Она — моя»), Даргомыжского (хор), Павла Булахова, Рупина и др. композ. (свыше 10). У всех романс под назв. «Она моя».

182. ПЗ, 1824. В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1869 г. Муз. Алябьева (М., 1827, посвящено В. А. Сабуровой), Глинки (1834), Литандера, Кочубей.

183. НЛ. 1823, кн. 5, № 31. Переработка нем. народной песни. В пес.— с 1830-х годов (КП-1833. Ч. 1) до 1879 г. Муз. Глинки (соч. 1834 г., изд.: «Романсы и песни Глинки». Спб. Тетр. 4, ц. р. 1836), Алябьева, Н. Германа, Даргомыжского, Золотарева, и др. (8 композ.). Посвящен С. Д. Пономаревой, хозяйке лит. салона, которой был увлечен Дельвиг. Известный романс Глинки посвящен М. П. Ивановой, будущей жене композ.

184. Труды ОЛРС. 1824, кн. 1. В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес.». М., 1854. Ч. 2). Муз. Литандера (МА-1832), Алябьева (М., 1835), Варламова (наиболее попул.), Даргомыжского (дуэт), Сабуровой.

185. СЦ. 1825. В пес.— с 1820-х гг. (СРП. Ч. 1) до 1859 г. Муз. Яковлева («Сев. лира». 1825), Алябьева (М., ц. р. 1831, «Кудри»), Литандера (МА-1832), Даргомыжского, Николаева. Популярный напев — Алябьева.

186. СЦ. 1825, вместе со ст-нием «Пела, пела пташечка...» под общим загл. «Рус. песни». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1897 г. Фольклорный источник — песня «Скучно, матушка, весною жить одной...» (см., напр.: Герстенберг и Дитмар. Ч. 2, № 28). Ср. ст-ние Д. Глебова (№ 198) и примеч. к нему. Народная песня входила и во все известные нот. сб. XIX в. (Кашин, Бернард, Рупин, Гурилев). Песня Дельвига могла исполняться на эту мелодию.

187. СЦ. 1825, вместе со ст-нием «Скучно, девушки...». В пес.— с 1820-х гг. (СРП. Ч. 1) до 1905 г. Муз. Литандера (МА-1832), Яковлева (Спб., 1838, «Песня», дуэт), Донаурова, А. Рубинштейна (дуэт) и др. (10 композ.). Упоминается: Островский, «На бойком месте». Фольклориз. вар.: Городцов А. Л. Народнопевческие хоры. Вып. 3. М., 1910-е гг.

188. СЦ. 1826. В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828). Муз. Алябьева (М., 1827, «Соловей»). Позже композитор обработал романс для хора. Известны вариации на муз. Алябьева для фортепиано Глинки, Гурилева, Ф. Листа и мн. др., а также для гитары — Высоцкого, для скрипки — А. Вьетана и др. Высказанное А. Н. Сальниковым («Молва», 1880, № 170) предположение, будто романс Дельвига посвящен ссыльному Пушкину, недостоверно; в большей мере оно может быть отнесено к др. романсу Алябьева — «Прощание с соловьем» на ст-ние Кашинцова (см. № 272). Впервые исполнено П. А. Булаховым в Московском Большом театре 7 янв. 1827 г. В Петербурге с успехом исполнил Н. К. Иванов. Среди выдающихся исполнителей — П. А. Бартенева, немецкая певица Г. Зонтаг, П. Виардо-Гарсиа и известная цыг. певица Таня (Мещерский А. В. Из

моей старины//РА. 1901. Кн. 1, № 1. С. 113). Таня — Татьяна Дмитриевна Дементьева (1808—1870-е гг.), солистка цыг. хора И. О. Соколова, особенно попул. в 1820-1830-е гг. Ее пением восхищались Пушкин, Языков, П. Киреевский, итальянская певица А. Каталани. Ее образ воссоздан в ст-нии Ростопчиной «Цыганский табор», ей посвящены ст-ния Языкова «Перстень» и «Элегия» («Блажен, кто мог...»). О ней см.: Маркевич Б. М. Цыганка Таня//ПСС. Спб., 1885. Т. 11. Уже при жизни Дельвига появились пес. вар. В «Новейшем собрании...» (1829) опубликована как «новая песня, петая г. Бантышевой», после ст. 3 здесь следует:

Где ночьюку просидишь?
«Я лечу, лечу, лечу, лечу
Во угожие места.
Во угожие места,
Во ракитовы кусты».

Ссылка в пес. на «г. Бантышеву» неясна: известно, что «Соловья» исполнял певец А. О. Бантышев. В некоторых пес.— как «народная песня». Ст. 2 иногда: «Голосистый, молодой». Только началом, как и аналогичная песня Цыганова (см. № 292), напоминает многочисленные народные песни со сходным зачином: «Соловей мой, соловей, соловьюшко молодой...» (была попул. в обработке Кашина), «Соловей мой, соловешка, вольна пташечка...» и т. п. (см.: Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). О романсе см.: Штейнпресс Б. Страницы из жизни А. А. Алябьева. М., 1956. С. 221—243. Там же — уточнение датировки. Упоминается: Тургенев, «Два приятеля»; Писемский, «Масоны» (охарактеризовано исполнение; в образе Лебьева выведен Алябьев).

189. «Подснежник». 1829. В пес.— с 1830-х гг. (НСРП. Ч. 2) до 1889 г. С муз. неизв. композ.— «Эолова арфа». № 8. М., ц. р. 1831, «Рус. песня». Муз. Яковлева (Спб., 1838).

190. СЦ. 1832, вместе со ст-нием «Как за реченькой...» под общим загл. «Рус. песни». В пес.— с 1840-х гг. (Авдеева. Ч. 1) до 1911 г. Муз. Алябьева («Альбом любителям пения». 1837). Позднее на муз. положили Ломакин, Бороздин. Ст-ние не закончено, но с муз. Алябьева вошло в быт. За *турецкой за границей*. Речь идет о рус.-тур. войне 1826—1829 гг.

191. СЦ. 1832, вместе со ст-нием «И я выйду ль на крылечко...» В пес.— с 1830-х гг. («Собр. рус. песен». М., 1839. Ч. 1) до 1848 г. Муз. Жучковского (ЛА-1832), Алябьева (сб. «Кавказский певец». М., 1834). На муз. положили также Афанасьев, Вильбоа. Началом напоминает народные песни: «Как за реченькой слободушка стоит, Во слободушке молода вдова живет...» (Вавилов. С. 177) и «Как за реченькой слободушка стоит, В ту слободку добрый молодец идет...» («Новейший рос. песенник...». Спб., 1817). Ср. песни с тем же зачином в нот. сб. (Бернард, Гурилев).

192. Печ. по автографу романса Глинки (Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд Глинки, № 55). Заключенные в угловые скобки строфы воссоздают несохранившийся текст ст-ния Дельвига по публикации наиболее распространенного песенного вар.

(см.: Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 216 (Б-ка поэта, БС), с исправлением ст. 16: А вм. как (по смыслу и обычному исп.). В «Записках» Глинки под 1829 г. (лето) читаем: «Дельвиг написал мне романс: «Не осенний частый дождичек». Муз. на эти слова я впоследствии взял для романса Антонида «Не о том скорблю, подруженьки...» в опере „Жизнь за царя“» (Записки. С. 95). В автографе Глинки текст рассчитан на исполнение двумя тенорами и басом в сопровождении чембалло. Кроме Глинки, муз. (на устно распространенный текст) написали В. Соколов (1876) и В. Цехановский (1887). Текст и мелодия попул. особенно со 2-й пол. XIX в. Бытует до наст. времени с напевом, восходящим к муз. Глинки. Вар. см. в нот. сб.: Военный досуг <...> Спб., 1912. № 105; Бугославский С. А., Шишов Г. Р. Рус. народная песня. М., 1936; «Рус. народные песни». Сб. 3. М., Л., 1937. Исполнялось Плевицкой (Плевицкая. Альбом). Включено в: Л. Андреев, «Дни нашей жизни»; упоминается: В. Вересаев, «Товарищи»; А. Куприн, «Черная молния». *Не чай* — здесь: не ожидай (не надейся). Пес. вар. см.: т. 2, № 759.

Н. М. ИБРАГИМОВ

193. «Труды Об-ва любителей отеч. словесности при Казанском ун-те». Казань, 1815. Ч. 1. № 3. В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес...». М., 1854. Ч. 1). Муз. Павла Булахова (1869), Бюхнера, Слонова. А. Фукс писал: «Одна из его «Песен» обошла положительно всю Россию: целые поколения различных классов распевали ее, и не подозревая имени автора» (Фукс А. А. Казанские литераторы 30—40-х гг. // «Рус. старина». 1904, № 7. С. 22—23). Особенно большую попул. приобрела в кон. XIX — нач. XX в. (Новикова. РП. С. 32). *С милым рай и в шалаше* — стало крылатым выражением. Неоднократно записывалась как народная песня (Гусев. С. 91; Новикова. РП. С. 356). Последняя строфа в пении:

С ним одной любви довольно,
Чтобы век счастливой быть,
А сердечку очень больно
Через золото слезы лить.

194. «Благонамеренный». 1825, № 10. Образец — народная плясовая песня «Во поле береза стояла...», публиковавшаяся уже в пес. и нот. сб. XVIII — нач. XIX в. (см., напр.: Полежаев, № 10; Львов — Прач и Львов — Прач. Изд. 2). Каждый ст. повторяется, после каждого двустушия — припев. В пес. и нот. сб. XIX — нач. XX в. иногда включалось наряду с народной песней с тем же зачином (см.: Бадер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). Известны переложения народной мелодии для гитары (вариации Сихры), скрипки (вариации Хандошкина), клавиесина и гуслей, предшествовавшие появлению ст-ния Ибрагимова. Народная мелодия неоднократно аранжировалась позднее многими рус. композ., независимо от текста Ибрагимова (в «Указателе» Г. К. Иванова все эти муз. соч. правомерно связываются с его ст-нием; см.: Иванов. Вып. 1. С. 133).

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства
Николая Остолопова. М., 1816.

195. Вместе с двумя др. под общим загл. «Песенки». В пес.— с 1820-х гг. («Избр. пес. ...». М., 1820) до 1859 г. Фольклорный источник — «Не шумите вы, ветры буйные, вы, буйные ветры осенние...» (о рус.-тур. войне XVIII в.— Трутовский. Ч. 2, № 11).

196. ВЕ. 1816, № 19. В пес.— с 1820-х гг. («Избр. новейший пес...». М., 1820, Ч. 2) до 1864 г. «Скучно, грустно мне в деревне жить одной...» — вар. народной песни «Скучно, матушка, весной мне жить одной». См.: «Молодчик». 1790. С. 90; с нотами и разночтениями (1 ст. «Скучно мне, молодой, весной жить одной»): Львов — Прач, № 7.

Д. П. ГЛЕБОВ

Элегии и другие стихотворения Д. Глебова. М., 1827.

197. ВЕ. 1817, № 5, вместе с песней «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...» (№ 198), под общим загл. «Рус. песни». В пес. с 1820-х гг. («Избр. пес. ...». М., 1820) до 1839 г.

198. ВЕ. 1817, № 5, вместе с песней «Увянет без солнышка...» (№ 197). В пес.— с 1820-х гг. («Избр. пес. ...». М., 1820) до 1839 г. Муз. Варламова (дуэт. М., ц. р. 1842). Обработка народной песни «Скучно, матушка, весной мне жить одной...» (см. примеч. 196). На основе песни возникла другая, попул. до сих пор: «Вдоль по улице метелица метет...» (см. т. 2, № 748).

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986 (Б-ка поэта, БС).

199. «Пантеон русской поэзии». 1817. - - Полн. собр. соч. Спб., 1880. Т. 3. В изд. Б-ки поэта не вошло. В пес.— с 1830-х гг. («Полный новейший пес. в 13 частях...». М., 1835. Ч. 11) до 1879 г. Муз. Лодия (Спб., ц. р. 1854), И. Васильева (М., ц. р. 1859). Зачин указывает на возможный образец — хороводную песню «Собирайтесь, девки, в круг...» (позднейшая запись: «Хороводные песни, записанные в Томской обл.». М.; Л., 1973. № 13).

200. СЦ. 1830. - - В-1957. В пес.— с 1830-х гг. (СП, Ч. 1) до 1869 г. Муз. Сабуровой (М., ц. р. 1834).

201. «Новоселье». Спб., 1834. - - В-1957. В пес.— с 1850-х гг. (ПРН. Ч. 1) до 1913 г. Муз. Дюбюка (дуэт. Ц. р. 1857), Павла Булахова (М., ц. р. 1865), Карасева, Катенина. Включалось в нот. сб. народных песен (Гиппиус; Ельчева и др.). Наверно ст-нием Пушкина «Бесы»; загл. намекает на «Тройку» Ф. Глинки (см. № 224). Песней с муз. Булахова стали 1-я, 6-я и последняя строфы. В пении — припев, отсутствующий у Вяземского:

Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.

202. «Соревнователь». 1818, ч. 3. В пес.— с 1830-х гг. (КП-1833. Ч. 2). Включалось в нот. сб. казачьих и солдатских песен (Бигдай; Концевич; Боевые песни рус. солдата <...> Собрал Г. М. Попов. Спб., 1843). Вошло в сб. «Рус. народные песни». Сб. 3. М.; Л., 1937. Фольклориз. вар. были популярны среди бойцов в годы Великой Отеч. войны (см. т. 2, № 749). Вызвало ряд подражаний (напр., Ф. Кони, «Кончен, кончен прежний путь...»). Упоминается: Н. М. Языков, «Жар-птица». Исполнялось в представлении народной драмы «Царь Максимилиан» (Сб. ОРЯС. Т. 90, № 7. Спб., 1914. С. 131, «Песни и сказки Ярославской обл.» Ярославль, 1956. С. 12).

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

Сочинения и переводы в стихах Н. Иванчина-Писарева. М., 1819.

203. Вместе с тремя др. ст-ниями под общим загл. «Песенки». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) по 1882 г. В пении варьировалось (см., напр., РП-ХІХ в. С. 404). Муз. романса «Тебя ль забыть...» написал И. Васильев. Исполнялась им в цыг. хоре.

204. В цикле «Песенки». В пес.— с 1830-х гг. («Новейший рос. пес. ...». Спб., 1836) до 1876 г.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л. 1957 (Б-ка поэта, БС).

205. «Соревнователь». 1820, ч. 9, № 2, под загл. «Элегия». - - СО. 1826, ч. 70, № 21. Посвящено В. Кучиной, дальней родственнице Баратынского (первая любовь поэта). Муз. Бегичевой, Гродзкого, Стрѳка, Егорова, Н. С. Титова (попул. был последний романс).

206. «Соревнователь». 1821, № 2, вместе со ст-нием «Нет, не бывать тому, что было прежде...», под общим загл. «Элегии», подпись: **. В изд. 1957 г. ошибочно указан источник текста: Стихотворения. М., 1827 (см.: Стихотворения. М., 1835). В пес.— с 1830-х гг. (СП. Ч. 1). Муз. Глинки (дуэт. 1825, изд. Спб., 1854, «Элегия»). Позже романсы писали также Дюбюк и др. (5 композ.) Упоминается: Островский, «Бесприданница», д. 2, явл. 3 (поет Лариса); д. 3, явл. II (поют Лариса и Илья); Чехов, «Леший». Посвящено В. Кучиной (см. примеч. 205).

207. СО. 1821, № 7, под загл. «Рус. песня». В пес.— с 1820-х гг. (НС) до 1905 г.

208. НЛ. 1823, кн. 6, под загл. «Хлое». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1916 г. В посмертных изд. связывается с С. Д. Пономаревой, чей салон Баратынский посещал вместе с Дельвигом.

П. А. КАТЕНИН

Катенин П. А. Избранные произведения. Л., 1965 (Б-ка поэта, БС).

209. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Т. 6. Перевод фр. рев. песни «Veillons au salut de L'Empire», написанной офицером Рейнской армии Адрианом Симоном Буа (1791). Пелось на мелодию романса Далеярака из комич. оперы «Рено д'Аст» (ноты в кн.: Радиге А. Фр. музыканты эпохи Великой фр. революции. М., 1934. С. 93). Была попул. в декабристской среде задолго до восстания и после него (см.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909. С. 151).

210. Невский альманах на 1830 год, под загл. «Песня». В пес.— с 1830-х гг. (НСРП. Ч. 2) до 1868 г.

С. Т. АКСАКОВ

211. ВЕ. 1821, № 14. В пес.— с 1830-х гг. (ПДРТ) до 1910 г. Фольклориз. вар. («Ехали казаки (солдаты) со службы домой...», «Один из казаков, наездник лихой...») записывались неоднократно; в них иногда жена не изменяет, а лишь оклеветана (см., напр.: Чернышев. С. 51, 158; Соколовы. С. 496; Баранов. Т. 2. С. 84; Померанцева-1957. С. 245; Рус. баллада, № 331). С нотами: Гиппиус; Аксюк. Вып. 1, № 74, 75; Родные напевы <...> Вып. 1. Сост. А. И. Лазарев. Нотная запись В. Хоменко. Челябинск, 1963. См. также т. 2. № 751 и примеч.

В. ГОЛОВИН

212. ВЕ. 1821, № 15, вместе со ст-нием С. Н. «Тоска души осиротелой...», под общим загл. «Две песни». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа», 1828) до 1916 г. О попул. см.: Трубицын. С. 262. «При долинушке стояла...» — вар. народной песни «При долинушке калинушка стоит...». Зачином напоминает народную песню «Рано солнышко играет».

П. М. КУДРЯШОВ

213. ВЕ. 1822, № 9, подпись: Птр Кдршв. В пес.— с 1830-х гг. (НСРП. Ч. 1) до 1859 г. «Ты проходишь, дорогая, <мимо кельи>...» — попул. песня XVIII в. (см. № 106, 117).

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956.

214. «Русский инвалид». 1822, 17 января. В пес.— с конца XIX в. («Привет Москве». Спб., 1892). Включалось в нот. сб. народных песен (Песни сибирских казаков. Вып. 1. Пг., 1916). Вошло в лубок (Клепиков. С. 189). Пес. вар. см. т. 2, № 753. С нотами: Хоры и народные

песни на слова поэтов-декабристов. М.; Л., 1950. Упоминается: К. Федин, «Необыкновенное лето». Муханов П. А. (1799? — 1854) — писатель, офицер Измайловского полка, декабрист, друг Рыльева.

215. РС. 1861, № 4. В пес. — с нач. XX в. («Новейший сб. песен. Бродяга». М., 1911). Муз. П. Богданова.

216. ПЗ, 1825. В пес. — с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831). Муз. Грачева. В автографе после 2-й строфы еще одна, не вошедшая в жур. публ. и в последующие публ., а также в романс (см.: ЛН. Т. 59. С. 123). Б(естуже)в-Марлинский А. А. — см. с. 460.

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ И К. Ф. РЫЛЕЕВ

Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).

217. ПЗ. 1859, кн. 5, в контаминации с др. песней («Ты скажи, говори...») и концовкой из двенадцати ст., принадлежащих Пушкину («Как в ненастные дни...», эпиграф к гл. I «Пиковой дамы»). Контаминация произошла в устном исполнении, до выхода в свет «Пиковой дамы», и удержалась в быту и позже. Запись напева: Глумов А. Муз. мир Пушкина. М.; Л., 1950. С. 158. В списке Е. С. Ростопчиной есть концовка, отсутствующая в остальных:

К островам, к островам
Братцы!
Кинем в рожу попам
Святцы!

(«Недра». М., 1925. Кн. 6. С. 207). А. М. Новикова считает вопрос об авторстве нерешенным и вслед за Н. Котляревским и В. Масловым предполагает, что автором песни был А. С. Пушкин, относя время создания к 1821—1822 гг. (Новикова-МОПИ. С. 21, 23—24.). *Pucelle* — «La Pucelle d'Orléans» («Орлеанская девиственница») — поэма Вольтера. *Князь-чудодей* — Константин Павлович, командующий войсками на землях Царства Польского. *Булгарин* Ф. В. (1789—1859) — реакционный писатель. *Танга* — прозвище тетки жены Булгарина. *Магницкий* — см. с. 162. *Мордвинов* Н. С. (1754—1845) — политический деятель, намечавшийся декабристами в состав временного правительства. *Греч* Н. И. (1787—1867) — реакционный писатель; в 1820 г. был заподозрен в составлении прокламации к солдатам, за что, по слухам, был высечен в полиции. *Сперанский* М. М. (1772—1839) — в начале века известный своей реформаторской деятельностью, после ссылки проникся религиозными настроениями. *Измайлов* А. Е. (1779—1831) — писатель, издатель журнала «Благонамеренный».

218. ПЗ. 1859, кн. 5, в контаминации с песней «Ах, где те острова...» без последних шести ст. (см. примеч. к предыдущему ст-нию). Полностью: ПСС Рыльева. Лейпциг, 1861. Более поздняя ред.: список Е. С. Ростопчиной («Недра». М., 1925. Кн. 6. С. 208). В песне имеются в виду дворцовые перевороты 1762 г. (убийство Петра III) и 1801 г. (убийство Павла I). В списке Ростопчиной содержание приурочено к волнениям в Семеновском полку (1820 г.) или, возможно,

содержит намек на события 14 дек. 1825 г. (казарма Московского полка выходила воротами на Фонтанку). *Как капралы Петра* и т. д. — намек на убийство Петра III. *А жена пред дворцом* и т. д. Екатерина II возглавила дворцовый переворот. *Курносый злодей* — Павел I. В последней строфе — намек на убийство Павла.

219. ПЗ. 1859, кн. 5, с сокращениями (7 стрóf из 18) и искажениями. Неполная копия с автографа (14 стрóf): Бороздин А. К. Из писем и показаний декабристов. Спб., 1906. С. 195. Полный (сводный) текст: ЛН. Т. 59. 1954. С. 97. Список, отличный от публикуемого, — запись М. А. Бестужева; там же. С. 90. Вар.: Новикова-МОПИ. С. 39—41. Начальные ст. указывают на связь с попул. песней Нелединского-Мелецкого (см. № 60). Как и последняя, исполнялась на напев укр. песни «Ой гай, гай, гай, гай зелененький...». Позднейшую муз. запись см.: Глумов А. Н. Рев. песни декабристов — СМ., 1950, № 12; Хоры и народные песни на слова поэтов-декабристов. М.; Л., 1950; *Синюха* — денежный знак стоимостью 5 руб. *А под царским орлом*. Имеется в виду трактирная вывеска, украшенная гербом (двуглавым орлом).

220. ПЗ. 1859, кн. 5, с искажениями и сокращениями. Полный (сводный) текст: ЛН. Т. 59. 1954. С. 79. В «Записках декабриста» Д. И. Завалишина (Спб., 1906. С. 50) ст. 2: «Носит мундир прусский». Вар.: Орлов В. Декабристы. Л., 1951. С. 671—672. Начало песни неточно цитирует А. О. Смирнова-Россет как песню, которую «всякий раз бывало» напевал Пушкин во время прогулок в Царском Селе в 1831 г. (Дневник Я. П. Полонского от 27 ноября 1855 г. // «Голос минувшего». 1917, кн. 11—12. С. 156; ср. вар. песни: Смирнова А. О. Автобиография. М., 1931. С. 208). А. М. Новикова необдуманно называет автором песни Пушкина (Новикова-МОПИ. С. 16), а время издания песни относит к 1819—1821 гг. (Там же. С. 15). Песня исполнялась на мелодию комич. дуэта «Як при́хав жовнір...» из оперы-водевиля Н. П. Семенова «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме» (1817). Напев см.: Глумов А. Н. Рев. песни декабристов // СМ. 1950, № 12 и в кн.: Глумов А. Н. Муз. мир Пушкина. М., 1961. С. 161. Об исполнении песен на лит. вечерах см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 354. *Князь Волконский* — П. М. Волконский, генерал-адъютант, начальник Главного штаба. *Губернатор в Або* — А. А. Закревский. *Потапов дурный* — А. Н. Потапов, дежурный генерал Главного штаба с 30 авг. 1823 г.

221. Рус. потаенная лит. XIX столетия. Лондон, 1861, под загл. «Пропущенное ст-ние Рылеева». Образец — народная песня. Ст. 1 и два последних ст. — цитаты из подлинных подблюдных песен, концовка — традиционная для многих из них. В одной из народных песен — «Несет кузнец три молота» (Сахаров. Ч. 1). Исполнялось на напев из сб. Львова—Прача (Попова. Т. 3. С. 182; см.: Львов—Прач. Раздел «Песни святошные», № 2). Позднейшую муз. запись см.: Глумов А. Н. Рев. песни декабристов // СМ. 1950, № 12 (текст — с разночтениями). Свидетельство о популярности: воспоминания Е. И. Якушкина, сына декабриста И. А. Якушкина (Сб. «XIX век». М., 1872. Кн. 1. С. 354). Входило в цикл из семи «Подблюдных песен», написанных, вероятно, в основном одним Бестужевым-Марлинским. Тексты др. «Подблюдных песен» см.: Бестужев-Марлинский А. А. Ст-ния. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС). Совместно с Рылеевым, кроме пуб-

ликуемой, им была создана песня «Вдоль Фонтанки-реки...» (автором последней А. М. Новикова считает одного Бестужева — см.: Новикова-МОПИ. С. 34—35). Подблюдные песни — народные песни, исполнявшиеся вечером под Новый год и сопровождавшие гадания: кольца, перстни, серьги и т. п. клали на блюдо или в тарелку, покрывали платком или салфеткой и под песню выбирали их; по содержанию песни загадывали судьбу владельца предмета. *Слава!* — традиционный припев, при котором обычно все вздымали руки.

Ф. Н. ГЛИНКА

Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957 (Б-ка поэта, БС).

222. НЛ. № 9. В пес.— с 1830-х гг. (СП. 1830, ч. 1) до 1916 г. Подзаг. «с богемского» указывает на возможный пер. с чешского (источник не установлен).

223. «Сев. пчела». 1825, 20 июня. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831) до 1873 г. Проникло в лубок (Клепиков. С. 44). Попул. песней стала вторая половина ст-ния (со ст. «И мчится тройка удалая...», с вар.: «И мчится тройка почтовая...»). Однако встречаются пес. вар. и с зачином «Свеча, чуть теплясь, догорала...» (Лаговский, № 75, 76). Вызвало подражания (цикл «Тройки» Н. Анордиста — см. С. 534). Эпиграф — из ст-ния Державина «Арфа» (1808).

224. «Рус. альманах на 1832—1833 г.», с примеч. «Сия песня, сделавшаяся народной, в первоначальном своем виде составляла часть ст-ния Ф. Н. Глинка «Сон русского на чужбине». Она не была напечатана особо, и оттого ее пели с разными изменениями. Здесь помещается она по желанию самого сочинителя *так точно*, как вышла из-под изящного его пера». Однако и авторская ред. «Тройки» отличается от первоначальной ред. В пес. печаталась наряду с полной ред. ст-ния «Сон русского на чужбине» до 1873 г., а со 2-й пол. 1870-х гг.— только в краткой, с вар., иногда в контаминации со ст-нием Анордиста «Гремит звонок, и тройка мчится...» (см. № 415). Муз. Верстовского (М., ц. р. 1828, «Колокольчик»). На муз. положили также Рупин (Спб., 1831), Виельгорский (Спб., ц. р. 1852, «Колокольчик»), Направник (вок. квартет), Пригожий (М., 1897, «Тройка»). Включалось в нот. сб. народных песен («Рус. народная песня». М., 1936; Гилпиус; Хоры и народные песни на слова поэтов-декабристов... М.; Л., 1950). Ст. 1 в пении иногда: «Вот мчится тройка почтовая...» (не смешивать с др. песней с таким же зачином др. содержания неизв. автора — см. т. 2. № 755). Ст. 2 в пении: «Вдоль по дороге (дорожке) столбовой».

225. «Венера на 1831 год». М., 1831. Ч. 1, без подписи. В пес.— с 1850-х гг. (ЗРЦП). В некоторых пес. приписывается К. Рылеву или А. Полежаеву; иногда как «народная песня». Проникло в лубок (Клепиков. С. 186). Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. народная песня. М., 1936). См. также: «Хоры и народные песни на слова поэтов-декабристов...» М.; Л., 1950; Попова. Вып. 3. С. 186. Известны переработки на болг. яз. (Кауфман. С. 97, 452). Поется без последних четырех строф с незнач. вар. в остальных. *Заневские башни* — башни Петропавловской крепости.

226. «Невский альманах на 1827 год». Включалось в многие нот. сб. народных песен (см.: Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). В пении текст — с вар. (Чернышев. С. 93). Ст. 1—2 поются:

Над серебряной рекой,
На желтом песочке.

Либо: На серебряных волнах,
На желтых песочках.

Ст. 1 иногда: «На серебряной волне (реке)», «Под серебряной луной», Упоминается: Якубович. Т. 1. С. 99, 256.

227. «Москвитянин». 1840. Муз. Брянского (Спб., ц. р. 1892, «Город чудный»), Зайцева (Спб., ц. р. 1880), Ребикова, Чеснокова и др.

Н. М. ЯЗЫКОВ

Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1964 (Б-ка поэта, БС).

228. Стихотворения. Спб., 1833, датировано: «1824 г., Д(ерпт)». Датируется по списку, хранящемуся в РО ИРЛИ. В пес.— с 1830-х гг. («Новейший рос. пес. ...». Спб., 1836) до 1886 г. Муз. Альбрехта (хор, 1879), Главача. С муз. неизв. автора было популярно в студенч. среде (СтП).

229. ПЗ. 1859, кн. 5, с искажениями. - - Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934 (по автографу). Пародия на «Народный гимн» Жуковского, популярная в студенч. среде.

230. Стихотворения. Спб., 1833, датировано: «1827, Д(ерпт)». В пес.— с 1830-х гг. («Новейший рос. пес. ...». Спб., 1836) до 1915 г. Муз. Алябьева (сб. «Застольные рус. песни». М., 1839), Даргомыжского (трио или трехголосый хор, последний был впоследствии использован композитором в «Русалке»: хор. из 1 д. «Ах ты, поле мое, поле...»). Муз. писали также Воротников, Главач, Н. Макаров и др. композ. Популярная в студенч. среде песня (см., напр., СтП) — устный вар. текста Языкова и мелодии Алябьева. В пении 3-я строфа опускается, последняя изменена (РП-ХІХ. С. 411).

231. «Денница», под загл. «Прощальная песня», подпись: *, др. ред. - - Ст-ния. Спб., 1833. С нотами (конец 1820-х гг., из альбома А. А. Воейковой), под загл. «Завещание»: СтП.

232. Стихотворения. Спб., 1833, датировано: «1829, Д(ерпт)». В пес.— с 1850-х гг. («Собр. лучших песен, баллад и романсов». М., 1859. Ч. 1) до 1886 г. С нотами, под загл. «Марья Петровна»: СтП.

233. «Денница». В пес.— с 1830-х гг. (СП. 1830, ч. 1), иногда под загл. «Моряки» — до 1914 г. Муз. Вильбоа (Спб., 1853 «Моряки», дуэт), Воротникова, Направника (мужской хор) и др. (7 композ.). Попул. мелодия — устный вар. муз. Вильбоа (Житомирский. С. 10); на эту мелодию исполнялись также некоторые рев. песни 1860—

1870-х гг. (Друскин. С. 148—150). Включалось в нот. сб. народных песен: Рус. народная песня. М., 1936; Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937; Гиппиус; Песни из репертуара старых большевиков Ленинграда. Л., 1963 (под загл. «Моряки»). В пении ст. 12: «И поборемся мы с ней»; в последней строфе двустушия меняются, конец изменен: «Нас туда выносят волны, Будем тверды мы душой».

И. И. КОЗЛОВ

Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960 (Б-ка поэта, БС).

234. ПЗ. 1824. Муз. В. Сабуровой (М., ц. р. 1834).

235. СЦ. 1825, под загл. «Good night». Пер. 13-й строфы 1-й песни «Чайльд-Гарольда» Байрона. В пес.— с 1860-х гг. («Новый лучший пес.». М., 1869). В устной традиции, особенно в тюремной среде, пересмыслена (см. т. 2, № 754). Упоминается: Достоевский, «Записки из Мертвого дома»; Вс. Крестовский, «Петербургские трущобы».

236. СЦ. 1825, под загл. «Ирландская песня. Из Мура». Пер. ст-ния Томаса Мура (1779—1852) «As a beam o'er the face of waters may glow...» из цикла «Ирландские мелодии». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1855 г.

237. СЦ. 1826. Пер. ст-ния ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823) «The burial of Sir John Moore». В пес.— с 1870-х гг. («Школьные песни <...>»/Собрали Е. Альбрехт и Н. Вессель. Спб., 1876) до 1916 г. Включалось в нот. сб. для солдат. С муз., восходящей к напеву «Среди долины ровныя...» (см. № 132), вошла в пес. репертуар (мелодия затем легла в основу песни «Замучен тяжелой неволей...»). Ритмико-интонационный строй ст-ния использован и в др. произведениях жанра героического траурного марша конца XIX — нач. XX в. Муз. на ст-ние К. писали также Вильбоа, Ребиков (детский двухголосый хор), Воротников (мужской хор). Джон Мур (1761—1809) — генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном. Упоминается: Гончаров, «Фрегат „Паллада“».

238. Невеста абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона. Перевел с англ. Иван Козлов. Спб., 1826. В пес.— с 1830-х гг. (СП. Ч. 1) до 1859 г. Муз. Алябьева (муз. альбом «Новоселье». М., 1834), Римского-Корсакова и др. (7 композ.). Песня Зюлейки из «Абидосской невесты» Байрона, ч. 1, гл. 10.

239. «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год», ц. р. 21 дек. 1826 г., с подзаг.: «Вольное подражание» - Стихотворения. 1828. Вольный пер. ст-ния Томаса Мура «At the mid hour of night». В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1856 г. Муз. Дерфельдта.

240. СЦ. 1828. Пер. ст-ния Томаса Мура «Those evening bells ...» В пес.— с 1830-х гг. («Лира Граций». 1832). Муз. Алябьева («Сев. певец». М., 1828), Бахметьева, Воротникова, Геништы, Гречанинова, Золотарева (смешанный хор), Монюшко, А. Рахманинова и др.

(15 композ.). Распространенный до наст. времени напев восходит к романсу Алябьева. Большую популярность приобрела обработка Свешникова (А. В. Свешников. Рус. песни... М., 1956). Посвящено Вейдемейер («Вейдемейеровой») Татьяне Сергеевне (ум. 1863), близкому другу семьи Козловых.

241. «Невский альманах на 1829 год». Спб., 1828. Муз. Дерфельдта (Спб., 1857). На муз. положил также Биллинг.

Е. В. АЛАДЬИН

242. «Мои досуги». Спб., 1824. Ч. 1. В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1854 г. Ср. народную песню «Скрылось солнце за горами (горою) ...» (не смешивать с совр. песней «Солнце село за горою дальней...»), которую напоминает лишь начало ст-ния Аладыина.

М. А. ДМИТРИЕВ

243. ПЗ. 1824, вслед за ст-нием «Голова ль моя, головушка...» Дельвига, под общим загл. «Песни». - Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1879 г.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений, Л., 1960 (Б-ка поэта, БС).

244. СЦ. 1827. Муз. Делюсто (Спб., ц. р. 1865). Фольклориз. вар. см.: т. 2, № 756.

245. Денница. Пер. «солдатской песенки» из «Эгмонта» Гёте (д. 1, сц. 3). В пес.— с 1830-х гг. (НСРП. Ч. 2) до 1902 г. Вошло в нот. «Сб. боевых, бытовых, плясовых и солдатских песен. Собрал Г. М. Попов». Харьков, 1888. Датировка — по изд. ст-ний Веневитинова 1933 г. (Б-ка поэта, БС).

246. Стихотворения. М., 1829. Песнь Маргариты из «Фауста» Гете. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831) до 1864 г. Датировка — по изд. ст-ний Веневитинова 1933 г. (Б-ка поэта, БС).

С. П. ШЕВЫРЕВ

247. «Уралия... на 1826 г.». - Ш-1939. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831) по 1870 г., иногда с примеч.: «Песня московских цыган».

248. МВ. 1828, ч. 10, без подписи. - «Эвтерпа». 1831, с подписью. - Ш-1939. В пес.— с 1820-х гг. (НС). Шевырев интересовался бытом цыган, их песнями и плясками, предлагал Верстовскому написать либретто на оперу из цыг. жизни (замысел не был осуществлен).

249. МВ. 1828, ч. 16, без подписи. - - «Эвтерпа». 1831, с подписью, под ошибочным загл.: «Цыганская песня». - - Ш-1939. - - Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972. (Б-ка поэта, БС). *Египтянка* — здесь: цыганка (по ошибочному представлению в XIX в. о происхождении цыган из Египта).

Н. М. КОНШИН

250. «Невский альманах на 1826 год». - - Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС), под загл. «Ария» (по автографу). Печ. по первой публикации, так как этот текст стал песней. В пес.— с 1850-х гг. (КП-М, 1852. Ч. 1). Муз. Гурилева (М., ц. р. 1846, «Цыг. песня»), Альбрехта (хор). Попул. приобрела муз. Гурилева благодаря исполнению хором московских цыган Г. Соколова, включалось в сб. цыг. песен. Упоминается: Тургенев, «Конец Чертопханова».

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

251. [Герцен А. И.]. Тюрьма и ссылка... Лондон, 1854, др. ред. - - Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. 12 (в примеч. Лемке). - - Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 8. Вар.: «Мир божий». 1906, № 2. Воспроизведение по копиям списков, приложенных к донесению А. Х. Бенкендорфу (др. ред.): Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС) как, возможно, коллективное. Датируется по этому изд. Пелось в кружке Герцена—Огарева. Исполнялось хором 8 июля 1834 г., в момент ареста большой группы студентов Московского ун-та на квартире провокатора Скаретки (Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 2, гл. 12). Герцен называет ст-ние «известной песней Соколовского». Иногда приписывается Полежаеву. На следствии Соколовский отрицал свое авторство, заявив, что песню слышал летом 1825 г. Однако это показание, имевшее целью смягчить приговор, не может служить основанием для пересмотра свидетельства Герцена. *Грамотку вручил*. 16 авг. 1823 г. Александр I составил секретный документ о престолонаследии.

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1987. (Б-ка поэта, БС).

252. «Галатей», 1829, № 10. Муз. Огарева (Спб., 1854), Рачинского, Размадзе. Мусоргский использовал текст для арии Мало в незаконч. опере «Саламбо».

253. «Эвтерпа». 1828. В пес.— до 1879 г. Муз. Рупина («Каватина»), Сокальского. См. примеч. 255.

254. Полежаев-1832. После штурма аула Чир-Юрт (19 окт. 1831 г.) Полежаев увидел убитую девушку с перерубленной косой. Эта картина, поразившая воображение поэта, дала повод к ст-нию (Дорожные записки о Кавказе и Северном Дагестане 1851 года Петра Егорова // «Русский инвалид». 1857, № 181. С. 749). Как песня

распространилась среди терских казаков (там же). С нотами: «Сб. кавказских военных песен. Собрал М. П. Колотилин. Тифлис, 1907. № 9).

255. Полежаев-1832, вместе с двумя другими ст-ниями («Зачем задумчивых очей...» и «Там на небе высоко...») под общим загл. «Песни». В пес.— с 1850-х гг. (ПРН. Ч. 1) до 1902 г. Муз. Сокальского (Одесса, ц. р. 1889), В. Соколова (Спб., 1877).

256. «Арфа». М., 1838; одновременно: МН. 1838, кн. 2. В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес. ...». М. 1854. Ч. 2). Муз. Варламова.

257. «Арфа». М., 1838. В пес.— с 1850-х гг. («Новейший пес. ...» Спб., 1853. Ч. 1). Муз. Алябьева (М., ц. р. 1840), Ю. Арнольда (Спб., ц. р. 1840), Бакалейникова, Гурилева (М., ц. р. 1849), Дюбюка (для фортепиано), В. Маркова (для гитары). Попул. приобрел романс Гурилева. Упоминается: Тургенев, «Два приятеля».

258. «Телескоп». 1836. Ч. 33, № 9, под загл. «Песня». В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 2). Муз. Варламова (1838, изд. в 1840 г.), Н. Де-Витте (Спб., 1838), Сокальского, Билибина, В. Маркова (для гитары) и др. Упоминается: Левитов, «Сладкое житье».

В. И. ПАНАЕВ

259. «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 г.» ц. р. 21 дек. 1826. В пес.— с 1830-х гг. («Собр. рус. песен». М., 1839. Ч. 1) Муз. Донаурова. (Спб., ц. р. 1871. «Погоди, моя красавица...») О попул. песни см.: Трубицын. С. 483. *Расшива* — лодка.

П. Г. ОБОДОВСКИЙ

260. «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 г.» (ц. р. 21 дек. 1826). В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1854 г. Муз. Варламова (М., ц. р. 1834). На муз. положили также В. Волков (Спб., ц. р. 1835), В. Соколов.

261. «Невский альманах на 1830 год» (ц. р. 17 сент. 1829). С нотами: там же, приложение (автор муз. М. В. Са...а). В «Муз. альбоме на 1831 г.» автор муз.: С-на. В пес.— с 1830-х гг. (СП. Ч. 1) до 1915 г.

С. Е. РАИЧ

262. «Сев. лира на 1827». (Ц. р. 1 нояб. 1826), подпись: Р. - - «Поэты 1820—1830-х годов». Л., 1972. Т. 2 (Б-ка поэта, БС). В пес.— с 1820-х гг. («Эвтерпа». 1828) до 1854 г. Муз. Н. А. Титова, Ф. Толстого, С. Растроповича. Было популярно до 1880-х гг. По свидетельству Н. В. Гербеля, «облетело всю Россию и еще до сих пор поется иными под аккомпанемент гитары» (Гербель. Изд. 3, С. 179). *Оркова страна* — царство мертвых (Орк, Оркус — в римск. миф. божество смерти). Упоминается: В. Крестовский, «Тьма египетская», гл. 13; Салтыков-Щедрин, «Помпадуры и помпадурши», гл. 9. Указание на

первую публ. в «Справочнике» Г. К. Иванова ошибочно (Иванов. Вып. 1. С. 301) в альм. «Урания» опубликовано другое ст-ние Раича: «Прощальная песнь в кругу друзей».

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972. Т. 1 (Б-ка поэта, БС).

263. СЦ. 1827. В пес.— с 1850-х гг. («Собрание». Ч. 1) до 1891 г. Муз. Бегичевой (М., ц. р. 1873), Бернарда, Кюи, Л. Петрова, Ребикова (хор) и др. (более 10 композ.). Вошло в сб. детских песен Бернарда (Спб., 1872), в сб. «100 хоров», М., 1895, с муз. Ладухина. Ст-ние перекликается с ст-ниями Пушкина («Птичка») и Дельвига («Птичке, выпущенной на волю»). В мемуарах А. О. Смирновой-Россет, приписанное В. И. Туманскому, восторженно прокомментировано и оценено выше «Птички» Пушкина (Автобиография. М., 1931. С. 246).

А. С. ХОМЯКОВ

Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л. 1969 (Б-ка поэта, БС).

264. СРП. Ч. 2. - - «Ермак. Трагедия в пяти действиях». М., 1832. (Песня Софьи из д. 2 трагедии.) Премьера — 15 апр. 1835, исп. с муз. Варламова (изд.: Спб., ц. р. 1839). В партитуре композитора посв. «Г-же Куликовой» (артистке Моск. имп. театров П. И. Орловой). В публ.— переложение, посв. пианисту и композ. А. Гензелову. В пес.— до 1859 г., с нотами: МА-1862.

265. ПСС. М., 1900. Т. 4. Муз. Чайковского (М., ц. р. 1887). Известный романс, сохраняющийся в эстрадном исполнении до наст. времени. Упоминается: Лесков, «Некуда».

В. И. ТУМАНСКИЙ

Туманский В. И. Стихотворения и письма. Спб., 1912.

266. СЦ. 1828 (ц. р. 3 дек. 1827). - - Стихотворения. Спб., 1881, без даты. Муз. Норова («Собр. муз. пьес». Тетр. 5. Спб., ц. р. 1839), Даргомыжского (Спб., 1843, «Голубые глаза»), Иогеля (М., ц. р. 1846, «Голубые глаза»), В. Соколова (Спб., 1856, «Голубые глаза»). Особую попул. приобрел романс Даргомыжского, написанный в нач. 1830-х гг. Адресат ст-ния не установлен.

267. «Утренняя заря на 1839 г.». - - Стихотворения. Спб., 1881, без даты. Муз. Даргомыжского (1839, изд. Спб., 1841, «Одалиска»). На муз. положил также Голеевский. *Гурии* (араб.) — в мусульм. мифологии вечно юные, прекрасные девушки, обитающие в раю и служащие наградой правоверным мусульманам. *Гяур* (араб.) — безбожник, инаковерующий; здесь: русский.

268. Отд. изд. с муз. Осипова. Спб., ц. р. 1843, без 4-х последних ст. -- Браиловский С. Василий Иванович Туманский (...) Спб., 1890 (по автографу). В пес.— с 1850-х гг. (ЗРЦП) до 1908 г. О попул. см.: Ст-ния и письма. Спб., 1912. С. 383 (примеч. С. Н. Браиловского). Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет) (1809—1882) — фрейлина, приятельница Пушкина, Жуковского, Вяземского, Гоголя, адресат ст-ний названных поэтов, а также Лермонтова, Мятлева, Ростопчиной, Хомякова, Соболевского. О «черных, добрых, пронизательных» глазах Смирновой как выразительной черте ее облика писал в некрологе И. С. Аксаков («Русь». 1882, № 37). В мемуарах Смирновой Туманский назван «очень милым поэтом», но ему ошибочно приписано ст-ние Ф. Туманского «Птичка» (Автобиография. М., 1931. С. 246). «Песня» могла быть написана между 1839 г., к которому, вероятно, относится знакомство Туманского со Смирновой, и 1842 г., когда Смирнова уехала в Италию.

Д. П. ОЗНОБИШИН

Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2 (Б-ка поэта, БС).

269. «Альбом сев. муз на 1828 г.». В пес.— с 1860-х гг. (ППМЦ) до 1902 г. Муз. Игнатьева (Спб., ц. р. 1860), Ельховского.

270. МН. 1836, май, кн. 1 (указание в примеч., что ст-ние создано на основе народных преданий, ошибочно). Переложение швед. народной баллады «Harpans Kraft» из сб. «Svenska Folk-visor. Jeifet och Afzelius». Stockholm, 1814—1816 (источник установлен Л. Копаневой, см.: Копанева Л. Н. Две шведские баллады в рус. фольклоре // «Рус. лит-ра». 1984, № 3. С. 169—175). Широко распространенный балладный сюжет в песнях народов Зап. Европы (Перетц В. Н. Совр. народная песня (сравнительные этюды). Спб., 1893. С. 31—33). Пер. Ознобишина, фольклориз., вошел в пес. репертуар (авторство впервые указано в ПиР). Ранняя запись как народной песни — Тихвин, 1853 г. (Лазутин С. Г. Очерки по истории рус. народной песни. Воронеж, 1964. С. 123). В фольклорных сб. — с 1870-х гг. (Студитский). Вар.: Истомин, Дютш («Семейные», № 39, с нотами); Чернышев. С. 58, 164. Включалось в нот. сб. народных песен: Песни донских и кубанских казаков. М., 1937; Рус. нар. песня/Сост. И. Бугославский, И. Шишов. М., 1937; Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937; Народные песни Вологодской обл... М.; Л., 1938; Песни народов Карело-Финской ССР... Сост. В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941; Гиппиус. См. также муз. записи в кн.: Досюльная свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье (...) Собрано В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916 (ноты, № 5); Крестьянское искусство народов СССР. Л., 1927. Т. 1 (нотное приложение к статье З. В. Эвальд, № 2). Записи в качестве народной песни производились и в послевоенные годы (Народные песни Калужской обл. М., 1960, материалы экспедиций 1959—1960 гг. в Костромской обл. — ИРЛИ, РВ; Сто рус. народных песен (...) / Под общей ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970 и др.). В отличие от ст-ния Ознобишина, в народных баладах исчез мотив волшебной бандуры (иногда он заменяется упоминанием о гитаре, прославляющей цыганку), изменен, в соответствии с законом жанра, финал: невеста гибнет, что усиливает балладный мотив предопределения судьбы. См. также: Новикова-1978.

С. 94—104. (Предположение автора, вслед за Перетцом, что источником песни могли быть немецкая, датская или сербо-лужицкая песни, не подтвердилось.) Ст. 1 в пении: «По Дону гуляет казак молодой...», «Не по Дону гуляет...», «Округ Дону гуляет...» и т. п.; иногда с др. зачином: «Гуляет молодчик в зеленом саду...». Послужила образцом для новой народной песни «Гулял по Уралу Чапаев-герой...».

М. Н. ЗАГОСКИН

271. Либретто оперы Верстовского «Пан Твардовский». М., ц. р. 1828 (по мотивам польских народных легенд). Премьера состоялась 24 мая 1828 г. в Большом театре в Москве. Песня Гикши (для солиста с хором) с успехом исполнена А. О. Бантышевым и вошла в реп. цыг. хоров, с муз. Верстовского приобрела широкую известность. На муз. положил также Жучковский (ЛИА на 1832 г., Спб., ц. р. 1831). В многочисл. пес.— с 1829 по 1913 г.; включалась в нот. сб. народных песен («Сб. избр. песен для солдатского хорового пения. Собрал <...> П. Ф. Егоров». Екатеринослав, 1893, № 40; сб. неоднократно переиздавался).

Н. А. КАШИНЦОВ

272. Отд. изд. с муз. Алябьева. М., ц. р. 23 февр. 1828 г. («Прощание с соловьем»). - - Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931 (без указ. автора). Возможно, посвящено Кашинцовым отъезжавшему в сибирскую ссылку композитору. В донесении Бенкендорфу из Москвы (16 марта 1828 г.) сообщалось, что романс произвел фурор, о чем Бенкендорф доложил Николаю I (26 марта). Н. И. Лорер, процитировав текст, относит исполнение романса к июлю 1826 г.: «В Большом театре милая, любезнейшая женщина и знаменитая певица М(адам) Зонтаг с большим выражением и чувством пропела романс, который, намекая на нашу ссылку, произвел фурор в публике и дошел даже до Сибири <...> Говорят, что многим женщинам и знакомым ссыльных сделалось дурно, и весь театр рыдал <...> В то время, когда театр с восторгом аплодировал знаменитой певице <...> восемь фельдъегерских троек и восемь жандармов выезжали из крепости и понеслись по тракту в Сибирь» (Лорер Н. И. Записки декабриста. Изд. 2. Иркутск, 1984. С. 111—112). Лорер ошибся, отнес концерт Г. Зонтаг к 1826 г., а не к 1830 г., когда певица приезжала в Петербург, где исполняла не этот романс, а «Соловья» Дельвига—Алябьева (Муз. энциклопедия. М., 1974. С. 474). Но воспоминание Лорера свидетельствует, что в сознании декабристов романс связывался с их судьбой и был популярен в годы их сибирской ссылки. Не исключено, что ст-ние Кашинцовым было написано раньше в связи со ссылкой Пушкина («веселый край» в большей степени относим к югу, чем к Сибири), но приурочен к ссылке Алябьева, который положил текст на муз. перед отъездом в Тобольск. Позднее композитор переложил романс для хора и оркестровал аккомпанемент. Романс переложен также Ф. Самариным (дует с хором и симфонич. оркестром). Текст иногда приписывался Дельвигу («С.-Петербургские ведомости», 4 февр. 1877 г.; Глузов А. Н. Муз. мир Пушкина. М.; Л., 1950). Зонтаг Г.-В., в зам. Росси (1806—1854) — нем. певица (колоратурное сопрано), встретившая горячий прием в России.

Ф. АЛЕРСЦЕВ

273. Отд. изд. «Эвтерпа». 1828. В пес.— до 1876 г.

И. И. ВЕТТЕР

274. Отд. изд. «Сев. певец». М., ц. р. 4 нояб. 1829, с муз. Алябьева (текст датирован — 1828 г.). О романсе см.: Штейнпресс Б. Страницы из жизни А. А. Алябьева. М., 1956. С. 86—88. Вошло в сб. «Песни сибирских казаков». Пг., 1916. Вып. 1.

Д. В. РАЕВСКИЙ

275. «Енисейский альманах на 1828 год». Одновременно с муз. Алябьева: М., ц. р. 1828, «Живой мертвец». В пес.— с 1830-х гг. («Лира граций». 1832) до 1868 г.

Б. М. ФЕДОРОВ

276. «Эвтерпа». 1828. В пес.— до 1863 г.

277. СО. 1829. Т. 6, № 34. В пес.— с 1830-х гг. (КП-1835. Ч. 3).

С. Г. ГОЛИЦЫН

278. ЛА-1829, с муз. Глинки (соч. 1827 или 1828). В пес.— с 1860-х гг. («Петербургский певец». Спб., 1864). На муз. положил также Варламов (М., 1840, дуэт).

279. Альм. «Новоселье». Спб., 1834. Ч. 2. С муз. Глинки: отд. нот. изд. Спб., ц. р. 1843. Пер. ст-ния Мицкевича. Исполнял сам композ. 21 апр. 1849 г. на муз.-лит. вечере у С. Дурова и А. Пальма (членов кружка Петрашевского) в присутствии Достоевского. См.: Глинка. Записки. Л., 1953. С. 207—208; Ковалевский П. М. Стихи и воспоминания. Спб., 1912. С. 216—217 (текст с вар.). Муз. при жизни поэта написали также Ф. Владимиров, Дюбюк, Направник. Цитируется: Достоевский, «Вечный муж», гл. 12 (описание исполнения Вельчаниновым и воспоминание об исполнении Глинкой).

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

280. «Альбом сев. муз. на 1828 год». М., 1828. В пес.— с 1830-х гг. («Эвтерпа». 1831).

281. Повести и мелкие соч. М., 1837. Ч. 2. В пес.— с 1850-х гг. (ПРН. Ч. 1) до 1915 г.

М. Л. ЯКОВЛЕВ

282. «Памятник отеч. муз. на 1828 год», с посвящением А. Г *...ой. В пес.— с 1820-х гг. (НС) до 1859 г. Зачин, возможно, по ассоциации с народной песней «Солнце красное, оставь ты небеса...».

283. Отд. нот изд. Спб.: Изд. Л. Снегирева, 1839, без имени автора текста, с муз. Рупини, посвящено композ. А. С. Сушинской. В изд. М., 1842 посвящено А.А. Струйской. В пес.— с конца 1850-х гг. до 1903 г. Фольклориз. вар. см.: Бацер, Рабинович. Вып. 2. Алфавитный указатель. Настоящий романс не смешивать с др.: «Кого-то нет, кого-то жаль, Не знал я бед, пришла печаль...», текст и муз. неизвестных авторов (Спб.; изд. Бернارد. 1851).

Ф. Н. СЛЕПУШКИН

284. «Досуги сельского жителя». Спб., 1828. В пес.— с 1830-х гг. (ПДРП) до 1855 г. Подзагол., возможно, указывает на народную песню «Горит в избе лучинушка...».

М. Д. СУХАНОВ

Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайлы Суханова. Спб., 1828.

285. В пес.— с 1820-х гг. (НСРП) до 1915 г. Ср. народную песню с таким же зачином: Рус. народные песни Карельского Поморья. Л., 1971, № 120.

286. В пес.— с 1830-х гг. (СП. Ч. 1). Ср. народную песню с таким же зачином: Рубцов Ф. А. Народные песни Ленинградской обл. М., 1958, № 49.

Н. Г. ЦЫГАНОВ

287. МВ. 1828, ч. 11, без подписи, вместе с «Ах, туманы вы, туманушки...» и «Ах, спасибо же тебе...» (под общим загл. «Три русские песни» и с примеч.: «Мы сими песнями обязаны одному из артистов нашего театра Н. Г. Цыганову. Кажется, они не были еще нигде напечатаны, по крайней мере две последние». - - Ц.-1834, с вар. В пес.— с 1820-х гг. (НС) до 1913 г. Ср. народную песню с таким же и сходным зачином (Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). Упоминается: Загоскин, «Юрий Милославский».

288. «Комета». М., 1830, под загл. «Песня», подпись: Ц. - - Ц.-1834. В пес.— с 1840-х гг. (КП. Спб., 1841). Муз. Варламова (М., ц. р. 1842, дуэт). Приписывалась Д. Н. Цертелеву (Трубицын. С. 339, 473). А. О. Бантышев исполнял песню на собственную муз. Позднее на муз. положили Брызгалов, Евгеньев.

289. «Комета». М., 1830, подпись: Ц. В пес.— с 1840-х гг. (КП. Спб., 1841) до 1897 г. Приписывалось Д. Н. Цертелеву (Трубицын. С. 339, 473). Зачин напоминает народные песни «Не сокол летит по улице...», «Не сокол по полю летает...» и т. п.

290. «Молва». 1832, 25 марта, под загл. «Рус. песня», подпись: Ц.-в. - - Ц.-1834. В пес.— с 1830-х гг. (ПНП. Ч. 11), иногда с примеч.:

«Песня сия весьма употребительна по прекрасному своему голосу» (Трубицын. С. 51). Образец — народная песня с таким же зачином (Кашин. Кн. 1). Включалось в многие нот. сб. народных песен (см.: Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель). На муз. положили В. Соколов (хор), Чайковский (хор).

291. «Молва». 1832, 20 мая, подпись: Цгнв. - - Ц-1834. В пес.— с 1830-х гг. (ПНП. Ч. 11) до 1859 г.

292. «Молва». 1832, 22 июля, под загл. «Рус. песня», подпись: ЦГНВ. - - Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 2). Муз. Дюбюка (М., ц. р. 1846), Н. Титова, С. Рахманинова (хор), Ребикова, Шефера. Записывалась как «народная песня». Ср. народную песню со сходным зачином: «Что ты, соловушка, невесел сидишь...». В пении ст. 1: «Что же ты, соловьюшко...»

293. «Молва». 1833, 13 июня, под загл. «Рус. песня». Одновременно с муз. Варламова: МА-1833. - - Ц-1834. В пес.— с 1830-х гг. (КП. Слб., 1838. Кн. 3). Ср. народную песню «Ох, да болит, болит сердечко...». С вар. («Ох, болит! Что болит?..») исполнялась в цыг. хорах («Цыг. табор». М., 1882. № 67).

294. МА-1833, с муз. Варламова (трио). В Ц-1834 не вошло. Навеяно многочисленными народными песнями со сходным зачином. Ср. обработку Варламовым песни «Молодка, молодка молодая...» (Варламов А. Романсы и песни. М., 1976. Т. 4).

295. МА-1833, с муз. Варламова. - - Ц-1834. В пес.— с 1830-х гг. (КП. Слб., 1835. Ч. 3). Проникло в лубок (Клепиков. С. 186). Включалось в нот. сб. народных песен («Рус. народные песни». Сб. 3. М.; Л., 1937; Гиппиус и др.). Пользовалось «мировой известностью» (Асафьев Б. В. Избр. труды. М., 1954. Т. 2. С. 83). В воспоминаниях П. К. Мартынова («Из записной книжки» // «Истор. вестник». 1884, № 9. С. 558) первое исполнение относится к 1832 г. Упоминается: Боборыкин, «В путь-дорогу»; Голсуорси, «Сага о Форсайтах».

296. МА-1833, с муз. Варламова. - - Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1). Включалось в нот. сб. народных песен (Бернард, Гурилев). Только первой строфой напоминает народную песню со сходным зачином (Львов — Прач. Изд. 2, «Песни протяжные»; Рупин. Тетр. 1).

297. «Эолова арфа». М., 1834, с муз. Варламова. - - Ц-1834. В пес.— с 1840-х гг. (КП. М., 1842. Ч. 1). На муз. положил также Дюбюк (М., 1846). Входило в репертуар хоров И. Молчанова, Г. Соколова, М. Молодцова.

298. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 2) до 1894 г. Муз. Варламова. Вошло в нот. сб. народных песен (Воротников. Ч. 3).

299. Ц-1834. Муз. Чайковского (М., ц. р. 1894, хор). Ср. народную песню «Без поры-то да было безо время...» (Песни Печоры. М.; Л., 1963). *Некошной — негодный, хилый.*

300. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1913 г. Муз. Воротникова (хор), В. Соколова и др. (6 композ.). Включено в нот. сб.

народных песен (Вессель и Альбрехт), в сб. детских песен (с муз. Брянского).

301. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 1). Фольклорный источник — плясовая песня с таким же зачином (Кашин. Кн. 3; Бернард, Прокунин и др.), встречающаяся в пес. с 1770-х гг. (Чулков. Ч. 1). Ст. 1 в пении иногда: «Я посею (ли) (вар.: посеяла) млада, молоденька...» (вар.: молода, младенька). Фольк. ист. упоминается: Тургенев, «Певцы».

302. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 2). *Семик* — седьмой четверг после пасхи, народный обрядовый праздник, во время которого наряжали березку, водили хороводы и пели так называемые «семиковые» песни.

303. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1916 г.

304. Ц-1834. В пес.— с нач. XX в. («Ванька Ключник. Новый пес.». М., 1911). Муз. Дюбюка (М., ц. р. 1868). Песня Маши вошла в народный песенный репертуар (вар.: Киреевский. НС. Вып. 2, ч. 2).

305. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 2). Муз. Зиринга, Черткова. Зачин второй части — из более ранней песни (ЖОМ. № 3).

306. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. Указание на первую публикацию — ПЗ. 1823 — ошибочно (см.: Иванов. Вып. 1. С. 381). В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 2) до 1909 г. Вошло в нот. сб. народных песен (Кашин). Муз. Алябьева (двухголосый хор), исполнено 27 сент. 1839 г. в песе Н. Соколова «Именины секретаря» (Иванов. Вып. 1. С. 380). На муз. положили также В. Соколов и др. композ. Фольклорный источник — песня «Ах ты, ноченька, ночка темная...», встречающаяся в пес. с конца XVIII в. («Молодчик». 1790). Приписывалась иногда Кольцову. *Косяцато окошечко* — окно с косяками, в отличие от волокового — с задвижным ставнем. Ст. 19 испр. по «Русским песням Мерзлякова и Цыганова». Слб., 1880, в соответствии с ритмом.

307. Отд. изд. с муз. Дюбюка. М., 1833 (Иванов. Вып. 1. С. 380—381). - - Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1911 г. На муз. положили также Дмитриев, В. Соколов, Усатов, Фитингоф-Шелль. Проникла в лубок (Клепиков. С. 190). Включалось в нот. сб. народных песен (Дюбюк). Известна народная песня с тем же зачином, но другим содержанием (чаще: «Течет речка по песку...»).

308. Ц-1834. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1912 г. Зачин и отд. строфы использовались в тюремных и др. песнях (Студитский; Истомин и Дютш; Чернышев. С. 54; вар. там же. С. 161). О попул. переделок в тюремной среде см.: Максимов С. Ссылные и тюрьма. Спб., 1862. С. 76; Ядринцев. С. 112. Включалось в нот. сб. народных песен (Вессель и Альбрехт; Догадин. Вып. 2; Рус. народные песни. Сб. 3. М; Л., 1937). Ст. 1 иногда: «Сидел ворон на березе...».

309. «Лит. кабинет». М., 1842. Ч. 2, вместе с «Двумя песнями» и стихотворным посвящением автора П. С. Мочалову. В пес.— с 1850-х гг. («Новейший полный рус. пес. ...». М., 1854) до 1874 г., с разночтениями.

310. «Лит. кабинет». М., 1842. Ч. 2, вместе с «Ах, молодость, молодость...» — под общим загл. «Две песни».

311. «Лит. кабинет». М., 1842. Ч. 2, вместе с «Хороша ты, красна девица...» — под общим загл. «Две песни». Первый ст. напоминает народную песню «Ах, молодость моя, молодость...» («Всеобщий пес. ...», М., 1810. Ч. 5). Ср. др. песню «Ах, молодость, молодость...» («Эхо». М., 1838), иногда ошибочно приписываемую Цыганову (Трубицын. С. 264). В «Муз. альбоме на 1833 г.» опубликована песня «Ах ты, молодость...» с муз. Варламова без указания авторства Цыганова. Песню с таким же зачином исполняла цыг. певица Стеша (см. примеч. 23).

А. В. КОЛЬЦОВ

Кольцов А. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1958 (Б-ка поэта, БС).

312. К-1835. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1909 г. Муз. Божановского (Спб., ц. р. 1854), Тидемана.

313. К-1846. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 1). Муз. Мусоргского (Спб., 1883 г., текст сокращен и изменен композ.). На муз. положили также Дюбюк (М., ц. р. 1874), Л. Кавелин. Фольклориз. вар.: Соболевский. Т. 5 (№ 1301). В пес. быту возникло два типа вар.: в стиле городского романса («Против дома сад цветет...», с характерным окончанием: «Ты умрешь, и я умру, Милая, с тобою») и вечериночные, игровые «с поцелуями» (см., напр.: «Рус. фольклор». М.; Л., 1958. Вып. 3. С. 125).

314. ЛГ. 1831, 20 окт., под загл. «Перстень», с письмом Н. В. Станкевича, где Кольцов впервые представлен читателям как «самородный поэт». В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1) до 1908 г. Муз. Петра Булахова (Спб., ц. р. 1854), Гурилева (Спб., ц. р. 1850), Даргомыжского, С. Рахманинова и др. (10 композ.).

315. «Молва». 1835, № 11, вместе с «Песней пахаря» под общим загл. «Ст-ния» и примеч.: «Принадлежит простому рус. мещанину, который занимается ремеслом прасола. Вскоре будет издано собр. его ст-ний. Изд(атель)». В пес.— с 1850-х гг. (КП-1852). Муз. Балакирева (М., ц. р. 1865), А. Абазы, П. Макарова, В. Соколова и др. (10 композ.). Популярный напев, созданный Балакиревым, часто ошибочно приписывается Варламову (последний написал романс на текст А. Тимофеева, начинающийся теми же словами.— см. № 378). Фольклориз. вар.: Вессель и Альбрехт. № 13. Контаминация с песней «Вниз по Волге-реке...»: Жислина С. Рассказы о Толстом. Тула, 1941. С. 144. Проникла в лубок (Клепиков. С. 102). Записывалась как народная песня и в сов. время (Новикова-1982. С. 121).

316. К-1835. В пес.— с 1840-х гг. (Авдеева. Ч. 1) до 1912 г. Муз. при жизни поэта — Варламова (Спб., 1839) и неизв. композ. (1841). На муз. положили также Гурилев, Монюшко, Рубинштейн, В. Соколов и др. (15 композ.). Образец — народная песня «Ты не пой, не пой, соловушек (соловушка)...».

317. К-1835. В пес.— с 1850-х гг. (КП-М., 1852). Муз. при жизни поэта — Ю. Арнольда (Спб., 1840). Позднее на муз. положили Вороников, Гурилев, А. Чесноков, Щербачев и др. (15 композ.). Арнольд написал муз. по совету Белинского (Воспоминания Юрия Арнольда. М., 1892. Вып. 2. С. 212—213). Фольклориз. вар.: Аксюк. Вып. 1 («Уж ты рожь, ты рожь...»).

318. «Сб. на 1838 год». Спб., 1838. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1). При жизни поэта муз. Бернарда (Спб., ц. р. 1838). Муз. писали также Варламов, Дюбюк, А. Рахманинов и мн. др. (25 композ.). Было популярно в качестве городского романса или «цыг. песни». Фольклориз. вар.: «Новый пес. „Красотка моя“». М., 1892. У современных исполнителей популярна с муз. Г. Березовского (1917).

319. ОЗ. 1841, № 4. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1). Муз. Дюбюка (М., 1846). Варламова (ц. р. 1849), Н. Рубинштейна (ц. р. 1849), Н. Соколовского и др. (17 композ.). Свидетельство о попул. в крестьянской среде: Александров В. Деревенское веселье в Вологодской губ. // С. 1864, № 7. С. 184.

320. «Телескоп». 1845, № 3 (полностью). Песней стал публ. фрагмент. Муз. Н. Афанасьева, Мещерякова, В. Соколова и др. (9 композ.). Фольклориз. вар.: Соч. П. И. Якушкина. Спб., 1884. С. 585. Входило в репертуар детских и школьных хоров. Образец — народная песня с таким же зачином (Бацер, Рабинович. Ч. 2. Алфавитный указатель).

321. МН. 1838, № 4, кн. 2, под загл. «Рус. песня». В пес.— с 1850-х гг. (НПРП) до 1913 г. Муз. Ломакина (Спб., ц. р. 1847), Бороздина, Бурнашева, Золотарева, Ипполитова-Иванова, Н. Соколовского, Ребикова и мн. др. (25 композ.). Было популярно в среде полит. ссыльных в 1880-е гг. (Подбельский В. Ист.-лит. сб. М., 1929, № 3. С. 53). Включалось в нот. сб. (Сб. избр. песен для солдатского хорового пения... Собрал... П. Ф. Егоров. Екатеринослав, 1893). В пении иногда контаминировалась с песней «Не шуми ты, рожь...» и с песней Сурикова «В степи» (Аксюк. Вып. 2. С. 228).

322. СО. 1838. № 2. В пес.— с 1850-х гг. («Полный рус. пес.». М., 1859) до 1913 г. Муз. Варламова (Спб., ц. р. 1846), Павла Булахова, Петра Булахова, Дюбюка, В. Соколова и др. (9 композ.). Включалось в нот. сб.: Школьные песни... Собр. Альбрехт и Вессель. Спб., 1876; Рус. народные песни. Сб. 1. М.; Л., 1936. В 1890-е гг. проникло в рабочую среду (Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1934. С. 370). Пес. вар.: Новикова. С. 375; Усов. С. 242. Вошло в репертуар хора Свешникова (Свешников А. С. Рус. народные песни... М., 1956).

323. «Утренняя заря». Спб., 1839. В пес.— с 1850-х гг. (НПРП). Муз. Александра Архангельского, Афанасьева, Воронникова, Дюбюка, Кашперова, Н. Соколова, Лодия (Спб., ц. р. 1854) и др. (13 композ.). Включалось в нот. сб. (Школьные песни... Собр. Альбрехт и Вессель. Спб., 1876). Уточнение датировки: Анненков П. В. Лит. воспоминания. М., 1928. С. 270.

324. МН. 1838. № 5, кн. 2, под загл. «Песня». В пес.— с 1850-х гг.

(НПРП). Муз. при жизни поэта — Романуса (Спб., ц. р. 1840). Позднее муз. писали Павел Булахов, Вильбоа, Золотарев, Н. Рубинштейн и др. (10 композ.). Вар., записанный в 1936 г.: «Рус. фольклор». М.; Л., 1958. Вып. 3. С. 117.

325. ОЗ. 1839, № 3. В пес.— с 1850-х гг.— («Новый рус. пес.». М., 1854. Ч. 2). Муз. при жизни поэта Ю. Арнольда (ц. р. 1839), Де-Витте (Спб., ц. р. 1840). Позднее муз. писали Балакирев, Дюбюк, Бларамберг и др. (13 композ.). Фольклориз. вар.: Бардин. С. 76, среди «свадебных». Проникло в лубок, со значительными изменениями, напр. с заменой последней строфы:

Не тоскуй, милый друг,
Не ломай белых рук,
А прощай — я сажусь (вар.: На коня я сажусь)
И к родимой помчусь

(Клепиков. С. 98—100)

Попул. приобрел романс Балакирева (Спб., ц. р. 1858, «Обойми, поцелуй»).

326. МН. 1839, № 1. В пес.— с 1840-х гг. (Авдеева. Ч. 1) до 1911 г. С 1875 г. в пес. ст. 1: «В поле ветер воет». Муз. Варламова (М., ц. р. 1842), Вильбоа, В. Соколова, Соколовского, Христиановича и др. (14 композ.). Фольклориз. вар.: Мякутин. Т. 3; Песни оренбургского казачества. Оренбург, 1938 (с нотами).

327. ОЗ. 1840, № 1. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 2). Муз. С. Нагаева (при жизни Кольцова), Дюбюка, Климовского, А. Титова. Многократно издавалось в лубке (Клепиков. С. 59), распространялось в грамофонных записях (Сб. либретто для пластинок «Зонофон». Вильно. 1910). С 1840-х гг. распространялось в рукоп. пес. (Тонков В. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество. Воронеж, 1958. С. 410—411, примеч. 552). О судьбе «Хуторка» в конце XIX в. свидетельства противоречивы (ср.: Пругавин А. Песни современной деревни//«Рус. ведомости». 1888, № 21 и Балов. С. 166). Фольклориз. вар.: Соколовы, № 667 (опущены строфы 6, 10—14, 18—20, 23, остальные переделаны). Имеются записи сов. времени: А. М. Новиковой в Курской обл. (1940 г.); экспедицией Ин-та этнографии АН СССР в Волгоградской обл. (1944 г.) и др. (см. также: Воронежские народные песни. Воронеж, 1967; В Урале Русь отражена (...) сост. В. Хоменко. Челябинск, 1971.). Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937; Гиппиус). В пении ст. 1 иногда: «Над рекой, над водой...». Экранизировано (реж. С. Вишнеvский, 1917). Упоминается: Достоевский, «Преступление и наказание».

328. ОЗ. 1841, № 1. В пес.— с 1850-х гг. («Новый полный рус. пес.». М., 1856. Ч. 1.). Муз. Брянского, Бюхнера, Золотарева, Ребикова, В. Соколова, Н. Соколова и др. (16 композ.). Проникло в лубок, с разночтениями (Клепиков. С. 147). Включалось в нот. сб. (Школьные песни... Собр. Вессель и Альбрехт. Спб., 1876). В пении иногда континировалось со ст-ниями Сурикова «Доля бедняка» и Никитина «Песня бобыля» («Песни и сказки на Онежском заводе». Петрозаводск, 1937. С. 77—78).

329. «Утренняя заря». Спб., 1841. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1). Муз. Алябьева (М., ц. р. 1844), Афанасьева, А. Абазы, Бернарда, Дютша, Донаурова, Даргомыжского, Лопатина (Спб., 1842), Ребикова, А. Федорова и др. (31 композ.). Наибольшую популярность приобрел романс Дютша (Спб., ц. р. 1852). Поется с незначит. вар. (см., напр.: Новикова. С. 377).

330. ОЗ. 1840, № 12. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 1). Муз. при жизни поэта — Де-Витте (Спб., 1840). На муз. положили также А. Абаза, Балакирев, Варламов, Золотарев, Кашперов, Римский-Корсаков, Ляпунов, В. Соколов, Щербачев и мн. др. (29 композ.). Особую популярность приобрело в период революции 1905—1907 гг. (Тонков В. А. В. Кольцов. Воронеж, 1958. С. 231).

331. ОЗ. 1840, № 12. В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес. <...>». М., 1854. Ч. 2). Попул. с муз. Гурилева (Спб., 1848). На муз. положили также Ломакин (ц. р. 1842), Ребиков, Христианович.

332. ОЗ. 1841, № 2. В пес.— с 1850-х гг. («Новый полный рус. пес.». М., 1856. Ч. 2). Муз. Гурилева (Спб., ц. р. 1862), Малашкина (Спб., 1875). Оба романса попул. На муз. положили 11 композ., среди них: Ал-др Архангельский, Виардо-Гарсиа, В. Соколов, Христианович. Фольклориз. вар.: Аксюк. Вып. 2 (с нотами).

333. ОЗ. 1843, № 2. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 1). Попул. с муз. Варламова («Нувеллист», 1849). На муз. положили 14 композ., среди них Дюбюк (1846), Балакирев, Дютш, Виардо-Гарсиа, В. Соколов. Фольклориз. вар.: Студитский. С. 18. Исполнялась как вечериночная игровая песня в 1860-е гг. в Пермской губ. Упоминается: Чернышевский, «Что делать», гл. 4, XV (объяснение Веры Павловны и Кирсанова).

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Лермонтов М. Ю. Избр. произведения: В 2-х т. М; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС).

334. «Разные соч. Шиллера в пер. рус. писателей». Спб., 1860. Т. 3. Подражание балладам нем. поэта Ф. Шиллера «Der Taucher» и «Der Handschuh». Последняя позже переведена Жуковским («Кубок», 1831). Муз. Вас. Калининкова (М., 1901). На муз. положили также Лукас, Никольский, Рыбаков (Спб., 1893), Рязанцев, Шенк, Шостакович.

335. «Одесский альманах на 1840 г.» Одесса, 1839. В пес.— с 1860-х гг. (НПП). Муз. Варламова (М., ц. р. 1843), Направника (хор), С. Рахманинова (хор), Ребикова, Римского-Корсакова, Рубинштейна (дуэт), В. Соколова и мн. др. (свыше 50 композ.). Упоминается: Репин, «Далекое — близкое»; А. Толстой, «Хождение по мукам» («Хмурое утро», гл. 16).

336. ОЗ. 1841. Т. 18, № 10. В пес.— с 1860-х гг. (НПП) до 1913 г. Муз. Варламова (1848, изд.: Спб., ц. р. 1861), Маренича, Ребикова, Рубинштейна (квартет, М., ц. р. 1849), Римского-Корсакова, Свиридова, Шебалина и мн. др. (70 композ.). Попул. приобрело с муз. Варла-

мова. Вошло в репертуар хора Свешникова (Рус. народные песни... в обработке А. В. Свешникова... М., 1943. Вып. 1). См. также: «Песни из репертуара старых большевиков». Л., 1963. Датируется по ЛЭ. Упоминается: Чехов, «Свадьба», «Три сестры».

337. «Саратовский листок». 1875, 16 нояб. Муз. Агренева-Славянского (М., ц. р. 1899). На муз. положили также Потоцкий и др. (5 композ.). Фольклориз. вар.: «Ученые записки ин-та яз. и лит-ры». М., 1928. Т. 5. С. 59—60; «Муз. жизнь». 1970, № 15. С. 19. В пении сокращено, изменен конец:

Рыбак, рыбак веселый,
Оставь, оставь меня,

Ты плакать не способен,
Терзаешь ты меня.

338. ОЗ. 1839. Т. 3. № 4. В пес.— с 1850-х гг. (НП. Ч. I) до 1914 г. Муз. Ф. Толстого («Нувеллист». 1845), Виардо-Гарсиа, Кашперова, Рубинштейна (кантата), Огарева и др. (23 композ.).

339. С. 1837. Т. 6, № 2. Муз. Аmani (М., 1901), Алексея Архангельского (М., 1892) и др. (23 композ.). Проникло в лубок (Клепиков. С. 189). Исполнялось как солдатская строевая песня с муз. Брянского (М., ц. р. 1912). С муз. Богданова-Березовского (Л., 1941) вошло в репертуар ансамблей песни и пляски Советской Армии. Кантаты Васильева-Буглая (исполнена по радио 7 нояб. 1942 г.), Стальника (1940). Включалось в нот. сб. народных песен (Гиппиус и др.)

340. «Одесский альманах на 1840 г.». Одесса, 1839. В пес.— с 1850-х гг. (НП. Ч. I) до 1916 г. Муз. Петра Булахова (Спб., ц. р. 1856, «Баллада»), Дерфельдта, П. Макарова, Б. Маркевича, С. Танеева и др. (16 композ.). На текст первой ред. ст-ния («Желание») муз. написали 8 композ., наибольшую попул. приобрел романс Рубинштейна (1850, изд.: Спб., 1857). Фольклориз. вар.: Мякутин. Ч. 4. С. 267. О проникновении в устный репертуар см.: Симакон, С. 107. Получило распространение среди политических заключенных и ссыльных (Максимов С. Сибирь и каторга. Спб., 1871. Ч. 4; приложение «Тюремные песни»). Упоминается: Д. Мамин-Сибиряк, «Золотуха». Известна в Болгарии (Кауфман. С. 296). Исполнялась в представлениях народной драмы «Шайка» (см.: Ончуков Н. Ф. Северные народные драмы. Спб., 1911. С. 106).

341. ОЗ. 1840. Т. 8, № 2. С муз. И. Азаревича — отд. изд. М., ц. р. 1841. В пес.— с 1850-х гг. (НП. Ч. I). По преданию гребенских казаков, Лермонтов слышал песню казачки после битвы при Валерике (Семенов Л. Лермонтов и Толстой. Спб., 1914. С. 119). Приурочение факта опровергается временем публикации ст-ния, но предание ценно как свидетельство связи ст-ния с народной поэзией. Сохранилось известие, что музыку к песне написал и пел ее сам поэт (Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 408). При жизни поэта на муз. положил Н. А. Титов. Популярно с муз. Варламова (М., ц. р. 1842). Муз. также Бахметева, Виардо-Гарсиа, Ю. Голицына, Гречанинова, Мясковского, Направника, Черепнина и мн. др. (около 90 композ.). Фольклориз. вар.: Догадин. Вып. 2, № 68; Боевые песни рус.

солдата (<...>) Собрал Г. М. Попов. Изд. 3. Спб., 1902, № 178; Ельчева, № 111. О бытовании песни в Сибири см.: Виноградов Г. Детский фольклор и быт. Иркутск, 1925. С. 38. В пении ст. I иногда: «Спи, малютка мой прекрасный...».

342. ОЗ. 1839. Т. 6. № 11. В пес.— с 1850-х гг. (ПРН. Ч. I) до 1916 г. (иногда с примеч.: «На мотив: „Среди долины ровныя...“»). При жизни поэта — муз. Гурилева (М., ц. р. 1840, «Утешение»), Н. Титова (Спб., ц. р. 1840), Ф. Толстого (Спб., ц. р. 1840). На муз. положили также Геништа, Петр Булахов, Даргомыжский, Дютш, Ф. Лист, Мусоргский, Направник, Ребиков, С. Танеев и мн. др. (свыше 80 композ.). Но особенно выделяется романс Глинки (Спб., 1855; см.: Глинка в воспом. современников. М., 1955, С. 277—278, 284). Ранее известность приобрело с муз. и в исполнении Ф. М. Толстого. О распространении песни в быту см.: ЛН. 1941. Т. 43—44. С. 356—357. Посвящено М. А. Шербатовой (урожд. Штерич). Упоминается: М. Альбов, «Ряса» (роман).

343. ЛГ. 1840, 20 января. В пес.— с 1880-х гг. («Рус. пес. „В бурю, во грозу...“»). Спб., 1889) до 1912 г. Особенно известны романсы Даргомыжского (1845, изд. в 1847) и попул.— Гурилева («Нувеллист», 1852). На муз. положили более 20 композ.

344. ОЗ. 1840. № 5. Переработка ст-ния австр. поэта-романтика И.-Х. Цедлица (1790—1862) «Das Geisterschiff» (12-я строфа навеяна его же балладой «Ночной смотр» в пер. Жуковского). В. пес.— с 1860-х гг. («Новейший карманный рус. пес. ...»). Спб., 1863). Муз. Г. Базилевского (М., 1905) и др. малоизв. композ. Свидетельство о проникновении в крестьянскую среду: Харузина В. На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890. С. 93. Было попул. в городской среде. Приведены строфы, удержавшиеся в пес. репертуаре.

345. ОЗ. 1842. Т. 20, № 2. С муз. неизв. композ. была попул. в студенческой среде (Аристов. С. 74) и среди заключенных (Белоконский. С. 208—209; см. также: Арефьев В. Несколько тюремных и переселенческих песен//«Енисей». 1898, № 89). На муз. положили также Греков (М., 1891), Свиридов. Включалось в нот. сб. (Рус. народная песня. Сост. С. Бугославский, И. Шишов. М., 1936).

346. Стихотворения М. Лермонтова. Спб., 1840. В пес.— с 1860-х гг. (ППМЦ) до 1879 г. Муз. Виельгорского (1847, изд. в 1851), Даргомыжского (1841—1842, изд. в 1844 г.), Дерфельда, Варламова, Геништы, Огарева, А. Рубинштейна, Римского-Корсакова (женский хор), Кюи (дуэт), Ребикова и мн. др. (40 композ.).

347. ОЗ. 1840. Т. 11, № 7. Вольный пер. ст-ния Гёте «Über allen Gipfeln...» («Wänders Nachtlied»). Муз. при жизни поэта — Н. Елагина (1840), позднее — Варламова (дуэт, М., ц. р. 1842), Ф. Blumenфельда, Ипполитова-Иванова (хор), Метнера, Ребикова, Римского-Корсакова, С. Танеева (дуэт), Н. А. Титова (один из лучших романсов) и мн. др. (более 60 композ.). Попул. дуэт Рубинштейна (1852). Имеется свидетельство А. Григорьева об исп. песни хором московских цыган («Моск. городской листок». 1847. № 43). С успехом исполнялось с муз. Варламова в хоре И. Соколова И. Васильевым и Любашей («Иллюстрация». 1848, № 20. Разд III. Хроника. С. 318).

348. ОЗ. 1843. Т. 27. № 4. В пес.— с 1870-х гг. («Петербургский увеселительный пес. ...». Спб., 1873). Муз. Асафьева, Петра Булахова (М., ц. р. 1854), Вильбоа, Мясковского, Огарева, Свиридова и др. (29 композ.). Попул. с муз. Шашиной (1861). Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. нар. песни. Сб. 3. М.-Л., 1936). Исп. хором Свешникова. О проникновении в народную среду см.: Александров Вл. Деревенское веселье в Вологодском уезде//С. 1864. Т. 7. С. 175; Балов. С. 168; Эртель А. Записки степняка. Спб., 1883. Ч. 1. С. 156; Догадин. С. 69; Симаков. С. 107; Розанов. С. 427. Упоминается: М. Горький, «Дело Артамоновых». Уточнение датировки по ЛЭ. О Е. Шашиной см.: Польская Е., Розенфельд Б. И звезда с звездой говорит. Ставрополь, 1980. С. 142.

349. ОЗ. 1843. Т. 27, № 4. В пес.— с нач. XX в. («Новейший полный пес. ...» Спб., 1907) до 1916 г. Первое упоминание о песне относится к 1870 г. (Засодимский П. «А ей весело — она смеется»). Муз. П. Макарова (1872) и др. (6 композ.). Проникла в лубок (Клепиков. С. 178). Симфонические произведения написали Балакирев, Направник, Фитингоф-Шелль. В основе ст-ния — вар. народной грузинской легенды о царице Дарье (Дареджан).

350. ОЗ. 1843. Т. 27, № 4. В пес.— с 1860-х гг. («Новейший пес. ...» Спб., 1863) до 1917 г. Муз. Балакирева (1903, попул. романс), Василенко, Пригожего, А. Толстой, Пауфлера (Спб., ц. р. 1854) и др. (25 композ.). О бытовании песни см.: Успенский Г. И. Письма из Сербии// Полн. собр. соч. Спб., 1908. Т. 5. С. 659; Симаков. С. 107. Включалась в пес. репертуар народного театра («Народная драма Царь Максимилиан». Тексты собр. Н. Виноградовым//Сб. ОРЯС. Спб., 1914. Т. 90. С. 177).

351. ОЗ. 1843. Т. 28, № 6. В пес.— с 1850-х гг. (НПРП). Муз. Петра Булахова, Б. Голицына, Гурилева (Спб., 1851, «Признание»), Дерфельдта, Мясковского, Н. С. Титова, А. Толстого, Шапорина, Шашиной и мн. др. (свыше 80). Особую популярность в цыг. хорах сер. XIX в. приобрел романс Булахова, а позже — романс А. И. Шишкина (1885) в исполнении Н. Обуховой. Посвящено Е. Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой он встречался летом 1841 г. в Пятигорске. *Подруга юных лет* — В. А. Бахметева (урожденная Лопухина).

А. КОРСАК (А. Я. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ)

352. «Подснежник». 1829. В пес.— с 1840-х гг. (КП-М., 1844). Мелодия возникла в цыг. хоре, аранжирована Глинкой (изд. 1855 г.). Проникло в лубок (Клепиков. С. 149—150). В ст. 21 исправлено по смыслу: с ней вм. с ним.

М. А. БЕСТУЖЕВ

353. С муз. Гурилева — отд. изд. М., ц. р. 1834 (Иванов. Вып. 1, С. 69). - - Собр. ст-ний декабристов. Лейпциг, 1862, под загл. «Песня», дата — 1827, как ст-ние А. А. Бестужева. - - «Былое». 1907, № 8. По воспоминаниям М. Бестужева, создано им под впечатлением разговора с А. И. Тютчевым и впервые исполнено последним в годовщину восстания 14 дек. 1829 г. (или 1830 г.) в каземате Петровского завода (Вос-

поминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 294—295). По свидетельству Семевского, ст-ние Бестужева могло быть исполнено и 29 дек. 1835 г. в связи с десятой годовщиной восстания Черниговского полка (ЛН, Т. 60, кн. 1. М., 1956. С. 270). Исполнялось на мелодию песни Львова «Уж как пал туман...» (см. № 100) в обработке Гурилева (См. также: Гирченко В. Музыка в казематах декабристов в годы сибирской каторги//СМ. 1950, № 3). Проникло в народную среду (Богданова М. Из истории декабристского фольклора//«Енисей». 1956, кн. 17. С. 233—234). Муз. аранжировал А. Богуславский (отд. изд., М., 1925), ошибочно обозначивший автором текста А. Бестужева-Марлинского. *Муравьев идет* — Муравьев-Апостол С. И. (1796—1826), декабрист, подполковник, возглавивший восстание Черниговского полка (29 дек. 1825 — 3 янв. 1826).

А. И. ОДОЕВСКИЙ

354. РБ. 1859, № 16. Муз. декабриста Ф. Ф. Вадковского (ноты по списку И. И. Пущина — ЛН. Т. 60, кн. 1. М., 1956. С. 246—270). По воспоминаниям М. А. Бестужева, исполнено впервые слыльным декабристом А. И. Тютчевым в годовщину восстания 14 дек. 1829 г. (или 1830 г.) в каземате Петровского завода (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 294—295). Пущин относил создание и первое исполнение к 1835 г.

А. А. ВЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).

355. СО. 1830, № 32. Романс героини повести — Ольги. В пес.— в 1850-е гг. (ПРН) Муз. А. Заикина (М., ц. р. 1835), попул. романс Алябьева (М., ц. р. 1836). Муз. писали также Лонгинов, Чернов.

356. МТ. 1832, № 2. Муз. Алябьева («Кавказский певец», М., 1834). «Старинная» кабардинская песня Аммалата из повести «Аммалат-Бек» (поэт Аммалат). Написана под впечатлением ст-ния «Дележ добычи» («Хищники на Чегеме») А. С. Грибоедова. *Уздени* (кумыск.) — феодалы Кабарды и Дагестана.

357. БдЧ. 1836. № 7. Пер. с азербайджанского. В повести ст-ние названо «известной песней» (азербайдж. «Пенджагаря гюн тышты»), которую исполняет Кикчиев. Муз. Алябьева (М., 1836). Известность получил также романс Варламова (Спб., 1844; позднее переложен для дуэта). На муз. положили также Рупин, Черников.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987 (Б-ка поэта, БС).

358. «Телескоп». 1832, № 13. При жизни поэта — с муз. Сабининой (Спб., ц. р. 1861), Бегичевой (М., ц. р. 1873). Позже муз. писали С. Рахманинов (М., 1896), Гречанинов (хор), Золотарев, Ребиков (хор), Н. Соколов, Черепнин и мн. др. (свыше 30 композ.). Особенно популярен поныне романс С. Рахманинова.

359. М. 1850, № 8. В пес.— с 1900-х гг. («Рус. песни». М., 1908. Ч. 4). При жизни поэта — муз. Кушелева-Безбородко (Спб., ц. р. 1857), Кашперова (М., ц. р. 1870). Позже муз. писали Чайковский (М., ц. р. 1881), В. Варгин, Гречанинов, Глиэр, Метнер, Золотарев, Сац, Ребиков (хор), Черепнин, Шефер, Л. Штейнберг и мн. др. (свыше 30 композ.).

360. С. 1854, № 3. Муз. Дюбюка (М., ц. р. 1857), Кочубей (Спб., ц. р. 1861), Лишина, А. Толстой, Эрлангера. Попул. приобрел романс Кочубей. Встречается в пес. («Прощаюсь, ангел мой, с тобою». М., 1908). Ст-ние предположительно посвящено Е. А. Денисьевой (1826—1864), возлюбленной, а затем гражданской жене поэта. В журн. публ. и нот. изд. ст. 13: «И в эти...».

361. «Заря». 1870, № 12, с пометой: Карлсбад. Адресатом ст-ния традиционно считалась А. М. фон Лерхенфельд, в зам. бар. Крюденер (1808—1888). Возможно, обращено к сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер, в зам. Мальтиц (1809—1882) — см. изд. Б-ки поэта, с. 417. При жизни поэта — с муз. Донаурова (М., ц. р. 1871). Известность приобрел романс Шереметева (обработка Спиро: М., ц. р. 1898). Попул. ныне напев, восходящий к муз. Шереметева-Спиро,— муз. ред. И. Козловского (с напева И. М. Москвина).

Е. П. РОСТОПЧИНА

Ростопчина Е. П. Стихотворения. Спб., 1856. Т. 1—2.

362. Стихотворения. Спб., 1841. - - М. 1850, № 16, в составе 9 гл. романа в стихах «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки» (др. ред.). - - Стихотворения. Спб., 1856. Т. 1. Подражание романсу фр. поэтессы Марселины Деборд-Вальмор (1786—1859) «S'il l'avait su!». В пес.— с 1860-х гг. («Новейший пес. ...». Спб., 1863) до 1909 г. Муз. Кочубей (Спб., ц. р. 22 нояб. 1857, вместе с «ответом» на ст-ние — романсом «Скажите ей» на слова Н. А. Долгорукова, исполнявшимся известным певцом Э. Тамберликом). Брат поэтессы напечатал окончательную ред. ст-ния (Соч., Спб., 1890. Т. 1), однако романсом стали две строфы в ред. 1856 г. В 1840-е гг. на муз. ст-ние положили Романус (Спб., ц. р. 1846) и Ромберг (Спб., ц. р. 1843). Муз. написал также Дерфельдт. Упоминается: Лесков, «Некуда», кн. 1, гл. 21. Ст-ние Долгорукова см.: П и Р. С. 1022—1023 (упоминается: Тургенев, «Дым»). *Пашкова Е. П.* (ум. 1854) — двоюродная тетка Ростопчиной.

363. «Утренняя заря на 1840 г.». Спб., 1839, вместе с двумя др. ст-ниями под общим загл. «Опыты простонародных мелодий», подпись: «Г. Е. Р...на». - - Стихотворения. Спб., 1841, вместе с двумя др. ст-ниями под общим загл. «Простонародные песни». В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 1), близкий текст («Дайте крылья мне, дайте волюшку...»), приписываемый иногда Кольцову. Муз. Даргомыжского (Спб., 1851). На муз. положили также Донауров, Кушелев-Безбородко и др. (8 композ.). *Петровское* — парк под Москвой.

364. «Пантеон». 1855, № 3. В пес.— с 1860-х гг. («Новый полный пес.», М., 1869). Муз. Чайковского (1869, изд.: М., ц. р. 1870). На муз.

положил также Дюбюк (1865). *Новосильцова М. А.* (ум. 1880) — подруга Ростопчиной.

Н. Ф. ПАВЛОВ

Павлов Н. Ф. Повести и стихи. М., 1957.

365. «Радуга». 1830, с муз. Верстовского. На муз. положила также Копьева (1838).

366. «Романсы и песни М. Глинки». Спб., 1834, под загл. «Не называй ее небесной». В пес.— с 1860-х гг. (НПП). Основание датировки — свидетельство Глинки (Записки. С. 147). На муз. положили также Даргомыжский (1848), Нагель, Фитингоф-Шелль. Попул. приобрел романс Глинки после исполнения Д. М. Леоновой, для которой был оркестрован композ. Упоминается: Писемский, «Масоны», ч. 1, гл. 2; Маркевич, «Четверть века назад», ч. 1, гл. 22. В пес. нач. XX в. приписывается Ростопчиной.

367. РВ. 1856, № 11, без последних 4 ст. Муз. Глинки (соч. 17 марта 1853, изд.: Спб., ц. р. 7 окт. 1856), Дмитриева, Кузьминского. Глинка писал Кукольнику: «Павлов на коленях вымолил у меня музыку на слова его сочинения; в них обруган свет, значит и публика, что мне зело по нутру» (М. И. Глинка. Лит. наследие. Л.; М., 1953. Т. 2. С. 570).

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

368. Отд. изд. с муз. Алябьева М., ц. р. 1833. В «Справочнике» Г. К. Иванова (Иванов. Вып. 1. С. 69) ошибочно приписана М. А. Бестужеву.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

369. Муромские леса. Повесть в стихах. Соч. Александра Вельмана. М., 1831. (Песня, которую поют разбойники по просьбе героя повести Буринора: «Пой Зореньку, для милого друга.») В пес.— с 1830-х гг. (КП-1838, кн. 2). С муз. Варламова — МА-1833 («Песнь разбойников»), премьера — 26 окт. 1835. На муз. положили также Алябьев (сб. «Кавказский певец». Спб., 1834, ц. р. 1832), Кашин (М., 1835, «Зоренька») и др. (8 композ.). Фольклориз. вар.: в представлении народной драмы «Шлюпка» (Ончуков Н. Е. Сев. народные драмы. Спб., 1911. С. 76); в представлении драмы «Шайка разбойников» (РФ. 1959, вып. 4. С. 370). Проникло в лубок (Клепиков. С. 146). Свидетельства о попул. песни: Белинский В. Г. Лит. мечтания//Полн. собр. соч. Л., 1953. Т. 1. С. 95; Лихонин М. Вельтман и его соч.//МН. 1846, май. Кн. 1. С. 107—108. В сов. время известна в исп. Руслановой («Рус. песни из репертуара Л. Руслановой». М., 1973). Ст. 1 в пении иногда: «Что затуманилась, зоренька ясная...». Кроме этой песни, в «Муромских лесах» есть еще две песни разбойников; одна из них — «Полюбил всей душой...» — также вошла в песенный репертуар (Якуб. С. 88). *Касимов* — город в Рязанской губ. на Оке (в описанное Вельманом время еще не существовал).

370. Отд. изд., с муз. Варламова (М., ц. р. 1839). - - «Пантеон». 1843. На муз. положили также Алябьев («Нувеллист». 1846), В. Соколов. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 1) до 1879 г.

371. «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии при Петре Первом.» М., 1831. Ч. 2. гл. 3. (Песня, которую поет герой повести Новик как «заветную» песню старины.) В пес. — с 1850-х гг. («Новый рус. пес.». М., 1856. Ч. 2) до 1911 г. Муз. Алябьева (М., ц. р. 1834, «Заунывая песня»), Варламова (Спб., ц. р. 1838, «Соловей»), А. Галлера, Глиэра.

А. А. ШАХОВСКОЙ

372. «Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь. Романтическая драма в двух частях». Спб., 1836. С. 30 (ц. р. 20 дек. 1832). Первая постановка — 12 окт. 1832 г. «Бурлацкая» песня Башлыка, персонажа драмы. В пес. — с 1850-х гг. («Новейший пес...». Спб., 1853) до 1880 г. Муз. Варламова (впервые исп. на представлении 20 янв. 1838 г., изд.: Спб., ц. р. 1839). Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. народные песни. Сб. 1. М.; Л. 1936; Родные напевы <...> Вып. 1. Сост. А. Лазарев. Нотная запись В. Хоменко. Челябинск, 1969. № 26). Фольклориз. вар.: Записки Уральского об-ва любителей естествознания. 1901. Т. 22, нотное приложение, № 70; ПРП-1950. С. 80; Новикова. С. 338. Ноты: Попова. Вып. 3. С. 104. В пении ст. 1 часто: «Вниз по Волге-реке...».

А. В. ТИМОФЕЕВ

Поэты 1820-х — 1830-х годов. Л., 1972. Т. 2, Б-ка поэта, БС.

373. Т-1833, отд. 2, с посвящением: «П. И. Вис<...>су». В Т-1837 и в изд. Б-ки поэта не вошло. Муз. Варламова («Одеон». Спб., ц. р. 1838), Даргомыжского (1836, изд.: М., 1844, без 2-х последних строф). С муз. Варламова исп. в пьесе неизв. автора «Незнакомец» в Петербурге в 1844 г.

374. СО и Сев. архив. 1834, № 16.--Т-1834--Т-1835. Ч. 1, с посвящением: (***)--Т-1837. Ч. 1 (в разделе «Баллады»). Датировка по первой публ. Муз. Даргомыжского (1835, изд.: Спб., 1843), Бларамберга. Была попул. с муз. Даргомыжского в среде демократического студенчества сер. и кон. XIX в., одна из любимых песен В. И. Ленина («Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955. С. 117). См.: Песни из репертуара старых большевиков Ленинграда. Л., 1963. Упоминается: Мамин-Сибиряк, «Падающие звезды», гл. 31.

375. Т-1835. Ч. 1, с посвящением: (***) --Т-1837. Ч. 1. В изд. Б-ки поэта не вошло. Муз. Варламова («Одеон». Спб., ц. р. 1838). Упоминается: П. Д. Боборыкин, «Василий Теркин», ч. 3, гл. 5.

376. Т-1835. Ч. 2, с посвящением Н<иколаю> П<авловичу> У<мов>у. - - Т-1837. Ч. 1. Ст. 1—4 навеяны песней Гикши из либретто к опере «Пан Твардовский» Загоскина (см. № 271). Датировка и место написания по Т-1835.

377. БдЧ. 1837, т. 25, № 11 с подзаг. «Рус. песня».-- Гербель. В пес.— с 1850-х гг. (НП. Ч. 1) до 1916 г., иногда как «народная». При жизни поэта — романсы Алябьева, Де-Витте (изд. в 1838 г.), позже муз. писали Бахметев (Спб., 1867), П. Макаров (М., ц. р. 1875), В. Соколов и др. (8 композ.).

378. БдЧ. 1838, т. 26--Гербель. В пес.— с 1850-х гг. (КП — М., 1852). Ср. ст-ние Кольцова «Песня старика» (№ 315). Муз. Даргомыжского («Одеон». Спб., 1840), Варламова (М., ц. р. 1846, «Баба старая»). Попул. последний романс. Известна фантазия для гитары М. Соколовского. Упоминается: Писемский, «Комик», гл. 5; Златовратский, «Хлопцы».

379. «Маяк». 1843, кн. 15. - - Гербель. В пес.— с 1860-х гг. (ППМЦ) до 1907 г. Муз. Бахметева (Спб., ц. р. 1867). Фольклорный источник — народная песня «Седина ль моя, сединушка...».

380. Отд. изд. Спб., 1847, с муз. Варламова. На муз. положили также Богданович, Марков. В изд. Б-ки поэта не вошло.

А. П. СЕРЕБРЯНСКИЙ

381. «Новейший пес.», Спб., 1863, без подписи--«Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 год». Воронеж, 1906, отд. 3. Было попул. в студенческой среде (Аристов, № 10, с вар.), с муз. неизв. автора. В пении подверглось переработке (см. т. 2, № 766). С муз. И. Соколова (Киев, ц. р. 1909) исполнялась в драме Л. Андреева «Дни нашей жизни».

Ф. А. КОНИ

382. Отд. изд. Спб., ц. р. 1833, с муз. Рупина--В составе водевиля «Деловой человек, или Дело в шляпе» (1840) как романс, исполняемый женой чиновника Марией Петровной. Театр Ф. А. Кони. Спб.; М., 1870—1871. Т. 1 (в составе назв. водевиля). На муз. положили также Варламов (дуэт, посв. певице П. А. Бартеневой) и Лядов.

383. Сб. «Эолова арфа на 1834 г.», с муз. Варламова (Иванов. Вып. 1. С. 154). - - БдЧ. 1835. Т. 11, под. загл. «Баркарола». - - «Пантеон рус. и всех европейских театров». 1841, № 3, с муз. К. Арнольда (в Приложении). Переложение ст-ния фр. поэта К. Дельвина (1793—1843) «Le gondolier». В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 2). Боткин Василий Петрович (1810—1869) — литератор. Софи Ге (1776—1852) — фр. писательница. Ривальто — один из островов неподалеку от Венеции.

384. СО. 1838, т. 5. Сводный пер. нескольких вар. шведской народной баллады из сб. «Svenska Folk-visor. Jeifet och Afzelius». Stockholm. 1814—1816 (см.: Копанева Л. Н. Две шведские баллады в рус. переводе//«Рус. лит-ра». 1984, № 3. С. 169—175). К тому же источнику первым обратился Ознобишин (ср. его пер. «Двух сестер»: МН. 1835. Ч. 2. С. 235—239). Текст Кони, как установила Л. Копанева, насыщенный рус. фольклорными элементами, лег в основу попул. с конца XIX в. рус. народной баллады «Когда-то был в Англии царь уда-

лой...» (вар.: «Когда-то и где-то жил царь молодой...» и т. п.; см.: Соколовы. С. 497; Балашов. С. 349—361). Известны и укр. вар. той же баллады (Гайдай М. М. Слов'янська балада в її зв'язках з іншими жанрами фольклору // Розвіток і взаємовідношення жанрів слов'янського фольклору Київ, 1973. С. 22—61). Предположение А. Якуб, а вслед за ней и А. Новиковой о лит. источнике народной баллады — пер. Берга в «Песнях разных народов» (Новикова А. М. Творческая история песни «Когда-то и где-то жил царь молодой...» // Проблемы изучения рус. народного поэтич. творчества. М., 1975. Вып. 1) — не подтверждается текстологическим анализом рус. пер. и фольклориз. вар. (см. т. 2, № 762—764).

М. А. ОФРОСИМОВ

385. «Муз. альбом на 1835 г.» (ц. р. 12 дек. 1834), подпись: М. А. О., с муз. Н. А. Титова. В пес. — с 1830-х гг. («Новейший рос. пес. ...». Спб., 1836) до 1865 г. По словам исследователя, «в 40-х гг. не было музицирующей барышни, которая не пела бы романса (...)» (Булич С. К. Дедушка рус. романса — Н. А. Т. Спб., 1900. С. 7). Позднее муз. написал Алябьев.

И. П. МЯТЛЕВ

Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС).

386. Собр. стихотворений. Спб., 1835 (ц. р. 22 дек. 1834). Одновременно — с муз. Н. А. Титова (Спб., ц. р. 1834, «Ветка»). - - «Маяк». 1841. Т. 19, под загл. «Ветка». Печ. по первой публ., так как эта ред. стала попул. песней. В песенниках — с 1850-х гг. («Собр. рус. песен». М., 1857). На муз. положили также Маренич, Паскуа, Фест. Включалось в представления народной драмы «Царь Максимилиан» («Песни и сказки Ярославской обл.». Ярославль, 1958. С. 115, с вар.).

387. Соч. Спб., 1857. Т. 1.--«Рус. потаенная лит. XIX столетия». Лондон, 1861. Ч. 1. В пес. и лубочных изд.— с 1850-х гг. (Клепиков. С. 139), тогда же появляются и пародии типа «Приказчики-сударики Кутят себе, кутят...» (Клепиков. С. 188). В пении сохраняются строфы 1, 4, 5, 7 и припев. Датируется по списку в альб. М. Н. Дириной (ГПБ). *Фонарики* — иносказат. «чиновники». Включалось в представления народной драмы «Деревенский староста» («Фольклор народов Сибири». Улан-Удэ, 1965. С. 196).

388. Отд. изд. с муз. Романуса. Спб., 1852.--Соч. Спб., 1857. Т. 1. В пес. — с 1860-х гг. («Новый полный пес.». М., 1869), иногда как «Тюремная» (Гартевельд, 1908, Тетр. 3). На муз. положил также Вилламов (Спб., ц. р. 1865). Включена в сб. «Рус. народная песня». Сост. С. Бугославский, И. Шишов. М., 1936.

П. П. ЕРШОВ

389. БдЧ. 1834, т. 7. Фольклорный образец — народная песня со сходным зачином: «Как во поле да в широком раздолье...» (см.: Бацер,

Рабинович. Ч. 2, Алфавитный указатель). Переработанное, ст-ние Ершова послужило источником популярной с 1880-х гг. песни «Как на дубе на зеленом...» (Померанцева, 1957, С. 318), см. т. 2, № 768.

390. Альм. «Осенний вечер». Спб., 1835 («Песня сибирского старика Луки»). В пес.— с 1860-х гг. («Новейший петербургский пес. <...>». Спб., 1864) до 1910 г. Муз. Алябьева (сб. «Застольные рус. песни». М., 1839). Включалось в представления народной драмы «Царь Максимилиан» (Сб. ОРЯС. Спб., 1914. Т. 90, № 7. С. 136, с вар.). Зачин заимствован из народной песни. Фольклориз. вар.: Бирюков, 1936, С. 270; Новикова, С. 391; Уральские песни и частушки. Сост. Л. Христиансен. Свердловск, 1959, разд. V. В песне сормовских рабочих ст. «Что в Тобольске кузнецы» заменен на «Сормовские кузнецы» (и др. различия: ИРЛИ, РВ, к. 54, п. 2, № 26). Включено в сб.: Школьные песни. Собр. Е. К. Альбрехт и Н. Х. Вессель. Спб., 1876, № 32. Вошло в репертуар Уральского народного хора (Поет Уральский народный хор. М., 1971).

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

391. Стихотворения В. Бенедиктова. Спб., 1835. Муз. Петра Булахова (М., ц. р. 1846). В изд.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983 (Б-ка поэта, БС) не вошло.

В. И. КРАСОВ

Поэты кружка Н. В. Станкевича. Л., 1964 (Б-ка поэта, БС).

392. «Телескоп», 1835, № 7. Муз. Балакирева, Григорьева («Ну-веллист», 1875), Корещенко, В. Соколова, Шефера (мелодекламация).

393. МН. 1838, кн. 5, без подписи. Муз. Корещенко (М., ц. р. 1897).

394. ОЗ. 1842, № 1. В пес.— с 1880-х гг. («Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения <...>». Спб., 1884). Проникло в лубок (Клепиков. С. 192). В пении и пес. начало: «Я вновь пред тобою стою очарован И в ясные очи гляжу...». Упоминается: Чехов. «Моя жена», «Иванов» (1-я ред.).

395. Красов В. Ст-ния. М., 1859. Муз. Петра Булахова (Спб., ц. р. 1862). Романс написал также Щуровский.

А. И. БУЛГАКОВ

396. «Пантеон». 1840, кн. 1, вклейка, с муз. П. Федорова, под загл. «Прости меня!» -- Отд. изд. Спб., ц. р. 1843, с муз. П. Федорова. В пес.— с 1850-х гг. (П-1855. Ч. 2) по 1892 г. Попул. приобрел романс в аранжировке Глинки (соч. 1843, дуэт; изд.: Спб., ц. р. 1855). На муз. позднее положили также С. Зайцев (дуэт), Эрлангер. Входила в репертуар цыг. хоров. Ст-ние вызвано трагической любовью поэта, приведшей его к смерти. Указание на первую публикацию и авторство

Глинки в «Справочнике» Г. К. Иванова (Иванов. Вып. I. С. 77) ошибочно.

Е. П. ГРЕБЕНКА

Гребенка Е. П. Сочинения. Спб., 1862. Т. 5.

397. «Альманах на 1838 год» (ц. р. 11 дек. 1837). В фольклорных сб. — с 1890-х гг. (Мякушин. С. 198). Муз. Алябьева, Гаврюшко, Ломакина, Подгорецкого («Украинская дума»). В основе ст-ния — укр. народные песни. Особенно попул. в казачьей среде (Баранов. Вып. 2; Догадин. Вып. I; Песни донских казаков. Сост. Н. Н. Голубинцев. М., 1911; Концевич; Листопадов. Т. 2; Песни донских и кубанских казаков. Ростов-на-Дону, 1938 и др.). Включалось в представления народной драмы (Абрамов А. «Царь Максимилиан», Спб., 1904. С. 7). Упоминается: Шолохов, «Тихий Дон» (неоднократно). В пении ст. I чаще: «Поехал казак на чужбину далеко...», текст с вар.

398. «Рус. беседа». Спб., 1841. Т. 2. В пес. — с 1850-х гг. (КП-М., 1852) до 1892. Муз. Алябьева (М., ц. р. 1843). На муз. положил также Щиглев. В пении обычно опускаются 6-я и 8-я строфы. *Кивер* — форменный высокий головной убор из твердой кожи.

399. ОЗ. 1841. Т. 19, № 11—12. Муз. Бернарда (1852), Ларме (М., ц. р. 1866). Популярность приобрела последняя. Исполнялось Шалыпиным и Паниной (дуэт). Включалось в нот. сб. народных песен (Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937 и др.). Неоднократно записывалась фольклористами как народная песня. Особенно популярна была в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Песенные вар.: Баранов. Вып. 2. № 84; Париков. С. 169; Песни и сказки Пензенской обл. Пенза, 1953. С. 192; Новикова. С. 390. Имеются многочисл. песенные переработки (см. т. 2, № 770). Народный напев: Попова. Вып. 3. С. 124. Ст. I чаще поется: «Помню, я еще молодушка была...». Композ. обработки: Александров Н. Песня солдатки. Спб., 1911; Коваль М. Рус. народные песни. М., 1946. Тетр. I.

400. ЛГ. 1843, № 3. В пес. — с 1850-х гг. (ЗРЦП). Популярный «цыганский» романс (на муз. вальса Германа «Hottpage» в обработке С. Гердаля, М., ц. р. 1884). С успехом исполнялся Шалыпиным. Упоминается: Чехов, «Шампанское». «Медведь»; Вс. Крестовский, «Торжество Ваала», гл. 10. Шалыпин изменил текст подлинника и муз. редакцию:

Очи черные, очи жгучие,
Очи страстные и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я не в добрый час!

Очи черные, жгуче-пламенные!
И манят они в страны дальние,
Где царит любовь, где царит покой,
Где страданья нет, где вражды заперт.

Не встречал бы вас, не страдал бы так,
Я бы прожил жизнь улыбаючись.

Вы сгубили меня, очи черные,
Унесли навек мое счастье.

Очи черные, очи жгучие,
Очи страстные и прекрасные!
Вы сгубили меня, очи страстные,
Унесли навек мое счастье.

Очи черные, очи жгучие,
Очи страстные и прекрасные!
Как люблю я вас, как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я не в добрый час!

(Старинные вальсы для голоса с фортепиано/Составитель И. Назаренко. М., 1968).

НИРКОМСКИЙ (Н. МОКРИНСКИЙ)

401. БдЧ. 1838, т. 29. В пес.— с 1850-х гг. («Новый рус. пес. ...» М., 1854. Ч. 1). Муз. Гурилева (Спб., 1845). На муз. положили также Ломакин (1839), Бороздин, Н. А. Титов. Включалось в нот. сб. (Гиппиус). Исполнялось цыг. хорами, входило в сб. цыг. песен. Упоминается: А. Н. Островский, «Бесприданница», д. 2, явл. 3 (поет Лариса); Тургенев, «Ася».

Н. В. КУКОЛЬНИК

402. «Собр. музыкальных пьес». [Спб., 1839]. Тетр. 8, с муз. Глинки (1838). - «Молодик». Харьков, 1843. Ч. 1, под загл. «Английский романс». Печ. по тексту первой публ., положенному на муз. В пес.— с нач. XX в. («Рус. песня». 1907. Ч. 2). Посвящено Глинкой его ученице Каролине Иосифовне Колковской (1823—1857). Датировка: Записки. С. 196. Упоминается: Тургенев, «Бездежье»; Чехов, «Чайка».

403. БдЧ. 1840, т. 43, № 12. Одновременно — в драме «Князь Даниил Васильевич Холмский». Спб., 1840 (первое представление 30 сент. 1841 г.). - - Соч.: в 10-ти т. Спб., 1851—1853. Т. 2. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание). Датировка по кн.: Глинка М. И. Лит. наследие. Л.; М., 1952. Т. 2. С. 442. Муз. Глинки (1840). Муз. написал также Красносельский. «Веселая песня» Ильинишны, хозяйки дома (акт 1, явл. 2). Хотя драма выдержала всего три представления, но песня Ильинишны оказалась попул. Включено в нот. сб. (Гиппиус). Другая песня из драмы Кукольника — «Песнь Рахили» («С горних стран...») — вошла в репертуар сектантов (свидетельство Ю. Н. Тынянова. — Розанов. С. 583).

404. БдЧ. 1840, т. 42, № 9. В пес.— с 1860-х гг. (ППМЦГ). Муз. Глинки («Прощание с Петербургом. Романсы и песни. Слова Н. В. Кукольника. Муз. М. И. Глинки». Спб., ц. р. 1840), Варламова, Броуна, В. Соколова и др. (7 композ.). Датировка, как предыдущее ст-ние. Популярность романа Глинки (посвящен А. Н. Струговщикову) объясняется тем, что он написан в стиле бытовой «рус. песни» 1820—1830-х гг. С разрешения композ. романс был переложен Вильбоа для

двух голосов. Цикл «Прощание с Петербургом» создан летом — осенью 1840 г. и состоял из 12 романсов. Кроме «Жаворонка», в него входят: «Колыбельная песня», Болеро («О дева, чудная моя...»), «Давно ли ты розой роскошно цвела...», «Стой, мой верный буйный конь...», «Баркарола» («Уснули голубые...»), «К Молли» («Не требуй песен от певца...»), «Еврейская песня» («Песнь Рахили» из «Князя Холмского»), «Кто она и где она...» (романс Риццио из неоконченной поэмы Кукольника «Давид Риццио»), «Рыцарский романс» (песня Делпорта из романа «Эвелина де Валлероль»), «Попутная песня», «Прощальная песнь»; последнюю Стасов назвал «самым совершенным из этих романсов» (Стасов В. В. Избр. соч. М., 1952. Т. 1. С. 448—449).

В. С. МЕЖЕВИЧ

405. «Репертуар рус. театра». 1839. кн. 22, в пьесе «Артур, или Шестнадцать лет спустя». В переработанном виде стала народной песней (см. т. 2. № 769).

406. «Колосья. Сноп первый.» Спб., 1842. В пес.— с 1850-х гг. (ЗРЦП). Включалось в сб. солдатских и казачьих песен (Вессель, Альбрехт. № 68) и в представления народной драмы «Шлюпка» (Ончуков. Сев. народные драмы. Спб., 1911. С. 87).

С. Н. СТРОМИЛОВ

407. Отд. изд. «Одеон». Спб., ц. р. 1839, с муз. Варламова. В фольклорных сб.— с 1870-х гг. (Лаговский, № 70, 71). Попул. до наст. времени. Песенные вар.: Железновы, С. 77; Аксюк. Вып. 1. № 30; ПРП. 1957; Песни села Балман. Новосибирск, 1969. Ст. 1 поется: «Зачем сидишь до полуночи...», «Чего сидишь до полуночи...», «Я сижу до полуночи...».

408. Отд. изд., Спб., б. г., с муз. Варламова. На муз. положили также А. Абаза, Н. Александров. В пес.— с 1850-х гг. (Собрание. Ч. 1), в 1900-е гг.— как «народная». В песенном репертуаре удерживается до наст. времени. Вошло в репертуар хора Свешникова. Включалось в нот. сб.: Рус. народная песня. М., 1936; Рус. народные песни. Сб. 2. М.; Л., 1936. Упоминается: Ф. Гладков, «Повесть о детстве», гл. 25.

Э. И. ГУБЕР

409. Стихотворения. Спб., 1845.—Соч. Спб., 1859. Т. 1. Печ. по первой публ., которая легла в основу пес. вар. С вар. вошло в гл. 2 незавершенного «философического романа в стихах» «Антоний», над которой Губер работал в 1839—1840 гг. Попул. песня с муз. Дютша (М., ц. р. 1885). На муз. положили также Воротников, Орлова, Пасхалов, Стрелинский. Включено в нот. сб. «Школьные песни». Собр. Е. К. Альбрехт и Н. Х. Вессель, Спб., 1876, и в подпольные сб. рев. песен («Песни свободы». 1905 и др.). Автограф датирован 1842 г. (ИРЛИ).

410. Муз. П. Макарова (Спб., 1873). Включалось в репертуар цыг. хоров.

411. «Дагерротип». Спб., 1842. Тетр. 1. В пес.— с 1850-х гг. (ПРН). Муз. Гурилева (Спб., ц. р. 1842, «Сердце — игрушка»). На муз. положили также Е. Жадовская, П. Макаров, Фитингоф-Шелль и др. (8 композ.). Сохраняется в репертуаре исполнителей романсов.

412. БдЧ. 1842, № 7-8. В пес.— с 1850-х гг. (ПРН). Муз. Варламова («Нувеллист». Спб., 1845). На муз. положили также Бюхнер, Дютш, Клушин, П. Макаров, Пасхалов, Савельева.

В. А. СОЛЛОГУБ

413. М., 1841. Ч. 6, № 11. - - Соч. Спб., 1856. Т. 5. В пес.— с 1860-х гг. («Новый полный пес.». М., 1869). Муз. Направника (Спб., 1889). С муз. неизв. композ. приобрело популярность у студентов Дерптского ун-та — в 1830-гг., Харьковского ун-та — в 1840-е гг. (Александров, № 2); см. также: СтП, № 19; Борткевич, № 44. Позже стало популярным городским романсом (РП-ХІХ. С. 28). Ст. 1 поется: «Накинув плащ, с гитарой под полою...». На ст-ние В. А. Соколова с таким же зачином, но с др. 2 ст. («Закинув плащ, с гитарой под рукою, Когда луна осветит небосвод...») муз. написал Пригожий (М., ц. р. 1886); это подражание также приобрело известность.

414. «Беда от нежного сердца: Комедия-водевиль». Спб., 1850. Печ. по сокр. тексту попул. романа с муз. Чайковского (М., ц. р. 1885). С муз. Ф. Толстого — «Муз. сб. в память А. Е. Варламова». Спб., [1851]. Романс Марии Петровны. Муз. писали также Де-Витте, Дерфельдт («Нувеллист», 1861), Зыбина (Спб., 1861). Ср. романс Катенина «Любовь». («О чем, о чем в тени ветвей...») (№ 210).

Н. АНОРДИСТ (Н. РАДОСТИН)

415. Альманах на 1840 г. Н. Анордиста (с картинкою). М.: в тип. А. Семена (...), 1840 (ц. р. 28 дек. 1839). В пес.— с 1850-х гг. (П-1855, Ч. 2). Муз. Львова (Спб., 1848), Бороздина (Спб., ц. р. 1860), Петра Булахова (М., ц. р. 1867), Н. Маркова. В попул. романсе Булахова — 2-я, 3-я, 4-я и 5-я строфы (с перестановкой 4-й и 5-й). Поется часто без 1-й строфы, соответственно ст. 1 в пении: «Вот на пути село большое...», остальные строфы с вар. (не смешивать с др., «тюремной», песней «На пути село большое...!»). Проникло в лубок (Клепиков. С. 48). Иногда соединяется с «Тройкой» Ф. Глинки (там же. С. 44). Фольклориз. вар.: «Подарок любителям пения». М., 1877. № 22. Входило в репертуар цыг. хоров. Включалось в нот. сб. народных песен: Русские народные песни. Сб. 2. М.; Л., 1936; Гиппиус; Лаговский. № 75, 76. Принадлежность ст-ния Анордисту оспаривается Н. Смирновым-Сокольским в кн.: Рус. альманахи. М., 1965. С. 205. Ст. 1 иногда: «Звенит звонок, и тройка мчится...» Ср. песню: «Звенит звонок, и тройка мчится...» Малышева (№ 457). «Картинка», объявленная на титульном листе «Альманаха», относится не к «Тройкам», а к открывающему альманах очерку («Бал нищих в Париже»). Упоминается: Островский, «Последняя жертва».

416. В составе одноактной пьесы «Санктпетербургская мелочная лавка» (ц. р. 8 окт. 1840) - «Пантеон рус. и всех европ. театров». Спб., 1840. № 10, как отд. ст-ние. Одновременно с муз. Гурилева: М., ц. р. 1840. На муз. положили также Бахметев, Стрелинский, Н. А. Титов. Датировка и указание на первую публ. («Ст-ния К. Бахтурина», 1837) в «Справочнике» Г. К. Иванова (Иванов. Вып. 1. С. 62) ошибочны.

Л. Н. ИБРАГИМОВ

417. Стихотворения Льва Ибрагимова. Казань, 1841, вместе с др. ст-ниями под общим загл. «Рус. песни». В пес.— с 1850-х гг. (ЗРЦП). Муз. Бахметьева (Спб., ц. р. 1867). Проникло в лубок, с вар. (Клепиков. С. 122—123, 235). Ср. народную песню с таким же зачином (ЖОМ, № 2).

В. Р. ЗОТОВ

418. «Репертуар рус. театра». 1841. Т. 1, кн. 4. В пес.— до 1911 г. О популярности: Якуб. С. 71.

419. Отд. изд. Спб.; муз. магазин «Лира», ц. р. 1854, под загл. «Голубые глаза», с муз. Гурьева. - - Отд. изд. М.: изд. Юргенсон, ц. р. 1872, с муз. В. Соколова.

Н. П. ОГАРЕВ

Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956 (Б-ка поэта, БС).

420. ОЗ. 1840, № 10. В пес.— с 1860-х гг. («Полнейший петербургский пес.». Спб., 1862). Муз. Алябьева («Муз. альбом в память Варламова». Спб., ц. р. 1851). Муз. писали также Гурилев (1846, трио), Воротников (хор), Ладухин (хор).

421. ОЗ. 1842, № 3. В пес.— с 1860-х гг. («Новый полный пес.<...>». М., 1869). Муз. Алябьева (М., ц. р. 1843). На муз. положил также Савельев («Чарочка с горя»). Проникло в лубок (Клепиков. С. 138, 180).

422. ОЗ. 1842, № 10. Муз. самого Огарева. Кроме него, муз. писали Кашперов (1865), Ладухин (хор), Оленин, Ребиков (детский хор).

423. ОЗ. 1842, № 5. Муз. Гурилева (М., ц. р. 1846, «Зимний вечер»), Алябьева (М., 1860), Афанасьева, Демидова.

424. ПЗ. 1857. Было популярно в среде полит. заключен. еще до опубликования, позже — в рев. среде (Друскин М. С. Рев. песня 1905 г. Л., 1936). Муз., возможно, самого Огарева (Житомирский. С. 26). Включалось в нот. сб.: ПКиС; Рус. народная песня. Сост. Бугославский, Шишов. М., 1936; Рус. народные песни. Сб. 3. М.; Л., 1937; 50 рус. рев. песен. Л., 1938. Фольклориз. вар.: Фольклор семейских. С. 280. О фольклориз. вар. см.: Пругавин А. С. Песня о часовом и барине//«Нижегородский сб.», 1905. С. 288—289; Белоконский. С. 207—208. В среде петроградских рабочих были сложены две новые строфы

(см.: ИРЛИ, Р V, к. 83, п. 1, № 17). Мелодия использована Шостаковичем в 11-й симфонии. Известны также переработки на болг. яз. (Кауфман. С. 471). Ст. 1. в пении иногда: «Ночь тиха, считай минуты...» Исполнялось в представлениях народной драмы «Царь Максимилиан» (см. «Народный театр на Дону» Ростов-на-Дону, 1947. С. 93).

425. ПЗ. 1862, в поэме «Забытые» (заключительная песня). Встречается в нелегальных пес. 1860—1880-х гг. Нот. публ.: Первый сб. рев. песен ... Спб., 1906. № 2. Включено в нот. сб. «Рус. народная песня». Сост. Бугославский, Шишов. М., 1936. Пелась и на мелодию народной песни «Вниз по матушке по Волге...». Ст. 1 в пении: «Как со матушки со Волги...»

И. С. ТУРГЕНЕВ

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. М., 1978: 2-е изд. Т. 1.

426. ОЗ. 1841, № 12, подпись: Т. Л. Муз. Оленина, А. Рубинштейна (М., ц. р. 1891). Последний романс приобрел попул. в исполнении Ф. Стравинского (которому он посвящен композитором) и особенно Шаляпина. Ст-ние восходит к «разбойничьим» песням и к народным балладам. С вар. включалось в представления народной драмы «Царь Максимилиан», «Атаман Буря», «Ермак» («Народный театр». М. 1896; Песни и сказки Ярославской области. Ярославль, 1958. С. 23; «Народный театр на Дону». Ростов-на-Дону, 1947. С. 41. 79).

427. Сб. «Вчера и сегодня». Спб., 1845. Кн. 1. Вместе с двумя другими ст-ниями под общим загл. «Вариации». Как «цыганская» песня — в отд. нотном изд. 1877 г. Муз. В. Абазы, А. Гедике, Катуара, Пригожего. В начале XX в. в исполнении цыг. певицы В. Паниной попул. приобрел романс Абазы, который удерживается на эстраде и в быту до наст. времени. Ст-ние вызвано воспоминаниями о Т. А. Бакуниной (1815—1871), с которой Тургенев познакомился 8 окт. 1841 г.

428. ОЗ. 1843, № 11, подпись: Т. Л. Муз. А. Рубинштейна (сб. «Муз. вечера». М., ц. р. 1849; см.: Иванов. Вып. 1. С. 351), А. Владиморова, Галковского (дуэт), Симона (хор в опере «Песнь торжествующей любви»), Кастальского (дуэт в опере «Клара Милич») и др. (7 композ.).

429. Сб. «Вчера и сегодня». Спб., 1845. Кн. 1. Муз. Бегичевой (Спб., ц. р. 1852, «Зачем твержу я стих унылый»). На муз. положили также Аничков, Владимиров, Егоров, Мильман, Одолев, Н. А. Соколов, Шефер (мелодекламация). Вошло в репертуар эстрадных певцов и цыг. хоров. Высказано предположение, что ст-ние вызвано знакомством с П. Виардо 1 нояб. 1843 г. (Письма. Т. 1. С. 558).

П. С. МОЧАЛОВ

«Лит. кабинет. Труды актеров имп. московских театров». М., 1842. Ч. 2.

430. Муз. Алоиза, Морского, Слонова, Б. Соколовского. Фольклорный источник — песня с тем же зачином.

431. Муз. Шенка (М., ц. р. 1901).

Щербина Н. Ф. Избр. произведения. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС).

432. «Молодик на 1844 год». Спб., 1844. Т. 4, под загл. «Поспешай», в цикле «Греч. мелодии». - - «Греч. ст-ния Николая Щербины». Одесса, 1850, под загл. «Греч. ночь», с посвящением А. П. Кулебабиной, дата: 1843. - - Стихотворения. Спб., 1857. Т. 1. В автографах — под загл. «Греческая ночь» (Щербина Н. Ф. Избр. произведения. Л., 1970. С. 524). В пес.— с 1860-х гг. (НПП). При жизни поэта муз. Петра Булахова (М., ц. р. 1854), Делюсто (Спб., ц. р. 1856), Бороздина (Спб., ц. р. 1859), Даргомыжского (Спб., 1865), Римского-Корсакова (Спб., ц. р. 1866) и др. (12 композ.).

433. «Молодик на 1844 год». Спб., 1844. Т. 4, под загл. «Моряк», в цикле «Греч. мелодии» с посвящением М. Е. Капаракки, гимназическому товарищу автора -- ОЗ. 1851, № 1. Автограф с подзаг. «Моряк». Образцом послужили греч. песни «клефтов», переведенные Н. Гнедичем и самим Щербиной в 1843 г. С муз. Гурилева («Романсы и песни». Спб., 1852, «После битвы») была попул. в годы Крымской войны 1853—1856 гг. Позже в пес. обиходе текст и мелодия подверглись переработке. На основе устной ред. в кон. 1890-х гг. создана матросская песня «Раскинулось море широко...» (см. т. 2, № 772). См.: Гиппиус Е. «Раскинулось море широко...». История песни. М., 1962.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. С. 91. Титульный лист 2-го издания сборника песен М. И. Попова (Спб., 1768).
2. С. 141. Титульный лист песенника, составленного И. И. Дмитриевым (М., 1796).
- 3—19. *Между с. 320—321.*
  - В. К. Тредиаковский. Литография Бирстена. ПД.
  - А. П. Сумароков. Портрет работы А. П. Лосенко (1760). ПД.
  - Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Гравюра на стали. Albertina Teichel (...) Berlin, 1867. ПД (воспроизведено в Собр. соч. Спб., 1867).
  - А. Ф. Мерзляков. Гравюра резцом К. Афанасьева. ПД (воспроизведено в книге «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев». М., 1825—1826).
  - Д. В. Давыдов. Гравюра на стали. ПД (воспроизведено в Приложении к альбому «Сто русских литераторов». Спб., 1839. Т. 1.).
  - А. А. Дельвиг. Рис. карандашом В. П. Лангера (1829). ПД.
  - Н. М. Языков. Литография Р. Гундризера с портрета А. Д. Хрипкова (рис. с натуры 14 апр. 1829 г.). ПД.
  - А. И. Полежаев. Литография В. Бахмана. ПД (воспроизведено в «Альбоме русских писателей» Изд. Н. Н. Полевого. М., 1860).
  - А. А. Бестужев-Марлинский. Гравюра на стали с портрета неизвестного художника. ПД (воспроизведено в альбоме «Сто русских литераторов». Спб., 1839. Т. 1.).
  - Е. П. Ростопчина. Литография (1840-е гг.) ПД.
  - Ф. Н. Глинка. Литография Беггрова с гравюры К. Афанасьева (1825). ПД.
  - Е. П. Гребенка. Литография А. П. Червякова с рис. Д. Китченко. ПД.
  - И. П. Мятлев. Гравюра на стали. ПД (воспроизведено в альбоме «Сто русских литераторов». Спб., 1845. Т. 3).
  - А. В. Кольцов. Гравюра на стали. ПД.
  - Н. Ф. Щербина. Литография. Гравюра Н. Соколова. ПД (воспроизведено в книге «Коллекция портретов современных русских литераторов». Спб., 1858).
  - Титульный лист сборника песен с музыкой Г. Н. Теплова (Спб., 1759).
  - Титульный лист «Музыкального альбома на 1832-й год». Спб., (ц. р. 5 дек. 1831 г.).
20. С. 391. Обложка сборника песен Н. Г. Цыганова (М., 1834).

СОДЕРЖАНИЕ

Песни, романсы, баллады русских поэтов. <i>Вступительная статья В. Е. Гусева</i>	5

XVIII ВЕК

КАНТЫ. «РОССИЙСКИЕ ПЕСНИ»

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

<i>Биографическая справка</i>	57
1. За Могилею Рябою	57
2. Плачет пастушок в долгом ненастье	59
3. Кто крепок, на бога уповая	59

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	61
4. Стихи похвальные России	62
5. Песенка любовна	63
6. Плач одного любовника, разлучившегося с своей милой, которую он видел во сне	64

А. П. СУМАРОКОВ

<i>Биографическая справка</i>	65
7. «О места, места драгие!..»	66
8. «Знать, судьба мне так судила...»	68
9. «Где ни гуляю, ни хожу...»	69
10. «Лишив меня свободы...»	70
11. «Негде, в маленьком леску...»	71
12. «Уже восходит солнце, стада идут в луга...»	72
13. «Знаю, что стыдишься и крепишься молвить...»	72
14. «Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...»	73
15. «Клав искать себе стал места...»	73
16. «К тому ли я тобой, к тому ли я пленилась...»	74
17. «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...»	75
18. «Позабудь дни жизни сей...»	76
19. «Сокрылись те часы, как ты меня искала...»	77
20. Песня («Ты сердце полонила...»)	78
21. Хор сатир	78
22. «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой...»	79
23. «Чем тебя я оскорбила...»	79
24. «Прости, моя любезная, мой свет, прости...»	80
25. «Не терзай ты себя...»	81

М. В. ЛОМОНОСОВ

<i>Биографическая справка</i>	83
26. Преложение псалма 145	83
27. «Ночною темнотою...»	84

М. М. ХЕРАСКОВ

<i>Биографическая справка</i>	86
28. Песенка («Что я прельщен тобой...»)	86
29. «Вид прелестный, милы взоры!...»	87
30. Птичка	88

М. И. ПОПОВ

<i>Биографическая справка</i>	89
31. «Как сердце ни скрывает...»	90
32. «Достигнувши тобою...»	90
33. «Что сердце устрашало...»	92
34. «Полюбя тебя, смущаюсь...»	93
35. «Ты желал, чтоб я любила...»	93
36. «Окончай бесплодны мысли...»	95
37. «Под тению древесной...»	96
38. «Всё, что сердце ни терзало...»	97
39. «Чем грозил мне рок всечасно...»	97

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

<i>Биографическая справка</i>	99
40. Песня («Пятнадцать мне минуло лет...»)	99
41. «У речки птичье стадо...»	101
42. Песня («Много роз красивых в лете...»)	102

Г. Р. ДЕРЖАВИН

<i>Биографическая справка</i>	104
43. Кружка	104
44. Мечта	106
45. Заздравный орел	107
46. Пчелка	108
47. Хмель	108

В. В. КАПНИСТ

<i>Биографическая справка</i>	109
48. Неверность	109
49. На смерть Юлии	110
50. Чижик	111
51. Старость и младость	112
52. Потеря дня	112

П. М. КАРАБАНОВ

<i>Биографическая справка</i>	114
53. «Ох! Как-то мне жить!...»	114
54. «Гренадеры, молодцы...»	115

П. С. ГАГАРИН

<i>Биографическая справка</i>	118
55. Песня («В поднебесье раздаётся...»)	118
56. Неман	119

Н. П. НИКОЛЕВ

<i>Биографическая справка</i>	121
57. «Престань источник слезный...»	122
58. Русская песня («Вечерком румяну зóрю...»)	123
59. «Полно, сизенький, кружиться...»	125

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	128
60. «Ох! тошно мне...»	129
61. «Ты велишь мне равнодушным...»	130
62. «У кого душевны силы...»	131
63. «Милая вечер сидела...»	132
64. «Выду я на реченьку...»	132

Н. М. КАРАМЗИН

<i>Биографическая справка</i>	134
65. Веселый час	134
66. Прости	135
67. К соловью	136
68. «Мы желали — и свершилось!..»	137
69. Песня («Нет, полно, полно! впредь не буду...»)	138

И. И. ДМИТРИЕВ

<i>Биографическая справка</i>	140
70. Наслаждение	142
71. «Стонет сизый голубочек...»	142
72. «Ах! когда б я прежде знала...»	143
73. «Тише, ласточка болтлива!..»	144
74. «Птичка, вырвавшись из клетки...»	145
75. Элегия («Коль надежду истребила...»)	145
76. «Пой, скачи, кружись, Параша...»	146
77. «Всех цветочков боле...»	147
78. «Куда мне, сердце страстно...»	147
79. Песня («Юность, юность! веселися...»)	148
80. «О любезный, о мой милый!..»	149
81. «Что с тобою, ангел, стало?..»	150

И. А. КРЫЛОВ

<i>Биографическая справка</i>	151
82. Мой отъезд (<i>Песня</i>)	151

Д. И. ВЕЛЬЯШЕВ-ВОЛЫНЦЕВ

<i>Биографическая справка</i>	153
83. Песня («Здесь — под тенью древ ветвистых...»)	153

Г. А. ХОВАНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	155
84. Песня («Ах! луга, луга зелены...»)	155
85. Деревенская песня («Я слышал: в Москве пространной...»)	156
86. Романс («Намедни в рощице гуляя...»)	157
87. Романс («Лейтесь, слезы, вы ручьями!...»)	159
88. Незабудочки	160

М. Л. МАГНИЦКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	162
89. Песня моей Катеньке	162

В. Л. ПУШКИН

<i>Биографическая справка</i>	164
90. К милой	164

П. Л. ВЕЛЬЯМИНОВ

<i>Биографическая справка</i>	166
91. «Ох! вы славные русски кислы щи...»	166

Н. М. ШАТРОВ

<i>Биографическая справка</i>	167
92. Песня («Катя в рощице гуляла...»)	167

С. МИТРОФАНОВ

<i>Биографическая справка</i>	169
93. Песня («За горами, за долами...»)	169
94. «Солнце на закате...»	171

И. М. ДОЛГОРУКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	173
95. «Сколько раз, жестокий, клялся...»	173

96. «Ах! как скучно жить в разлуке...»	174
97. «Без затей, в простом обряде...»	175
98. «Прости! я обнимаю...»	176
99. «Без тебя, моя Глафира...»	177

ПЕСНИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АВТОРАМ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

⟨*П. С. Львов?*⟩

100. «Уж как пал туман на сине море...»	179

⟨*М. В. Ломоносов?*⟩

101. «Молчите, струйки чисты...»	180

⟨*И. П. Елагин и Н. А. Бекетов?*⟩

102. «Не кидай притворных взоров и не тщишь меня смущать...»	181

103. «Размучен страстию презлою...»	182

104. «Сколько грусти и мученья нам бесплодна страсть сулит?...»	183

⟨*Елизавета Петровна?*⟩

105. «Во селе, селе Покровском...»	184

⟨*Ф. Г. Волков?*⟩

106. «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...»	185

⟨*М. Л. Нарышкина?*⟩

107. «По горам, по горам...»	186

⟨*Г. Р. Державин?*⟩

108. Песенка («Цари! вы светом обладайте...»)	187

⟨*М. В. Зубова?*⟩

109. «Я в пустыню удаляюсь...»	188

⟨*А. Ф. Мерзляков?*⟩

110. Песня («Взвейся выше, понесися...»)	189

⟨*П. И. Жемчугова?*⟩

111. «Вечор поздно из лесочку...»	191

⟨*Е. С. Урванова?*⟩

112. «Если б завтра да ненастье...»	192

⟨*В. Г. Кугушев?*⟩

113. «Ах, не будите меня, молоду...»	193

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ XVIII ВЕКА

114. «Буря море раздымает, ветер волны подымает...»	195
115. «Лишь только занялась заря и солнце взошло вверх, горя...»	196
116. «Хоть черна ряса кроет...»	197
117. «Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...»	197
118. «Чем больше скрыть стараюсь...»	198
119. Песня («Волга-реченька глубока!..»)	198
120. «Я птицей быть желаю...»	200
121. Журнал любви	200
122. «Мальбрук на войну едет...»	201
123. «Как во нынешнем году...»	203

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

«РУССКАЯ ПЕСНЯ». БАЛЛАДА. РОМАНС-ЭЛЕГИЯ.

«ВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ»

П. И. ШАЛИКОВ

<i>Биографическая справка</i>	207
124. Русская песня («Нынче был я на почтовом на дворе...»)	207

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

<i>Биографическая справка</i>	209
125. «Я не думала ни о чем в свете тужить...»	210
126. «Чернобровый, черноглазый...»	210
127. Чувства в разлуке	211
128. «Меня любила ты — я жизнью веселился...»	212
129. «Ах, девица, красавица...»	213
130. «Ах, что ж ты, голубчик...»	213
131. Велизарий	214
132. Песня («Среди долины ровныя...»)	215
133. «Вылетала бедна пташка на долину...»	217
134. Соловушка	218

В. А. ЖУКОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	219
135. Тоска по милом (<i>Песня</i>)	220
136. Мальвина (<i>Песня</i>)	221
137. Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	221
138. Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!..»)	223
139. <Из баллады «Светлана»> («Раз в крещенский вече- рок...»)	223
140. Цветок (<i>Романс</i>)	224
141. Пловец	225
142. Песня («Кольцо души-девицы...»)	226

143. Утешение в слезах	227
144. Песня («Минувших дней очарованье...»)	228
145. Ночной смотр	229

Н. Ф. ГРАММАТИН

<i>Биографическая справка</i>	231
146. «Ты не плачь, не плачь, красна девица!..»	231
147. «Долго ль, сердце, нам с тобою тосковать?..»	232

Д. В. ДАВЫДОВ

<i>Биографическая справка</i>	234
148. Моя песня («Я на чердак переселился...»)	234
149. Песня («Я люблю кровавый бой!..»)	235
150. Элегия IV	237
151. Песня старого гусара («Где друзья минувших лет...»)	237
152. «Сижу на берегу потока...»	239
153. «Не пробуждай, не пробуждай...»	239
154. И моя звездочка	240
155. На голос русской песни («Я люблю тебя, без ума люблю!..»)	240

К. Н. БАТЮШКОВ

<i>Биографическая справка</i>	241
156. Разлука	241
157. Мой гений	243
158. «Есть наслаждение и в дикости лесов...»	243

А. С. ПУШКИН

<i>Биографическая справка</i>	244
159. Казак	245
160. Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)	247
161. Певец	249
162. Пробуждение	249
163. Черная шаль (<i>Молдавская песня</i>)	250
164. Черкесская песня («В реке бежит гремучий вал...»)	251
165. Узник	252
166. <Из поэмы «Цыганы»> («Старый муж, грозный муж...»)	252
167. «Ночной зефир...»	253
168. Зимний вечер	254
169. К *** («Я помню чудное мгновенье...»)	255
170. Зимняя дорога	255
171. Талисман	256
172. «Ворон к ворону летит...»	257

173. «Не пой, красавица, при мне...»	258
174. «Я вас любил: любовь еще, быть может...»	258

А. А. ДЕЛЬВИГ

<i>Биографическая справка</i>	259
175. Первая встреча	260
176. Песня («Дедушка! — девицы...»)	261
177. Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)	262
178. Романс («Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...»)	263
179. Русская песня («Что, красотка молодая...»)	264
180. Русская песня («Голова ль моя, головушка...»)	265
181. Романс («Прекрасный день, счастливый день...»)	265
182. Романс («Не говори: любовь пройдет...»)	266
183. Романс («Только узнал я тебя...»)	266
184. Разочарование (<i>Элегия</i>)	267
185. Песня («Наяву и в сладком сне...»)	267
186. Русская песня («Скучно, девушки, весною жить одной...»)	268
187. Русская песня («Пела, пела пташечка...»)	269
188. Русская песня («Соловей мой, соловей...»)	270
189. Русская песня («Сиротинушка, девушка...»)	271
190. Русская песня («И я выйду ль на крылечко...»)	271
191. Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит...»)	272
192. Русская песня («Не осенний частый дождичек...»)	272

И. М. ИБРАГИМОВ

<i>Биографическая справка</i>	273
193. Русская песня. <i>Подражание польской</i> («Вечерком красна девица...»)	273
194. Русская песня («Во поле березонька стояла...»)	274

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

<i>Биографическая справка</i>	275
195. «Не бушуйте, ветры буйные...»	275
196. «Солнце красное! оставь ты небеса...»	276

Д. П. ГЛЕБОВ

<i>Биографическая справка</i>	278
197. «Увянет без солнышка...»	278
198. «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...»	279

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	280
199. Песня («Собирайтесь, девки красны...»)	280

200. Слеза	281
201. Еще тройка («Тройка мчится, тройка скачет...»)	281

А. Х. ДУРОП

<i>Биографическая справка</i>	283
202. Казак на родине (<i>Романс</i>)	283

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

<i>Биографическая справка</i>	286
203. «Тебя забыть! — и ты сказала...»	286
204. «Ты грустишь, твой взор тоскливый...»	287

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	288
205. Разлука	289
206. Разуверение	289
207. Песня («Страшно воет, завывает...»)	289
208. К...о («Приманкой ласковых речей...»)	290

П. А. КАТЕНИН

<i>Биографическая справка</i>	292
209. «Отечество наше страдает...»	292
210. Любовь	293

С. Т. АКСАКОВ

<i>Биографическая справка</i>	294
211. Уральский казак (<i>Истинное происшествие</i>)	294

В. ГОЛОВИН

<i>Биографическая справка</i>	296
212. Песня («Рано, солнышко, играешь...»)	296

П. М. КУДРЯШОВ

<i>Биографическая справка</i>	297
213. «Как цветочек от засухи...»	297

К. Ф. РЫЛЕЕВ

<i>Биографическая справка</i>	299
214. Смерть Ермака	299
215. Элегия («Исполнились мои желанья...»)	302
216. Стансы	302

217. «Ах, где те острова...»	303
218. «Ты скажи, говори...»	304
219. «Ах, тошно мне...»	304
220. «Царь наш — немец русский...»	307
221. «Как идет кузнец да из кузницы. Слава!...»	309

Ф. Н. ГЛИНКА

<i>Биографическая справка</i>	310
222. Подоконье	311
223. Сон русского на чужбине	311
224. Тройка («Вот мчится тройка удалая...»)	312
225. Песнь узника («Не слышно шуму городского...»)	313
226. Завейные следы	314
227. Москва	314

Н. М. ЯЗЫКОВ

<i>Биографическая справка</i>	316
228. «Кто за бокалом не поет...»	317
229. Гимн («Боже! вина! вина!...»)	317
230. Песня («Из страны, страны далекой...»)	318
231. Песня («Когда умру, смиренно совершите...»)	319
232. Песня («Разгульна, светла и любовна...»)	319
233. Пловец	320

И. И. КОЗЛОВ

<i>Биографическая справка</i>	321
234. К радости	321
235. Добрая ночь	322
236. Ирландская мелодия («Луч ясный играет на светлых водах...»)	324
237. На погребение английского генерала сира Джона Мура	325
238. <Из «Невесты абидосской»> («Любовник розы — соловей...»)	326
239. Ирландская мелодия («Когда пробьет печальный час...»)	326
240. Вечерний звон	327
241. Безумная (<i>Романс</i>)	328

Е. В. АЛАДЬИН

<i>Биографическая справка</i>	329
242. Песня («Солнце скрылось за горами...»)	329

М. А. ДМИТРИЕВ

<i>Биографическая справка</i>	331
243. Песня («Сын бедный природы...»)	331

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

<i>Биографическая справка</i>	333
244. Песнь грека («Под небом Аттики богатой...»)	333
245. Песнь Клары («Стучат барабаны...»)	335
246. Песнь Маргариты («Прости, мой покой!...»)	335

С. П. ШЕВЫРЕВ

<i>Биографическая справка</i>	337
247. Мой идеал	337
248. Цыганская песня («Добры люди, вам спою я...»)	338
249. Цыганская пляска	339

Н. М. КОНШИН

<i>Биографическая справка</i>	340
250. Песня («Век юный, прелестный...»)	340

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	342
251. «Русский император...»	342

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

<i>Биографическая справка</i>	343
252. Песнь пленного ирокезца	344
253. «Зачем задумчивых очей...»	345
254. Черная коса	345
255. «У меня ль, молодца...»	346
256. Грусть	347
257. Сарафанчик	348
258. Русская песня («Разлюби меня, покинь меня...»)	348

В. И. ПАНАЕВ

<i>Биографическая справка</i>	350
259. Расставанье	350

П. Г. ОБODOVСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	353
260. Русская песня («Ты не плачь, не тоскуй...»)	353
261. Песня («Не плачь, не плачь, красавица...»)	354

С. Е. РАИЧ

<i>Биографическая справка</i>	355
262. Друзьям	355

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	358
263. Птичка	358

А. С. ХОМЯКОВ

<i>Биографическая справка</i>	359
264. <Из трагедии «Ермак»> («О чем, скажи, твое стенанье...»)	359
265. «Подвиг есть и в сраженьи...»	360

В. И. ТУМАНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	361
266. Прекрасным глазам	361
267. Дева	362
268. Песня («Любил я очи голубые...»)	363

Д. П. ОЗНОБИШИН

<i>Биографическая справка</i>	364
269. К NN («Зачем на краткое мгновенье...»)	365
270. Чудная бандура	365

М. Н. ЗАГОСКИН

<i>Биографическая справка</i>	367
271. <Из либретто к опере «Пан Твардовский»> («Мы живем среди полей...»)	367

Н. А. КАШИНЦОВ

<i>Биографическая справка</i>	369
272. «Ты прости, наш соловей...»	369

Ф. АЛЕКСЕЕВ

<i>Биографическая справка</i>	371
273. «Меня покинули желанья...»	371

И. И. ВЕТТЕР

<i>Биографическая справка</i>	372
274. Иртыш	372

Д. В. РАЕВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	374
275. Романс («Что грустишь ты, одинокой...»)	374

Б. М. ФЕДОРОВ

<i>Биографическая справка</i>	375
276. «Что мне нѹжды...»	375
277. Сельская песня («Что ты рано, моя пташечка...»)	376

С. Г. ГОЛИЦЫН

<i>Биографическая справка</i>	377
278. «Скажи, зачем явилась ты...»	377
279. К ней («Когда в час веселый откроешь ты губки...»)	378

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	379
280. Индейская песня («Катитесь волны...»)	379
281. Русская песня («Что в сыром бору от солнышка...»)	380

М. Л. ЯКОВЛЕВ

<i>Биографическая справка</i>	382
282. Русская песня («Солнце красное взошло на небеса...»)	383
283. «Кого-то нет, кого-то жаль...»	383

Ф. Н. СЛЕПУШКИН

<i>Биографическая справка</i>	385
284. Поселянка за прялкой (<i>Сельская русская песня</i>)	385

М. Д. СУХАНОВ

<i>Биографическая справка</i>	387
285. «Красна девица сидела под окном...»	387
286. «Что ты, девица, невесело сидишь?...»	388

Н. Г. ЦЫГАНОВ

<i>Биографическая справка</i>	389
287. «Не сиди, мой друг, поздно вечером...»	390
288. «Что ты рано, травушка...»	393
289. «Не сокол летит по поднебесью...»	394
290. «Не кукушечка во сыром бору...»	395
291. «Рассудите мне, люди добрые...»	395

292.	«Что ты, соловьюшко...»	397
293.	«Ох, болит...»	398
294.	Молодая молодка	399
295.	«Не шей ты мне, матушка...»	399
296.	«Что это за сердце...»	401
297.	«Смолкни, пташка-канарейка!..»	401
298.	«Ах ты время, времечко...»	402
299.	«Без поры да без времени...»	403
300.	«По полю, полю чистому...»	404
301.	«Я посею, молоденька...»	405
302.	«Рано, рано вы, лазоревы цветы...»	406
303.	«Полетай, соловеюшко...»	407
304.	«Ах! об чем, голубка Маша...»	408
305.	«Перелетная пичужечка...»	409
306.	«Ах ты ночка моя, ноченька...»	410
307.	«Течет речка по песочку...»	411
308.	«Каркнул ворон на березе...»	411
309.	Русская элегия («Сизокрылый голубочек...»)	412
310.	«Хороша ты, красна девушка...»	413
311.	«Ах молодость, молодость!..»	414

А. В. КОЛЬЦОВ

<i>Биографическая справка</i>	415	
312.	Люди добрые, скажите	416
313.	«По-над Доном сад цветет...»	417
314.	Кольцо (<i>Песня</i>)	417
315.	Песня старика («Оседлаю коня...»)	418
316.	Песня («Ты не пой, соловей...»)	419
317.	Не шуми ты, рожь	420
318.	Глаза (<i>Русская песня</i>)	421
319.	Перстень	421
320.	⟨Из стихотворения «Косарь⟩ («Ах ты, степь моя...»)	422
321.	Раздумье селянина	423
322.	Горькая доля	423
323.	Первая песня Лихача Кудрявича	424
324.	Русская песня («Ах, зачем меня...»)	426
325.	Последний поцелуй	427
326.	Русская песня («В поле ветер веет...»)	428
327.	Хуторок	428
328.	«Что ты спишь, мужичок?...»	431
329.	Русская песня («Не скажу никому...»)	433
330.	Русская песня («Так и рвется душа...»)	433
331.	Разлука	434
332.	Грусть девушки	435
333.	Русская песня («Я любила его...»)	435

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

<i>Биографическая справка</i>	437	
334.	Баллада	438
335.	Ангел	439
336.	Парус	440

337. Тростник	440
338. Русалка	442
339. Бородино	443
340. Узник	445
341. Казачья колыбельная песня («Спи, младенец мой пре- красный...»)	446
342. Молитва	447
343. «И скучно и грустно...»	448
344. <Из стихотворения «Воздушный корабль»> (Из Цедлица)	448
345. Соседка	450
346. Тучи	451
347. Из Гёте («Горные вершины...»)	451
348. «Выхожу один я на дорогу...»	452
349. Тамара	452
350. Сон	454
351. «Нет, не тебя так пылко я люблю...»	454

А. КОРСАК (А. Я. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ)

<i>Биографическая справка</i>	455
352. Песня («Я пойду косить...»)	455

М. А. БЕСТУЖЕВ

<i>Биографическая справка</i>	457
353. «Что не ветер шумит во сыром бору...»	457

А. И. ОДОЕВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	458
354. Славянские девы	458

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	460
355. <Из повести «Испытание»> («Скажите мне, зачем пылают розы...»)	461
356. <Из повести «Аммалат-бек»> («На Казбек слетелись тучи...»)	461
357. <Из повести «Мулла-Нур»> («Для чего ты, луч востока...»)	462

Ф. И. ТЮТЧЕВ

<i>Биографическая справка</i>	463
358. Весенние воды	463
359. «Слезы людские, о слезы людские...»	464
360. «Я очи знал,— о, эти очи!..»	464
361. К. Б. («Я встретил вас — и всё былое...»)	465

Е. П. РОСТОПЧИНА

<i>Биографическая справка</i>	466
362. Когда б он знал!	467

363. «Дайте крылья мне перелетные...»	468
364. Слова для музыки («И больно, и сладко...»)	468

Н. Ф. ПАВЛОВ

<i>Биографическая справка</i>	470
365. Романс («Не говори ни да, ни нет...»)	470
366. Романс («Она безгрешных сновидений...»)	471
367. «Не говори, что сердцу больно...»	472

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

<i>Биографическая справка</i>	474
368. «Печально на кольцо заветное гляжу...»	475

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

<i>Биографическая справка</i>	476
369. (Из повести в стихах «Муромские леса») («Что отуманилась, зоренька ясная...»)	477
370. Луч надежды	477

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

<i>Биографическая справка</i>	479
371. (Из романа «Последний Новик») («Сладко пел душасоловушка...»)	479

А. А. ШАХОВСКОЙ

<i>Биографическая справка</i>	481
372. (Из драмы «Двумужница») («Вверх по Волге с Нижнягорода...»)	481

А. В. ТИМОФЕЕВ

<i>Биографическая справка</i>	483
373. Предчувствие	483
374. Свадьба	484
375. Разлука	485
376. Пираты	486
377. Выбор жены	487
378. Тоска	487
379. Борода	488
380. Черны очи, ясны очи	489

А. П. СЕРЕБРЯНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	490
381. Вино	490

Ф. А. КОНИ

<i>Биографическая справка</i>	492
382. «Рано, цветик, рано ты...»	492
383. Гондольер	493
384. Чудная арфа	494

М. А. ОФРОСИМОВ

<i>Биографическая справка</i>	497
385. Коварный друг	497

И. П. МЯТЛЕВ

<i>Биографическая справка</i>	498
386. Плавающая ветка	498
387. Фонарики	499
388. Звезда	502

П. П. ЕРШОВ

<i>Биографическая справка</i>	503
389. Молодой орел	503
390. <Из драматической повести «Фома-кузнец»> («Вдоль по улице широкой...»)	505

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

<i>Биографическая справка</i>	507
391. Заветная звезда	508

В. И. КРАСОВ

<i>Биографическая справка</i>	509
392. Песня («Взгляни, мой друг,— по небу голубому...»)	509
393. Песня («Прочь, прочь, ни слова!..»)	510
394. Стансы («Опять пред тобой я стою очарован...»)	511
395. Первая любовь	511

А. И. БУЛГАКОВ

<i>Биографическая справка</i>	513
396. «Прости меня, прости, прелестное создание...»	513

Е. П. ГРЕБЕНКА

<i>Биографическая справка</i>	515
397. Казак на чужбине	516

398. Почтальон	516
399. Песня («Молода еще девица я была...»)	517
400. Черные очи	518

НИРКОМСКИЙ (Н. МОКРИНСКИЙ)

<i>Биографическая справка</i>	519
401. Русская песня («Матушка, голубушка...»)	519

Н. В. КУКОЛЬНИК

<i>Биографическая справка</i>	521
402. Сомнение	522
403. <Из драмы «Князь Даниил Васильевич Холмский»> («Ходит ветер у ворот...»)	522
404. Жаворонок	523

В. С. МЕЖЕВИЧ

<i>Биографическая справка</i>	524
405. <Из драмы «Артур, или Шестнадцать лет спустя»> («Что за жизнь моряка!...»)	524
406. Русские песни	525

С. Н. СТРОМИЛОВ

<i>Биографическая справка</i>	527
407. Ожидание	527
408. «То не ветер ветку клонит...»	528

Э. И. ГУБЕР

<i>Биографическая справка</i>	529
409. Новгород	530
410. <Из стихотворения «Цыганка»>	530
411. Сердце	531
412. На покой	531

В. А. СОЛЛОГУБ

<i>Биографическая справка</i>	532
413. Серенада («Закинув плащ, с гитарой под рукою...»)	532
414. «Скажи, о чем в тени ветвей...»	533

Н. АНОРДИСТ (Н. РАДОСТИН)

<i>Биографическая справка</i>	534
415. Тройка («Гремит звонок, и тройка мчится...»)	535

К. А. БАХТУРИН

Биографическая справка	537
416. Песня ямщика	538

Л. Н. ИБРАГИМОВ

Биографическая справка	540
417. «Ты душа ль моя, красна девица...»	540

В. Р. ЗОТОВ

Биографическая справка	542
418. Русская песня («Как пойду ль сидеть...»)	542
419. Глаза	543

Н. П. ОГАРЕВ

Биографическая справка	545
420. Деревенский сторож	545
421. Кабак	546
422. Дорога	547
423. Изба	547
424. Арестант	548
425. <Из поэмы «Забутье»> («Из-за матушки за Волги...»)	549

И. С. ТУРГЕНЕВ

Биографическая справка	550
426. Баллада	550
427. В дороге	551
428. Весенний вечер	552
429. «К чему твержу я стих унылый...»	552

П. С. МОЧАЛОВ

Биографическая справка	553
430. «Ах ты, солнце, солнце красное!..»	553
431. «Старый бор, черный бор!..»	554

Н. Ф. ЩЕРБИНА

Биографическая справка	555
432. Южная ночь	555
433. После битвы	556
Примечания	559
К иллюстрациям	644

Песни русских поэтов: Сборник в 2-х т./Вступ. статья, биогр. справки, сост., подг. текстов и примеч. В. Е. Гусева.— Л.: Сов. писатель, 1988.— Т. 1:664 с., илл. 8 л. (Б-ка поэта. Большая сер.) ISBN 5—265—00225—1

В первый том настоящего двухтомного собрания вошли произведения русских поэтов XVIII — начала XIX века, ставшие известными песнями и романсами, наиболее популярные и характерные для музыкально-поэтической культуры этого периода.

П 4702010102—294 426—88
083(02)—88

ББК 84. Р1

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

Том 1

Художник *В. В. Еремин*

Худож. редактор *Б. А. Комаров*

Техн. редактор *Л. П. Полякова*

Корректоры *Е. Я. Лапкин* и *Е. А. Омельяненко*

ИБ № 6630

Сдано в набор 22.12.87. Подписано к печати 15.09.88. Формат 84 × 108¹/₃₂.

Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 35,70.

Уч.-изд. л. 34,25. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1304. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1919

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ